

Ибероамериканские тетради

Том XII · № 1 · 2024

ISSN (Print) 2409-3416
ISSN (Online) 2658-5219
DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-3

Издается с 2013 г.
Периодичность – 4 номера в год:
№1 март; №2 июнь; №3 сентябрь; №4 декабрь.

«Ибероамериканские тетради» — научный рецензируемый журнал об ибероамериканской истории и культуре. Цель журнала — развитие междисциплинарных исследований в области истории, этнологии, искусствоведения, литературоведения, лингвистики и других дисциплин для раскрытия многообразия и самобытности ибероамериканской картины мира. В журнале публикуются статьи на русском, испанском, португальском и английском языках, что создает уникальную площадку для взаимного познания двух пограничных цивилизационных пространств: ибероамериканского и российского.

Задачи журнала:

- предоставление исследователям открытой площадки для публикации результатов разноплановых научных исследований по истории, этнологии и этнографии, культуре, литературе, искусству, языкам стран ибероамериканского ареала. Приветствуются исследования, имеющие фундаментальное и прикладное значение;
- обзор передовых публикаций (статей, монографий), посвященных региональной проблематике, многообразию и самобытности стран Ибероамерики по указанным специальностям;
- привлечение к сотрудничеству как авторитетных российских и зарубежных исследователей–ибероамериканистов, так и начинающих исследователей, занимающихся изучением и интерпретацией истории, культуры, литературных тенденций, разных видов искусства, лингвокультуры ибероамериканского мира;
- формирование международной дискуссионной площадки для поддержания академического диалога ибероамериканистов по проблемам истории, культуры, искусства, лингвокультуры.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Е.В. Астахова, кандидат исторических наук, доцент, МГИМО МИД России

Заместитель главного редактора

А.Н. Кожановский, доктор исторических наук, ИЭА РАН

Н.Е. Аникеева, доктор исторических наук, профессор, МГИМО МИД России (Россия)

А.В. Баранов, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор КубГУ, Краснодар (Россия)

А.Х. Верду-Ховер, доктор экономических наук, профессор, Университет Мигеля Эрнандеса, Аликанте (Испания)

О.В. Волосюк, доктор исторических наук, профессор, НИУ ВШЭ (Россия)

Р. Гусман Тирадо, доктор филологии, профессор, Университет Гранады (Испания)

Н.В. Иванов, доктор филологических наук, профессор, МГИМО МИД России (Россия)

С. Каменецкая, доктор филологии, Национальный автономный университет, г. Мехико (Мексика)

Н.С. Константинова, кандидат исторических наук, руководитель Центра культурологических исследований ИЛА РАН, член Союза театральных деятелей РФ (Россия)

А.Ф. Кофман, доктор филологических наук, заместитель директора по научной работе ИМЛИ РАН (Россия)

И.А. Кряжева, доктор искусствоведения, Государственный институт искусствознания (Россия)

М.В. Ларионова, доктор филологических наук, доцент, МГИМО МИД России (Россия)

Б.Ф. Мартынов, доктор политических наук, профессор, МГИМО МИД России (Россия)

О.А. Масалова, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Россия)

А.В. Морозова, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, доцент, СПбГУ (Россия)

Ю.Л. Оболенская, доктор филологических наук, профессор, МГУ (Россия)

Х. де Ойос Пуэнте, доктор географии и истории, доцент, Национальный университет заочного обучения (Испания)

И.В. Попов, кандидат исторических наук, доцент, МГИМО МИД России (Россия)

И.Л. Прохоренко, доктор политических наук, заведующая Сектором международных организаций и глобального политического регулирования ИМЭМО РАН (Россия)

А. Санчес-Андрес, доктор экономических наук, профессор, Университет Валенсии (Испания)

Л.И. Тананаева, доктор искусствоведения, почётный член РАХ (Россия)

М.Г. Толоса Санчес, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского центра истории искусств (Cenidiap) Национального института искусств (Мексика)

В.Л. Хейфец, доктор исторических наук, профессор, СПбГУ (Россия)

С.М. Хенкин, доктор исторических наук, профессор, МГИМО МИД России (Россия)

Я.Г. Шемякин, доктор исторических наук, ИЛА РАН (Россия)

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

Е.В. Астахова, кандидат исторических наук, доцент, МГИМО МИД России

Заместитель главного редактора

А.Н. Кожановский, доктор исторических наук, ИЭА РАН

Научный редактор

Н.А. Ростов, кандидат исторических наук

Редакторы

А.К. Валовская, МГИМО МИД России

А.В. Родионов, МГИМО МИД России

Ответственный секретарь

Я.С. Доброславская, МГИМО МИД России

Дизайн, верстка

Д.Е. Волков, МГИМО МИД России

В дизайне обложки использована картина Рене Портокарреро "Гейзаж Гаваны", 1961 г., Национальный музей изящных искусств, Куба.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

МГИМО МИД России

© МГИМО МИД России, 2024
www.iberpapers.org
submissions@iberpapers.org

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-78906 от 7 августа 2020 г.

Cuadernos Iberoamericanos

Vol. XII · Nº 1 · 2024

ISSN (Print) 2409-3416
ISSN (Online) 2658-5219
DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-3

Se publica 4 veces al año desde 2013
Frecuencia de publicación – 4 números al año:
Nº1 marzo; Nº2 junio; Nº3 septiembre; Nº4 diciembre.

“Cuadernos Iberoamericanos” es una Revista de Humanidades revisada por pares. Su objetivo principal es desarrollar estudios originales interdisciplinarios derivados de la investigación académica, reflexiones teóricas, debates especializados, ensayos y reseñas críticas en torno a temas relacionados con los estudios en áreas de historia, etnografía y etnología, arte, comunicación, literatura, lingüística y otros para ofrecer una amplia visión sobre la diversidad y la identidad del mundo iberoamericano. Se publican artículos en ruso, español, portugués e inglés lo que crea una plataforma académica privilegiada para el conocimiento mutuo y comunicación intercultural entre las dos civilizaciones especiales — de Rusia y de Iberoamérica.

Tareas de la revista:

- Ofrecer a los investigadores-iberoamericanistas una plataforma abierta para la publicación de diversas investigaciones científicas y reflexiones analíticas sobre la historia, la cultura, la literatura, artes y lenguas de los países del mundo iberoamericano;
- Difundir las publicaciones tanto de investigadores de renombre como de los expertos principiantes (artículos, monografías) en las áreas mencionadas en forma de reseñas críticas;
- Invitar a la colaboración tanto a los expertos rusos como a los iberoamericanistas extranjeros para compartir el diálogo académico y el debate intelectual sobre los estudios y la interpretación de diferentes fenómenos de la historia, la cultura y artes, de las tendencias literarias y lingüísticas presentes en el espacio iberoamericano.

CONSEJO EDITORIAL

Directora de la revista

Elena Astakhova, PhD (Historia), profesora titular, Universidad MGIMO, Rusia

Vicedirector de la revista

Alexander Kozhanovsky, Dr. en Historia, Instituto de Antropología y Etnografía de la Academia de Ciencias de Rusia

Consejo Editorial

Natalia Anikeeva, Dra. en Historia, catedrática, Universidad MGIMO, Rusia

Andrei Baranov, Dr. en Historia, Dr. en Ciencias Políticas, catedrático de la Universidad Estatal de Kubán, Krasnodar, Rusia

Rafael Guzmán Tirado, Dr. en Filología, catedrático, Universidad de Granada, España

Jorge de Hoyos Puente, Dr. en Historia y Geografía, profesor titular, Universidad Nacional de Educación a Distancia, España

Nicolay Ivanov, Dr. en Filología, catedrático, Universidad MGIMO, Rusia

Victor Jeifets, Dr. en Historia, catedrático, Universidad Estatal de San Petersburgo, Rusia

Sofía Kamenetskaia, Dra. en Lingüística, Universidad Autónoma de la Ciudad de México

Serguéy Khenkin, Dr. en Historia, catedrático, Universidad MGIMO, Rusia

Andrei Kofman, Dr. en Filología, Director Adjunto de investigaciones del Instituto de Literatura Mundial de la Academia de Ciencias de Rusia

Natalia Konstantinova, PhD (Historia), Jefa del Centro de Estudios Culturales del Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias de Rusia, Miembro de la Unión de los trabajadores de teatro de la Federación de Rusia

Irina Kryazheva, Dra. en Artes, Instituto Estatal de Estudios del Arte, Rusia

Marina Larionova, Dra. en Filología, profesora titular, Universidad MGIMO, Rusia

Boris Martynov, Dr. en Ciencias Políticas, catedrático, Universidad MGIMO, Rusia

Olga Masalova, PhD (Historia), profesora titular, Universidad Federal de Kazán, Rusia

Anna Morózova, Dra. en Estudios Culturales, PhD (Historia del Arte), profesora titular, Universidad Estatal de San Petersburgo, Rusia

Yulia Obolenskaya, Dra. en Filología, catedrática, Universidad Estatal M.V. Lomonósov de Moscú, Rusia

Ivan Popov, PhD (Historia), profesor titular, Universidad MGIMO, Rusia

Irina Prokhorenko, Dra. en Ciencias Políticas, jefa del Sector de Organizaciones Internacionales y Reglamentación de Política Mundial en el Instituto de Economía Mundial y Relaciones Internacionales de la Academia de Ciencias de Rusia

Antonio Sánchez-Andrés, Dr. en Economía, catedrático, Universitat de València, España

Yakov Shemyakin, Dr. en Historia, Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias de Rusia

Larisa Tananaeva, Dra. en Artes, Miembra Honoraria de la Academia de Bellas Artes de Rusia

María Guadalupe Tolosa Sánchez, Investigadora Titular C del Centro Nacional de Investigación de Artes Plásticas (Cenidiap) del Instituto Nacional de Bellas Artes y Literatura, México

Antonio José Verdú-Jover, Dr. en Economía, catedrático, Universitat Miguel Hernández, Alicante, España

Olga Volosyuk, Dra. en Historia, catedrática de la Universidad Escuela Superior de Economía, Rusia

EQUIPO EDITORIAL

Directora de la revista

Elena V. Astakhova, PhD en Historia, profesora titular, Universidad MGIMO, Rusia

Vicedirector de la revista

Alexander V. Kozhanovsky, Doctor en Historia, Instituto de Antropología y Etnografía de la Academia de Ciencias de Rusia

Redactor académico

Nikita A. Rostov, PhD en Historia, Rusia

Redactores

Alexandra K. Valóvskaya, Universidad MGIMO, Rusia

Aleksei V. Rodionov, Universidad MGIMO, Rusia

Secretaría ejecutiva

Yana S. Dobroslavskaya, Universidad MGIMO, Rusia

Diseño, Diseño editorial

Dmitriy E. Volkov, Universidad MGIMO

Imagen en la portada: René Portocarrero, «Paisaje de La Habana», 1961.

Museo Nacional de Bellas Artes, La Habana, Cuba.

FUNDADOR Y PUBLICADOR

Universidad MGIMO

© Universidad MGIMO, 2024
www.iberpapers.org
submissions@iberpapers.org

Cuadernos Iberoamericanos
tiene el certificado registral de los medios
ПМ No. FS77-78906 de agosto 7, 2020

Ибероамериканские тетради

Iberoamerican Papers

Vol. XII · N° 1 · 2024

ISSN (Print) 2409-3416
ISSN (Online) 2658-5219
DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-3

Established in 2013, Issued 4 times a year
Publication Frequency – 4 issues per year:
№1 March; №2 June; №3 September; №4 December.

“Iberoamerican papers” is a peer-reviewed scientific journal. The Journal’s goal is to develop interdisciplinary research in the field of history, ethnology, art history, literary studies, linguistics and other disciplines to show the diversity and identity of the Ibero-American worldview. The Journal publishes articles in Russian, Spanish, Portuguese and English, which creates a unique platform for mutual knowledge and intercultural communication of two “frontier” civilizations: that of Russia and Ibero-America.

The Journal’s objectives are:

- To provide researchers with an open platform to publish the results of different scientific research on the history, ethnology and ethnography, culture, literature, art, languages of the countries of the Ibero-American world;
- To disseminate the publications of both renowned researchers and junior experts (articles, monographs) in the above-mentioned areas in the form of critical reviews;
- To invite both Russian experts and Ibero-Americanists from abroad to collaborate in order to share academic dialogue and intellectual debate on the study and interpretation of different phenomena of history, culture and the arts, literary and linguistic trends in the Ibero-American world.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Elena Astakhova, PhD (History), associate professor, MGIMO University, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Alexander Kozhanovsky, Dr. of History, Institute of Ethnography and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russia

Editorial Board

Natalia Anikeeva, Dr. of History, professor, MGIMO University, Russia

Andrei Baranov, Dr. of History, Dr. of Political Sciences, professor, Kuban State University, Krasnodar, Russia

Rafael Guzmán Tirado, Dr. of Philology, professor, University of Granada, Spain

Jorge de Hoyos Puente, Dr. of History and Geography, National University of Distant Education, Spain

Nicolay Ivanov, Dr. of Philology, professor, MGIMO University, Russia

Victor Jefets, Dr. of History, professor, Saint Petersburg State University, Russia

Sofia Kamenetskaia, Dr. of Linguistics, Autonomous University of Mexico City, Mexico

Sergey Khenkin, Dr. of History, professor, MGIMO University, Russia

Andrei Kofman, Dr. of Philology, Deputy Director of Research at the Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Russia

Natalia Konstantinova, PhD (History), Head of the Center for Cultural Studies at the Institute for Latin America of the Russian Academy of Sciences, Member of the Union of Theatre Workers of the Russian Federation

Irina Kryazheva, Dr. of Arts, State Institute for Art Studies, Russia

Marina Larionova, Dr. of Philology, associate professor, MGIMO University, Russia

Boris Martynov, Dr. of Political Sciences, professor, MGIMO University, Russia

Olga Masalova, PhD (History), associate professor, Kazan Federal University, Russia

Anna Morozova, Dr. of Cultural Studies, PhD (History of Art), associate professor, Saint Petersburg State University, Russia

Yulia Obolenskaya, Dr. of Philology, professor, Moscow State University, Russia

Ivan Popov, PhD (History), associate professor, MGIMO University, Russia

Irina Prokhorenko, Dr. of Political Sciences, Head of the Department of International Organizations and Global Political Regulation at the Institute of World Economy and International Relations, Russian

Academy of Sciences, Russia

Antonio Sánchez-Andrés, Dr. of Economics, professor, University of Valencia, Spain

Yakov Shemyakin, Dr. of History, Institute for Latin America, Russia

Larisa Tananaeva, Dr. of Arts, Honorary Member of the Russian Academy of Arts, Russia

María Guadalupe Tolosa Sánchez, Senior Researcher of the National Research Center for Art History (Cenidiap), National Institute of Arts, Mexico

Antonio Jose Verdú-Jover, Dr. of Economics, Professor, Miguel Hernández University, Alicante, Spain

Olga Volosyuk, Dr. of History, professor, National Research University Higher School of Economics, Russia

EDITORIAL OFFICE

Editor-in-Chief

Elena V. Astakhova, PhD in History, associate professor, MGIMO University, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Alexander Kozhanovsky, Dr. of History, Institute of Ethnography and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russia

Editor-in-Charge

Nikita A. Rostov, PhD (History), Russia

Associate Editors

Alexandra K. Valovskaya, MGIMO University, Russia

Aleksei V. Rodionov, MGIMO University, Russia

Secretary-in-Charge

Iana S. Dobroslavskaya, MGIMO University, Russia

Design, Desktop Publishing

Dmitriy E. Volkov, MGIMO University

In the design of the cover, the painting by René Portocarrero «Havana», 1961, is used, National Museum of Fine Arts, Cuba

FOUNDER AND PUBLISHER

MGIMO University

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ

В.Е. Багно, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, научный руководитель Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Россия)

А.В. Баранов, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор КубГУ, Краснодар (Россия)

А.Х. Верду-Ховер, доктор экономических наук, профессор, Университет Мигеля Эрнандеса, Аликанте (Испания)

В.М. Давыдов, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель ИЛА РАН (Россия)

С. Каменецкая, доктор филологии, Национальный автономный университет, г. Мехико (Мексика)

А.Ф. Ковман, доктор филологических наук, заместитель директора по научной работе ИМЛИ РАН (Россия)

Р. дель Мораль, доктор филологии, Европейская ассоциация преподавателей испанского языка (Испания)

Х. де Ойос Пуэнте, доктор географии и истории, доцент, Национальный университет заочного обучения (Испания)

Л.С. Окунева, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России, сопредседатель Ибероамериканского центра МГИМО МИД России (Россия)

А.А. Орлов, кандидат исторических наук, профессор МГИМО МИД России (Россия)

Луиз Карлос Рибейру Престес, магистр искусств, журналист, режиссер документального кино, куратор ПЕН Клуба Бразилии (Бразилия)

М.М. Раевская, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой испанского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ (Россия)

М.Г. Толоса Санчес, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского центра истории искусств (Cenidiap) Национального института искусств (Мексика)

Р.Д. Флорес Арсила, доктор филологии, доцент, Национальный университет Колумбии, г. Богота (Колумбия)

Л.С. Хейфец, доктор исторических наук, профессор, СПбГУ (Россия)

А.В. Шестопал, доктор философских наук, профессор, МГИМО МИД России (Россия)

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), LATINDEX

CONSEJO INTERNACIONAL DE EXPERTOS CIENTÍFICOS

Vsevolod Bagnó, Dr. en Filología, Miembro-Correspondiente de la Academia de Ciencias de Rusia, Director de Investigaciones del Instituto de Literatura Rusa (Casa Pushkin), Rusia

Andrei Baranov, Dr. en Historia, Dr. en Ciencias Políticas, catedrático de la Universidad Estatal de Kubán, Krasnodar, Rusia

Vladimir Davydov, Dr. en Economía, Miembro Correspondiente de la Academia de Ciencias de Rusia, catedrático, Director de Investigaciones del Instituto de Latinoamérica, Rusia

Ruben Darío Flórez Arcila, Dr. en Filología, profesor titular, Universidad Nacional de Colombia, Bogotá, Colombia

Jorge de Hoyos Puente, Dr. en Historia y Geografía, profesor titular, Universidad Nacional de Educación a Distancia, España

Lazar Jelfets, Dr. en Historia, catedrático, Universidad Estatal de San Petersburgo, Rusia

Sofía Kamenetskaia, Dra. en Lingüística, Universidad Autónoma de la Ciudad de México

Andrei Kofman, Dr. en Filología, Director Adjunto de investigaciones del Instituto de Literatura Mundial de la Academia de Ciencias de Rusia

Rafael del Moral, Dr. en Filología, Asociación Europea de Profesores de Español, España

Ludmila Okuneva, Dra. en Historia, jefa del Departamento de Historia y Política de los países de Europa y América, Copresidenta del Centro Iberoamericano de la Universidad MGIMO, Rusia

Alexander Orlov, PhD (Historia), catedrático, Universidad MGIMO, Rusia

Luiz Carlos Ribeiro Prestes, Máster en Artes, periodista, director de cine, curador del PEN Club de Brasil (Especialista en Economía Cultural)

Marina Raevskaya, Dra. en Filología, catedrática, jefa del Departamento de Español de la Universidad Estatal M.V. Lomonósov de Moscú, Rusia

Alexey Shestopal, Dr. en Filosofía, catedrático, Universidad MGIMO, Rusia

María Guadalupe Tolosa Sánchez, Investigadora Titular C del Centro Nacional de Investigación de Artes Plásticas (Cenidiap) del Instituto Nacional de Bellas Artes y Literatura, México

Antonio José Verdú-Jover, Dr. en Economía, catedrático, Universitat Miguel Hernández, Alicante, España

Esta revista está incluida en la Lista de ediciones científicas de impacto, revisada por pares, en conformidad con el clasificador de la Comisión Superior de Certificación de Rusia, LATINDEX

INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND EXPERT COUNCIL

Vsevolod Bagnó, Dr. of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Research Director of the Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russia

Andrei Baranov, Dr. of History, Dr. of Political Sciences, professor, Kuban State University, Krasnodar, Russia

Vladimir Davydov, Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Research Director of the Institute for Latin America, Russia

Ruben Darío Flórez Arcila, Dr. of Philology, National University of Colombia, Bogotá, Colombia

Jorge de Hoyos Puente, Dr. of History and Geography, National University of Distant Education, Spain

Lazar Jelfets, Dr. of History, Professor, Saint Petersburg State University, Russia

Sofía Kamenetskaia, Dr. of Linguistics, Autonomous University of Mexico City, Mexico

Andrei Kofman, Dr. of Philology, Deputy Director of Research at the Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Russia

Rafael del Moral, Dr. of Linguistics, European Association of Professors of Spanish, Spain

Ludmila Okuneva, Dr. of History, Professor, Head of the Department of History and Politics of European and the Iberoamerican Centre of MGIMO University, Russia

Alexander Orlov, PhD (History), Professor, MGIMO University, Russia

Luiz Carlos Ribeiro Prestes, Master of Arts, journalist, film director, curator of the PEN Club of Brazil (Specialist in Cultural Economics)

Marina Raevskaya, Dr. of Philology, Professor, Head of the Department of Spanish Language at Moscow State University, Russia

Alexey Shestopal, Dr. of Philosophy, Professor, MGIMO University, Russia

María Guadalupe Tolosa Sánchez, Senior Researcher of the National Research Center for Art History (Cenidiap), National Institute of Arts, Mexico

Antonio Jose Verdú-Jover, Dr. of Economics, Professor, Miguel Hernández University, Alicante, Spain

The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific publications according to the classifier of the Higher Attestation Commission of Russia, LATINDEX

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора Астахова Е.В. Представление номера	8
Ибероамерика: Город Ору-Прету — музыка архитектуры и архитектура музыки. От редакции	14
Аналитическое эссе Oswaldo de Araújo Santos A. Ouro Preto. A cidade que conta a história do Brasil (Ору-Прету. Город, который раскрывает историю Бразилии)	17
Аналитическое эссе Adour A., Buscacio C. O Voo da Abelha: A Casa da Ópera, Ouro Preto, 1824 (Полет пчелы: оперный театр, Ору-Прету, 1824 год)	23
Аналитическое эссе Fonseca M. Flávio Chagas. Entre o esquadro e o pentagrama: breves considerações sobre música e arquitetura na antiga Ouro Preto (Между квадратом и пентаграммой: некоторые размышления о музыке и архитектуре старого Ору-Прету)	35
Аналитическое эссе Оболенская Ю.Л. Город как часть культурного кода испанцев: взгляд «изнутри» и «снаружи»	47
Аналитическое эссе Мальковская И.А. Жирона: средневековый город и современный человек, встреча	66
Аналитическое эссе Сапрыкина О.А. Патио как универсальная константа в языке, культуре и архитектуре: смыслы и функции	89
Исследовательская статья Кофман А.Ф. Город в Новом Свете в эпоху Конкисты	101
Исследовательская статья Larikova J.A. Las dos lenguas de una ciudad en la obra de Juan Carlos Onetti (Два языка одного города в творчестве Хуана Карлоса Онетти)	123
Исследовательская статья Ермольева Э.Г. Города Ибероамерики на пути к модели устойчивой и разумной урбанизации	135
Исследовательская статья Елисеев А.И., Федичева С.С. Различные формы феминистического урбанизма в Латинской Америке	155
Интервью Витаглиано М. Роман как город, город как роман	174
Общество и язык Исследовательская статья Кожановский А.Н. Кастильский и другие: языковая ситуация в современной Испании	189
Исследовательская статья Баранов А.В. Изменения соотношения национальной и территориальных идентичностей в современной Испании	210
Рецензии Мартынов Б.Ф. Как выйти за пределы «дежурного меню»?	223
Константинова Н.С. Мы тоже любим танго	232
Раевская М.М. Латинская и Карибская Америка в фокусе лингвострановедения: новая учебная энциклопедия на испанском языке	238
ДЛЯ АВТОРОВ	256

ÍNDICE

Editorial	
Astakhova E.V. Presentación del número.....	8
Iberoamérica: Ciudad	
Ouro Preto: música de la arquitectura, arquitectura de la música	14
Ensaio analítico	
Oswaldo de Araújo Santos A. Ouro Preto. A cidade que conta a história do Brasil	17
Ensaio analítico	
Adour A., Buscacio C. O Voo da Abelha: A Casa da Ópera, Ouro Preto, 1824	23
Ensaio analítico	
Fonseca M. Flávio Chagas. Entre o esquadro e o pentagrama: breves considerações sobre música e arquitetura na antiga Ouro Preto	35
Ensaio analítico	
Obolenskaya Yu.L. Ciudad como parte del código cultural de los españoles: una mirada «desde dentro» y «desde fuera»	47
Ensaio analítico	
Malkóvskaya I.A. Gerona: una ciudad medieval y el hombre moderno, encuentro	66
Ensaio analítico	
Saprykina O.A. Pátio como uma constante na linguagem, cultura e arquitetura: sentidos e funções	89
Artículo de investigación	
Kofman A.F. Ciudad en el Nuevo Mundo en la época de la conquista	101
Artículo de investigación	
Larikova J.A. Las dos lenguas de una ciudad en la obra de Juan Carlos Onetti	123
Artículo de investigación	
Ermólieva E.G. Ciudades iberoamericanas hacia el modelo de la urbanización sostenible e inteligente	135
Artículo de investigación	
Eliseev A.I., Fedicheva S.S. Diferentes formas del urbanismo feminista en América Latina	155
Entrevista	
Vitagliano M. La ciudad en sí misma es una novela	174
Sociedad y lengua	
Artículo de investigación	
Kozhanovsky A.N. El castellano y otros: la situación lingüística en la España de hoy	189
Artículo de investigación	
Baránov A.V. Cambios en la correlación entre las identidades nacional y territoriales en la España contemporánea	210
Reseñas	
Martynov B.F. ¿Más allá del «menú del día»?	223
Konstantinova N.S. También amamos el tango	232
Raevskaya M.M. Hispanoamérica en los estudios lingüísticos y regionales: nueva enciclopedia educativa	238
PARA LOS AUTORES.....	256

CONTENTS

Editorial	
Astakhova E.V. Presenting the Issue	8
Ibero-America: City	
Ouro Preto: Music of Architecture, Architecture of Music	14
Analytical essay	
Oswaldo de Araújo Santos A. Ouro Preto. A City that Reveals the History of Brazil	17
Analytical essay	
Adour A., Buscacio C. Flight of the Bee: Opera Theater, Ouro Preto, 1824	23
Analytical essay	
Fonseca M. Flávio Chagas. Between the Square and the Pentagon: Some Reflections on the Music and Architecture of the Old Ouro Preto	35
Analytical essay	
Obolenskaya Yu.L. City as Part of the Spanish Cultural Code: The «Inside» and the «Outside» View	47
Analytical essay	
Malkovskaya I.A. Girona: A Medieval City and the Modern Man, the Meeting	66
Analytical essay	
Saprykina O.A. Patio as a Constant in Language, Culture and Architecture: Meanings and Functions	89
Research article	
Kofman A.F. Town in the New World During the Spanish Colonization of the Americas	101
Research article	
Larikova J.A. The Two Languages of a City in the Works of Juan Carlos Onetti	123
Research article	
Ermolieva E.G. Iberoamerican Cities on the Way to the Model of Sustainable and Smart Urbanization	135
Research article	
Eliseev A.I., Fedicheva S.S. Different Forms of Feminist Urbanism in Latin America	155
Interview	
Vitagliano M. Novel and the City	174
Society and Language	
Research article	
Kozhanovsky A.N. Castilian and Others: The Language Situation in Today's Spain	189
Research article	
Baranov A.V. Changes in the Correlation Between National and Territorial Identities in Contemporary Spain	210
Book Reviews	
Martynov B.F. Going beyond «The Standard Menu»?	223
Konstantinova N.S. We Love Tango Too	232
Raevskaya M.M. Hispanic America in Linguistic and Regional Studies: New Educational Encyclopedia	238
FOR AUTHORS	256

Уважаемые читатели!

Этот номер посвящен теме «Город». Город как пространство обитания, как архитектурная среда, как поле человеческих отношений.

Город — это слово и люди. То есть цивилизация. Город читается, как книга, его улицы, площади и районы — страницы романа или рассказа, на которых возникают любовь, семья, конфликты, присутствуют политика и экономика, проносятся революции и войны. И конечно, Город — это культура той или иной страны, отражение менталитета этнической общности, сохранение традиций в самых разных областях: от каждодневного быта и обывательских привычек, гастрономии, украшения жилища, отношений между поколениями — до общественного пространства, которое используется в политических и просветительских целях. Город — это и современность, в которой многомиллионные мегаполисы уживаются с маленькими поселениями, современность, в которой присутствуют проблемы экологии, скученности, недоедания, одиночества, но одновременно развиваются и высокие технологии, цифровизация, индустрии развлечений. Город — это не только строительство, но и разрушение — жилья и человека, его обитания и устремлений. Когда все названное соединяется в каком-то конкретном городе, создается картина мира его обитателей и лицо страны.

В странах ибероамериканского ареала города — часть национального культурного кода. Особенно это относится к Испании и Португалии, где примерно 80 % населения осознают себя горожанами, и город как историко-культурный феномен имеет определяющее значение для социальной самоидентификации. Римская колонизация, восьмисотлетнее арабское владычество, Реконкиста и христианское Средневековье — все это вехи истории, отраженные в городах.

Города Испании и Португалии «думают историей». А города в Латинской и Карибской Америке — и географией тоже. Непривычный тезис! Предлагаю будущим авторам поразмышлять на эту тему. Приведу в этой связи цитату выдающегося отечественного историка Василия Ключевского: «Наша история открывается тем явлением, что восточная ветвь славянства, потом разросшаяся в русский народ, вступает на русскую равнину из одного ее угла, с юго-запада, со склонов Карпат. В продолжение многих веков этого славянского населения было далеко не достаточно, чтобы сплошь с некоторой равномерностью занять всю равнину. Притом по условиям своей исторической жизни и географической обстановки оно распространялось по равнине

не постепенно путем нарождения, не расселяясь, а переселяясь, переносилось птичьими перелетами из края в край, покидая насиженные места и садясь на новые. При каждом таком передвижении оно становилось под действие новых условий, вытекавших как из физических особенностей новозанятого края, так и из новых внешних отношений, какие завязывались на новых местах. Эти местные особенности и отношения при каждом новом размещении народа сообщали народной жизни особое направление, особый склад и характер. <...> То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней»¹. Отсюда и впечатляющее разнообразие российских городов.

Одним словом, тема, которую мы предложили, носит широкий междисциплинарный характер и может быть представлена в самых разных жанрах — философском, историческом, этнографическом, литературном, лингвистическом, искусствоведческом, и все они открывают разнообразные картины жизни. Это и произошло.

Статьи, опубликованные в этом выпуске, — очень разные. Мэр бразильского города Ору-Прету, внесенного в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, и ученые из университетов штата Минас-Жерайс размышляют о соединении музыки архитектуры и архитектуры музыки в историческом плане.

Значения, функции и смысловое наполнение универсальных констант рассматривают отечественные лингвисты из МГУ: Юлия Оболенская — понятия *ciudad, pueblo, aldea, capital*; Ольга Сапрыкина — *patio*.

Средневековый город (на примере каталонской Жироны) для современного человека может быть встречей с прошлым и поиском себя в настоящем — об этом пишет философ Ирина Мальковская. Андрей Кофман, говоря об особенностях заселения Нового Света в эпоху Конкисты, анализирует «испанский» и «туземный» город, причем индейский город часто выступает в сознании конкистадоров как мифический, и поиск этих несуществующих в реальности «царств» был целью экспедиций и в итоге приносил географические открытия.

Юлия Ларикова представляет литературоведческую статью об изменчивой природе современного города на примере Буэнос-Айреса, история которого пронизывает художественную литературу. Реалии растущего мегаполиса становятся основным местом действия «экспериментального» этапа творчества выдающегося уругвайского писателя Х.К. Онетти.

«Город как роман и роман как город» — так озаглавлено интервью известного аргентинского писателя и литературоведа Мигеля Витаглиано, в котором мы заглядываем в его творческую лабораторию, где происходит кропотливая работа с современной речью Буэнос-Айреса, а также с языком аргентинской столицы XIX века и Лондона начала XX века в его «переводе» на испанский.

¹ Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция II. Москва. Мысль. 1987. С. 49–50

Элеонора Ермольева выступает с исследовательской статьей об урбанизации современного ибероамериканского пространства в социально-географическом аспекте с акцентом на сохранение культурного наследия города, а Андрей Елисеев и Софья Федичева исследуют тему физических, пространственных и психологических условий проживания в латиноамериканских городах женского населения, ранее лишенного «права на город».

Язык и общество — проблемы, которые мы всегда рассматриваем на страницах журнала. Этим переплетающимся с современной политической жизнью Испании темам посвящены исследовательские статьи Александра Кожановского и Андрея Баранова.

Рецензии номера рассматривают новый труд Владимира Давыдова, книгу о сотворении танго Леонарда Косичева и учебник по лингвострановедению, своего рода мини-энциклопедию стран испаноязычной Латинской и Карибской Америки, Елены Астаховой, Елены Крюковой и Юлии Давтян.

В заключение обращаю внимание наших читателей и авторов, что заявленная редакцией тема оказалась настолько востребованной, что, в связи с большим количеством полученных статей и эссе, мы собираемся продолжить исследовать тему «Город» в связке с проблематикой второго номера нашего журнала «Музей, место встречи». Напоминаю, что статьи во второй номер следует присылать до 10 мая 2024 г.

Также сообщаю, что 16 апреля 2024 г. в 17.00 состоится презентация «Ибероамериканских тетрадей» в Библиотеке иностранной литературы им. М.И. Рудомино. Приглашаем всех читателей и авторов!

Следите за сайтом журнала, где представлены правила для авторов и другая информация, — iberpapers.org.

До новых встреч на страницах журнала!

Елена Астахова,
главный редактор «Ибероамериканских тетрадей»

¡Estimados lectores!

Este número de «Cuadernos Iberoamericanos» está dedicado a un amplio tema conceptual que es Ciudad. La ciudad como hábitat, como entorno arquitectónico, como esfera de relaciones humanas.

Ciudad es la palabra y el ser humano. Es espejo de la civilización. La ciudad se lee como un libro; sus calles, plazas y barrios son páginas de una novela o de un cuento y allí nacen el amor, la familia, están presentes la política y la economía, estallan conflictos, revoluciones y guerras. Y, por supuesto, la ciudad refleja la cultura nacional, la mentalidad de una comunidad étnica, las tradiciones en diversos ámbitos: desde la vida cotidiana y las costumbres diarias hasta el uso del espacio público con fines políticos o educativos. La ciudad es también una modernidad en la que conviven metrópolis multimillonarias y pequeños pueblos, una modernidad en la que hay problemas de ecología, hacinamiento, malnutrición, pero también se desarrollan altas tecnologías, digitalización, industrias de entretenimiento y, al mismo tiempo, reina la soledad. La ciudad no es solamente construcción, es también destrucción, destrucción de casas y seres humanos, de sus aspiraciones y su vida. Cuando todo ello se une en una ciudad concreta, se crea la cosmovisión de sus habitantes y de la imagen de uno u otro país.

En los Estados de Iberoamérica, las ciudades forman parte del código cultural nacional. Esto es especialmente evidente en cuanto a España y Portugal, donde cerca del 80 % de la población se reconoce como ciudadanos (habitantes de ciudades) y la ciudad como fenómeno histórico tiene una importancia decisiva para la identidad social. La colonización romana, los ocho siglos de la dominación árabe, la Reconquista y la Edad Media cristiana son hitos de la historia que se revela a través del desarrollo de ciudades.

Las ciudades de España y Portugal «piensan historia». Las ciudades de América Latina y el Caribe además de historia «piensan geografía». ¡Una tesis poco usual! Sugiero, a propósito, que nuestros futuros autores reflexionen sobre esta cuestión.

El tema que propusimos analizar, tiene un amplio carácter interdisciplinario y asume varios géneros — filosófico, histórico, etnográfico, literario, lingüístico, del arte. Por eso son tan diferentes los artículos publicados en este número.

Angelo Oswaldo de Araújo Santos, alcalde de la ciudad brasileña de Ouro Preto, Patrimonio de la Humanidad, Andrea Adour y Cesar Buscacio, así como Modesto Flávio Chagas Fonseca, investigadores de las universidades del estado de Minas Gerais reflexionan sobre la conexión entre la música de la arquitectura y la arquitectura de la música en términos históricos.

Los significados, las funciones y el contenido semántico de las constantes universales en el sentido histórico, lingüístico y arquitectónico se analizan en los ensayos de las filólogas rusas de la Universidad Estatal de Moscú: Yulia Obolenskaya considera los conceptos *ciudad*, *pueblo*, *aldea*, *capital*; Olga Saprykina examina el término *patio*.

Una ciudad medieval (el ejemplo es la Girona catalana) para una persona moderna puede ser un encuentro con el pasado y una búsqueda de uno mismo en el presente, así lo describe la filósofa Irina Malkóvskaya. Andrey Kofman, hablando de las peculiaridades de la colonización del Nuevo Mundo durante la época de la Conquista, analiza la ciudad «española» y la «indígena», ya que la ciudad india aparecía a menudo en la mente de los conquistadores como mítica, y que la búsqueda de estos «reinos», inexistentes en realidad, traía nuevos descubrimientos.

Julia Larikova presenta un estudio (en español) sobre la naturaleza cambiante de la ciudad moderna, tomando como ejemplo Buenos Aires, cuya historia impregna la ficción. Las realidades de la creciente metrópolis son el escenario principal de la fase «experimental» de la obra del destacado escritor uruguayo J.C. Onetti.

«La ciudad en sí misma es una novela» es el título de una entrevista con el célebre escritor y literato argentino Miguel Vitagliano, en la que nos asomamos a su laboratorio creativo, donde trabaja minuciosamente con el habla contemporánea de Buenos Aires, así como con el lenguaje de la capital argentina del siglo XIX y el de Londres de principios del siglo XX en su «traducción» al español.

Eleonora Ermólieva presenta un estudio sobre la urbanización del espacio iberoamericano contemporáneo desde una perspectiva sociogeográfica, haciendo hincapié en la preservación del patrimonio cultural de las ciudades, mientras que Andrei Eliseev y Sofia Fedicheva exploran las condiciones físicas, espaciales y psicológicas de la vida urbanística de la población femenina, anteriormente privada del «derecho a la ciudad».

Lengua y sociedad son materias que siempre tenemos en cuenta en las páginas de nuestra revista. El artículo de investigación de Alexander Kozhanovsky está dedicado a la situación lingüística en la España de hoy que se entrelaza con la vida política; Andrey Baránov estudia la proporción entre las identidades nacional y territoriales en el momento actual que determina las transformaciones en el sistema político de este país.

Las reseñas del número evalúan una nueva obra de Vladimir Davydov, así como un libro de Leonard Kosichev sobre la creación del tango, y una especie de mini-enciclopedia en español, destinada a los estudiantes, sobre las imágenes nacionales de los 19 países hispanohablantes de América Latina y el Caribe, escrita por los docentes de la MGIMO Elena Astakhova, Elena Kryukova y Yulia Davtian.

Para concluir, quisiera llamar la atención de nuestros lectores y autores sobre el hecho de que el tema «Ciudad» resulta ser de tanto interés que, debido a un gran número de artículos y ensayos recibidos, seguiremos investigándolo ya en relación

con la problemática previamente anunciada del segundo número de nuestra revista: «Museo, lugar de encuentro». Los artículos para el segundo número deberán enviarse antes del 10 de mayo de 2024.

Además, informamos que el 16 de abril de 2024 a las 17.00 tendrá lugar en la Biblioteca de Literatura Extranjera M.I. Rudominó la presentación de «Cuadernos Iberoamericanos». ¡Invitamos a este evento a todos los lectores, colegas y autores!

Para buscar información siempre se puede abrir el sitio web de la revista donde se presentan las reglas para los autores y otras noticias — iberpapers.org.

¡Esperamos continuar nuestro diálogo en las páginas de la revista!

Elena Astakhova,
Directora de la revista «Cuadernos Iberoamericanos»

Ору-Прету — музыка архитектуры и архитектура музыки

Предлагаем нашим читателям три очерка, посвященных «гению места» бразильской истории, культуры и архитектуры — городу Ору-Прету. Первый очерк по просьбе редакции любезно написал мэр этого города, писатель и политический деятель, культуролог, хранитель национального наследия г-н Анжелу Освальду де Араужу Сантос (Angelo Oswaldo de Araújo Santos). Второй очерк подготовлен искусствоведами из Федерального Университета Рио-де-Жанейро и Федерального Университета Минас-Жерайс Андреей Адур (Andrea Adour) и Сезаром Бускасиу (Cesar Buscacio) и продолжает тему архитектуры как застывшей музыки, венчающей тот или иной исторический этап. Доктор искусствоведения, музыкант, профессор Федерального Университета Сан-Жоау-дель-Рей (Минас-Жерайс) Модешту Флавиу Шагаш Фонсека (Modesto Flávio Chagas Fonseca) размышляет о том, каким образом архитектурные образы сосуществуют с музыкальными практиками, как дополняют друг друга, создавая неповторимый стиль городской среды.

Ouro Preto — «черное золото» — так переводится на русский язык название этого места в бразильском штате Минас-Жерайс, города особой атмосферы и истории. Затерянный в зеленых холмах юга Бразилии,

с мощными булыжником улочками, разноцветными невысокими домами, богато украшенными церквями, Ору-Прету с 1980 г. внесён ЮНЕСКО в список Всемирного наследия.

Город был основан в 1711 г. под названием Вила-Рика (порт. *Vila Rica* — «богатое селение») на рудниках, где нашли золото и алмазы. На пике золотодобычи в середине XVIII в. здесь добывалось столько же золота, сколько во всём остальном мире. Население города в тот период составляло около 110 тыс. человек. Для сравнения в Рио-де-Жанейро в ту же эпоху проживало 20 тысяч. В «золотые времена» в Ору-Прету возводились католические храмы в стиле колониального барокко с щедро декорированными золотом иконостасами. Эти храмы и окружающее их пространство составляют главную драгоценность города и гордость культурного наследия всей Бразилии.

Истощение рудников и перенос столицы штата в Белу-Оризонти в конце XIX в. сыграли на руку уникальному архитектурному достоянию. Городок оказался как бы законсервированным и сохранил свой облик. Во второй половине XX в. начались реставрационные работы в церквях и приведение в порядок улочек. Сейчас на ста пятидесяти домах установлены таблички, рассказывающие историю строений, а значит, и историю эпохи.

Именно в Ору-Прету было положено начало движению за независимость Бразилии. Ее национальный герой Тирадентис (Tiradentes, Joaquim José da Silva Xavier, 1746–1792), один из самых ярких революционеров колониальной Бразилии, стоял во главе большого заговора, созревшего в центре богатого штата Минас-Жерайс. После раскрытия заговора Тирадентис был казнен в Рио-де-Жанейро 21 апреля 1792 г., а затем его тело выставили в центре Ору-Прету. Сейчас центральная площадь города носит имя национального героя.

Еще одно знаковое имя, связанное с этим городом, — Алейжадинью (Aleijadinho, Antônio Francisco Lisboa, 1730/1738–1814), легендарный бразильский архитектор и скульптор, создатель особого архитектурного стиля [Тананаева, 2023] — бразильского колониального барокко (*barocco mineiro*), отличавшегося особой пышностью. Алейжадинью построил и украсил множество католических храмов и гражданских построек во всем штате. Сын португальского архитектора Мануэла Франсишку Лишбоа (приехавшего в Бразилию в начале XVIII века из Лиссабона) и рабыни-африканки, после тяжелой болезни он стал инвалидом,

Дом в Ору-Прету, в котором родился Алейжадинью

за что и получил своё прозвище (Aleijadinho — «маленький калека»). Работал и создавал свои шедевры исключительно по ночам, преодолевая страшные боли и стараясь днем не появляться на улицах. Жизнь и творчество Алейжадинью послужили сюжетом для многих романов, кино- и телефильмов.

Сейчас Ору-Прету поделён на 13 приходов (районов), по сути, это обособленные небольшие посёлки. Население — почти 75 тыс. человек. Помимо развитой туристической сферы, в городе функционирует большое количество учебных заведений, в том числе высших. Обилие картинных галерей и творческих мастерских придает Ору-Прету богемный, полный свободы характер; между приходами, во многом благодаря студенческой молодежи, царит дух соперничества и созидания — в спорте, на музыкальных фестивалях, во время карнавала.

Редакция

Ouro Preto. A cidade que conta a história do Brasil

© A. Oswaldo de Araújo Santos, 2024

Angelo Oswaldo de Araújo Santos é escritor e curador de arte. Exerce o quarto mandato de prefeito municipal de Ouro Preto. Foi presidente do Instituto de Patrimônio Histórico e Artístico Nacional – IPHAN e do Instituto Brasileiro de Museus – IBRAM, bem como Secretário de Cultura do Estado de Minas Gerais. 35400-000, Brasil, Minas Gerais, Ouro Preto, Praça Barão do Rio Branco, 12 – Pilar.

Resumo. A cidade de Ouro Preto, do Estado brasileiro de Minas Gerais, já em 1933, durante a presidência de Getúlio Vargas (1930–1945, 1951–1954), foi classificada como Monumento Histórico Nacional (em 1937, foi criado o Instituto do Patrimônio Histórico e Artístico Nacional do Brasil) e, em 1980, tornou-se parte do Patrimônio Cultural Mundial da UNESCO. O território do futuro Estado foi coberto por florestas e habitado por tribos indígenas. Mais perto da costa, se estabeleceram os portugueses, que no final do século XVII descobriram depósitos de ouro. O minério de ouro foi revestido com óxido de ferro preto. Foi assim que surgiu o nome da futura cidade — Ouro Preto, na qual viviam os portugueses, os índios que perderam suas terras e os escravos negros que trabalhavam nas minas. Na capital da Capitania portuguesa — Vila Rica De Ouro Preto formou-se um estilo nacional único, foram

construídos templos majestosos, edifícios administrativos, combinando em sua arquitetura os estilos barroco e rococó. O trabalho do brilhante arquiteto brasileiro, o escultor Aleijadinho, está associado a Ouro Preto. A riqueza da cidade deu um impulso ao crescimento da identidade nacional. Em 1789, um grupo de conspiradores liderados por Tiradentes começou a operar em Ouro Preto, mas eles foram desmascarados e executados pelas autoridades centrais. Um dos líderes da conspiração foi o famoso poeta Tomás António Gonzaga (1744–1810), cujo poema do livro «Marília de Dirceu» (1792) foi traduzido para o Russo por A.S. Pushkin. As espécies de Ouro Preto foram admiradas pelo primeiro embaixador da Rússia no Brasil (nomeado cônsul geral no Rio de Janeiro em 1812), naturalista e etnógrafo G.I. Langsdorf (1774–1852). A cidade de Ouro Preto é uma história sobre a história do Brasil e sua cultura.

Palabras clave: Ouro Preto, historia, arquitetura, patrimônio cultural

Para citar: Oswaldo de Araújo Santos A. (2024) Ouro Preto. A cidade que conta a história do Brasil, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 17–22. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-17-22

Declaración de divulgación: O autor declara que não existe nenhum potencial conflito de interesses.

Ору-Прету. Город, который раскрывает историю Бразилии

© А. Освальду де Араужу Сантос, 2024

Анжелу Освальду де Араужу Сантос, мэр города Ору-Прету (четвертый срок), писатель, культуролог, ранее занимал посты Президента Института национального исторического и художественного достояния, Бразильского института музеев, министра культуры штата Минас-Жерайс. 35400-000, Бразилия, Минас-Жерайс, Ору-Прету, площадь Барау-ду-Риу-Бранку, 12, Пилар.

Аннотация. Город Ору-Прету из бразильского штата Минас-Жерайс ещё в 1933 г. во время президентства Жетулиу Варгаса (Getúlio Vargas, 1930–1945, 1951–1954) был отнесен к числу национально-исторических памятников (при Варгасе в 1937 г. был создан Национальный институт исторического и художественного наследия Бразилии), а в 1980 г. стал частью Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. Территория будущего штата была покрыта лесами и заселена индейскими племенами. Ближе к побережью селились португальцы, ими в конце XVII в. были открыты золоторудные месторождения. Золотая руда была покрыта окисью железа черного цвета. Так и возникло название будущего города — Ору-Прету, в котором проживали португальцы, потерявшие свои земли индейцы и вывезенные из Африки чернокожие рабы, работавшие в шахтах. В столице португальской капитании — Вила-Рика де Ору-Прету сформировался неповторимый национальный стиль, были построены величественные храмы, административные здания, соединившие в своей архитектуре стили барокко и рококо. С Ору-Прету связано творчество гениального бразильского архитектора и скульптора Алейжадинью. Богатство города дало импульс росту национального самосознания. В 1789 г. в Ору-Прету стала действовать группа заговорщиков во главе с Тирадентисом, которые были разоблачены и казнены центральными властями. Одним из руководителей заговора был известный поэт Томас Антониу Гонзага (Tomás Antônio Gonzaga, 1744–1810), стихотворение которого из книги «Марилия де Дирсеу» («Marília de Dirceu», 1792) переложил на русский язык А.С. Пушкин¹. Видами Ору Прету восхищался первый посол России в Бразилии (назначен генеральным консулом в Рио-де-Жанейро в 1812 г.) естествоиспытатель, натуралист, этнограф Г.И. Лангсдорф (1774–1852). Город Ору-Прету — это рассказ об истории Бразилии и ее культуре.

¹ Среди немногочисленных стихотворных переводов А.С. Пушкина есть один, выполненный с португальского языка. Это вольное переложение 9-й «лиры» из второй части поэтического сборника Т.А. Гонзаги «Дирсеева Марилия». Португальцы считают Гонзагу своим, а бразильцы — своим поэтом, ибо он родился и получил образование в Португалии, а большая часть его жизни, общественной и литературной деятельности протекла в Бразилии, считавшейся тогда «жемчужиной португальской короны». Пушкинский перевод из Гонзаги при жизни поэта оставался в рукописи. Лишь в 1855 г. он был опубликован П.В. Анненковым в «Материалах для биографии Александра Сергеевича Пушкина». Во все собрания сочинений Пушкина это стихотворение включается под заглавием «С португальского». В рукописи рукой Пушкина подписано имя переводимого автора, правда, в неточном написании: *Gonzago*. См. подробнее: Родосский А.В. Пушкинский перевод стихотворения Гонзаги. В мире Лузофонии. Материалы и статьи. Под ред. Б.Н. Комиссарова. Санкт-Петербург. СПбГУ. 2003. — *Прим. ред.*

Ключевые слова: Ору-Прету, история, архитектура, культурное наследие

Для цитирования: Освальду де Араужу Сантос А. (2024) Ору-Прету. Город, который раскрывает историю Бразилии. *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 17–22. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-17-22

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

ANALYTICAL ESSAY

Iberoamerican Papers. 2024. 1. P. 17–22
DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-17-22

UDC 94(81)+72.03

Received 08.02.2024
Revised 29.02.2024
Accepted 11.03.2024

Ouro Preto. A City that Reveals the History of Brazil

© A. Oswaldo de Araújo Santos, 2024

Angelo Oswaldo de Araújo Santos, writer and art curator, mayor of Ouro Preto (fourth term). Former President of the National Historic and Artistic Heritage Institute and the Brazilian Institute of Museums and Secretary of State for Culture and Tourism of Minas Gerais.

35400-000, Brazil, Minas Gerais, Ouro Preto, Praça Barão do Rio Branco, 12 – Pilar.

Abstract. The city of Ouro Preto located in the Brazilian state of Minas Gerais was designated a national historical monument in 1933 under president Getúlio Vargas (1930–1945, 1951–1954) (the National Institute of Historical and Artistic Heritage of Brazil was also created under Vargas in 1937), and it became part of the UNESCO World Cultural Heritage in 1980. The territory of the future state was covered by forests and inhabited by Indian tribes. The Portuguese settled the area closer to the coast and discovered gold deposits in the late 17th century. Gold ore was covered in black iron oxide, hence the name of the future city — Oro Preto, which became home to the Portuguese, Indians who had lost their lands and black slaves who had been brought from Africa and worked in the mines. A unique national style evolved in Vila Rica de Oro Preto, the capital of the Portuguese captaincy, as majestic temples and administrative buildings that were built combined the Baroque and Rococo styles. A prominent Brazilian architect and sculptor Aleijadinho worked in Oro Preto. The city's wealth fostered a sense of national identity. In 1789, a group of rebels led by Tiradentes began to operate in Oro Preto only to be exposed and executed by Brazilian authorities. Among the plot leaders was the famous poet Tomás Antônio Gonzaga (1744–1810), whose poem from the book «Marília de Dirceu» (1792) was translated into Russian by Alexander Pushkin. Grigori Langsdorf (1774–1852), the first Russian ambassador to Brazil (nominated consul general in Rio de Janeiro in 1812), a naturalist and ethnographer, admired the views of Oro Preto. The city of Oro Preto is a story about Brazil's history and culture.

Keywords: Ouro Preto, history, architecture, cultural heritage

For citation: Oswaldo de Araújo Santos A. (2024) Ouro Preto. A City that Reveals the History of Brazil, *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 17–22. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-17-22

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Gosto de imaginar <...> a beleza do Brasil de esmeralda,
Onde, em eterno arco-íris, brinca a abóbada dos céus.
Ivan Kozlov (1779–1840)

Еще люблю мечтать, как, путь оконча трудный,
Пленялся ты красой Бразильи изумрудной,
Где вечной радугой играет свод небес...
Иван Козлов (1779–1840)

A cidade de Ouro Preto, no Estado de Minas Gerais — região Centro-Sul do Brasil — foi o primeiro bem cultural do país inscrito pela UNESCO na lista do Patrimônio Mundial, em 1980. Já em 1933 havia merecido o título de monumento nacional, por decreto do presidente Getúlio Vargas, em cujo governo foi criado o Instituto do Patrimônio Histórico e Artístico Nacional, IPHAN, em 1937. No ano seguinte, o instituto classificou a cidade por inteiro como patrimônio cultural, passando a compartilhar a proteção do acervo edificado com o município.

Em meio às vastas extensões montanhosas cobertas pela Floresta Atlântica, povoadas por várias nações indígenas e desconhecidas dos assentamentos litorâneos formados pelos portugueses desde o início do século XVI, descobriu-se o imenso território aurífero, em fins da década de 1670. Quase dois séculos demorou o achamento do sonhado eldorado. Foi em 1698 que os desbravadores pioneiros alcançaram a região do ouro preto, então resguardada pelo difícil acesso. Uma camada de óxido de ferro encobria o metal precioso, dando-lhe a pele escura que desapareceria na fundição, motivo da denominação que se lhe atribuiu.

Assim, houve logo uma profusa concentração de gente vinda de São Paulo e do Rio de Janeiro, da Bahia e de Pernambuco, além de incontáveis levas de portugueses, seguidas de milhares de africanos escravizados trazidos para o duro trabalho nas minas. Os indígenas foram acuados nas selvas situadas a Leste, de onde demonstravam a sua aguerrida resistência aos novos ocupantes do espaço natural em que viviam, e os africanos buscaram recobrar a liberdade em quilombos (núcleos de refúgio) estabelecidos em diversos pontos do hemisfério dourado. Advindos de diferentes partes da África, eles robusteceram a cultura em formação com seus saberes e costumes.

Dessa soma de contribuições, nasceu ali uma imponente cidade, com o nome de Vila Rica de Ouro Preto, sede da Capitania das Minas Gerais. Igrejas portentosas foram erguidas. Os palácios dos governadores portugueses e da câmara municipal demarcaram a praça principal. A fortuna do ouro e dos diamantes, encontrados na zona norte da fabulosa província, a vida citadina e a cultura urbana ensejaram, na moldura da forte religiosidade católica, o florescimento da primeira arte genuinamente brasileira.

O surgimento de muitas cidades, a arquitetura de base barroca e rococó, a escultura e a pintura de acentos barrocos, a poesia de ritmo árcade romano, a música de sonoridade pré-clássica, as encenações teatrais de sabor operístico e a irradiação do primado da visualidade fundiram-se numa expressão original até então inédita na colônia que tudo importava da Europa. Antônio Francisco Lisboa, dito o Aleijadinho (1738–1814), filho de uma africana escravizada e de um arquiteto e mestre construtor português, veio a ser o principal artista do período. Nascido em Ouro Preto, onde morreu, foi considerado pelo historiador francês Germain Bazin e pelo inglês John Bury o maior criador do barroco-rococó luso-brasileiro e latino-americano. Ele teve uma deformação nas mãos e nos pés no final da vida, o que lhe valeu a alcunha pela qual se tornou mundialmente conhecido.

A igreja de São Francisco de Assis

Aleijadinho riscou o projeto da igreja de São Francisco de Assis de Ouro Preto em 1766, e ornamentou sua fachada e o interior com notáveis trabalhos em pedra sabão (esteatita), que é recorrente nas montanhas de Ouro Preto. A ele deve-se a fachada da igreja do Carmo, construída por seu pai. Todas as treze igrejas e as diferentes capelas e ermidas da cidade apresentam admirável riqueza artística. Os retábulos barrocos das igrejas matrizes do Pilar e da Conceição evidenciam a exuberância e a graça do estilo desenvolvido pelos mestres ouro-pretanos. Esse «barroco da alegria», como já foi chamado, festejou a opulência do mundo das minas de ouro.

A cultura urbana provocou também a emergência de uma consciência política e do sentimento de pertença à terra, que não poderia permanecer atrelada ao domínio de Portugal. Estética e ética somaram-se. Brotou em Ouro Preto o primeiro movimento pela soberania do Brasil. As ideias iluministas vindas da França e a independência das colônias inglesas estimularam a conspiração. A conjura foi articulada por poetas, advogados, donos de minas, sacerdotes, fazendeiros e militares, tendo sido desbaratada por denúncias em 1789. Joaquim

José da Silva Xavier, o Tiradentes (1746), assim chamado por ser dentista prático, foi enforcado, no Rio de Janeiro, em 21 de abril de 1792, para servir de exemplo. Esquartejado, teve sua cabeça exposta em poste de ignomínia na praça de Ouro Preto, enquanto vários conjurados seguiram para o degredo em colônias portuguesas na África. Tiradentes é o patrono cívico da nação brasileira.

Igreja do Pilar

Um dos principais exilados foi o poeta e ouvidor Tomás Antônio Gonzaga (1744–1810), degredado em Moçambique. Em Ouro Preto, ele ficara noivo da jovem Maria Doroteia Joaquina de Seixas (1767–1853). A prisão de Gonzaga desfez o anunciado casamento, e o poeta a ela dedicou alguns dos poemas de amor mais lidos da língua portuguesa.

Tanto assim que Alexandre Pushkin (1799–1837) escreveu uma poesia inspirada na Lira IX da segunda parte do livro «Marília de Dirceu», dedicado por Gonzaga à amada.

Tiradentes, patrono cívico da nação brasileira

O naturalista Langsdorff (1774–1852), embaixador da Rússia no Brasil após a independência, esteve em Ouro Preto em 1817 e 1824 e apreciou «o belo panorama» da cidade comprimida entre duas grandiosas serras. Em 1897, a mudança da capital de Minas Gerais para a cidade de Belo Horizonte, com tal finalidade construída, protegeu Ouro Preto das transformações que a descaracterizassem. A fisionomia autêntica da velha metrópole colonial pôde

ser preservada. Ao largo do crescimento da região, hoje poderosa produtora de minério de ferro, e de mudanças ao seu redor, o corpo histórico da cidade é um patrimônio que emociona o olhar brasileiro e surpreende e encanta o visitante procedente de outras terras. Como um relicário, Ouro Preto guarda a história do povo do Brasil.

O Voo da Abelha: A Casa da Ópera, Ouro Preto, 1824

© Adour A., Buscacio C., 2024

Andrea Adour, Doutora em Educação pela Universidade Federal de Minas Gerais, Mestre em Música (Canto) pela Universidade Federal do Rio de Janeiro. Professora Adjunta no Departamento de Vocal da Escola de Música da Universidade Federal do Rio de Janeiro. É membro permanente do Programa de Pós-graduação em Música (UFRJ) na área de História e Documentação da Música Brasileira e Ibero-americana.

21941-853, Brasil, Rio de Janeiro, Cidade Universitária, Rua Antônio Barros de Castro, 119

E-mail: andreaadour@musica.ufrj.br

Cesar Buscacio, Doutor em História Social pela Universidade Federal de Rio de Janeiro, Mestre em Música e Educação pela Universidade Federal de Minas Gerais.

31270-901, Brasil, Minas Gerais, Belo Horizonte, Pampulha, avenida Antônio Carlos, 6627

E-mail: cesar.buscacio@ufop.edu.br

Resumo. Este texto apresenta uma panorâmica da relação entre música e arquitetura na cidade de Ouro Preto em Minas Gerais a partir do periódico «Abelha do Itaculumy», cuja primeira edição completa 200 anos. A perspectiva apresentada traz o olhar sobre o Teatro Casa da Ópera de Ouro Preto, relatando seus costumes. Este teatro foi o primeiro da América Latina. Em 1824, fervilhava o Brasil, com sua completa Independência e com a implementação da sua primeira Constituição. O periódico, como uma abelha curiosa, relatou o cotidiano da música e da arte produzina neste Teatro em 1824.

Palavras-chave: Ouro Preto, arquitetura, música, patrimônio cultural, Teatro Casa da Ópera de Ouro Preto

Para citar: Adour A., Buscacio C. (2024) O Voo da Abelha: A Casa da Ópera, Ouro Preto, 1824, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 23–34. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-23-34

Declaração de divulgação: Os autores declaram que não existe nenhum potencial conflito de interesses.

Полет пчелы: оперный театр, Ору-Прету, 1824 год¹

© Адур А., Бускасиу С., 2024

Андреа Адур, д-р педагогических наук, Федеральный Университет штата Минас-Жерайс, магистр музыки (пение), Федеральный университет Рио-де-Жанейро. Адъюнкт-профессор вокального отделения Школы музыки, Федеральный Университет Рио-де-Жанейро. Постоянный член программы аспирантуры по музыке (UFRJ) в области истории и документальной базы бразильской и ибероамериканской музыки.

21941-853, Бразилия, Рио-де-Жанейро, Сиаде Университариа, ул. Антонио Баррос-де-Кастро, 119

E-mail: andreaadour@musica.ufrj.br

Сезар Бускасиу, д-р социальной истории, Федеральный Университет Рио-де-Жанейро, магистр музыки и образования, Федеральный Университет Ору-Прету.

31270-901, Бразилия, Минас-Жерайс, Белу-Оризонти, Пампуля, авенида Антонио Карлос, 6627

E-mail: cesar.buscacio@ufop.edu.br

Аннотация. После 1824 г. в штате Минас-Жерайс со столицей в Ору-Прету произошли важные изменения: прошло два года с момента провозглашения независимости Бразилии, закончилась война, была опубликована первая Конституция, возникла бразильская периодическая печать. Материалом для анализа в данной статье были выбраны основные газеты, выходившие в Ору-Прету в начале XIX в., и среди них — «Пчела Итаколами» («*Abelha do Itaculumy*»). *Итаколами* в переводе с языка тупи — «каменный мальчик»). Название газеты соответствовало вкусам эпохи. Главным объектом обозрений в газете стал оперный театр в Ору-Прету, который считается самым старым в Латинской Америке. Сквозь призму театральной темы глазами путешественников прослеживаются история города, общественные настроения и события.

В театре, открытом в 1770 г., ставились оперы, оратории и театральные пьесы. Первой оперой стал «Святой Бернард» («*São Bernardo*», 1770) бразильского юриста, поэта и музыканта Клаудиу Мануэла да Кошты (Cláudio Manuel da Costa, 1729–1789). Скромное и небольшое снаружи здание оперного театра, построенное в «богатые» годы золотодобычи в Ору-Прету, поражает барочной пышностью внутри. Этот театр — еще одно свидетельство развития этого города, представлявшего собой особый этап истории Бразилии, и сохранения национального достояния в наши дни.

Ключевые слова: Ору-Прету, архитектура, музыка, культурное наследие, Оперный театр Ору-Прету

Для цитирования: Адур А., Бускасиу С. (2024) Полет пчелы: оперный театр, Ору-Прету, 1824 год. *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 23–34. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-23-34

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

¹ Редакция благодарит Ольгу Сапрыкину, доктора филологических наук, профессора кафедры иберо-романского языкознания МГУ имени М.В. Ломоносова за работу с текстом этой статьи. — *Прим. ред.*

Flight of the Bee: Opera Theater, Ouro Preto, 1824

© Adour A., Buscacio C., 2024

Andrea Adour, PhD in Education, Federal University of Minas Gerais, Master in Music (Singing), Federal University of Rio de Janeiro. Adjunct Professor, Vocal Department of the School of Music, Federal University of Rio de Janeiro. Permanent member of the Postgraduate Program in Music (UFRJ) in the area of History and Documentation of Brazilian and Ibero-American Music.

21941-853, Brazil, Rio de Janeiro, Cidade Universitária, Rua Antônio Barros de Castro, 119

E-mail: andreaadour@musica.ufrj.br

Cesar Buscacio, PhD in Social History, Federal University of Rio de Janeiro, Master in Music and Education, Federal University of Minas Gerais.

31270-901, Brazil, Minas Gerais, Belo Horizonte, Pampulha, avenida Antônio Carlos, 6627

E-mail: cesar.buscacio@ufop.edu.br

Abstract. After 1824, the state of Minas Gerais, with Ouro Preto as its capital, underwent important changes: two years passed since Brazil gained independence, the war ended, the first Constitution was adopted, and the Brazilian periodical press was created. The main newspapers published in Ouro Preto in the early 19th century were chosen as the material to be analyzed in this article, including the «Itacolomi Bee» («Abelha do Itacolumy». *Itacolomi* means «stone boy» in the Tupi language). The name of the newspaper was typical for the era. Newspaper reviews focused on the Opera House in Ouro Preto, which is considered the oldest in Latin America. The city's history, public sentiment and events can be traced through the lens of the theatre and through the eyes of travelers.

The theater, opened in 1770, staged operas, oratorios and theater plays. The first opera was «St. Bernard» («São Bernardo», 1770) by the Brazilian lawyer, poet and musician Cláudio Manuel da Costa (1729–1789). The opera house, small and modest on the outside, built during the «rich» years of gold mining in Ouro Preto, strikes visitors with baroque opulence inside. This theater is another testament to the city's development as a special stage of Brazil's history, and to the preservation of its national heritage today.

Keywords: Ouro Preto, architecture, music, cultural heritage, Casa da Ópera in Ouro Preto

For citation: Adour A., Buscacio C. (2024) Flight of the Bee: Opera Theater, Ouro Preto, 1824, *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 23–34. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-23-34

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the authors.

A cidade de Ouro Preto, outrora chamada Villa Rica, foi assim nomeada após ser escolhida como a capital da província de Minas Gerais em 1823. Este texto traz a percepção a respeito da música e da arquitetura desta cidade no ano de 1824. Este ano foi escolhido como marco temporal para este texto, pois é neste ano que se inicia a consolidação de diversas questões no Brasil, em Minas Gerais e em Ouro Preto especificamente, tais como: a implementação da imprensa em Minas Gerais, o término da Guerra de Independência e a outorga da primeira Constituição do país. Para esta explanação utilizaremos como base o periódico de Minas Gerais, intitulado «Abelha do Itaculomy» (hoje escrevemos Itacolomi). Este periódico é considerado um dos primeiros produzidos em Minas Gerais, antecedendo-o apenas O Compilador Mineiro (13 de outubro de 1823 até 9 de janeiro de 1824) que foi substituído pelo «Abelha do Itaculomy» em 12 de janeiro de 1824, ambos impressos na mesma oficina tipográfica sob o olhar atento de Manuel José Barbosa Pimenta e Sal. O «Abelha do Itaculomy» durou até 11 de julho de 1825 e foi substituído pelo O Universal após a venda da tipografia.

Nestes um ano e meio de produção de impressos, o periódico trazia em suas enxutas páginas (em geral 4) um conteúdo com muitas questões políticas, sobretudo relativas à Independência, à construção da Constituição, às eleições e toda a agitação que esses fatos causavam no país. Além disso, alastrou, por seus dizeres, uma sensação de insegurança vivida em 1824, reportando que mesmo após dois anos da declaração da independência, as ameaças à soberania estavam presentificadas nas diversas tentativas invasões sofridas pelo Brasil, contra as quais Pedro I do Brasil (1822–1831), o Imperador, convocava a união da nação, e de todos os novos cidadãos brasileiros à luta. Trazia, também pela primeira vez, informações sobre o cotidiano e suas mazelas, descrevendo-os, informando sobre a produção artística e cultural de Ouro Preto nas suas edificações, sendo neste ponto que iremos nos ater. O título *Abelha* (animal irritante, enxerido) era comum em periódicos no século XIX, que traziam os mais diferentes tipos de informação, políticas, econômicas, e sobretudo, as sociais. O seu complemento, *Itaculomy*, refere-se a um pico bastante alto da cidade de Ouro Preto.

Igreja de Santa Efigênia, em Ouro Preto, com o Pico do Itacolomi em segundo plano

A literatura de viagens dos estrangeiros, também descreve esta paisagem. Em *Viagens pelo Brasil*, Von Martius (Carl Friedrich Philipp von Martius, 1794–1868) e Spix (Johann Baptist von Spix, 1781–1826) reportam o encanto que tiveram, na chegada à antiga Villa Rica, com o pico do Itacolomi:

«O Itacolomi, ensombrado na base pela negrura das matas, e destacando-se de todos os vizinhos com o seu píncaro rochoso e nu, domina toda a região. Uma maravilhosa mudança de luz, desde a mais ofuscante claridade do sol até a negrura da mais tenebrosa sombra, pairava sobre a paisagem, cuja feição sombria e grandiosa mereceria ser traduzida pelo pincel de um Salvador Rosa ou de um C. Poussin. A natureza parecia celebrar conosco com seu grave silêncio, o estado de alma que nos empolgava, diante do magnífico panorama»².

Carl Friedrich Philipp von Martius e Johann Baptist von Spix

A palavra Itacolomi é de origem tupi, onde a aglutinação de *itá*, que significa pedra e *kunumî*, que significa menino, indica o sentido de «menino de pedra»³. Este pico era utilizado, e ainda é hoje, como marco, auxiliando a localização na região. O periódico «Abelha do Itaculmy», portanto, poderia indicar, em palavras, o ato de sobrevoar e tudo captar, como uma abelha, ou melhor... como uma águia...

É interessante que o «Abelha do Itaculmy» tinha o intento de realmente construir as narrativas a respeito de Ouro Preto, assumindo esse papel de sobrevoar, através de relato de um cidadão brasileiro e não de um estrangeiro, cujas palavras pareciam um tanto deturpadas para um cidadão ouropretano, como podemos conferir na seguinte passagem, publicada no dia 16 de janeiro de 1824: «O que escreve hum Patricio sobre o seu Paiz he sempre mais exacto, que o relatado pelos Estrangeiros ainda de abalisados conhecimentos, porque estes muitas vezes escrevem sobre informações: as Canas de Assucar que o Doutor Mawe vio crescidas até trinta pés, e que formavão elegantes arcudas, em alguns caminhos em Minas Geraes, nos convencem desta verdade. Quando Mr. S. Hilaire lesse na Europa tão bella perspectiva nesta discrição do Doutor Mawe cuidaria encontrar certamente nas suas jornadas nesta Provincia outros Boulevads, que lhe agravassem as saudades dos de Pariz»⁴.

² Spix e Martius. Viagem pelo Brasil (1817–1820). Vol. 1. P. 264. URL: https://www2.senado.leg.br/bdsf/bitstream/handle/id/573991/001118266_Viagem_pelo_Brasil_v.1.pdf?sequence=14&isAllowed=y (accessed: 18.02.2024).

³ Navarro, E. de A. (2006). Método moderno de tupi antigo: a língua do Brasil dos primeiros séculos. São Paulo. Global. P. 14, 41.

⁴ Optamos por manter o texto em sua escrita original. Abelha do Itaculmy (MG) — 1824 a 1825. Ano 1824. Nº 3. URL: <http://memoria.bn.br/docreader/778931/10> (accessed: 18.02.2024). — A.A., C.B.

Para a construção deste artigo, utilizamos como base de dados a Hemeroteca Digital da Biblioteca Nacional que digitalizou grande parte do acervo de periódicos brasileiros em um trabalho digno de Hércules. Nesta base de dados, foi introduzida a busca pela palavra «Música». No periódico *Compilador Mineiro*, não foram encontrados registros da palavra música, provavelmente pelo cunho político do periódico. Entretanto no «*Abelha do Itaculumy*», apareceram 22 entradas, 14 delas no ano de 1824 e as restantes em 1825. Ou seja, o «*Abelha do Itaculumy*» é o primeiro periódico mineiro a reportar sobre as artes musicais em Minas Gerais. A palavra arquitetura, por sua vez, apareceu apenas em uma citação, porém em outro sentido, «arquitetura da natureza». Imaginamos que, nesse sentido, seria importante construir uma relação música e arquitetura, uma vez que as apresentações musicais ocorrem em localidades específicas de Ouro Preto. Além disso, para entender o periódico, foram lidas todas as suas páginas produzidas em 1824. Esta leitura nos trouxe surpresas infundáveis, que aqui iremos compartilhar. É interessante perceber que este periódico foi o veiculado para toda a província, ou seja ela abarca diferentes localidades, para além de Ouro Preto e traz informações também sobre estas cidades e vilas. Além deste conteúdo, o impresso também compila notícias de outros jornais, tudo isso em apenas 4 páginas.

Além deste periódico, utilizaremos como fonte complementar outros textos, incluindo a literatura de viajantes, que nos auxilia na construção deste sobrevôo da abelha sobre o Teatro Casa da Ópera de Ouro Preto em 1824.

A Abelha e o Teatro

A Casa de Ópera de Villa Rica é considerada a mais antiga da América do Sul, hoje nomeado como Teatro Municipal Casa da Ópera de Ouro Preto. Inaugurado em 6 de junho de 1770, sua arquitetura traz uma fachada bastante simples, mas seu interior balaústres de madeira. Esta casa de ópera teve desde seu início a movimentação de artistas e músicos, que por ali passaram, trazendo óperas, oratórios, e peças teatrais. No ano de sua inauguração a ópera de temática religiosa São Bernardo de autoria de Cláudio Manoel da Costa (1729–1789), foi levada à cena, assim como tantas outras. As informações sobre este material musical foram fonte da pesquisa de Curt Lange (Francisco Curt Lange, 1903–1997), musicólogo alemão, naturalizado uruguaio, que descobriu uma extensa produção musical em Ouro Preto nos séculos XVIII e XIX. Tal pesquisa teve início em 1944, tendo sido intensificada entre os anos de 1945 e 1946, período em que Curt Lange estabeleceu-se no Brasil, a fim de produzir o sexto volume do «*Boletín Latino-americano de Música*», e estendeu-se nos anos que se seguiram. Detentor de grande experiência no campo da musicologia, Curt Lange percebeu as lacunas que havia em torno da criação musical, no âmbito da produção artística denominada «barroco mineiro», relacionada quase que exclusivamente à arquitetura e às artes plásticas. Os estudos, até então existentes, associavam o apogeu da música brasileira colonial à obrado Padre José Maurício Nunes Garcia (1767–1830). Assim, Curt Lange deu início à

uma vasta pesquisa de campo, e aos poucos foi descobrindo — e adquirindo — diversas partituras, compostas por nomes como José Joaquim Emerico Lobo de Mesquita (1746–1805), Manoel Dias de Oliveira (1734/35/38–1813), Jerônimo de Souza Lobo (1798–1828) e outros.

É curioso observar que Curt Lange não encontrou as músicas nos acervos das igrejas, como seria previsível, e sim, encontrou-as através de pessoas residentes em pequenas cidades e distritos, e herdeiros dos integrantes e mestres de banda. Infelizmente, nem todas essas preciosidades musicais foram recuperadas por Curt Lange que chegou a encontrar partituras sendo utilizadas como papéis para embrulho de carne ou para confecção de foguetes a serem lançados em datas festivas.

Em carta para Jean de la Roche, representante da UNESCO, datada de 7 de setembro de 1959, Curt Lange explica: «<...> não há músicas nas igrejas. A música mineira, boa ou ordinária, está em mãos de corporações ou de herdeiros de mestres de bandas» [Mourão, 1990: 33]. Além disso, Lange percebe em suas pesquisas e enorme contribuição dos ex-escravizados e escravizados na formação da música local. Além de participarem dos espetáculos na Casa da Ópera, Lange destaca também a importância das bandas de música, Confrarias e Irmandades na música Mineira do século XVIII e XIX.

As aspirações de Curt Lange quanto à divulgação da produção recém encontrada eram bastante acentuadas. O musicólogo sempre enfatizava a necessidade dos órgãos governamentais apoiarem sua pesquisa, através de patrocínio e divulgação. Todavia, a validade das descobertas do musicólogo e, principalmente, sua atuação no processo de preservação das partituras viram-se abaladas por uma acirrada polêmica, iniciada em 1958. Neste ano, Curt Lange promoveu um concerto no Teatro Municipal do Rio de Janeiro, apresentando algumas obras por ele recuperadas. Logo em seguida, viu-se alvo de uma série de acusações, pois as partituras dessas peças não mais encontravam-se no Brasil, e sim no acervo particular, mantido pelo musicólogo no Uruguai. Em 29 de agosto de 1959, a revista «O Cruzeiro» publicou um artigo intitulado «O Escândalo do Barroco», no qual Curt Lange foi acusado de ter-se apropriado, indevidamente, dos registros musicais por ele encontrados. Alguns críticos chegaram mesmo a expressar sérias dúvidas quanto à autenticidade das partituras exibidas. Pode-se observar, porém, que essas contestações estavam perpassadas por uma questão de fundo: a suposta ilegitimidade de tão importantes produções musicais nacionais estarem na posse de um «particular estrangeiro». A guarda das partituras no Brasil ocorreu apenas em 1982, quando o Diretor do Museu da Inconfidência, professor Rui Mourão, e o então Presidente do Instituto Brasileiro de Música, órgão integrante da FUNARTE, compositor Edino Krieger (1928–2022), viabilizaram a permanência de todo o acervo, no Museu da Inconfidência, atendendo às anteriores exigências feitas por Curt Lange, no tocante às condições de preservação.

Para além dessas questões a respeito da documentação musical, fato é que a fachada simples do Teatro escondia realizações artístico-musicais que foram documentadas tanto por viajantes quanto pelo Abelha. Saint-Hilaire, em contraste com o que estava acostumado na França, narrou sua experiência no Teatro da seguinte maneira: «Existe, na verdade uma casa de espectáculos em Villa Rica; como, porém, vamos ver, bem pouco compensa a falta de tantas outras comodidades. Após subir-se uma rua excessivamente íngreme, chega-se a uma casa de

A fachada do Teatro Municipal Casa da Ópera de Ouro Preto, antiga Casa da Ópera de Vila Rica

aparência mesquinha; é lá que se fazem as representações. A sala é bastante bonita, porém pequena e muito estreita. Tem quatro ordens de camarotes, cuja frente é fechada por balaustradas rendadas que não produzem mau efeito. Só os homens ficam na plateia, e ahi se sentam em bancos. Até agora não se tentou iluminar a sala de outra maneira que não a de colocar velas entre os camarotes. A cortina representa as quatro partes do mundo pintadas do modo mais grosseiro; entre, porém, as decorações, que são variadas, há algumas suportáveis. Os actores têm o cuidado de cobrir o rosto com uma camada de branco e vermelho; mas as mãos trahem a côr que a natureza lhes deu, e provam que a maioria deles é de mulatos. Não têm a menor idéa de indumentaria; e por exemplo, em peças tiradas da historia grega vi personagens vestidos á turca e heroínas á franceza. Quando esses actores gesticulam, o que raramente sucede, poder-se-ia pensar que são movidos por molas, e o ponto, que lê as peças em quanto eles a declamam, fala tão alto, que frequentemente sua voz mascara completamente a dos interpretes»⁵.

Outro viajante, o inglês John Mawe (1764–1829), também documentou o Teatro, numa visão mais positiva do que a do francês Saint-Hilaire: «Havia então representações theatraes em Villa Rica: fui duas vezes assistil-as, muito satisfeito de que esse divertimento, digno de seres racionaes, tivesse substituído aos cruéis combates de touros. O teatro e suas decorações eram lindas e os actores passaveis;

⁵ Saint-Hilaire A. Viagens pelo Brasil. P. 139. URL: <https://bdor.sibi.ufrj.br/bitstream/doc/208/1/126%20%20T1%20PDF%20-%20OCR%20-%20RED.pdf> (accessed: 18.02.2024).

si recebessem applausos do publico, ficariam sem duvida mais satisfeitos. Sempre estiveram na dependencia do governador; são tão incommodados, que só podem representar as peças que a sua phantasia lhes indicar»⁶.

Data vênha, o Abelha reportou a respeito do Teatro Casa da Ópera as seguintes impressões: a primeira no dia 23 de janeiro de 1824 que, em homenagem ao aniversário da Imperatriz Leopoldina (1822–1826) (22 de janeiro) a cidade comemorou e festejou: «O estrondo da Artilheria, que guarnece a Cortina do Palacio do Governo, repercutindo nas altas montanhas do Ouro Preto, anunciou o alvorecer deste Dia venturoso, e apreciado dos Brasileiros: huma chuva aturdada nos sensibilisava, como estormo a perfeita demonstração do vivo interesse, que tomamos todos pela Vida Preciosa da Nossa Imperatriz, á Quem o Brasil inteiro deve immenso...»⁷.

A vista do palco interna do Teatro Municipal Casa da Ópera de Ouro Preto

Depois de inúmeras saudações militares e da Cerimônia realizada na Igreja Nossa Senhora do Carmo, o Abelha anuncia a celebração no Teatro, incluindo apresentações da música, dança e dramaturgia: « <...> oito da noite concorreo-se ao Teatro, onde aparecendo os retratos de SS. MM. II. se renovárão os Vivas pela maneira acima; seguio-se hum Elogio e o Hymno Mineiro, recitou-se a Tragedia Phocas e concluiu-se o acto coma dança *Sentinellas Suissas*. Se o máo tempo não permittio maior esplendor; e mesmo o Teatro não foi tão ricamente adornado, como queria o Alto Assumpto; a boa ordem, a decência dos Espectadores e sobre tudo os sentimentos da natureza apresentados sem artificio valem por todas as pompas imaginaveis. Não devemos porem calar quanto sobresahio o harmonioso desempenho de diferentes peças de musica instrumental, que forão destre, e perfeitamente executadas. Louvores á quem os merece»⁸.

A segunda reportagem veiculada no dia 8 de outubro de 1824 refere-se a um incêndio ocorrido na Casa da Ópera, sendo necessária sua reconstrução: «Tomando em consideração, que os Theatros são em todas as Nações cultas protegidos pelos

⁶ Mawe J. Viagens ao interior do Brasil. P. 125. URL: <https://digital.bbm.usp.br/view/?45000030075&bbm/7921#page/1/mode/2up> (accessed: 18.02.2024).

⁷ Abelha do Itaculamy (MG) — 1824 a 1825. Ano 1824. Edição 00006. P. 23. URL: <http://memoria.bn.br/docreader/778931/23> (accessed: 18.02.2024).

⁸ Abelha do Itaculamy (MG) — 1824 a 1825. Ano 1824. Edição 00006. P. 24. URL: <http://memoria.bn.br/docreader/778931/24> (accessed: 18.02.2024).

Governos, como estabelecimentos próprios para dar aos Povos licitas recreações, e até saudáveis exemplos das desastrosas consequências dos vícios, com que se despertem em seus ânimos o amor da honra, e da virtude: e Desejando por isso facilitar a reedificação do Teatro desta Capital, infelizmente incendiado na noite de vinte e cindo de Março do presente anno: Hei por bem, depois de ter ouvido a este respeito a Junta do Banco do Brasil, encarrega-la, em beneficio do Coronel Fernando José de Almeida, Proprietario daquelle Theatro, da administração de três novas Loterias (que não terão de fundo mais de cento e vinte contos de rs. Cada huma)»⁹.

O periódico também era usado na função de fazer campanha na busca capitanear interessados no financiamento da manutenção das edificações ouropretanas, como acontece neste exemplo. Além disso, o jornal também traz aspectos críticos a respeito das obras apresentadas, sobretudo às dramáticas. No mesmo volume do periódico anterior, aparece uma crítica ferina às peças que não estariam em acordo com os considerados «bons costumes»: «Somos informados, que para solemninar-se o Grande Dia 12 do corrente, Anniversario da Felicissima Acclamação de S. M. o Imperador e tão bem Dia de Seu Faustissimo Nascimento alguns dos principais cidadãos desta Imperial Cidade se proptão com o maior entusiasmo para se apresentarem em Scena huma Peça Americana. <...> Oxalá que o Theatro inventado de tempo immemorial para reprimir as paixões, inspirar a virtude e modelar os costumes não tivesse decaído da nobreza de sua instituição; servindo-se dele muitas vezes os mal-intencionados para corromperem a inocência, e perverterem a moral publica! Mas que cousa há tão santa de que a malicia humana não haja abusado? Tal he a fraqueza da nossa condição»¹⁰.

Na terceira, efetiva-se a pintura do Teatro, recuperando suas paredes do incêndio com a apresentação de diversas atrações em homenagem ao aniversário de D. Pedro I, que completava 26 anos em 1824. «A Artilharia tornou a salvar ao pôr do Sol, como advertindo aos Cidadãos, e as Senhoras Mineiras, que se aproximava a hora de se apresentarem no Theatro com o maior brilhantismo possível, onde devia aparecer em Scena a bela Peça *Triunfo da Natureza*, desempenhada pelos Illustres Patriotas emprehendedores deste projecto <...> e que se realisou com o maior gosto, a maior profusão e riqueza. O Theatro foi pintado de novo; e todo illuminado com globos de vidro, e placas, e trez lindos Lustres. O pano grande apresentava alegoricamente o Brasil em sua gloria, e elevação, decorado com as insígnias de sua alta Cathegoria. <...> Os Camarotes estavam guarnecidos de Senhoras, que se esmerarão nos seus tocados, e enfeites, e na Plateia estavam todos os Cidadãos. Apareceu o Exmo Presidente, e o Exmo Marechal no Camarote do

⁹ Abelha do Itaculumy (MG) — 1824 a 1825. Ano 1824. Edição 00117. P. 465. URL: <http://memoria.bn.br/docreader/778931/471> (accessed: 18.02.2024).

¹⁰ Abelha do Itaculumy (MG) — 1824 a 1825. Ano 1824. Edição 00117. P. 468. URL: <http://memoria.bn.br/docreader/778931/474> (accessed: 18.02.2024).

Governo, e no imediato á direita o Corpo Municipal: na Orchestra rompeo huma bem executada Symphonia; e na escolha das Peças de Musicas bem manifestarão os hábeis e briosos Professores desta Arte encantadora o seu zelo e a sua devoção ao Alto Objecto da nossa alegria; sendo que todos gratuitamente se havião oferecido para coadjuvarem de sua parte com quanto podessem. Ergueo-se o pano e rodeado de luzes, e decorações emblemásticas sobre hum pavimento a Mosaica estava em hum riquíssimo Docel de azul guarnecido de galões e franjas de prata, e todo semeado de estrelas que parecia hum Céu, de hum lado o Sol e de outro a Lua, o Retracto do *nosso Idolo, O Imperador Constitucional* ornado de grinaldas de mimosas flores. De huma parte via-se aberta em Letras n'hum tarja sustentada por hum Genio esta quadra: *Pelo Imperio, por Ti, em Dom Celeste, // Foi no Brasil com gloria acrescentada // A' famosa Legenda, que lhe Deste // Independencia, ou Morte, Pedro ou Nada.* <...> O Presidente levantou os Vivas e se correspondeo com o maior entusiasmo. <...> Terminou a Peça depois de meia noite, e os repetidos aplausos e bravos dos circunstantes são os mais evidente testemunho e prova incontrastável do muito bem, que se desempenhou esta Representação: havendo nos intermédios optimas Overturas, concertos de Flauta, e Cantorias executadas com primor; e algumas Poezias se repertirão allusivas ao Grande Assumpto. A iluminação se renovava a proporção que as bogias se gastavão, sendo logo substituídas com profusão. Seguio-se hum Pantomimo desempenhado por MMrr. Vallestein <...> e rematou-se com huma Walça e hum Solo executados por dois galantíssimos Meninos, hum de oito, outro de sete anos e era justamente hora e meia da madrugada...»¹¹.

A partir destas informações, destacamos a importância do Teatro na vida social de Ouro Preto de 1824. As apresentações artísticas eram diversas e perduravam por horas; as paredes do Teatro cuidadas com esmero, a decoração e iluminação que também causavam impacto ao observador e sendo, por isso, reportadas. É interessantíssimo perceber pelos relatos o cuidado com cada apresentação, a iluminação que se renovava manualmente, as grinaldas em flores, o pano de palco ricamente decorado, o docel azul, as insígnias. Chamamos atenção para a presença dos artistas negros, conforme documentado por Saint Hilaire, a qualidade da música é sempre exaltada, bem como o esforço de uma melhor execução dentro das possibilidades da Província em 1824.

A simplicidade da fachada do Teatro se opunha, ao abrir suas portas, à um mundo de complexidades: inúmeras minúcias decorativas, roupas, tecidos, flores, luzes, cheiros e sons! Detalhes que conduziam o espectador a um outro lugar: a balaustrada em madeira decorada com flores, iluminadas pelos três lustres internos (constantemente alimentados) direcionando o espectador à ribalta onde se produziam sonhos, em ouro, beleza e música.

¹¹ Abelha do Itaculomy (MG) — 1824 a 1825. Ano 1824. Edição 00119. P. 474–475. URL: <http://memoria.bn.br/docreader/778931/480>; <http://memoria.bn.br/docreader/778931/481> (accessed: 18.02.2024).

Список литературы / References

Mourão R. (1990) O Alemão que descobriu a América [The German who discovered America], Belo Horizonte, Itatiaia, 179 p. (In Portuguese)

Tananaeva L.I. (2023) Reflexiones sobre el concepto del estilo en el arte colonial de América Latina en los siglos XVI–XVIII [Reflections on the Concept of Style in the Colonial Art of Latin America From the XVIth Through the XVIIIth Century], *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 2, pp. 49–74. DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2023-11-2-49-74>

Entre o esquadro e o pentagrama: breves considerações sobre música e arquitetura na antiga Ouro Preto

© Fonseca M. Flávio Chagas, 2024

Modesto Flávio Chagas Fonseca, Doutor em Musicologia pela Universidade Federal do Estado Rio de Janeiro, Professor Associado do Departamento de Música da Universidade Federal de São João Del Rei, Regente.

36307-352, Brasil, Minas Gerais, São João del-Rei, Centro, Praça Frei Orlando, 170
E-mail: modestofonseca@ufsj.edu.br

Resumo. Este artigo apresenta breve reflexão sobre a coexistência da música e arquitetura em Vila Rica, atual Ouro Preto, considerando os primeiros arraiais organizados em fins do século XVII em torno da mineração, até o término do século XVIII. A análise dos principais fatos e aspectos da prática musical e da trajetória da arquitetura aponta para um desalinhamento estilístico entre as duas manifestações. Ainda que presente nos templos religiosos desde o início, a música consolidada pelos compositores mineiros é tardia e não corresponde estilisticamente às transformações observadas no universo da arquitetura. Contudo, é notória a relação complementar entre ambas, resultando em opulência e riqueza cultural na antiga Vila Rica que sobrevive até hoje.

Palavras-chave: Ouro Preto, Minas Gerais, história, música setecentista mineira, arquitetura barroca e rococó em Vila Rica, influência mútua dos discursos arquitetônico e musical

Para citar: Fonseca M. Flávio Chagas (2024) Entre o esquadro e o pentagrama: breves considerações sobre música e arquitetura na antiga Ouro Preto, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 35–46. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-35-46

Declaração de divulgação: O autor declara que não existe nenhum potencial conflito de interesses.

Между квадратом и пентаграммой: некоторые размышления о музыке и архитектуре старого Ору-Прету

© Фонсека М.Ф.Ш., 2024

Модешту Флавиу Шагаш Фонсека, д-р искусствоведения (музыковедение), профессор Федерального Университета Сан Жоау дель Рей, Минас-Жерайс, музыкант, дирижер оркестра 36307-352, Бразилия, Минас-Жерайс, Сан-Жуан-дел-Рей, Сентро, площадь Фрея Орландо, 170
E-mail: modestofonseca@ufsj.edu.br

Аннотация. Архитектура и музыка органично существовали в Ору-Прету с самого основания этого города. С конца XVI в., когда открытые в рудниках золото и алмазы хлынули в казну города и в руки золотопромышленников, и на протяжении всего XVIII в. в Ору-Прету процветали искусства, что выразилось прежде всего в архитектурном облике и украшении храмов и городских зданий, но развивались также и музыкальные практики. Уже в первых поселениях португальских бандейрантис¹, введомых золотой лихорадкой и прибывающих в эти края с побережья, основывались католические часовни, а позже строились помпезные храмы в стиле колониального барокко и рококо, в которых на службах звучала религиозная музыка. Музыкальные сочинения местных композиторов, выходцев из Минас-Жерайса, стилистически не соответствовали архитектурным преобразованиям городского пространства и богатству декора построек. Однако взаимодополняющие отношения между двумя дискурсами — архитектурным и музыкальным — их влияние на общество и историю привели к созданию неповторимого культурного наследия, которое сохраняется и в наши дни в Ору-Прету.

Ключевые слова: Ору-Прету, Минас-Жерайс, история, музыка XVIII в., архитектура барокко и рококо, взаимовлияние музыкального и архитектурного дискурсов

Для цитирования: Фонсека М.Ф.Ш. (2024) Между квадратом и пентаграммой: некоторые размышления о музыке и архитектуре старого Ору-Прету. *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 35–46. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-35-46

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

¹ Бандейрантис — от порт. *bandeirantes* — «знаменосцы». Участники экспедиций XVI–XVIII вв. на удаленные от побережья территории Бразилии, в то время португальской колонии. Первоначально бандейранты охотились на индейцев, чтобы использовать их в качестве рабов. Позднее их походы в основном имели целью разведку золота, серебра, алмазов и других полезных ископаемых. В ходе этих походов были исследованы земли, которые в настоящее время составляют современные границы Бразилии. — *Прим. ред.*

Between the Square and the Pentagram: Some Reflections on the Music and Architecture of the Old Ouro Preto

© Fonseca M. Flávio Chagas, 2024

Modesto Flávio Chagas Fonseca, Doctor of Art History (Musicology), Professor at the Federal University of São João del Rei, Minas Gerais, musician, orchestra conductor.
36307-352, Brazil, Minas Gerais, São João del-Rei, Centro, Frei Orlando Square, 170
E-mail: modestofonseca@ufsj.edu.br

Abstract. Architecture and music have existed organically in Ouro Preto since the very foundation of this town. Since the end of the 16th century, when gold and diamonds were discovered and poured into the treasury of the town and into the hands of gold miners, and throughout all the 18th century, the arts flourished in Ouro Preto. This phenomenon was expressed primarily in architecture, but musical practices also developed. The first settlements of the Portuguese bandeirantes, who arrived in those parts of the country from the coast, driven by the gold rush, saw the foundation of Catholic chapels, then pompous churches in the style of colonial Baroque and Rococo were built, where religious music could be heard during church services. Musical compositions created by local composers from Minas Gerais stylistically did not go in line with architectural transformations of the town space and rich decoration of buildings. However, the complementary relations between architectural and musical discourses, as well as their impact on national society and history have led to the creation of a unique cultural heritage, which is preserved today in Ouro Preto.

Keywords: Ouro Preto, Minas Gerais, history, music of the 18th century, Baroque and Rococo architecture, mutual influence of musical and architectural discourses

For citation: Fonseca M. Flávio Chagas (2024) Between the Square and the Pentagram: Some Reflections on the Music and Architecture of the Old Ouro Preto, *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 35–46. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-35-46

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Primórdios de Vila Rica

Ainda hoje, o visitante que chega a Ouro Preto é arrebatado por um «encantamento» ao vislumbrar o rico conjunto arquitetônico preservado nas muitas ladeiras e recantos. Com raízes nas primeiras incursões no interior do Brasil por bandeirantes paulistas em busca de pedras preciosas e apreensão de índios, especialmente em fins do século XVII no atual mapa do estado de Minas Gerais, consolida-se no ano de 1711 o povoamento nominado de Vila Rica, a atual Ouro Preto.

A grande distância do litoral, onde estavam os principais núcleos sociais no Brasil colonial, forçou os bandeirantes a se estabelecerem na região, criando as condições mínimas necessárias para sua sobrevivência. No rastro daqueles, portugueses e baianos também investiram na aventura pelo enriquecimento na oportunidade aflorada nos sertões das Gerais. Uma nova sociedade se forma e se consolida com todo o aparato administrativo, político, econômico e artístico, equivalente aos burgos anteriormente constituídos no universo luso-brasileiro.

O modelo de estrutura social vigente à época é implantado nos primeiros povoadamentos da região mineradora, e com ele surgem construções de funções diversas. Pequenas capelas são erguidas para a prática do rito católico, funcionando, também, como referência para o erguimento de residências em seu entorno. É neste momento que o estilo barroco surge, observado em traços da arquitetura, assim como em talhas e esculturas. A ausência de mão de obra qualificada, assim como de modelos eruditos, gerou maior variação de resultantes tipológicas [Oliveira, Campos, 2010: 93].

Com o passar do tempo, as construções de função religiosa ganham maiores proporções, e aquelas com status de matriz se tornam o apogeu da trajetória do desenvolvimento da arquitetura de traços barrocos. Com bem pouca decoração externa, possuem plantas de base retangular e recorrente uso de duas torres de seção quadrada em sua fachada [Oliveira, Campos, 2010: 94].

Ainda em relação a aspectos externos, Oliveira e Campos destacam uma resultante de equilíbrio e harmonia, oriundas de uma «sequência de volumes escalonados, definida pela linha decrescente dos telhados, dos coroamentos das torres à sacristia». Mas, conforme as autoras, a maior ênfase na manifestação da estética barroca se encontra no interior dos templos, legado da arquitetura luso-religiosa [Oliveira, Campos, 2010: 95]. O contraste de zonas iluminadas e outras sombrias, ambientes de meia penumbra e o direcionamento da luz visando enfatizar efeitos dramáticos são alguns recursos destacados por Oliveira e Campos [Oliveira, Campos, 2010: 97].

Como exemplo do modelo de arquitetura religiosa de traços barrocos em Ouro Preto, cabe citar a Igreja Matriz do Pilar, grandiosa, com retábulos integralmente dourados e sensação de deslumbramento e riqueza. O atual templo substituiu

uma antiga capela erguida ainda entre os últimos anos do século XVII e os primeiros do XVIII. Seu formato final é fruto de intervenções realizadas ao longo do século XVIII [Alves, 2005]. Diferentes artífices atuaram em sua construção, dentre eles Antônio Francisco Pombal², Francisco Xavier de Brito, Pedro Gomes Chaves Xavier, João de Carvalhais e Bernardo Pires.

Igreja Matriz do Pilar de Ouro Preto

Na percepção de Mourão, a Matriz do Pilar de Ouro Preto, para além de cultuar a grandeza divina, é «bem a expressão da realeza», uma forma de homenagem ao poder real, neste caso, com alto custo e valor artístico [Mourão, 1986: 42]. O autor destaca o aspecto barroco do frontão com «curvas caprichosas», bastante alto, terminando em Cruz sobre o crescente. Seu interior revela diferentes etapas de sua construção com a coexistência de ornamentação típica de épocas distintas entre si [Mourão, 1986: 43].

Se no início da presença dos primeiros bandeirantes na região mineradora os arraiais tiveram uma proliferação de forma desordenada, sem qualquer preocupação com a regularidade no plano urbanístico, na segunda metade do

Interior da Igreja Matriz do Pilar de Ouro Preto

século XVIII houve a tentativa do Marquês do Pombal de melhoramento nas condições dos lotes urbanos, ainda que sem sucesso [Ferrari, 2010: 18]. Dentre as mudanças observadas a partir de 1740 estão plantas poligonais e curvilíneas e o maior uso da pedra nas construções, isso, ao mesmo tempo em que surgem profissionais portugueses especializados em construções [Oliveira, Campos, 2010: 105].

Outra mudança significativa é o surgimento de soluções ornamentais típicas do rococó francês e alemão por volta de 1760, recursos que dominaram as decorações

² Antônio Francisco Pombal foi tio de Antônio Francisco Lisboa, o Aleijadinho.

internas das igrejas de Vila Rica nas décadas seguintes [Oliveira, Campos, 2010: 108]. Conforme Oliveira e Campos, dentro da nova ideologia estilística, o frontão passa a ter formas rococó em seu coroamento, conjugando curvas e contracurvas em oposição, no entanto, foram as soluções do mestre Aleijadinho as de melhor aceitação. São esculturas de grande porte, a eliminação de frontões e balestras do coroamento, o emprego de movimento rotativo das colunas externas, rocalha tratada de forma escultórica, entre outros [Oliveira, Campos, 2010: 111].

Nesta nova fase surgem torres circulares, a pedra-sabão é usada nos relevos ornamentais de portadas e as rocalhas predominam enquanto elemento decorativo nas molduras. A igreja de Nossa Senhora do Carmo em Ouro Preto é um emblemático exemplo da influência do rococó. Toda a trajetória de inovações estilísticas implementadas na arquitetura de Ouro Preto durante o século XVIII resulta em composições mais simétricas e contidas, tipificando assim a fase final do rococó em Minas Gerais [Oliveira, Campos, 2010: 117].

Em seu interior, a Igreja do Carmo de Ouro Preto possui decoração mais leve, com requintados ornatos dourados intercalados com fundos brancos. A ideia de harmonia com Deus e sua criação difere bastante daquela do estilo barroco.

Igreja de Nossa Senhora do Carmo de Ouro Preto

A música em Vila Rica

Conforme os arraiais foram se organizando, naturalmente surgem as demandas pela música em suas diferentes funções. Por um lado nos momentos de descanso e entretenimento dos trabalhadores na lida pela busca do metal precioso, por outro, no rito católico, prática inerente ao sistema administrativo da época, com sólida associação do poder público português e a igreja.

A presença majoritária dos bandeirantes paulistas na região mineradora leva a uma prática de música, sobretudo religiosa, oriunda de São Paulo [Castagna, 2003b: 1]. Nas primeiras décadas do século XVIII já havia músicos portugueses e outros de diferentes regiões luso-americanas. Castagna informa que o estilo vigente era semelhante ao renascentista, com uso de vozes acompanhadas de instrumento grave [Castagna, 2003b: 3]. As vozes eram, geralmente, em número de quatro e todas masculinas. Para as melodias agudas, soprano e contralto, usavam crianças,

conhecidos como «tiples», ou homens falsetistas. A igreja católica não permitia a presença da mulher no coro de seus templos. As funções instrumentais poderiam ser realizadas por diferentes instrumentos graves.

As demandas pelo serviço musical em Minas Gerais provinham das entidades administrativas públicas e de organizações religiosas laicas (confrarias, irmandades e ordens terceiras). Na primeira metade do século XVIII o repertório praticado na antiga Vila Rica era constituído de obras de compositores portugueses. Pesquisas apontam para um pouco interesse por composições inéditas, considerando a ausência de exemplares identificados até o momento. Francisco Curt Lange relaciona diversos nomes de músicos atuantes em Ouro Preto na primeira metade do século XVIII, a exemplo de Antônio de Souza Lobo (1725-1756) e Antônio Alves Nogueira (1728-1730) [Curt Lange, 1981].

São procedentes da década de 1770 as primeiras composições de músicos mineiros. Cabe destacar que Castagna considera que Minas Gerais naquela década «já era a região onde mais se desenvolvera, em todo o Brasil, a produção e prática de música religiosa» [Castagna, 2003b: 4]. A escolha dos grupos de músicos para a realização dos serviços musicais promovidos pelo Senado da Câmara era realizada, a partir do ano de 1760, por um sistema de arrematação, uma espécie de leilão público. Aquele selecionado assinava o contrato e se comprometia a prover com música uma série de eventos ao longo de um determinado ano. No entanto, as irmandades se tornaram as principais contratantes e ajustavam termos de prestação de serviço com grupos musicais. A disputa pelo melhor serviço religioso entre as irmandades fomentou uma maior produção de música autoral.

Na prática, a concorrência entre as irmandades funcionou como mecanismo de pressão sobre os músicos mineiros por novas obras musicais, assinadas pelos mesmos. Caberia, em relação a esta nova produção, uma sintonia com os estilos religiosos praticados à época na Europa. Como consequência, as três últimas décadas do século XVIII foram de grande destaque na produção musical religiosa em Minas Gerais [Castagna, 2003b: 6].

A análise do processo composicional de algumas obras de compositores mineiros desta fase indica uma preferência daqueles músicos por uma forma de escrita semelhante ao pré-clássico europeu. São destaques na produção musical da segunda metade do século XVIII em Ouro Preto os compositores Inácio Parreiras Neves (c. 1730 – c. 1794), Francisco Gomes da Rocha (c. 1745–1808), Marcos Coelho Neto (1763–1823) e Jerônimo de Souza Lobo, membro de uma família com vários músicos atuantes desde a primeira metade do século XVIII. Sua atuação foi entre os anos de 1780 e 1810 [Castagna, 2003a].

Tratar sobre o estilo nas composições mineiras setecentistas é estar diante sólido desafio. Não raro encontramos aquele repertório sendo referenciado como «barroco mineiro», ou «música colonial mineira» entre outras formas, porém, nenhuma efetivamente precisa enquanto elemento descritivo das obras. Em relação aos estudiosos da música composta em Minas Gerais no século XVIII da atualidade, nosso estudo revelou o uso de grande diversidade de abordagens metodológicas

de análise praticada nas obras, nem todas bem fundamentadas e apresentando resultados satisfatórios. Da mesma forma muitos foram os termos, conceitos e expressões atribuídas àquele repertório, visando classifica-lo esteticamente, no entanto, a maior parte imprecisa [Fonseca, 2013].

Ainda assim, alguns autores perceberam a complexidade da questão e entenderam se tratar de um maneirismo, algo fruto de uma apropriação e reelaboração conforme a sociedade da época, seus valores e ideologias. Figueiredo, após analisar a antífona *Salve Regina* do compositor mineiro José Joaquim Emerico Lobo de Mesquita, inferiu ser a escrita «em ‘estilo livre’ ou ‘moderno’» [Figueiredo 2020: 116]. Para Monteiro «a música dos compositores de Minas Gerais colonial redimensiona uma linguagem, mas uma linguagem setecentista, basicamente retórica, com um princípio funcional para o culto religioso e para a vida social» [Monteiro, 2016: 67]. Castagna relaciona um conjunto de aspectos que, em sua visão, tipificam a música composta em Minas Gerais na segunda metade do século XVIII. Os principais são: uso do sistema tonal; escrita em partes vocais e instrumentais; música predominantemente homofônica, com raras passagens polifônicas ou fugadas; obras divididas em seções curtas; raras passagens orquestrais (sem o coro), normalmente destinadas a reforçar o caráter do texto; Base estética filiada ao estilo pré-clássico italiano do centro do século XVIII, com a manutenção de técnicas melódicas e harmônicas tipicamente barrocas; manutenção dos «afetos barrocos», «clichês» melódicos e harmônicos destinados a explorar os apelos sentimentais do texto; utilização esporádica da técnica do recitativo e ária «da capo», mas de estilo pós-barroco; exploração da música enquanto espetáculo, com utilização de elementos extraídos da ópera; resultado da utilização do estilo pré-clássico italiano, tal como assimilado pela música religiosa portuguesa, porém com o emprego de reminiscências barrocas e mesmo pré-barrocas [Castagna, 2003b: 9].

Ainda hoje, existem muitas obras musicais produzidas em Minas Gerais na segunda metade do século XVIII, aguardando serem examinadas com ferramentas adequadas e capazes de revelar sua essência criativa de forma clara e justa. O patrimônio musical mineiro ainda será revelado em sua plenitude, o que esperamos que aconteça brevemente.

Música e arquitetura em Ouro Preto setecentista

Ao provocarmos uma aproximação entre as duas formas de expressão, arquitetura e música em Ouro Preto setecentista, somos surpreendidos por uma marcante falta de sincronia temporal entre ambas. Em tempos dos primeiros arraiais, quando as primitivas capelas foram erguidas e receberam ornamentação típica do barroco, a música se apresentava em moldes renascentistas. Em relação ao repertório especificamente dos compositores mineiros, produzido nas três últimas décadas do século XVIII, tal como comentado anteriormente, são conhecidos bem poucos exemplares com uso de recursos musicais típicos do barroco musical europeu. De Inácio Parreiras Neves há a obra *Oratória ao menino Deus*, com

texto literário em português e cantores desempenhando o papel de personagens. Castagna afirma se tratar do único exemplar deste gênero musical conhecido, até o momento, no Brasil. O autor situa a música conhecida de Parreiras Neves enquanto «estilo barroco tardio transitando ao pré-clássico» [Castagna, 2003b: 7].

Marcos Coelho Neto é o compositor de uma antífona com o texto *Maria Mater gratiae*, cuja introdução instrumental é exemplo claro de emprego de recursos do barroco musical europeu. A ideia musical exposta no primeiro compasso é reaproveitada no segundo e desenvolvida a partir do terceiro *à moda barroca* (Exemplo 1).

The image shows a musical score for Violin I and Vln. I. The top staff is labeled 'Violin I' and the bottom staff is labeled 'Vln. I'. The tempo is 'Largo non tanto' and the dynamics are 'mf'. The score features complex rhythmic patterns and ornaments characteristic of the Baroque style.

Exemplo 1: Quatro primeiros compassos da antífona «Maria Mater gratiae» de Marcos Coelho Neto

No entanto, o momento de criação desta obra musical, em relação à prática das ornamentações e soluções barrocas observadas nos templos religiosos de Ouro Preto, erguidos na primeira metade do século XVIII, é bastante tardio. Da mesma forma cabe pontuar que o ápice da produção musical em minas setecentista, está situado com a queda de captação de ouro, fato este, somado a outros, que nos leva a olhar aquela prática musical com especial critério e maior apuro metodológico.

Exemplos musicais com emprego de técnicas estilísticas barrocas, tal como o exemplo acima, são raros no repertório mineiro conhecido. Considerando o universo de obras musicais que chegaram aos nossos dias através de cópias manuscritas, com raros exemplares impressos, a grande maioria apresenta recursos composicionais de aspectos mais próximos ao classicismo europeu. É consenso entre boa parte dos pesquisadores que se dedicaram a estudar a obra musical setecentista mineira, classifica-la como próxima às correntes europeias transitórias entre o barroco e o clássico. Fato é que os músicos mineiros, distantes do velho continente, suas normas, condições econômicas, políticas e sociais, em geral, puderam se apropriar do modelo importado, e dele construir, a seu modo, um novo produto.

Cotejando as obras dos diferentes compositores mineiros em atividade a partir da década de 1770, especialmente os processos composicionais, constatamos diferenças marcantes entre eles. Francisco Gomes da Rocha é considerado como aquele com linguagem musical mais distante do barroco e, portanto, com maiores

características do clássico. Sua música para a Novena de Nossa Senhora do Pilar é exemplo de escrita por mãos de um músico hábil e com sólida experiência criativa (Exemplo 2).

The image shows a musical score for four instruments: Violin I, Violin II, Viola, and Contrabass. The tempo is marked "Allegretto". The key signature has two flats (B-flat and E-flat), and the time signature is common time (C). The score is divided into two measures by a double bar line. The first measure is marked with a forte dynamic (*ff*), and the second measure is marked with a piano dynamic (*p*). The Violin I part features a melodic line with slurs and accents. The Violin II, Viola, and Contrabass parts provide harmonic support with rhythmic patterns.

Exemplo 2: Início da antífona Virgo prudentíssima da Novena de Nossa Senhora do Pilar de Francisco Gomes da Rocha

The image shows a musical score for voices and violas. The score includes parts for Flute (Fl.), Soprano (S.), Alto (A.), Tenor (T.), Bass (B.), Viola 1 (Ve. 1), and Viola 2 (Ve. 2). The key signature has two flats, and the time signature is common time. The score starts at measure 35. The lyrics are in Portuguese: "qui - a e - du - xi te" and "ter - ra de - ter - ra, de". The vocal parts are written in a style that suggests a motet or a similar sacred setting. The Viola parts provide harmonic accompaniment.

Exemplo 3: Moteto para Procissão de Passos de compositor anônimo

Fundamentada em soluções típicas do classicismo musical europeu, a Novena de Gomes da Rocha foi planejada para ser executada na Igreja de Nossa Senhora do Pilar, o que deve ter se realizado, templo com claro uso de recursos arquitetônicos e ornamentais barrocos, como visto anteriormente. Neste caso, música e arquitetura estavam distantes entre si.

Para atos públicos como procissões, são conhecidas obras musicais de características estilísticas mais arcaicas, escritas para quatro vozes e, em alguns casos, com acompanhamento de instrumentos de sopros, além daqueles mais graves, quase sempre presentes (Exemplo 3).

Fora da igreja a sociedade de Ouro Preto demandava igualmente por música em outras ocasiões. Para o entretenimento da classe mais favorecida havia o teatro já no século XVIII. São noticiadas diversas apresentações com música tanto de compositores estrangeiros, como de músicos locais. O negro escravizado fazia sua música nas senzalas quando autorizado por seu senhor. A modinha e o lundum, ou lundu, frequentavam a casa de famílias da camada intermediária da sociedade, assim como da dominante. Em relação à produção de música sacra, pouco se conhece dos gêneros musicais tradicionalmente difundidos de forma oral. Havia ainda a música dos bandos, serviço de via pública para transmitir informes da administração pública. Era comum nestes casos o uso de instrumentos de percussão, como tambores e caixas, e de sopro como as charamelas e cornetas. Também era música de tradição oral.

Música e arquitetura são expressões artísticas claramente distintas entre si, com características próprias, modo existencial completamente contrastante e dinâmica de percepção e transmissão igualmente peculiar em cada caso. No entanto, existiram e coexistiram inseridas em uma unidade social complexa e de alto grau de diversidades, matizes e direções. Ainda assim, desalinhadas cronologicamente e com trajetórias distintas, foram complementares e funcionaram em harmonia através do século XVIII. Cada templo construído programou e disponibilizou em seu espaço interno, um local específico para o posicionamento dos músicos. É denominado e praticado ainda hoje como «coro». Posiciona-se na porção próxima à porta de entrada, em lado oposto à Capela-mor, no segundo pavimento, de forma a favorecer a projeção do som por toda a nave. Uma boa arquitetura sacra possui igualmente uma boa acústica, tanto para celebrante, como para o músico. Em contrapartida o compositor de música sacra levou em consideração as características das acústicas, moldando e delineando sua invenção a elas. Da mesma forma podemos considerar sobre a música composta para o teatro. Assim sendo, podemos inferir que a música sacra terá melhores resultados acústicos quando executada em um templo, ocorrendo o mesmo com a música destinada ao teatro. Ou seja, relações perfeitas.

Список литературы / References

Alves C.M. (2005) Um Estudo Iconográfico [An Iconographic Study] in B. Coelho (org.) *Devoção e Arte: imaginária religiosa em Minas Gerais* [Devotion and Art: religious imagery in Minas Gerais], São Paulo, Edusp, pp. 69–122. (In Portuguese)

Castagna P. (2003a) Estilo Antigo e Estilo Moderno na música antiga Latino-Americana [Old Style and Modern Style in Latin American Ancient Music], *Apostila do curso História da Música Brasileira*, vol. 5, São Paulo, Instituto de Artes da UNESP, pp. 1–15. (In Portuguese)

Castagna P. (2003b) A música religiosa mineira no século XVIII e primeira metade do século XIX [Religious music from Minas Gerais in the 18th century and the first half of the 19th century], *Apostila do curso História da Música Brasileira*, vol. 6, São Paulo, Instituto de Artes da UNESP, pp. 1–12. (In Portuguese)

Curt Lange F. (1981) História da música nas irmandades de Vila Rica: freguesia de Nossa Senhora da Conceição de Antônio Dias [History of music in the brotherhoods of Vila Rica: Parish Church of Our Lady of the Conception of Antônio Dias], Belo Horizonte, Imprensa Oficial – Conselho Estadual de Cultura, 256 p. (In Portuguese)

Ferrari S.M. (2010) *Arquitetura residencial mineira nos séculos XVIII e XIX: Adequações aos novos usos* [Residential architecture in Minas Gerais in the 18th and 19th centuries: Adaptations to new uses], Monografia apresentada ao Instituto Federal Minas Gerais – Campus Ouro Preto como requisito parcial para obtenção do título de Tecnólogo em Conservação e Restauração de Imóveis, Ouro Preto, 102 p. (In Portuguese)

Figueiredo C.A. (2020) *Três estudos sobre a recepção da antífona Salve Regina de Lobo de Mesquita: edições, análises e gravações* [Three studies on the reception of Lobo de Mesquita's Salve Regina antiphon: editions, analysis and recordings], Rio de Janeiro, Edição do autor, 244 p. (In Portuguese)

Fonseca M.F.C. (2013) *Um caminho para a análise de estilo: a expressão musical para a declamação do texto da antífona Aalve Regina em obras de compositores setecentistas mineiros* [A path to style analysis: the musical expression for the declamation of the antiphonal text Aalve Regina in works by eighteenth-century composers from Minas Gerais], Tese submetida ao Programa de Pós-Graduação em Música do Centro de Letras e Artes da Universidade Federal do Estado do Rio de Janeiro, Rio de Janeiro. (In Portuguese)

Monteiro M. (2016) Música e identidade em Minas Gerais Colonial [Music and identity in colonial Minas Gerais], *Caletrosópio*, vol. 4, no. Especial, II DIVERMINAS, pp. 63–87. (In Portuguese)

Mourão P.K.C. (1986) *As igrejas setecentistas de Minas* [The 18th century churches of Minas Gerais], Belo Horizonte, Editora Itatiaia Limitada, 180 p. (In Portuguese)

Oliveira M.A. de, Campos A.A. (2010) *Barroco e Rococó nas igrejas de Ouro Preto e Mariana* [Baroque and Rococo in the churches of Ouro Preto and Mariana], Brasília, DF, Iphan / Programa Monumenta, 180 p. (In Portuguese)

Город как часть культурного кода испанцев: взгляд «изнутри» и «снаружи»

© Оболенская Ю.Л., 2024

Юлия Леонардовна Оболенская, д-р филол. наук, заслуженный профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, зав. кафедрой иберо-романского языкознания филологического факультета МГУ, руководитель Центра иберо-романских исследований.

119991, Россия, Москва, ГСП-1, ул. Ленинские горы, 1, стр. 51

E-mail: obolens7@yandex.ru

Аннотация. Для раскрытия мифологической, концептуальной и языковой картины мира испанцев представляет интерес проследить, в какой мере обычные обозначения места жительства или рождения определяют национальный культурный код. Историко-культурный, этимологический, психолингвистический и концептологический анализ таких номинаций, как *capital, ciudad, villa, pueblo, aldea, burgo*, позволяет выявить их роль в формировании национальной и социальной идентичности. История и семантика топонимов Испании, связанные с ними мифологемы, равно как и структура испанских городов, уклад жизни горожан, отраженные в дискурсивных практиках, служат еще одним подтверждением мультикультурной основы их языкового сознания. Осознание примерно 80 % населения страны себя горожанами имеет определяющее значение для социальной самоидентификации испанцев, а комплексом *столичности* обладают не только жители Мадрида или столиц автономий, но и жители древних столиц как христианских королевств, так и мусульманской Испании эпохи «аль-Андалус». Особую роль играют в картине мира испанцев такие города-символы, как Сагунто, Нумансия и Сарагоса, приобретшие комплекс нарицательности для выражения героизма и стойкости испанского народа, а история мифологемы Мадрида непосредственно связана с разными этапами истории страны. «Карнавальная стихия» и любовь к каламбурам, характеризующие как национальное языковое сознание, так и речевое поведение испанцев, привели к еще одной мифологеме — наделению маленького андалузского городка Лепе статусом «столицы шуток». История, структура испанских городов и семантика топонимов Испании, равно как и связанные с ними мифологемы, отраженные в дискурсивных практиках испанцев, служат еще одним подтверждением мультикультурной основы их языкового сознания.

Ключевые слова: город, история, мифологема, национальная и социальная идентичность, топонимы, столица, Мадрид, *capital, ciudad, villa, pueblo, aldea, burgo*

Для цитирования: Оболенская Ю.Л. (2024) Город как часть культурного кода испанцев: взгляд «изнутри» и «снаружи». *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 47–65. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-47-65

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Ciudad como parte del código cultural de los españoles: una mirada «desde dentro» y «desde fuera»

© Obolenskaya Yu.L., 2024

Yulia L. Obolenskaya, doctora en Filología, profesora emérita de la Universidad estatal M.V. Lomonosov de Moscú de Lomonosov, directora del Departamento de Lingüística Iberorrománica de la Facultad de Filología de la Universidad estatal de Moscú, jefa del Centro de estudios Iberorrománicos. 119991, Rusia, Moscú, GSP-1, calle Leninskie Gory, 1, ed. 51
E-mail: obolens7@yandex.ru

Resumen. Una de las partes importantes del código cultural de los españoles se relaciona con las designaciones de su lugar de residencia o nacimiento. El análisis histórico-cultural, etimológico, psicolingüístico y conceptual de las nominaciones **capital, ciudad, villa, pueblo, aldea, burgo** revela su papel en la formación de la identidad nacional y social, así como en la creación de la imagen mitológica, conceptual y lingüística en general. La historia y la semántica de los topónimos de España, los mitologemas relacionados con ellos, así como la estructura de las ciudades españolas, el modo de vida de los ciudadanos, reflejados en sus prácticas discursivas, son una confirmación más de la base multicultural de su conciencia lingüística. El hecho de que cerca de un 80 % de la población del país viven en las ciudades es determinante para la autoidentificación social de los españoles, y el «complejo de la capital» no solo lo poseen los residentes de Madrid o de las capitales de las autonomías, sino también los residentes de las antiguas capitales históricas tanto de los reinos cristianos como de la España musulmana de la época de al-Andalus. Los conceptos españoles de **ciudad, villa, pueblo, aldea, burgo, capital** y la historia del mito de Madrid son fenómenos histórico-culturales. Las ciudades emblemáticas Sagunto, Numancia y Zaragoza desempeñan un papel especial en la visión del mundo de los españoles para expresar el carácter valiente y la capacidad de resistencia del pueblo. El «elemento carnalesco» y el amor por los juegos de palabras que caracterizan tanto la conciencia lingüística nacional como el habla y el comportamiento produjeron otro mitologema: Lepe, una pequeña ciudad andaluza, adquirió el estatuto de «capital de chistes».

Palabras clave: ciudad, historia, mitología, identidad nacional y social, topónimos, capital, Madrid, *capital, ciudad, villa, pueblo, aldea, burgo*

Para citar: Obolenskaya Y.L. (2024) Ciudad como parte del código cultural de los españoles: una mirada «desde dentro» y «desde fuera», *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 47–65. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-47-65

Declaración de divulgación: La autora declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

City as Part of the Spanish Cultural Code: The «Inside» and the «Outside» View

© Obolenskaya Yu.L., 2024

Yulia L. Obolenskaya, Doctor of Philology, Honorary Professor of Lomonosov Moscow State University, head of the Department of Iberian Romance Linguistics, Faculty of Philology, Moscow State University, Head of the Center for Ibero-Romance Studies.

119991, Russia, Moscow, GSP-1, Leninskie Gory street, 1, building 51

E-mail: obolens7@yandex.ru

Abstract. The article seeks to determine the extent to which the national cultural code of the Spaniards is influenced by the designations of people's place of residence or birth. The historical, cultural, etymological, psycholinguistic and conceptual analysis of such nominations as **capital, ciudad, villa, pueblo, aldea, burgo** reveals their role in the formation of the national and social identity of the Spaniards, as well as in their mythological, conceptual and linguistic picture of the world. The history and semantics of Spanish toponyms, the mythologems associated with them, as well as the structure of Spanish cities and the way of life there, which are reflected in the language people use, further justify the multicultural nature of their linguistic consciousness. Nearly 80 % of the country's population perceive themselves as city residents, which is decisive for the social self-identification of Spaniards, as not only the residents of Madrid and other capitals of autonomous communities suffer from the 'capital resident complex', but also those who inhabit the ancient capitals of both Christian kingdoms and Muslim Spain of the «Al Andalus» era. The Spanish concepts of **ciudad, villa, pueblo, capital** and the history of the mythologem of Madrid are regarded as deep-rooted historical and cultural phenomena. Mentioning the symbolic cities of Sagunto, Numancia and Zaragoza, which also play a crucial role in the worldview of the Spanish, is equal to describing the heroism and resilience of the Spanish people. The «carnival element» and the love for puns, which clearly characterize both the national linguistic consciousness and the way the Spaniards speak, nurtured another mythologem — a small Andalusian town of Lepe acquired the status of «capital of jokes».

Keywords: city, history, mythology, national and social identity, toponyms, capital, Madrid, *capital, ciudad, villa, pueblo, aldea, burgo*

For citation: Obolenskaya Yu.L. (2024) City as Part of the Spanish Cultural Code: The «Inside» and the «Outside» View, *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 47–65. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-47-65

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Испания — страна горожан. Городское население составляет почти 82%¹ — это один из самых высоких показателей в Европе. Городов-миллионников в Испании всего два — Мадрид (около 3,5 млн, а *большой Мадрид* — 6,5) и Барселона — 1,6 млн². Чуть не дотягивает до миллиона Валенсия, но ведь и жители городков с населением 2–4 тыс. тоже считают себя горожанами. Как «настоящие» горожане, испанцы не знают названий деревьев и назовут, пожалуй, только сосну, оливу и пальму, они не отличат растущий на грядке картофель от моркови, но при этом хорошо знают географию и историю своей страны, памятные места своего города, роль города и его жителей в судьбоносных для страны событиях (и прежде всего в Реконките), местные праздники и традиции. Для испанцев их родной город значит очень много, он становится частью их самих, их лицом, а его история — личной биографией. Историей города гордятся как семейной, знают, кто и почему дал городу такое название, не дают его менять, святыми покровителями города гордятся, как своими родственниками или соотечественниками. Причем ревностно отстаивая честь предков, восхваляя красоту и неоспоримые достоинства своего города и его жителей, испанцы часто пытаются принизить значение других городов своей же исторической области. Так, хорошо известны жесткое соперничество жителей Сан-Себастьяна и Бильбао за признание главенства своего города в Стране Басков и конкуренция трех прославленных городов Андалусии — Кордовы, Гранады и Севильи — за статус главного и самого красивого в автономном сообществе города, славного еще и самыми элегантными горожанами: определение *señorito andaluz* превратилось в своего рода концепт культуры и одновременно повод для шуток и анекдотов. Извечный спор андалузцев

Церковь Святой Анны в Севилье

¹ Самыми «городскими» в ЕС являются Бельгия (98% населения сосредоточено в городах), Нидерланды (92,9%), Швеция (88,5%). Франция (81,5%) и Испания (81,3%) замыкают первую европейскую десятку. — *Прим. ред.* Percent urban population, 2022 – Country rankings. The Global Economy.com. URL: https://www.theglobaleconomy.com/rankings/Percent_urban_population/European-union (accessed: 15.01.2024).

² Согласно данным Национального института статистики Испании, в 2023 г. население Мадрида — 3,34 млн (а всей *area urbana de Madrid* — 6,258 млн), Барселона — 1,66 млн (*area urbana de Barcelona* — 5,207 млн). — *Прим. ред.* Población según capital de provincia y sexo. Censo anual de población 2021–2023. Instituto Nacional de Estadística. URL: <https://www.ine.es/jaxi/Datos.htm?tpx=61396> (accessed: 15.01.2024).

отражает известная поговорка: *¡Quien no ha visto Sevilla, no ha visto maravilla!* (Кто не видел Севильи — не видел чуда!), которая сразу же была дополнена гранадцами: *¡Quien no ha visto Granada, no ha visto nada!* (Кто не видел Гранады — не видел ничего!)

Базилика Макарены в Севилье

Так же отстаивали превосходство своих святых покровителей и достоинств городка или деревни их жители и в Средние века, причем доходило даже до кровопролитных драк. Сегодня соперничество приводит к постоянным нападениям и попыткам *диффамации конкурентов*, а корни этой вражды кроются еще в истории иберийских племен, объединявшихся по модели греческих полисов и воюющих

с соседями, поклонявшимися другим, чужим богам. Сегодня соперничество может разворачиваться даже внутри городов: в Севилье жители Трианы (Triana) отстаивают преимущества своей покровительницы — Santa Ana, чей образ почитают в храме этого района, перед Макареной (María Santísima de la Esperanza Macarena) — Пресвятой Девой из собора другого района Севильи. *Трианцы* и *макаренцы* непримиримы в отстаивании красоты своей Богоматери, а шествия во время Страстной недели — *pasos*, с их очень тяжелыми скульптурными образами, когда удостоенные этой чести прихожане, согнувшись под задрапированной платформой, проносят их по всему городу на носилках, ритмично покачиваясь, — по накалу зрительских страстей напоминают спортивные состязания.

Villa

Для испанца важно осознание себя горожанином. Причем для него важна не столько социальная оппозиция *города и деревни*, сколько личная самоидентификация: кто я? — *cudadano* или *aldeano*. Подчеркну, что городом в Испании официально считается населенный пункт примерно с 10 тыс. жителей, но вот тут кроется, пожалуй, самое главное отличие испанцев от европейцев.

Горожанами испанцы считают тех, кто проживает не только в *ciudad* — собственно в городе, но и в *villa* — это почетный титул порой очень маленьких поселков, которые заслужили его своими героическими деяни-

Севилья. Шествие Братства Макарены

ями. Города-вильяс были наделены особыми привилегиями³: это поселения/города-герои с особым статусом, правами и налоговыми льготами, там может проживать и тысяча жителей (или меньше), и миллион. Самая известная *villa* — это, конечно, Мадрид, его полное метафорическое наименование *Villa del Oso y el Madroño* — «Город медведя и земляничного дерева»

(запечатленных на его гербе). Жители вильи именуются *vecinos* — соседями (а не *ciudadanos*, как в обычном городе), именно так к ним и обращается алькальд — мэр города, и это еще одно подтверждение необычного, дружески-семейного характера общности внутри таких городов. Городки эти складывались как поселения вокруг дворца или поместья сеньора (ср. со значением «виллы»), это могли быть крестьяне, арендаторы, идальго, но самое главное отличие городков *villa* от деревни или городка-*pueblo* — это их автономия, они могли принимать административные решения, например, построить свою крепость, иметь собственных судей. По сути, титулы вильяс, дарованные королями, означали, что эти поселения были королевскими поместьями, резиденциями, куда мог переноситься двор, что, как мы увидим, не раз происходило на протяжении истории страны. Почетность номинации этих поселений отражена в современном названии Олимпийской деревни — *Villa olímpica*.

Формант вилья входит более чем в десяток испанских топонимов: Villagracia, Villacarrillo, Villafranca del Bierzo и Villafranca de los Barros и т.д., он также отражен в топонимии Латинской Америки: например, в известном названии столицы — Villahermosa — одного из мексиканских штатов. В современном испанском языке *villano* как историзм сохраняет сему крестьянского, низкого — подлого — происхождения, но при этом прибавил новое значение — этически-нравственной оценки для обозначения подлых и низких людей и их поступков.

³ Титул *вилья* и особые права этих населенных пунктов были отменены Кадисской конституцией 1812 г. и окончательно упразднены Конституцией 1978 г. — *Прим. авт.*

Pueblo

Еще сложнее ситуация с теми, кто, судя по переписи, тоже считает себя горожанами, но живет в *pueblo* — формально это поселок городского типа до 7–10 тыс. жителей, но может быть и гораздо меньше. При этом признаком его городской принадлежности является городская структура, а она окончательно оформилась в эпоху Средневековья. Город должен обладать Главной площадью (Plaza Mayor), на которой расположены церковь или собор, а также дома представителей власти. Главная площадь была многофункциональна, являясь и торгом, и местом казни, и местом общения всего населения. Кстати, Главной (Mayor) она стала называться с XVI в., а до этого была Рыночной (de Mercado). От площади исходит Главная улица — Calle Mayor — место жительства именитых горожан и торговли. Таких городков в Испании (особенно в Кастилии и на юге) большинство, в каждом есть церковь или монастырь, свой

собственный почитаемый святой-покровитель, свой праздник, свои традиции, он может стать или не стать в будущем городом. Однако главная социальная характеристика *pueblo* — провинциальность, а его жителей в глазах горожан из *ciudad* — незначительность при всех их попытках стать *настоящими* горожанами, на самом деле оставаясь провинциалами. Об этом свидетельствуют презритель-

План средневекового Толедо

ные дериваты слова, определения, пословицы и присловья: слово *pueblerino* может использоваться как ругательство, обозначая «деревенщину» и «бескультурье», а выражение *ese es de pueblo* часто несет презрительную нагрузку. Категорическое осуждение недопустимого действия/события — «Только этого не хватало!» — выражают возгласом *¡Sería un pueblo!* Для жителей больших городов выходцы из *pueblo* (хотя разграничение типов поселений по размеру/количеству жителей весьма относительно в Испании) маркированы как провинциалы.

Перевод *pueblo* на русский язык словами «деревня», «городок», «поселок» возможен, но нужно исходить из конкретного текста (что и происходит очень часто). М.И. Цветаева (1892–1941) в знаменитом переводе стихотворения Гарсиа Лорки (Federico García Lorca, 1898–1936) «Pueblo» предложила

вариант «селенье», однако в оригинале Лорки это типичный городок на холме, названный Лоркой местом мученичества (*calvario*), с башнями, на которых вечно вращается флюгер, что для селенья или деревни — необычные архитектурные детали:

Pueblo

Sobre el monte pelado
un calvario.
Agua clara
y olivos centenarios.
Por las callejas
hombres embozados,
y en las torres
veletas girando.
Eternamente
girando.
¡Oh pueblo perdido,
en la Andalucía del llanto!

Селенье

На темени горном,
На темени голом —
Часовня.
В жемчужные воды
Столетие никнут
Маслины.
Расходятся люди в плащах,
А на башне
Вращается флюгер,
Вращается денно,
Вращается ночью,
Вращается вечно.
О, где-то затерянное селенье
В моей Андалусии
Слезной...

Ciudad

Для расшифровки культурного кода испанцев важно понимать и скрытые в этимологии населенных пунктов смыслы: город — *ciudad* (от лат. *civitas*, *civis* — гражданин), созданный по модели римских городов, обладает своими органами власти, законами и правами — это такое мини-государство, со смешанным социальным составом населения. И это отражено в единой номинации «гражданина» и «горожанина» — *ciudadano* (в русском языке, кстати, это тоже слова единой этимологии). Небольшие поселения *pueblos* с размытым правовым статусом и административными полномочиями могли похвастаться лишь родственными и дружескими связями и народным *прямым правом*, а их жители и сегодня очень гордятся тем, что они «del pueblo» — из *народа*. Ведь само их название этимологически связано с латинским *populus* — народ, подобная форма поселений была присуща и иберам, которые не желали объединяться даже в оборонные союзы с соседями, отличаясь крайним индивидуализмом, что отметил еще греческий историк Страбон (Στράβων, ок. 64/63 годов до н. э. – ок. 23/24 годов н. э.).

Aldea

Название *aldea* отражает прежде всего род деятельности ее населения — сельское хозяйство, слово арабского происхождения, означает «маленькую деревню» и пришло в испанский вместе с эпохой аль-Андалус, арабского владычества 711–1492 гг. Прилагательное *aldeano* (деревенский) несет в себе сему уничижительной оценки безвкусицы и недостатка культуры с точки зрения горожанина, в то же время его носитель отличается хитростью, природным умом и сметливостью — эти качества, будучи запечатленными в поговорицах, воспринимаются позитивно. Классический образ *aldeano* — это Санчо Панса, который пользуется особой любовью испанцев. Классический образ *aldeano* — это Санчо Панса, который пользуется особой любовью испанцев.

Burgo

Еще одно название типично испанского поселения — германского происхождения — это *burgo* (от герм. *burgs* — укрепление, крепость). Сейчас это историзм, хотя и сохранившийся в топонимии Испании в названиях городов Burgos, El Burgo, Burguete, El Burgo de Osma и т.д. И у *burgo* (-*бурга*, сохранившегося в названиях многих европейских и российских

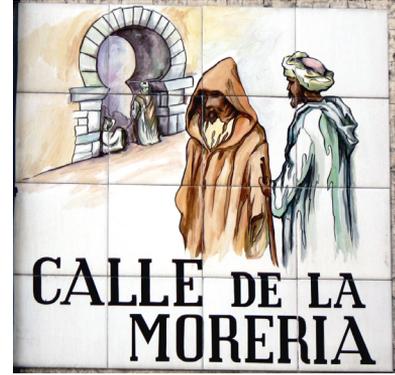

Кафедральный собор в г. Бургос

городов) в Испании достойная история: власти поселений, расположенных в долинах, создавали крепости на склонах или вершинах соседних гор в качестве наблюдательных и охранных форпостов, вокруг них складывались поселки — своего рода военные городки. Таких поселений или их руин особенно много в Кастилии. Город Бургос стал частью главной мифологемы Испании — Реконкисты, а похороненный в соборе Бургоса (одном из красивейших соборов мира) национальный полубогородный герой Сид Кампеадор (Rodrigo de Vivar, El Cid Campeador, с. 1048–1099) — Родриго Диас де Вивар отражает сакрализацию героев Реконкисты и ее святого покровителя Св. Иакова, что также является неотъемлемой частью культурного кода испанцев, запечатленной во многих испанских топонимах, легендах и фольклоре.

Современные испанские города — наследники средневековых

Современные испанские города — наследники средневековых, а структура *старого города*, или, как его очень ярко называют испанцы, *casco antiguo* (древний остов, костяк), до сих пор хранит облик, который легко дорисовать в воображении... Мощные зубчатые крепостные стены с воротами, главная площадь (наследие греческой агоры или римского форума, причем прямоугольной формы она стала в Испании с XVI в. по модели площади в Вальядолиде), дворец (или арабские укрепленные *алькасаба/алькасар*), церковь или собор (часто перестроенная мечеть), а на периферии центра — кварталы *худерии* и *морерии*, куда в конце XIV в. после еврейских погромов⁴ переселили иудеев, ну и мавров, соответственно. Эти кварталы (не отделенные от центра города стенами с воротами, как в Европе с конца XVI в.) отличается свободная планировка, кривые улочки, часто завершающиеся тупиком, синагоги и молельные дома, расположенные в укромных закоулках, маленькие окна и выбеленные стены. Альбайсин в Гранаде — яркая иллюстрация морерии или альхамии, где сияющие белизной домики дают представление и о гранадской реалии — ярких при-

Улица Морерия в Мадриде.
Работа керамиста Руиса де Луны

Квартал Альбайсин в Гранаде

домовых садах, которые называются «*кармен*». Это слово вошло в состав имени одного из андалузских образов Богоматери — Nuestra Señora del Carmen, а усеченная его форма стала прославленным испанским женским именем благодаря новелле Проспера Мериме (Prosper Mérimée, 1803–1870) и опере Бизе (Georges Bizet, 1838–1875).

⁴ Нападения на евреев начались в Испании с конца XIV в., а столетие спустя евреев в стране насчитывалось от 500 тыс. до миллиона. Толедские Кортесы в 1480 г. декретом закрепили изоляцию иудеев в худерияс. Этот декрет был в силе вплоть до официального изгнания иудеев в 1492 г., однако они так и остались в испанских городах юга страны и зоны Леванте. В Риме первая худерия была создана в 1555 г. по инициативе папы Павла IV (Paulus PP. IV, 1476–1559). — *Прим. авт.*

Каждый из трех главных городов Андалусии занимал важнейшее место в истории не только Испании, но и всей Европы, а их жители и сегодня ощущают себя отнюдь не провинциалами, а скорее столичными жителями. Кордова была столицей Кордовского Халифата в период, который знаменует расцвет эпохи аль-Андалус. Этот город выдающихся ученых, философов и поэтов притягивал европейских эрудитов и в X в. был крупнейшим городом Европы: в нем проживало более 500 тыс. человек, тогда как в Париже тогда жило всего 50 тыс. Севилья сегодня — столица автономии, в прошлом недолгое время даже была столицей всей страны, но особенно прославилась в эпоху географических открытий, когда стала богатейшим городом Испании, а сегодня хранит архивы мирового значения. Гранада была столицей Гранадского эмирата — последнего бастиона, отвоеванного католическими королями у мусульман в завершении Реконкисты в 1492 г., и до сих пор воспевается арабами как их «потерянный рай».

Алькасар, Кордова

Улица Старая Худерия
в Сеговии

Обозначения жителей городов от названий римского периода

Комплекс *столичности* подкрепляется римским периодом истории процветания и славы этих городов, и жители андалузских городов гордятся в том числе и тем, что сохранили катойконимы — обозначения жителей городов от названий римского периода: севилец знает, что он — *hispalense* или *hispaletto* от римского названия Севильи — *Hispalis*, а гранадец — что он *garnati*, потому что арабы заменили иберийское имя Гранады — *Iliberri* (Новый город) на *Elvira*

Garnata. И только иностранцев удивит, например, обозначение жителя Леона — *legionense*, а жители знают, что город был назван римлянами *Legio* (Легион), со временем превратившегося во льва — *Leon*! Романтично звучит номинация жителя современной Коруньи — *brigantino* от римского названия порта *Brigantium*. Тысячелетняя история городов запечатлена в этих обозначениях, они тоже часть культурного кода испанцев. Отмечу, что арабы, завоеывая христианские города, обычно сохраняли их названия, лишь адаптируя их форму согласно орфоэпическим требованиям своего языка, одновременно придавая имени города статус официального названия в документах.

Города — символы героизма и стойкости

Особую, общенациональную гордость всех испанцев вызывают города, чья история или связанная с ней мифология общеизвестна, а воинская и гражданская доблесть горожан, выдержавших осаду многократно превышающих сил противника, стала частью национальной, генетической памяти. Города — символы героизма и стойкости — это Сагунто, Нумансия и Сарагоса. Они приобрели *комплекс нарицательности*, вошли в пословицы и присловья, характеризующие такие качества, как неприступность⁵, отвага и мужество. Положившая начало Пунической войне осада Карфагеном Сагунто в 219 г. длилась 8 месяцев, крепость была полностью разрушена, осажденные не сдались, но погибли. «Это было настоящее Сагунто», — говорят испанцы о поражении, когда правота была на стороне проигравших, сохранивших свою честь и достоинство. А подвиг маленького города-крепости Нумансии, более года сдерживавшего осаду превосходящей армии Рима, оказался востребован в моменты высшей степени угрозы для Испании и СССР! Посвященная трагедии Нумансии драма Сервантеса (Miguel de Cervantes, 1547–1616) «Осада Нумансии» (Numancia, 1585) ставилась в осажденной французами Сарагосе, вдохновляла на борьбу республиканцев в 1936–1939 гг., а в СССР в переводе Владимира Пяста (1886–1940) была издана в 1940 г. и ставилась в 1941 г. Другим символом победы духа при военном поражении стали для испанцев и две осады французами в 1808–1809 гг. Сарагосы, когда кровавые штурмы, голод, эпидемия тифа и другие болезни унесли жизни 55 тыс. человек (французы потеряли около 10 тыс.).

Capital

Самым, как кажется, удивительным историко-культурным феноменом Испании является концепт столицы — *capital* (от лат. *capitalis* — основной, *caput* — голова, жизнь, суть) — основополагающий для любого национального культурного кода. В сравнении с другими странами столица Испании кажется «кочующей»: 8 переездов за 450 лет. Окончательная консолидация Испании после завершения Реконкисты в 1492 г. воплотилась в выборе католическими королями Изабеллой (Isabel I de Castilla, 1474–1504) и Фердинандом (Fernando II de Aragón, 1479–1516) в качестве столицы страны города Вальядолида. Это было символическое решение: победой замыкался круг деятельного участия королей в Реконкисте, а начался он в Вальядолиде в 1469 г. с их тайного венчания, брака, объединившего Кастилию и Леон с Арагоном и Наваррой.

⁵ Испанцы не были бы испанцами, если бы не использовали эти символические наименования для характеристики неприступной дамы. Сарагосой именуют героиню «Треугольной шляпы» («El sombrero de tres picos», 1874) Аларкона (Pedro Antonio de Alarcón, 1833–1891) — мельничиху. — *Прим. авт.*

Имперские амбиции страны были связаны с правлением Карла I (V) (Carlos I de España, 1516–1556), который назначил в 1519 г. столицей древний Толедо, и в таком статусе Толедо существовал до переноса двора в Мадрид в 1561 г. Потом с 1601 по 1606 г. столица находилась в Вальядолиде, затем вновь в Мадриде, при Филиппе V (Felipe V de España, 1700–1746) переносилась в Севилью в 1729–1733 гг., в годы Пиренейских войн в 1808–1814 гг. — в Кадис, Сан-Фернандо, Севилью. Во время Гражданской войны 1936–1939 гг. она была в Валенсии, Барселоне, Жироне и Фигерасе, а Ф. Франко ненадолго избирает в это время столицей Бургос. При этом впервые сама номинация *Capital de la monarquía Católica y del Imperio español* была использована для уточнения статуса Мадрида только в 1606 г., до этого столичные города были просто местом пребывания королевского двора — городом короны.

Мадрид как столица

У Мадрида как столицы история совсем не такая древняя и славная, как у Толедо — «короны Испании и света всего мира», который с перерывами был столицей с 418 до 1561 г. (в 711 г. он был захвачен арабами, затем вернул свой статус после отвоевания в 1085 г.). В XIII в. двор переносится в Вальядолид, но высокий статус Толедо сохраняется. Король Филипп II (Felipe II de España, 1556–1598) вырос в обеих столицах, хорошо знал соперничество местной аристократии, претензии крупных землевладельцев и церкви. Так только ли географическое положение Мадрида (центра объединенных земель) стало причиной выбора Филиппа II? Двор был перенесен в Мадрид в 1561 году⁶, и тогда вид у него был довольно захолустный, проживали в нем около 20 тыс. человек (правда, за пару лет жителей стало уже 100 тыс.), да и обозначался он как *villa y corte*: уже упомянутый титул *вилли* за особые заслуги плюс королевский двор. Интересно, что город был создан арабами вокруг крепости как раз для защиты Толедо от набегов кастильцев. В документах он упоминается только с 932 г., а отвоеван был в 1085 году. Когда Филипп II в 1561 г. сделал Мадрид столицей⁷, это стало, как теперь говорится, «разрывом шаблона» — революцией в выборе достойнейшего из достойных главного города. Столица практически создавалась на базе арабской крепости Майрит, без легендарного прошлого, но вскоре ее исключи-

⁶ Решение принималось быстро, учитывая то обстоятельство, что отец Филиппа II — великий император Карл V (I) — отрекся от престола в 1556 г. и умер в 1558 г., а сам Филипп, занятый войнами, а затем обвенчанный с Марией Тюдор (María I de Inglaterra, 1553–1558), сидел в Лондоне, надеясь на английское наследство, и покинул его только в 1559 году. Следует признать, что этот выбор — решительный поступок молодого короля — стал характерным знаком придворным — свидетельством независимости его будущих решений. — *Прим. авт.*

⁷ Возможно, веским доводом в пользу отказа от Вальядолида и Толедо как столиц стало их активное участие в восстании комунерос против короны в 1520–1522 гг., а может быть, и предание о благодатности мадридского климата: заболевший Карл I успешно излечился там от малярии. — *Прим. авт.*

тельность была подкреплена строительством поблизости главной королевской резиденции и усыпальницы королей — Эскориала (Escorial). Мадрид был городом, удаленным от границ (врагов), и при этом — выскочкой, без патрицианского прошлого, без местной аристократии, с очень скромным негероическим святым покровителем — крестьянином Святым Исидором (San Isidro Labrador, с. 1082–1172)⁸, а не Св. Георгием, Св. Иаковом или кем-то подобным. По сути, Мадрид был тем же презируемым аристократией *пуэбло*, и потребовалось почти два века для создания столичной легенды, упрочивающей его авторитет.

Началось с легенды о славном историческом прошлом города, которая подчеркивала бы его историческую роль плацдарма победы в Реконквите: утверждалось, что именно взятие Мадрида Альфонсом VI (Alfonso VI de León, 1065–1072, 1072–1109) было главным этапом отвоевания Толедо, что именно из Мадрида христианские войска затем двинулись на решающую битву при Лас-Навас-де-Толоса в 1212 г. С эпизодом взятия Мадрида Альфонсом VI связывают и появление необычного прозвища мадридцев — «коты» (*gatos*) со значением «ловкие», «храбрые». Легенда гласит, что стены крепости Майрит казались неприступными, но 16-летний воин с помощью веревки вскарабкался на стену и помог своим товарищам проникнуть в крепость — так, к изумлению арабов, христиане и овладели крепостью. Альфонс VI, отметил, что такая ловкость доступна только котам, а узнав имя героя, даровал ему за чрезвычайную храбрость и ловкость дворянство и герб с изображением стены и веревки, и вскоре прозвище «коты» распространилось на всех освободителей Мадрида, а затем на всех мадридцев¹⁰.

Эскориал⁹

⁸ Каждый год 15 мая Мадрид отмечает день своего покровителя — День Святого Исидора Крестьянина. Это один из самых старых и любимых праздников местных жителей. В этот день устраиваются народные гуляния (*la romería*), проводятся ярмарки и фестивали. Одно из красочных мероприятий — шествие необычных фигур: великанов (*los gigantes*) и большеголовых (*los cabezudos*). Завершает фестиваль шоу фейерверков. — *Прим. ред.*

⁹ Монастырь, дворец и королевская резиденция Филиппа II. Строился с 1563 по 1584 г. Объект Всемирного наследия ЮНЕСКО. — *Прим. ред.*

¹⁰ В поздних вариантах легенды уточнялось, что право на имя «мадридского кота» имеют мадридцы в трех поколениях. В начале 80-х гг. прошлого века молодежное движение *movida madrileña* или *movida de noche* принесло новую интерпретацию прозвища — «мадридскими котами» именовали жителей Мадрида, развлекавшихся по ночам, и это переосмысленное значение прозвища также распространилось на всех мадридцев как прозвище столичных жителей — праздных людей, ведущих активную ночную жизнь. — *Прим. авт.*

Существуют и другие версии происхождения этого прозвища: <https://www.madridnatural.es/de-chulapos-chispas-manolos-majos-ballenatos-y-gatos-los-apodos-de-los-madrilenos/?lang=es&v=d3dcf429c679> — *Прим. ред.*

Уже в 1554 г. Карл I наделил *Villa de Madrid* титулом «*Coronada e Imperial*» (Коронованный и Имперский), возможно, в награду за свое исцеление от малярии. Затем в 1569 г. вдруг пала стена около ворот Пуэрта Серрада (*Puerta Cerrada*) в самом центре Мадрида и открылся камень с изображением дракона, что сразу же было использовано как подтверждение легендарного королевского прошлого города. Мадридский Алькасар (изысканный дворец, построенный арабами еще в IX в.) благодаря Филиппу II начал превращаться в крупнейшее собрание произведений искусства¹¹, а сам Мадрид — в культурный центр страны. Огромная коллекция картин в Алькасаре включала шедевры испанских и европейских прославленных художников, что тоже подтверждало имперские амбиции Испании и укрепляло позиции Мадрида в Европе.

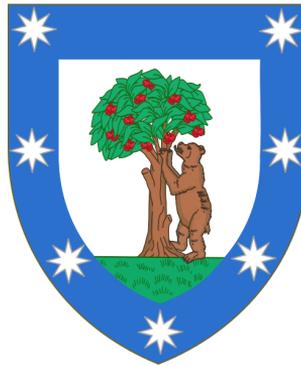

Праздник Святого Исидора, покровителя Мадрида

Кроме того, конечно, важную роль всегда играла визуализация мифологии, создание символического образа города на его гербе, своего рода наглядная агитация населения. Герб Мадрида первоначально отображал реку, то есть важность Мансанареса, но уже в 1212 г. на гербе был изображен медведь, пасущийся на травке, а на его хребте — 7 звезд Малой Медведицы,

Герб Мадрида 1212 г.

Герб Мадрида
с 1222 по 1554 г.

причем Полярная звезда в его хвосте расценивалась как путеводная, указывающая на север. Затем церковь отняла у Мадрида права на окружающие его поля, оставив за ним права на деревья (древесину) и охотничьи угодья, и вот медведь встал на задние лапы, опираясь на дерево, а звезды Медведицы заняли место на бордюре¹². После 1554 г. присвоение

¹¹ К сожалению, дворец сгорел в канун рождества 1734 г. при загадочных обстоятельствах, часть коллекции была утрачена, а на некоторых картинах в музее Прадо и сегодня можно увидеть следы копти от того пожара. — *Прим. авт.*

¹² Неизвестно, когда дерево начали называть земляничным — *el madroño*, возможно, из-за созвучия с названием города. Дело в том, что подобных деревьев около города почти не было, но было много солодкового дерева с темно-красными ягодами (исп. *lodón*). — *Прим. авт.*

Герб Мадрида до 1967 г.

городу титула *Villa de Realengo con fueros propios* — «Королевская Вилья с собственными правами» дало возможность разместить над кроной дерева открытую королевскую корону. Чудесное обретение камня с драконом в течение 300 лет было отражено на гербе в виде символа власти — грифона на левом поле. А свой окончательный вид — уже без грифона — герб Мадрида обрел только в 1967 г. Кстати, далеко не всем испанцам известно, что черный медведь на гербе Мадрида несет в себе русскую основу: этот черный цвет в геральдике, обозначаемый как *sable*, — это цвет *cebellina* (соболя): речь идет об этимологических дублетах одного из первых русизмов в испанском языке.

Только в XVIII веке при Карле III (Carlos III de España, 1759–1788) Мадрид приобрел столичный вид и лоск. По-видимому, к тому времени и относится самая комплиментарная для города пословица: *De Madrid al cielo, y en el cielo, un agujerito para verlo* («Из Мадрида — в рай, а в раю сделать дырочку, чтобы видеть его»).

Этимология топонима Мадрид

Этимология топонима Мадрид вызывает споры до сих пор, и зачастую полемика приобретает характер оценки значимости и древности города, его роли в истории страны, роли языков и народов Испании в выборе его названия. В классическом исследовании выдающегося испанского филолога и историка языка Рамона Менендеса Пидалья «*La etimología de Madrid y la antigua Carpetania*» рассматриваются 20 промежуточных наименований города и делается вывод о том, что названия *Mayrit/Magerit* являются арабскими вариантами кельтского наименования этого населенного пункта *Mageterito/Mageterito*, представляющего собой сложное слово, в котором *mago/mageto* означает «большой», а *rito* — «мост, переправу» [Menéndez Pidal, 1945: 18–19], следовательно, имя *Magerit* фиксировало отличительную особенность поселения — большой мост через Мансанарес. Это доказывает как древность города, так и важность переправы через реку, отмеченную еще кельтами. Однако баскские исследователи [García Berlanga, 1980: 370–375] отстаивают баскскую версию происхождения названия, настаивая на том, что в провинциях Мадрид, Бургос и Овьедо есть топонимы *Madrid/z*, в корне которых — именно баскское слово *Madariz*, обозначающее грушевые деревья.

Конечно, жителям других городов кажется, что жители Мадрида кичатся своим столичным статусом, они слынут заносчивыми бюрократами или малоприятными богатыми бездельниками, и это ярко отражает шутки и анекдоты о мадридцах¹³. Энциклопедия мадридской жизни начала XVII в. представлена в выдающихся произведениях М. де Сервантеса — его «Интермедиях» («Ocho comedias y ocho entremeses nuevos, nunca representados», 1615). Из интермедий становится ясно, что уже тогда у города была не только добрая слава, и как раз маргиналы стали героями большинства этих маленьких смешных и грустных зарисовок о нравах мадридцев, особенностях города и т.п. Ну а сегодня Мадрид, помимо статуса культурной столицы, города множества прекрасных парков и музеев, признан столицей карманников, которые съезжаются туда даже из-за границы, и, как и любая западная столица, переполнен маргиналами и иммигрантами.

Интересна еще одна деталь, и сегодня вносящая вклад в мифологизацию *столичности* Мадрида в сознании испанцев, — это разговорное название столицы *El Foro*, которое часто пытаются интерпретировать как символическое, отсылающее к наследию Рима — римскому форуму, где решались судьбы города и мира. Но на самом деле это слово родом из калó — языка цыган, где оно означает город и столицу¹⁴. И сначала это *тайное* обозначение перешло в городской жаргон, а затем было использовано кем-то из политиков. Другое заимствование из *хермании* (*germania*) — воровского жаргона XV–XVI веков¹⁵ — *chulo*¹⁶ определяет и самую яркую живую реалию мадридской жизни — не менее важную, чем, например, *маха*¹⁷ или *маноло*¹⁸, поскольку *чуло* именуется мадридский простолюдник вызывающего поведения, манеры говорить и одеваться, острослов и нахал, а словом *chulería* обозначаются его действия (еще одно широко известное слово в этом большом ряду однокоренных единиц — это *chuleta*, студенческая «шпаргалка»).

¹³ Например, такие: *El madrileño no hace la siesta, repone energías* (У мадридца нет сиесты — есть подзарядка энергией); *El madrileño no es chulo, es extrovertido* (Мадридец не нахал — он экстраверт); *El madrileño no traiciona, rectifica* (Мадридец не предаёт — он выверяет); *El madrileño no es racista, es selectivo* (Мадридец не расист — он селективен); *El madrileño no es presumido, es sincero* (Мадридец не воображала, он искренен). — *Прим. авт.*

¹⁴ Причем от него в цыганском есть и производное: житель столицы — это *foroano*, а вот в испанском его пока нет, и мадридцы пока говорят *soy del Foro* (букв. «я из Форума»). — *Прим. авт.*

¹⁵ Тайный язык грабителей, воров и других преступных элементов. Происходит от слова *germà* (брат) на каталанском, означает «братство, сообщество». Восстание *Germanías* в Валенсии и на Майорке в 1519–1523 гг. заслуживает отдельного рассказа. — *Прим. ред.*

¹⁶ Первоначально это слово на жаргоне обозначало красавца, храбреца, ловкача, что и сейчас пытаются транслировать своим видом и манерами мадридские *чуло*. — *Прим. авт.*

¹⁷ См. рассказ о *махос* и *махас*, а также о *маноло* в монографии Е.В. Астаховой «Испания как метафора» [Астахова, 2023: 203–205]. — *Прим. ред.*

¹⁸ Подробнее о происхождении этих и других слов, связанных с Мадридом, см.: De Chulapos, Chispas, Manolos, Majos, Ballenatos y Gatos, los apodos de los madrileños. Madrid natural y artesanal. 21.11.2020. URL: <https://www.madridnatural.es/de-chulapos-chispas-manolos-majos-ballenatos-y-gatos-los-apodos-de-los-madrilenos/?lang=es&v=d-3dcf429c679> — *Прим. ред.*

Ле́пе, «столица» шуток

Ну и, наконец, «карнавальная стихия», отличающая национальное языковое сознание и испанский характер, привела к появлению еще одной мифологемы — наделению маленького городка Ле́пе в провинции Уэльва, что на юге Испании, статусом «столицы» шуток и юмора. В Ле́пе мифотворчество испанцев поселило недалеко, но и остроумных жителей — героев бесконечной серии анекдотов²¹. Сборники анекдотов о леперос ярко отражают каламбурное речетворчество испанцев: шутки построены на игре слов, полисемии, обыгрывании омонимов или близких по фонетическому облику слов, отражают актуальную проблематику, высмеивают социальные пороки и т.п.²²

* * *

Наш очень короткий анализ — это попытка дешифровки той части культурного кода испанцев, которая доказывает важность для их мифологической, концептуальной и языковой картины мира, казалось бы, обычных обозначений места жительства или рождения, играющих особую роль в определении национальной и социальной идентичности испанцев. Конечно, этот анализ можно было бы дополнить описанием городских традиций, уклада жизни определенного города, особенностей городской кухни и т.п. Но, так или иначе, все рассмотренные в работе элементы — и история, и структура испанских городов, и семантика топонимов Испании, равно как и связанные с ними мифологемы, отраженные в дискурсивных практиках, — служат еще одним подтверждением мультикультурной основы языкового сознания испанцев.

²¹ Например: *Sabes por qué los de Lepe nunca llegan a la Capital? — No, ¿por qué? — Porque un poco antes de la entrada hay un letrero que dice «Huelva»* (Знаешь, почему жители Ле́пе никогда не доезжают до столицы? — Нет, почему? — Потому что перед выездом есть надпись «Уэльва») — здесь игра слова основана на созвучии названия города «Уэльва» с неправильным произнесением глагола *volver* (возвращаться) в форме повелительного наклонения: леперо всегда читает «Возвращайтесь»). Или образец черного юмора: *Sabes por qué los de Lepe se tiran al pozo del pueblo? — No, ¿por qué? — Porque les han dicho que en el fondo no son tan tontos* (Знаешь, почему леперос бросаются в городской колодец? — Нет, почему? — Потому что им сказали, что в глубине они не такие глупые; здесь игра с прямым значением «глубины» и переносным — «в глубине души»). — *Прим. авт.*

²² «Шутки о жителях Ле́пе стали настолько популярными, что были объявлены культурным достоянием провинции. Произошло это во многом благодаря режиссеру и юмористу Мануэлю Саммерсу (1935–1993), который, проведя несколько летних сезонов в поселке, заметил, что его жители отличаются особым чувством юмора и даже обычные истории рассказывают с изяществом и непринужденностью. Ле́пе стал центром фестивалей юмора и конкурсов на лучшую шутку о леперо. «Настоящая грация шуток из Ле́пе состоит в особенной смеси метафор, что и придает анекдоту особую прелесть», — читаем в монографии Е.В. Астаховой «Испания как метафора», где приводятся многочисленные примеры таких шуток. — *Прим. ред.*

Список литературы / References

- Боткин В.П. (1976) *Письма об Испании*, Ленинград, Наука, 344 с.
 Botkin V.P. (1976) *Pis'ma ob Ispanii* [Letters about Spain], Leningrad, Nauka, 344 p. (In Russian)
- Оболенская Ю.Л. (2018) *Мир испанского языка и культуры*, Москва, URSS, 256 с.
 Obolenskaya Yu.L. (2018) *Mir ispanskogo yazyka i kul'tury* [The world of Spanish language and culture], Moscow, URSS, 256 p. (In Russian)
- Сударь Г.С. (2007) *Испанская топонимия. Учебное пособие*, Москва, РосНОУ, 232 с.
 Sudar G.S. (2007) *Ispanskaya toponimiya. Uchebnoe posobie* [Spanish toponymy. Textbook], Moscow, RosNOU, 232 p. (In Russian)
- Уотт У.М., Какия П. (1976) *Мусульманская Испания*, Москва, Наука, 216 с.
 Watt W.M., Kakia P. (1976) *Musul'manskaya Ispaniya* [Muslim Spain], Moscow, Nauka, 216 p. (In Russian)
- Bendala M. (2000) *Tartessos, iberos y celtas* [Tartessians, Iberians and Celts], Madrid, Ediciones Martínez Roca, 296 p. (In Spanish)
- García Berlanga F. (1980) 5000 años de Euskera. [5000 years of Basque], Bilbao, La Gran Enciclopedia Vasca, 421 p. (In Spanish)
- Llorens M. J. (1991) *Diccionario gitano. Sus costumbres* [Gypsy dictionary. Their customs], Madrid, D M, 297 p. (In Spanish)
- Menéndez Pidal R. (1945) La etimología de Madrid y la antigua Carpetania [The etymology of Madrid and ancient Carpetania], *Revista de la Biblioteca, Archivo y Museo*, no. 51, pp. 3–23. (In Spanish)
- Villar P. (1988) *Historia de España* [History of Spain], Barcelona, Critica, 168 p. (In Spanish)

Жирона: средневековый город и современный человек, встреча

© Мальковская И.А., 2024

Ирина Александровна Мальковская, канд. филос. наук, доцент, независимый исследователь.
123298, Москва, улица Берзарина, 4–67
E-mail: irinamalkovskaya@gmail.com

Аннотация. Жирона — испанский город с многовековой историей. Средневековый дух города позволяет погрузиться в прошлое, оживить историческую память, почувствовать соприкосновение веков. Жирона — эвристическая модель для размышления о средневековой культуре и об идентификациях с ней современного человека.

В массовой культуре для удовлетворения «запросов на старину» соединяются историческое и внеисторическое время, фантазия и реальность. У человека есть право выбирать свою форму идентификации. Тенденцию сложного идентификационного выбора предопределили интеллектуальные поиски XX века: школа «Анналов» и произведения отца жанра фэнтези Джона Толкина, исследования карнавальской культуры Михаила Бахтина и постмодернистский дискурс в литературе Умберто Эко. Прошлое, в котором действует обычный человек, стало к XXI веку объек-

том массового интереса, реализуемого в компьютерных играх и играх живого действия. Испания являет пример страны, которая поддерживает свою историю через народные праздники (местные и национальные), карнавальные шествия, фольклор. В то же время Испания расширяет варианты обзора исторического наследия для гостей из разных стран, учитывая их интересы и предлагая путешествия в мир фэнтези, в библиотеку Хогвартса, в миры героев «Игры престолов» и т.д. Разговор об историческом наследии Испании сквозь призму ее старинных городов отвечает запросам на «внеисторическую реальность» участников новых субкультур и интерактивных событий, любителей кинематографических визуализаций и просто красоты средневекового города. Жирона приглашает к размышлениям о прошлом, которое уже стало актуально в настоящем.

Ключевые слова: город как субъект, идентификация, субкультура, фан-сообщества, фан-культура, массовая культура, традиции, мифологии, исторические реконструкции, игры живого действия, карнавал, модернизм, новесентизм

Для цитирования: Мальковская И.А. (2024) Жирона: средневековый город и современный человек, встреча. *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 66–88. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-66-88

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Gerona: una ciudad medieval y el hombre moderno, encuentro

© Malkóvskaya I.A., 2024

Irina A. Malkóvskaya, PhD (Filosofía), investigadora independiente.
123298, Rusia, Moscú, calle Berzarin, 4–67
E-mail: irinamalkovskaya@gmail.com

Resumen. Gerona es una ciudad española con una larga historia. El espíritu medieval de la ciudad permite revivir la memoria histórica, sentir el pulso de los siglos pasados. Gerona es un modelo heurístico para reflexionar sobre la cultura medieval y sobre cómo el hombre moderno se identifica con ella. En la cultura popular, el tiempo histórico y extrahistórico, la fantasía y la realidad se unen. El ser humano tiene el derecho de elegir su propia forma de identificación. Las búsquedas intelectuales del siglo XX predeterminaron la tendencia de escoger una identificación compleja, cuyos ejemplos son la escuela de los «Anales» y las obras del padre del género de fantasía John Tolkien, los estudios de la cultura de carnaval de Mikhail Bakhtín y el discurso posmodernista en la literatura de Umberto Eco. El pasado, en el que actúa una persona común, en el siglo XXI se ha convertido en el objeto de interés de la cultura de masas, lo que se realiza en juegos de computadora y juegos de rol en vivo. España es un ejemplo del país que preserva su historia y patrimonio a través de las fiestas populares (a nivel local y nacional), las procesiones religiosas, el carnaval, unas formas de folclore. Al mismo tiempo, España ofrece muchas opciones de conocer su patrimonio histórico para los turistas y visitantes de otros países, tomando en cuenta sus intereses y organizando viajes al mundo de fantasía, por ejemplo, a la biblioteca de Hogwarts, al mundo de los héroes del «Juego de Tronos», etc. Presentar el patrimonio histórico de España a través de sus ciudades antiguas responde a la demanda de la realidad extrahistórica manifestada por los participantes de nuevas subculturas y los fans de juegos interactivos, los amantes de las visualizaciones cinematográficas y de la gente que simplemente aprecia la belleza de una ciudad medieval. Gerona invita a reflexionar sobre el pasado que ya vive en el presente.

Palabras clave: ciudad como sujeto, identificación, subcultura, comunidades de fans, cultura de fans, cultura de masas, tradiciones, mitologías, reconstrucciones históricas, juegos de rol en vivo, carnaval, modernismo, novecentismo

Para citar: Malkóvskaya I.A. (2024) Gerona: una ciudad medieval y el hombre moderno, encuentro, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 66–88. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-66-88

Declaración de divulgación: La autora declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Girona: A Medieval City and the Modern Man, the Meeting

© Malkovskaya I.A., 2024

Irina A. Malkovskaya, PhD (Philosophy), independent researcher.
123298, Russia, Moscow, Berzarin street, 4–67
E-mail: irinamalkovskaya@gmail.com

Abstract. Girona is a Spanish city that has a long history. Its medieval spirit allows people to immerse themselves in the past and restore historical memory. Girona is a heuristic model for reflecting on both medieval culture and the way a modern person identifies with it. Spain is a country that preserves its history through holiday celebrations (both on a local and regional scale), carnivals and folklore, yet at the same time it takes into account the interests of tourists from different countries by creating new ways of connecting with its heritage. One can make an exciting journey to the Hogwarts library, that is, to real medieval libraries, to the world of Game of Thrones characters. Girona has become a mysterious city of Braavos for fantasy fans. Popular culture combines fantasy and reality, mythology and history to meet the demand for medieval culture. Each person has the right to choose their identity. 20th century intellectuals set the trend for an identity search, with the most influential authors including the Annales school, J.R.R. Tolkien, «the father of fantasy», Mikhail Bakhtin who explored the carnival culture and Umberto Eco whose works are characterized by postmodern discourse. The past and a modern person as its protagonist meet each other in the 21st century, which manifests itself in videogames and live action games, carnivals, festivals and holidays. When it comes to discussing Spain's historical heritage and drawing up itineraries to travel around the country, it is important to take into account the interests of new subcultures, tourists, participants of interactive events, cinephiles and those who simply admire the beauty of a medieval city. Girona invites one to contemplate the past that has already become relevant today.

Keywords: city as a subject, identification, subculture, fan communities, fan culture, mass culture, traditions, mythology, historical reconstructions, live action role-playing games, carnival, modernism, noucentisme

For citation: GMalkovskaya I.A. (2024) Girona: A Medieval City and the Modern Man, the Meeting, *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 66–88. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-66-88

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Средневековый город и современный человек

Испания — страна, где средневековый город продолжает оставаться местом современной жизни. Таких городов сотни, они строились из камня, а каменное зодчество стоит веками. Средневековые города Испании приспособились к течению времени: приросли новыми кварталами, коммуникациями, транспортными артериями. В них выросло не одно поколение горожан, для которых средневековый антураж города и его зданий — знакомая с детства картина. Но старый город не стал анахронизмом, разрушающимся изваянием. Он заявил о себе в XXI веке как о живом субъекте, распахнув городские ворота для новых посетителей — любителей средневековой истории и старины со всего мира.

Произошла встреча старого города и современного человека массовой культуры. На эту встречу прибыли «странники» из разных уголков земли, потому что их

Жирона, Каталония, Испания

целью стало знакомство с прошлым, с другими мирами и временами, с историей истинной или мнимой. Эта встреча была predetermined and prepared. И чтобы понять, о чем состоялся разговор, необходимо пристально взглянуть на какой-нибудь средневековый город, например, Жирону. И посмотреть, чем и как город привлекает человека сегодня в свою историю. Эвристическая модель диалога «человек — город» откроет значимость этой встречи для понимания человеком самого себя в настоящем.

Город как субъект

Город — визуально материализованный представитель Средних веков. Он раскрывает картину прошлого посредством своей «ауры», духа, запечатленного в знаках и символах, текстах и артефактах, позволяет прояснить вопросы, которые не имеют однозначных и прямолинейных ответов. Было ли Средневековье временем мрачным, трагичным и безрадостным или это было время яркой народной карнавальной культуры? Было ли это время наполнено молитвой и верой в Бога, уединением за крепостными стенами города или в монастыре или же это было время миграций, преобразований, движения странствующих монахов и поэтов-вагантов, мастеровых-каменщиков, школяров, рыцарей и торговцев всех мастей?

В самой сущности средневековой культуры соединены оппозиции духа и материи, веры и разума, стабильности и динамики, утнетения и свободы. Средневековье — время религии и мифотворчества, готического искусства, рыцарского романа, богословского и философского диспута. И конечно, это время активной жизни города как такового. Именно в городах в силу их гетерогенности зарождались новые идеи, сталкивались противоречивые тенденции средневековой жизни. Город был формой организации различных институций, местом притяжения и пересечения противоположных интересов и веяний, идущих от пришлых людей. Элементы западного Средневековья активно осваивались в процессе культурного взаимодействия народов (вспомним историю бразильского карнавала, завезенного из Португалии и преобразованного на бразильской почве в красочное самобытное действо) [Мальковская, 2023].

Средневековый город и современная массовая культура

Освоение культурного наследия Средних веков современной массовой культурой, основанной на рынке и связывающей людей во всемирном масштабе, идет стремительно. При огромной аудитории неизбежна условность, поверхностность, внешняя занимательность такого обращения к потребителю. Кому-то это дает нужную информацию, импульс к более глубокому изучению других культур. Кто-то осваивает компьютерные игры, которые создают достоверный исторический и этнографический антураж.

Феноменом второй половины XX века стал массовый туризм, приобщивший граждан мира к культурным явлениям в разных странах и на разных континентах. В рамках массового туризма создаются общеизвестные бренды, разрабатываются маршруты, популяризируются исторические факты.

В современном мире культурная идентичность многослойна, она складывается из индивидуального культурного опыта, локальной культуры ближайшей социальной среды, общенациональной и мировой культуры. Между личным и массовым есть ещё много культурных слоев, формирующих идентичность. Мы обратимся к одному из типов идентичности современного человека — его связи со средневековым городом, которая сегодня популярна, «в тренде», а значит, является следствием не только личных предпочтений, но и предложений со стороны универсального рынка массовой культуры.

Возникает вопрос, а не слишком ли далеко в историю мы отправились в поисках культурно-идентификационного пространства? Но, присмотревшись, неожиданно обнаруживаем, что Средневековье-то, иногда, правда, сильно модифицированное, оказывается вокруг нас. Оно предстает как привлекательное прошлое, как некое параллельное псевдоисторическое время в фэнтези, как игровое пространство личностного перевоплощения в исторических реконструкциях, как иммерсивная компьютерная игра и т.д. Осво-

ение мира мифологизированной средневековой культуры происходит всеми доступными средствами: от туристических поездок в средневековые деревни и города до погруженности в визуальный мир фэнтези, от чтения исторических романов, просмотра фильмов до опыта исторических реконструкций.

Восприятие и погружение в эпоху было основательно продумано интеллектуалами. Умственная работа с начала XX века была проделана огромная. И она создала своего рода культурную основу и «новую мифологию» для формирования уже не одного поколения приверженцев реального и мнимого Средневековья по всему миру. Каждое последующее поколение лишь умножает идентификационные выборы, отталкиваясь от своего набора ценностей и технических возможностей.

Интеллектуальные ориентиры XX века продемонстрировали на удивление «консолидированное» обращение к средневековой культуре и ее интерпретации. Средневековье (или некое фантазийное прошлое) предстало перед нами как время жизни обычного, «среднестатистического» человека с его повседневным трудом и бытом, ментальностью и культурой, традициями и верованиями. Подлинными героями и творцами средневековой культуры в исторических трудах, романах, фэнтези стали не короли и полководцы, а безымянные строители и монахи, рыцари и крестьяне, ремесленники и школяры, населявшие города. Огромную роль в таком понимании прошлого сыграла французская школа «Анналов»¹.

Прообраз маленького человека, «простака», «хоббита», наделенного силой побеждать зло, вошел в культуру XX века через жанр фэнтези благодаря произведениям Джона Толкина (John Ronald Reuel Tolkien, 1892–1973) и определил поворот массового сознания к идее самоосуществления человека. В средневековое пространство города переместились герои многочисленных исторических романов, обретших свои компьютерные и киноверсии.

Погружение в средневековый город

В поисках идентичности с историческим (или внеисторическим) прошлым, исторической памятью (или сказкой и мифом) современный человек устремляется к «живому» свидетелю старины — городу, который сохраняет неповторимый облик, загадочность и тайну и в свою очередь приглашает в свои объятия ищущего человека.

Город становится локацией новых субкультур, создания кинематографических образов, местом карнавала и живой игры. Поклонники Средневековья и туристы всех мастей, отличающиеся друг от друга разнообразием

¹ Эта историческая школа оказала значительное влияние на развитие всей мировой историографии XX века. Возникла во Франции; связана с основанным Марком Блоком и Люсьеном Февром журналом «Анналы» («Annales») (1929–1939 гг.). В 1939–1941 гг. журнал назывался «Анналы социальной и экономической истории», в 1941–1945 гг. — «Анналы социальной истории», в 1945–1994 гг. — «Анналы. Экономика. Общества. Цивилизации», с 1994 г. — «Анналы. История, социальные науки». — *Прим. ред.*

запросов «на старину», устремляются в город той эпохи. Среди них особо выделяются фанаты литературного жанра фэнтези. Средневековые реликты и развалины, не тронутые реставрациями, активно борются за внимание жителей современных мегаполисов, желанных кандидатов в клубы «фэнтези», «школы волшебства Гарри Поттера» и приключений героев «Властелина колец».

Известный исследователь средневековой культуры Умберто Эко (Umberto Eco, 1932–2016) прославил Средневековье как величайшую загадку библиотеки (хранилища знания) Храмины, оставив за читателем выбор искать свой путь, следуя за героями романа. Интересно, что именно Жак Ле Гофф (1924–2014)², как специалист по истории XIII века, был приглашен в качестве консультанта фильма Жан-Жака Анно (Jean-Jacques Annaud, р. 1943) «Имя розы» («Le Nom de la rose», 1986). Роман воплотил сокровище Средневековья — тайну, которую в той или иной форме и ученый, и фанат, и любитель-турист пытаются найти и объяснить, отправляясь в собственные поиски прошлого.

Умберто Эко посоветовал читателю проникнуть в тайну Храмины интеллектуально. Есть что разгадывать дедуктивно. В том числе тайну смеха, который иногда рассказывает об обществе больше, чем историческая хроника. Писатель не оставил в стороне и наше время, которое называет «новым Средневековьем». Возможно, иронично: как повтор некоторых моментов истории. Кое-что действительно совпадает. Миграции населения, рост городов, функции университетов и другие процессы, которые происходили в «старом» и просходят в «новом» Средневековье. Есть и другие параллели — психический прессинг, театрализованные мистерии, грандиозные мегашоу, мифологизации и мистификации — в одном случае религиозные, в другом — политические. Только иного масштаба. А почему бы не задуматься: над чем, собственно, смеялись люди и о чем говорит их смех в наши дни?

Отправляйтесь за ответом в Средние века, к их дедуктивной логике и сакральной интуиции, отправляйтесь туда, где от них еще осталось что-то вещественное и осязаемое.

Идентификация с городом

Жизнь в большом городе изматывает, но появляется шанс уйти в близкую по духу субкультуру, ментально «отгородиться» и на время укрыться за «крепостными стенами» средневекового города. Почему бы и не за стенами Жироны — одного из прекрасных городов Каталонии?

² Жак Ле Гофф — французский историк-медиевист, один из ярчайших представителей «Новой исторической науки», вышедшей из школы «Анналов». Приверженец концепции «тотальной истории», был одним из авторов и популяризаторов концепции «долгого Средневековья». Составитель книжной серии «Становление Европы» о европейской истории. — *Прим. ред.*

Город прокладывает своим почитателям специальные «туристические маршруты» по следам вымышленных персонажей, формирует культурную индустрию, отвечающую потребностям такого «идентификационного выбора»³.

Предлагаются разные формы погружения в старину в целях идентификации с городом: визуальные прогулки по старинным кварталам (об этом пойдет речь ниже), кинематографические маршруты (по следам персонажей фильма), игровые и зрелищные мероприятия в ходе различных фестивалей и праздников города. Так, в сезон 2023 года с 31 октября по 5 ноября в городе прошел тематический фестиваль, посвященный фильмам, снятым в жанре фэнтези.

Отвечая на запросы на «прошлое», Жирона поглощает визуально и «фантазийно». Это город с богатым историческим наследием. Но одновременно — это таинственный Браавос (кинематографический образ Жироны), в котором разворачиваются мистические события «Игры престолов», обретающие свой смысл для фанатов фантастического Средневековья⁴.

В Жироне проложены маршруты фантазийных персонажей, актуализированы места их жизни и действия в вымышленном городе. Новые вымышленные обитатели средневекового города стали его рекламой, еще одним текстом и обладают не меньшей притягательной силой, чем монументы и история города и его жителей. По мере «включения» туриста или фаната в пространство Жироны сталкиваются образы двух городов — реального и виртуального, сливающиеся в одном таинственном и загадочном лице «Герунды — Хероны — Жироны»⁵.

Кафедральный собор Жироны

³ Официальный туристический портал Испании давно работает с субкультурными группами, сформировавшимися на основе текстовой коммуникации, и предлагает фанатам целый спектр визуальных впечатлений, ведущих по следам любимых героев фэнтези. На портале можно получить информацию о конкретных местах страны, где снимались фильмы в жанре фэнтези. Портал предлагает дать волю воображению, воссоздать некоторые из фантазийных сцен, совершив незабываемое путешествие по местам съемок известных фильмов. Так, фанатам «Игры престолов» советуют посетить геопарк Баскского побережья в Гипускоа, который позволяет мысленно перенестись в замок Драконьего Камня (в действительности расположен в Сан-Хуан-де-Гастелугаче, Бискайя). Фантазировать на эту же тему рекомендуется в природном парке Барденас-Реалес. — *Прим. авт.*

⁴ Известна и другая визуализация Жироны в фильме «Парфюмер. История одного убийцы». (2006. Германия, Франция, Испания, США). — *Прим. авт.*

⁵ Каталанское название Жирона является официальным с 1984 г. Испанское название Херона было официальным до 1984 г. В русских дореволюционных изданиях (например, в словаре Брокгауза и Ефрона) употреблялось имя Герона; в некоторых справочных изданиях, включая Большую советскую энциклопедию и Большую российскую энциклопедию, встречается также название Жерона. В настоящее время как в русском, так и в других языках преобладает каталанская форма названия. — *Прим. авт.*

Приглядимся к сезону «Игры престолов»⁶, где действие происходит в средневековом городе Браавосе. Жирону как прообраз фантастического города избирают для «Игры престолов» сразу и безоговорочно. Полная тождественность пространства сюжету очевидна с первого взгляда. Говорят, продюсер увидел город во время традиционного фестиваля Цветов (Girona, Temps de Flors) и был впечатлен.

Праздник цветов зародился в 1954 году, когда группа женской секции франкистской Фаланги провела выставку цветов в муниципальном театре. Праздник цветов отмечается в мае. Цветочными композициями украшается вся Жирона. Каменный город оживает, «распускается», расцветает всеми красками. Создается иллюзия, что зацветают камни на мостовых, оживают лестницы, ведущие к храмам. Много людей и много цветов создают эффект плавно движущейся цветочной ленты-процессии, от которой, кажется, оживает каменное сердце Жироны. Старый город будто заново рождается и в великолепном убранстве вступает в какое-то новое измерение.

Жирона, праздник цветов

Между тем в сознании каждого человека, присутствующего в эти праздничные дни в Жироне, действительно открывается «форточка» для полета воображения и мечты.

Как и во многих других средневековых городах, в Жироне проходят городские праздники с театрализованными представлениями, карнавальными шествиями. Кроме весеннего праздника цветов, 29 октября широко отмечается праздник Святого Нарцисса, который считается небесным покровителем

*Кафедральный собор Жироны
в «Игре престолов»*

⁶ «Игра престолов» («A Game of Thrones») — телесериал в жанре фэнтези, основанный на цикле романов американского писателя Джорджа Р.Р. Мартина (George R.R. Martin, р. 1948). Первая книга цикла была опубликована в 1996 г. издательством Bantam Spectra. Действие романов происходит в вымышленной вселенной. Экранизация осуществлялась в 2011–2019 гг. — *Прим. авт.*

города. День начинается с карнавального шествия, открытия ярмарки народных ремесел, в Центральном парке Жироны устраиваются представления и конкурсы, мероприятия для детей, уличные шествия. Празднование длится целую неделю, давая волю художественной фантазии.

Из религиозного празднества выросла, по сути, новая культурная традиция жителей Жироны и их идентификации со своим городом⁷.

Время в городском пространстве

Осматривая архитектурный ансамбль Жироны, веришь, что город — живой субъект, субъект, захватывающий в объятия своих узких улиц, храмов, монастырей и средневековых кварталов, субъект, рассказывающий о себе. Возможно, это один из тех городов, которые открывают глаза на богатство исторической реальности и множественных внеисторических реальностей человеческого сознания, ведущих в мир фэнтези, а значит, к приключениям, превращениям, творчеству, разгадкам тайн, возможно, имеющих отношение к человеческой жизни в будущем.

Посмотрим на город как туристы и любители испанской истории и каталонского своеобразия. О чем расскажет нам прошлое? Прежде чем заблудиться в узких улочках старого города и потерять пространственную координацию вместе с временной, совершив перемещение «снизу вверх» — чтобы увидеть город весь и «целиком» (а уж потом «растворимся» в его «земном пространстве»). Поднимемся над Жироной в прямом смысле слова.

Взлетим на вертолете или на воздушном шаре. Для Жироны обзор достаточный и открывающий нам еще одну тайну города как средневекового микромира и макромира одновременно, «антропологического универсума», в котором человеческая жизнедеятельность в самом широком смысле была включена в монументальное зодчество и в его «архитектурных галереях» протекала. Сверху мы видим все века сразу, весь «исторический текст».

Внизу распростерта «окультуренная земля», на ней остались яркие следы эпох, сменяющих друг друга, на протяжении которых люди облагораживали данный им природный мир и создавали свою культуру городского обустройства. Законы природы и законы общества сливаются в пейзаже,

⁷ История о Святом Нарциссе (San Narciso de Gerona) восходит к IV веку, к правлению императора Диоклетиана, яркого гонителя христианства, по одной из версий, приговорившего епископа Жироны Нарцисса к казни. Легенда о последующих чудесах мощей Святого, который спас город от французов в XIII в., оставила в сознании жителей города память о чуде, сохранившем их родину и культурное наследие. — *Прим. авт.*

окаймленном невысокими горами. Кажется, они не противоречат друг другу и восходят к некоему этическому разуму, утверждающему гармонию и разумность. Подобная «идеализация» возникает благодаря сохранности исторических деяний. На этой земле шли жестокие войны, Реконкиста, одни народы сменяли другие, но плоды культурной деятельности следующих друг за другом поколений и поныне представлены в многообразных формах — ландшафтных, градостроительных — и видны невооруженным глазом. Единым взором можно охватить веков пятнадцать, если считать от римлян и вестготов до XV века и больше, если включить постройки XX и XXI в. Не плохой визуальный обзор столетий!

Река Оньяр

В ауре этого исторического пространства и времени житель города рождался, жил, творил и умирал. Неудивительно, что город сформировал особый тип мировосприятия и общественного взаимодействия. Город считается своевольным, самодостаточным, не подчиняющимся и гордым. Он вполне «субъектен» и воплощает в себе коллективное «мы» всех горожан. За жителями укоренилась слава настоящих каталонцев под стать городу — непокорных и свободолюбивых. Горожане и город понимают друг друга. Это и есть пример подлинной идентичности.

Небольшое пространство старого города насыщено архитектурными шедеврами разных эпох и стилей. Для жителей современной Жироны церкви, монастыри — привычное окружение, знакомое с детства. В средневековой Жироне это были также места обитания, жизнедеятельности, времяпрепровождения, моления, учения. Образы мира современного и средневекового человека пересекаются. Возможно, поэтому идентификационные модели, которые предлагает город своим гражданам и туристам, столь многообразны и не похожи друг на друга.

Взгляд на город

Итак, что же выделит взгляд, смотрящий на Жирону сверху, т.е. в целом, не выделяя отдельные детали?

Мы видим довольно большой город, который пересекает река Оньяр (Onyar). Она делит город на две части: левый берег — современная застройка, правый — средневековый исторический центр. Бросаются в глаза разноцветные домики с радужной палитрой фасадов с видом на реку. Перед нами — два неожиданных шедевра новейшего времени: белое здание и мост.

Здание принадлежало архитектору Рафаэлю Масо (Rafael Masó i Valentí, 1880–1935), которого в начале XX века величали «местным Гауди». Архитектура дома навеяна философией и эстетикой новесентизма⁸. Мост — детище французского архитектора Гюстава Эйфеля (Alexandre Gustave Eiffel, 1832–1923), артефакт европейского модернизма, напоминающий по стилю Эйфелеву башню.

Расположение старого города окаймляют древние стены. Их возвели иберы и римляне. Первоначально это была крепость на пути в Галлию, построенная иберами. При римлянах на месте крепости располагался укрепленный город Герунда (Gerunda). Крепостная стена Força Vella была важным военным сооружением, построенным римлянами в I веке до нашей эры. Стена говорит о самой ранней локализации римского города. В XIV веке она использовалась как фундамент для новых средневековых построек. Город медленно перестраивался и расширился и в XVI веке поглотил старые стены⁹. Но крепостные сооружения и смотровые башни видны и сегодня. Torre Gironella — одна из таких смотровых башен. Она была построена римлянами в 75 г. н.э. Башня считалась самой высокой, но впоследствии была сильно разрушена. В 1391 г., во время еврейского погрома, в ней укрылись от преследования несколько десятков евреев. Большая часть стен, уцелевшая на востоке и юге Жироны, показывает,

Архитектор
Рафаэль Масо
(1880–1935)

Мост Эйфеля в Жироне

⁸ Культурное движение в Каталонии под знаком новесентизма продолжалось с 1906 по 1920-е гг. Проект новесентизма был призван сформировать новую историографию Каталонии и новый культурный ландшафт на основе возрождения и поддержки местного искусства и постоянных обращений к античной культуре. — *Прим. авт.*

⁹ После распада Римской империи Жирона принадлежала вестготам. В VII веке город был завоёван маврами. В 785 и 797 годах город был дважды отвоеван Карлом Великим. В VIII и IX веках франки делают Жирону опорным пунктом в борьбе с маврами на территории Испании (в дальнейшем эту роль начинает играть Барселона). Защитные стены города были укреплены при Карле Великом, а затем в XIV и XV веках.

XV век — время расцвета испанских городов. В этот период «города покупали у королей право юрисдикции, увеличивая этим свои привилегии и иммунитеты и в свою очередь превращаясь в сеньоров замков и различных селений» [Альтамира-и-Кревеа, 1951: 354]. Городское пространство расширяется. Но укрепления римлян и вестготов верно служат Жироне вплоть до Наполеоновских завоеваний и не раз спасают город, который многократно подвергался осаде. При франках Жирона — столица графства в составе Испанской марки Франкского королевства — одно из 14 первоначальных каталонских графств. В XIV–XVI вв. — один из наиболее преуспевающих городов Западного Средиземноморья со значительной еврейской общиной. Город процветает, несмотря на трагедию 1348 года, когда Жирона, как и многие города Испании, буквально пустеет из-за эпидемии чумы. — *Прим. авт.*

как формировался старый город, как строилась его защита от врагов. Хорошо сохранившиеся фрагменты городской стены можно увидеть на Археологической улице (Passeig Arqueològic).

Основные монументальные здания Жироны построены в период с X по XV в. — время развития средневековой городской культуры. К XV веку сформировались планировочная структура города и его уличная сеть, были возведены основные архитектурные ансамбли и здания для горожан. К концу Средневековья сложилась общая композиция. Эту композицию старый город донес до наших дней.

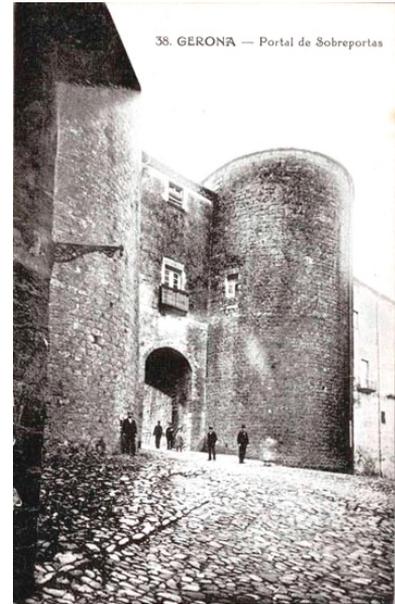
Город имеет два вертикальных ориентира, которые можно увидеть отовсюду. Это «маяки» города: расположенный на Соборной площади (Plaça de la Catedral) кафедральный собор Св. Девы Марии (Catedral de Santa Maria) и церковь Сан-Фелиу (Església de Sant Feliu) с ее характерной колокольной. Эти храмы включены в узнаваемые панорамные виды Жироны.

Церковь Сан-Фелиу

Церковь Сан-Фелиу или Св. Феликса была первым кафедральным собором Жироны. Эта базилика впервые упомянута в хрониках в 882 году. Ее готическая постройка, возведенная над могилами покровителей города, святых Нарцисса и Феликса, относится к XIV веку. Церковь построена на возвышенности холма, под которым простиралась большая часть римского города. Церковь и колокольня формируют монументальный образ города. Высокая колокольня в готическом стиле построена между XIV и XVI столетиями. Это одна из немногих испанских церквей, которая обладает настоящим шпилем. В стены апсиды рядом с алтарём церкви вмурованы плиты восьми саркофагов римского времени. Здесь же находится часовня, посвященная Святому Нарциссу.

Главная достопримечательность старого города — кафедральный собор Св. Девы Марии. Построенный в 1416 году Гильомом Бофилем неф собора (высотой 35 м и шириной почти 23 м) — самый большой в мире готический соборный неф. К собору ведут семьдесят шесть ступеней. Древний собор, который стоял на месте нынешнего, использовался маврами как мечеть. После окончательного изгнания мавров

Ворота Портал-де-Собрепортес в древней крепостной стене. 1900-е гг.

он был полностью перестроен. Все части собора Св. Девы Марии принадлежат к готическому стилю, за исключением главного фасада, лестницы, портала и окна-розы — они являются произведениями каталонского барокко, которому присущи витиеватая орнаментальность средневекового барокко и удивительная строгость античного классицизма.

Две доминанты Жироны: кафедральный собор Св. Девы Марии и церковь Сан-Фелиу

В Жироне находятся монастыри и здания, занимающие значительные территории. Это как бы отдельные локации города, в которых жизнь шла по особому церковному уставу. Старейшая монументальная постройка Жироны и одно из первых готических зданий в Каталонии — монастырь Св. Доминика. Он основан в 1253 г. местным епископом, монахом доминиканского ордена. Монастырь был действующим вплоть до середины XIX века. Сейчас здесь работает университет, благодаря которому здание хорошо отреставрировано.

Епископский дворец (Palau Episcopal de Girona) — центр религиозной жизни города, до 1976 года использовавшийся по прямому назначению. В дальнейшем был передан церковью городу для организации музея. Основа здания была построена в конце X века. Для этого епископат купил участок земли вместе с дворцом некоего местного графа. Дворец перепланировали и на его основе возвели Епископский. Много раз дворец пере-

дельывали, добавляя новые детали, поэтому конструкция получилась неправильной формы и «разновозрастная». В настоящее время во дворце расположен Музей искусств Жироны, внутренние помещения частично перестроены под выставочные залы, но сохранилось много и нетронутых частей, например, Тронный зал. Епископат передал в музей собственную коллекцию редкостей, а город взялся поддерживать это начинание и присоединил

Часовня Св. Николая

к церковному собранию экспозицию Городского музея изящных искусств и еще несколько собраний поменьше.

Примечательна часовня Св. Николая (Sant Nicolau de Girona) XII века с необычным для архитектуры того времени расположением трёх апсид. Впервые церковь упоминается в хрониках в 1134 году. В настоящее время интерьер часовни лишен орнамента и служит как культурное пространство для выставок, самая важная из которых проводится каждый год в мае под названием «Жиронское время цветов» (Girona, Temps de Flors).

Жирону украшают несколько площадей. Площадь Независимости (Plaça de la Independència) — одна из главных в городе, ее название напоминает о событиях Пиренейской войны и осады французскими войсками в 1808–1809 годах. Некогда на ее месте находился монастырь святого Августина. В центре расположена скульптурная группа, посвящённая защитникам Жироны. Здесь проводятся городские праздники.

Жирона, фестиваль цветов

Дворец Агуллана

В каждом средневековом городе есть здания, окруженные легендами. Полон тайн дворец Агуллана (Palau dels Agullana / Casa Agullana). Он был выстроен в XIV–XVII вв. в стиле барокко на улице Pujada de Sant Domènec, неподалеку от старинного здания университета Жироны, прямо над скошенным арочным пролетом, ведущим к высокой лестнице, которая поднимается к иезуитской церкви Sant Martí Sacosta.

Вокруг El Palau dels Agullana с момента создания ходило множество слухов. Говорят, его хозяева были вампирами, а в самом дворце находится немало потайных комнат и скрытых ходов. Зловещая репутация дворца притягивает к себе туристов. Сюда приезжают те, кто хочет почувствовать атмосферу таинственности. Дворец вдохновляет многочисленных художников, современных любителей Средневековья, фанатов «Игры престолов».

Нельзя не сказать о современном парке Жироны — Parc de la Devesa — с прекрасными раскидистыми платанами. Он занимает площадь около 40 га и считается крупнейшим городским парком в Каталонии. Он заменил лес,

который обязательно должен был бы соседствовать со средневековым городом в прежние времена. Это природное дополнение, придающее городскому ансамблю свежесть и законченность. Два культурных «дизайна» некогда природного ландшафта: город и парк. Оба созданы людьми. Один — за тысячелетия, другой — за десятилетия. Один — каменный, другой — растительный. В обоих случаях — рукотворный труд и тщательная планировка, выстраивание по вертикали, по перепадам высот, по совместимости и соответствию композиций. И город, и парк — это абсолютная органичность человеческих деяний!

Парк де ла Девеса

Город, имеющий большую историю, предполагает особый характер взаимодействия с человеком. Если это местный житель, то для него город — родной дом, возраст которого насчитывает несколько веков. Такой дом может быть не очень удобен для современной жизни, но с ним связана глубинная историческая память о земле предков, их традициях и образе жизни, и этим коренной обитатель места отличается от приезжих визитеров всех мастей.

Дети на экскурсии в Жироне

Мотивация тех, кто попадает в город впервые, — разная. Восприятие города может быть «подготовленным» заранее и спонтанным. Оно может быть связано с разными образами, литературными, художественными, кинематографическими и прочими воспоминаниями. Иногда случайный турист может почувствовать неожиданную сопричастность незнакомому месту, как это описала мексиканская писательница Анхелес Мاستретта (речь идет, правда, не о Жироне, а о Пласа-Майор в Мадриде).

«Я приехала в Испанию впервые, но, едва ступив на булыжники этой площади, почувствовала себя так, словно после долгого отсутствия вернулась в знакомые места. Я вздрогнула от внезапного острого ощущения: я здесь уже бывала.

<...> Не знаю, что <...> породило во мне уверенность <...>, что это место принадлежало мне еще до того, как я впервые его увидела и что мои ноги уже ступали по этой площади — в тишине, под голубым квадратом неба»¹⁰.

Познание города можно сравнить с путешествием души по загадочным лабиринтам к местам своей сопричастности и своего интереса — исторического, искусствоведческого, творческого, научного и т.д. Это может быть паломничество религиозного характера или посещение чего-то популярного, модного, предпринятого по чьему-нибудь совету. Перемешивание культур, гетерогенность есть свойства города как социального организма, как культурного творения людей. И каждый, кто приезжает в город, всякий раз умножает его многообразие.

Город как текст

После работы В.Н. Топорова «Петербург и “Петербургский текст русской литературы”»¹¹ есть соблазн рассматривать город как культурно-исторический текст, который пишется людьми и бесконечно интерпретируется. Создать целостное представление о том или ином городском «тексте» достаточно сложно: он уходит глубоко в историю и археологию места, расширяется пространственно и во времени, наполняясь описанием архитектурных сооружений, бытовых построек, исторических и современных памятников. Наконец, люди, обитатели и посетители города, пишут свои истории социальной и индивидуальной, материальной и духовной жизни, связанные с городом.

Личные интерпретации города в тексте постоянно расширяются и усложняются, вмещая в себя самые разные представления: обыденные, повседневные, научные, религиозные, эстетические и т.п. И город уже сам, как живой организм, продуцирует все новые сообщения о себе, рождаемые ассоциациями, сопоставлениями и дополнениями самых разных людей. Примечательность «текстов» в том, что в них нельзя поставить точку, ибо они принципиально не завершены, их векторы разнонаправленны, но одновременно соединены невидимыми нитями в некое целостное представление о бесконечно вариативном городе. Содержание текстов умножается. И вот уже множественные коннотации неподвластны отдельно взятому сознанию.

Средневековый город создавался многочисленными неизвестными ремесленниками и художниками. Можно представить город как старого усталого человека, погруженного в себя и молчаливого, окруженного толпой потомков — детей, внуков и правнуков. Или тысячелетним (мировым) де-

¹⁰ Анхелес Мاستрета «Рассказы». Перевод Надежды Мечтаевой. Журнал Иностранная литература. № 6, 2019. С. 138.

¹¹ Топоров В.Н. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. Москва. Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 259–367.

ревом, корни которого глубоки и скрыты от нас, а крона высока и недосягаема. С древним старцем трудно заговорить, лучше уважительно молчать и ждать от него первого слова. Но люди суетны и болтливы, туристические гиды дают «информацию» и сразу разрушают хрупкое взаимодействие, безмолвную целостность впечатления. Лучше начинать общение тет-а-тет, пристально вглядываясь, например, в крепостные стены.

Путешествие в старый город

Начнем наше путешествие пешком в старый город, следуя по удивительной дороге — дороге Августа (Via Augusta). Это старая римская дорога от Пиренейских гор до Кадиса протяженностью 1500 км. Крепостные стены Герунды, возведенные около 2000 лет назад, защищали дорогу, а сам город делали стратегическим центром и важной транспортной осью Римской империи. Монументальность и величие города равнялись на римский размах, которому соответствуют единственные сохранившиеся в первозданном виде до наших дней Северные ворота в крепостных стенах, которые верой и правдой служили Жироне, сберегая город от войн и разорений.

Старые кварталы Жироны наполнены историческими памятниками, построенными из местного камня. Каждое здание имеет свое лицо — ведь город рукотворный. Это важное обстоятельство. Уже в конце XIX века люди поняли, чем машинная цивилизация отличается от «рукотворной». В Европе конца XIX – начала XX века даже возникло движение за возрождение искусств и ремесел. «Стандарт — уникальность», «серийность — штучность», «массовость — индивидуальность» и другие оппозиции непреодолимой стеной разделили две культуры строительства городов. К стандартам и серийности вели дешевые и доступные материалы, новые технологии, рост городов и объективная потребность людей в жилье. Стандарт был необходим исторически. Изменялся город, росли мегаполисы. Средневековые города и поселения становились реликтами. Но «рукотворность» с веками возрастала в цене.

Искусство мастеров Средневековья — всегда единичное и неповторимое. Оставленные ими в наследство человечеству средневековые города — также «штучные» и уникальные — для нескольких тысяч, а иногда сотен людей, не больше! Но самое главное, что в таких городах, как и в старинных предметах, живут души их создателей, души мастеров.

Камень преобразовывался строителями и зодчими в произведение искусства. В результате город стал представлять собой архитектурный ансамбль — каменное изваяние средневековой жизни. Разнообразие стилей, отражающих разные исторические времена, каким-то образом находится в полной гармонии, делая город не фрагментарным, а единым целым.

Почему же стили сливаются в один гармонический ансамбль? Каким образом создавалась такая гармония, что кажется, будто один архитектор принимал эстафету у другого с VII (и раньше) по XX век?

«Разностилье» присуще не только архитектуре города в целом. Палитра стилей пронизывает иногда одно монументальное здание, многократно перестраивающееся, надстраивающееся и достраивающееся в течение веков. Так, упомянутая церковь Св. Феликса выглядит так, будто ее собрали из частей от нескольких разных церквей: основное здание романское, неф готический, а фасад — в стиле барокко. Звучит причудливо, но выглядит собор превосходно. Более того, он всем своим видом рассказывает об исторических событиях, свидетелем которых являлся на протяжении столетий¹².

Город рассказывает, стиль повествует. Стиль — вариация на тему гармонии. Гармония — самое точное слово, которое подходит для характеристики Жироны в целом. В строительстве монастырей, церквей, общественных зданий города участвовало не одно поколение людей. Но Жирона тем не менее воспринимается как целостное, органическое произведение искусства. Памятники каталонского новесентизма архитектора Масо, модернизма Эйфеля, средневековые здания показывают пример сочетания стилей. Строители Жироны, несомненно, обладали вкусом, чувством меры, соответствия и пропорции, но, что самое важное, при возведении города исходили из уже созданного предшественниками и естественно дополняли их деяния собственным мастерством. Это и есть рукотворное зодчество, которое вытекает из индивидуальности творца, духа города, его жителей, окружающей природы и преемственности поколений.

Готическая вертикаль города всегда тянется в небо. В узких улицах горизонт не открывается. Параллельно улице сверху тянется прямоугольник неба. Около церквей и монастырей пространство открывается вместе с небосводом, создавая контраст между миром профанным и сакральным, между темными улицами и светлыми (осветленными самим небом) храмами. Надо сказать, что размер храмов, монастырей и их количество в Жироне несоизмеримы ни с площадью города, ни с количеством населения, про-

*Узкие улочки Жироны
с прямоугольником неба*

¹² Предположительно, первое церковное здание на этом месте возвели в IV веке н. э. на месте гибели (или захоронения) двух местных святых — Св. Нарцисса и Св. Феликса. То здание, что мы видим сейчас, возведено между XII и XVIII веками. Строили его так долго потому, что церковь эта располагалась снаружи от городских стен, в связи с чем ее разрушали при каждой осаде города. Осад в ту эпоху было много, после каждой какую-то часть здания требовалось возводить заново, поэтому фундамент ученые отнесли к VI веку н. э., крипту — к IX—XI векам, основное здание было построено в XII столетии, колокольня и неф — в XIV и XV веках, а барочный фасад — в начале XVII века. — *Прим. авт.*

живавшим в нем в Средние века. Вновь напрашивается аналогия с Римом, когда речь идет, например, о величии собора Св. Девы Марии. Узкие улицы, высокие здания создают впечатление города, устремленного вверх.

С древних стен города, окружающих его возвышенностей, на которых расположены кафедральный собор и монастыри, видна линия горизонта с невысокими горами. Город как бы заключен «сам в себе», закрыт, как дом, огороженный от мира стеной и внутри улиц открыт человеку только в поднебесную вертикаль. Возможно, в этом и заключается мистика средневекового города, существующего «в себе», «для себя» в противовес и даже в оппозиции любому другому пространству, от которого надо отгородиться и защититься.

Средневековая культура четко различает городские пространства для обыденной жизни и жизни религиозной. Это противопоставления света и тени, простора и сжатости, ограничения и свободы. На этих оппозициях строится архитектурная композиция города, которая «случайна», спонтанна и запутанна лишь на первый взгляд.

Огромный город из камня брал средневекового человека «в полон». Он подчинял правилам своего существования и своих пространственных ограничений. Неудивительно, что средневековые города, стремительно развиваясь, становились центрами притяжения людей, для которых пути обратно в природный сельский мир уже не было.

В Жироне чувствуется господство города над человеком — господство социального и духовного. Средневековый город, как древний античный полис, приучал к новым типам взаимодействия и новым формам гражданской автономии. В лабиринтах запутанных улиц и лестниц, неприступных домов с мощными дверьми пронизывает сила и субъектность города, который обладает властью над проживающими в нем людьми и над многочисленными приезжими.

Средневековая Жирона, постепенно раскрывающаяся в лабиринтах улиц, — сказочна и сакральна. Почти как миф. Город закодирован в смыслах и знаках, которые современному жителю мегаполиса недоступны для понимания. В этих «координатах» когда-то рождались и умирали, творили и чувствовали другие люди. Они жили в другом мире и времени, но их дух и поныне ощутим в городе. Обращение к прошлым пластам сознания могло бы нам приоткрыть тайны монастырей, церковных орденов, каббалистических школ, философских учений, которые «разводили» средневековых жителей по своим непересекающимся лабиринтам мышления и деятельности. Об образе жизни горожан прошедших столетий можно догадываться по интуиции, исходя из общих функций города, его институций, тех стратегических

задач, которые город в свое время решал¹³. Опорные символы города отсылают к смыслам духовным, прежде всего к вере, которая была стержнем человеческого существования в Средние века. Но только «отсылают», ничего при этом не говоря несведущим и непосвященным: захотят — разберутся, не захотят — город промолчит.

Если крупные церковные, монастырские здания представляют собой архитектурные доминанты на территории Жироны, формирующие важнейшие ансамбли и силуэт города, то общий колорит, или, иначе, плоть города, создают жилые кварталы и дома. Обычные постройки придают городу особую теплоту, вдыхают в него настроение определенной эпохи.

Из жилых кварталов впечатляет сохранившийся с IX века еврейский квартал и, конечно же, разноцветные дома вдоль реки: две абсолютно разные «плоти» города, дополняющие друг друга. Такое «дополнение» происходит оттого, что века в Жироне не разъединяют город, а, наоборот, еще крепче его объединяют и визуально, и духовно.

Разноликие цветные дома были построены в течение многих лет. Но в XX веке их обновили, отреставрировали и будто оживили. Совершенно неожиданно они придают строгой и непреступной Жироне легкомысленную прелесть небольшого средиземноморского городка и заодно показывают невероятную контрастность города. С 2006 года белый дом архитектора Рафаэля Масо, расположенный в череде цветных домиков у реки, является штаб-квартирой Фонда Рафаэля Масо (Fundació Rafael Masó).

Разноцветные дома у реки Оньяр

Фонд-музей воссоздает дух эпохи «нового века» и погружает в него каждого входящего. В самом доме-музее и вокруг него чувствуется атмосфера Жироны начала XX века: взлет духовной жизни и интеллектуального поиска, который и сегодня — 100 лет спустя — вдохновляет и не оставляет равнодушными граждан и гостей города. Группа почитателей стиля новесентизма уже давно облюбовала Жирону и идентифицировала себя в особую группу поклонников стиля.

¹³ Попытка воссоздать живой образ города была предпринята итальянским историком и телеведущим Альберто Анджела (Alberto Angela, р. 1962) в книге «Один день в Древнем Риме» («Una giornata nell'antica Roma»), которая по стилю похожа на талантливый репортаж журналиста из прошлого. Из Средних веков репортажа пока не написано. Жирона ждет своего автора [Анджела, 2016]. — *Прим. авт.*

Средневековый еврейский квартал Эль-Каль (El Call) повествует о другом времени и о других общностях. Это абсолютно аутентичное пространство, позволяющее почувствовать дух и быт богатой и образованной еврейской общины, обосновавшейся в квартале с IX по XV век. Еврейская община Жироны была вторая по численности в Каталонии после барселонской. Квартал Эль-Каль находится к югу от кафедрального собора и идет вдоль улицы Каррер-де-ла-Форса (Carrer de la Força). Это лабиринт крошечных мощёных переулков и каменных лестниц XII–XV веков. В Средние века в этом квартале была важная синагога и каббалистическая школа. На Carrer de Sant Llorenç на дверях старого здания можно увидеть прямоугольное углубление, в котором когда-то стояла менора.

В 70-х годах XX века квартал был отреставрирован благодаря усилиям местного ресторатора Жозепа Тарреса (Josep Tarrés i Fontan, 1929–2021). Ныне в квартале находится музей еврейской истории, в котором рассказывается об истории еврейских средневековых общин в Каталонии и королевстве Арагон с IX по XV век. Сегодня это модный район города, заселенный интеллектуальной и творческой элитой.

Улица Сан Лоренс в Жироне

* * *

Средневековый город открывает возможности обретения новых идентичностей, и каждый из нас выбирает свой путь творчества: реального исторического исследования, виртуального или «живого» перформанса, участия в исторической реконструкции, ролевой или компьютерной игре. Обращение же к сказке, обнаруживая нашу исконную потребность в мифотворчестве, погружает в мир детства, и кажется, что впереди — вечная жизнь. Город обновляет, перезагружает, переформатирует. Он приглашает поговорить и подумать о времени и месте, истории и идентичности, войнах и зрелищах, фантазиях и реальности и о многом другом, что составляет сущность человеческого бытия, наполненного художественным воображением и творчеством.

Список литературы / References

Альтамира-и-Кревеа Р. (1951) *История Испании. Том 1*, Москва, Издательство иностранной литературы, 520 с.

Altamira y Crevea R. (1951) *Istoriya Ispanii. Tom 1* [History of Spain. Volume 1], Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 544 p. (In Russian)

Анджела А. (2016) *Один день в Древнем Риме*, Москва, КоЛибри, 320 с.

Angela A. (2016) *Odin den' v Drevnem Rime* [A Day in the Ancient Rome], Moscow, KoLibri, 320 p. (In Russian)

Бахтин М.М. (2021) *Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса*, Москва, Азбука, 640 с.

Bakhtin M.M. (2021) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Rennansans* [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance], Moscow, Azbuka, 640 p. (In Russian)

Топоров В.Н. (1995) *Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное*, Москва, Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 623 с.

Toporov V.N. (1995) *Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe* [Ritual. Symbol. Image: Studies in the Field of Mythopoetic: Selected Works], Moscow, Izdatel'skaya gruppa «Progress» – «Kul'tura», 623 p. (In Russian)

Патио как универсальная константа в языке, культуре и архитектуре: смыслы и функции

© Сапрыкина О.А., 2024

Ольга Александровна Сапрыкина, д-р филол. наук, профессор кафедры иберо-романского языкознания МГУ имени М.В. Ломоносова.
119991, Россия, Москва, ГСП-1, ул. Ленинские горы, 1, стр. 51
E-mail: olgasaprykina@mail.ru

Аннотация. На основе историко-филологического, антропологического, этнографического и концептуального методов анализируется понятие «патио» — внутренний двор. Патио в архитектуре — важнейший элемент структурной композиции жилых домов (дом, дворец) и церковно-религиозных построек (храм, монастырь) на протяжении уже более пяти тысяч лет. Для обозначения внутреннего двора используются различные лексические единицы, но соответствующий современный термин, как интернационализм, оформился на базе современных слов — *исп.* patio, *порт.* pátio — предположительно, в Новое время. Термин патио входит как в дискурс архитектуры, с помощью чего дается объяснение окружающему пространству, изучаемому и изменяемому человеком, так и в архитектурный дискурс — способ говорения об архитектуре и строительстве в определенных обстоятельствах. В этих двух

видах дискурса по-разному реализуется семантический потенциал слова патио, которое с точки зрения структурно-системных связей может быть и научным термином, и словом разговорно-обиходной, профессиональной или неформальной речи.

В архитектуре ярко выраженным образным компонентом всегда выступает символ, с постоянством указывающий на идеи пространства и времени. Патио тоже наделено определенной символикой: оно представляет амбивалентный фрагмент пространства, обладающий одновременно внешними и внутренними признаками. Патио заключено внутри дома или между домами, но находится снаружи по отношению к внутренним помещениям строения. Патио имеет символично-мистический характер: находясь под открытым небом, патио открывает путь к небесным сферам.

Патио известно на Востоке и на Западе, хотя повсюду имеет разные формы, функции и языковую репрезентацию. В средиземноморских странах патио возникло в эпоху архаики (мегарон), было усовершенствовано в античности в Древней Греции и в Древнем Риме, освоено арабо-мусульманской архитектурой (арабо-мавританский стиль) и в колониальную эпоху вывезено за пределы Европы — в Новый Свет. Таким образом, эволюция патио — это трансформация отношения к пространству как онтологической категории бытия. Причём в когнитивном аспекте концепт патио передвигается сразу по метафизическому пути устройства мира и по эмпирическому курсу повседневной жизни.

Ключевые слова: патио, архитектура, культура, язык, дискурс, термин, концепт

Для цитирования: Сапрыкина О.А. (2024) Патио как универсальная константа в языке, культуре и архитектуре: смыслы и функции. *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 89–100. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-89-100

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Cuadernos Iberoamericanos. 2024. 1. P. 89–100
DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-89-100

ENSAIO ANALÍTICO

Recebido 29.01.2024
Revisto 23.02.2024
Aceito 15.03.2024

UDC 94+72.012.72+81'42

Pátio como uma constante na linguagem, cultura e arquitetura: sentidos e funções

© Saprykina O.A., 2024

Olga A. Saprykina, Doutora em Filologia, Professora da Universidade Estatal Lomonosov de Moscovo. 119991, Rússia, Moscovo, GSP-1, rua Leninskie Gory, 1, ed. 51
E-mail: olgasaprykina@mail.ru

Resumen. O pátio é o elemento mais importante da composição estrutural de edifícios residenciais (casa, palácio) e edifícios religiosos (templo, mosteiro) no decorrer de mais de cinco mil anos. No artigo se faz uma análise histórico-filológica, antropológica, etnográfica e conceitual do conceito arquitetônico do pátio. Várias unidades lexicais são usadas para designar o pátio, mas o respetivo termo moderno — internacionalismo, foi formado na base da palavra espanhola patio, presumivelmente em actualidade. O termo pátio entra tanto no discurso da Arquitetura, pelo qual é dada uma explicação do espaço circundante, estudado e modificado pelo ser humano, como no discurso arquitetônico, representando uma maneira de falar sobre arquitetura e construção em certas circunstâncias. Nesses dois tipos de discurso, percebe-se de maneira diferente o potencial semântico da palavra pátio, que, do ponto de vista das relações estruturais e sistêmicas, pode ser tanto o Termo quanto a palavra do discurso cotidiano. Na arquitetura, um epressivo componente figurativo é sempre um símbolo, indicando constantemente as idéias de espaço e de tempo. O pátio também é dotado de um certo simbolismo: representa um fragmento ambivalente de espaço, possuindo sinais externos e internos ao mesmo tempo. O pátio é fechado dentro da casa ou entre as casas, mas está localizado fora em relação ao interior do edifício. O pátio é conhecido no Oriente e no Ocidente, embora em todos os lugares tenha formas, funções e representações linguísticas diferentes. Nos países do Mediterrâneo, o pátio surgiu na era arcaica (Megaron), foi aperfeiçoado na antiguidade na Grécia antiga e na Roma antiga, assimilado pela arquitetura árabe-muçulmana (estilo árabe-mourisco) e na era colonial levado para fora da Europa — para o Novo Mundo. O pátio tem um caráter simbólico e místico: estando ao ar livre, o pátio abre o caminho para as esferas celestes.

Palabras clave: pátio, arquitetura, cultura, linguagem, discurso, conceito, termo

Para citar: Saprykina O.A. (2024) Pátio como uma constante na linguagem, cultura e arquitetura: sentidos e funções, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 89–100. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-89-100

Declaración de divulgación: A autora declara que não existe nenhum potencial conflito de interesses.

Iberoamerican Papers. 2024. 1. P. 89–100
DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-89-100

UDC 94+72.012.72+81'42

ANALYTICAL ESSAY

Received 29.01.2024

Revised 23.02.2024

Accepted 15.03.2024

Patio as a Constant in Language, Culture and Architecture: Meanings and Functions

© Saprykina O.A., 2024

Olga A. Saprykina, Doctor of Philology, Professor of Lomonosov Moscow State University.
119991, Russia, Moscow, GSP-1, Leninskie Gory street, 1, building 51
E-mail: olgasaprykina@mail.ru

Abstract. The patio has been the most important element of the structural composition of residential (house, palace) and religious (temple, monastery) buildings for more than five thousand years. The article offers a historical, philological, anthropological, ethnographic and conceptual analysis of the architectural concept of *patio*, courtyard. Various lexical units are used to name the courtyard, but the modern international term has been formed on the basis of the Spanish word *patio* (port. *pátio*), presumably in Modern times. The term patio is included both in the discourse of architecture, which provides an explanation of the surrounding space, studied and modified by humans, and in architectural discourse, i.e. a way of talking about architecture and construction in a particular situation. In these two types of discourse, the semantic potential of the word patio is realized in different ways representing both a term and a word of everyday speech, viewing its structural and systemic connections.

In architecture, a symbol always acts as an expressive figurative component, constantly pointing at the ideas of space and time. The patio is also endowed with a certain symbolism: it represents an ambivalent fragment of space that has both external and internal features. The patio is enclosed inside the house or between the houses, but is located outside in relation to the interior of the building. The patio is known in the East and in the West, although it has different forms, functions and linguistic representation everywhere. In the Mediterranean countries, the patio dates back to the Archaic era (Megaron), it was improved in antiquity in Ancient Greece and Ancient Rome, defined Arab-Muslim architecture (Arab-Moorish style) and in the colonial era it was exported outside Europe to the New World. The patio has a symbolic and mystical character: finding itself in the open air, the patio opens the way to the celestial spheres.

Keywords: patio, architecture, culture, language, discourse, term, concept

For citation: Saprykina O.A. (2024) Patio as a Constant in Language, Culture and Architecture: Meanings and Functions, *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 89–100. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-89-100

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Введение

Внутренний двор здания — *патио* — появился в архитектурных конструкциях городских строений почти пять тысяч лет назад. Его функции были разнообразны: от чисто практических (получения дополнительного освещения или свежего воздуха, создания места рекреации, общения) до решения сложных эстетических задач (изыщного чередования открытых и закрытых пространств или возможности показать легкость и метаморфозы переходов от стен к ничем не прикрытым плоскостям через колоннады или арочные сооружения). Характерное для городской архитектуры, патио, сохраняющее элементы природы (цветники, траву, фонтаны как источники живой воды, бассейны), наглядно показывало, как человек постигает природу и учится у неё, создавая ценности культуры [Capitel, 2005]. Обретая символический смысл, патио возвысилось как место парадоксального соединения внешнего и внутреннего. Однако с течением времени эстетическая роль патио угасла, зато поднялась и стала заметнее другая — практическая — как места для увеселений или отдыха.

Большой интерес представляет и судьба патио как концепта, универсальной константы культуры. Концепт развивался по траектории от «места за оградой» до архитектурного термина «патио», а также наименований осваиваемых пространств, предназначенных для бытовой деятельности¹.

В этой статье предметом изучения являются, в первую очередь, факты португальского языка и культуры как областей, до сих пор мало исследованных антропологами, культурологами и даже филологами. Именно этот язык может сыграть заметную роль в трудах историков театра, потому что португальский сохраняет значение патио как «партера в театре».

Языковая репрезентация архитектурного концепта «патио»

В русском языке слово патио выступает как иноязычное заимствование и, как заимствованное слово, обладает этнокультурной коннотацией.

¹ Ниже даны примеры книг, рекламных журналов и проспектов дизайнеров: Макфи К. Отделка сада камнем. Стены, патио, ступени, колонны. Практическое руководство. Москва. Ниола-Пресс. 2009. 144 с.; Jansen J. Floratopia: 110 garden ideas for your yard, patio, or balcony. New York. Countryman Press. 2021. 256 p.; Лазорик Р. Патио в ландшафтном дизайне». Георгиевск. ГБОУ СПО «ГТМАУ». 2011. URL: <https://pandia.ru/text/77/219/6626.php> (accessed: 03.02.2024). — Прим. авт.

Вместе с тем оно входит в состав современных архитектурных терминов — интернационализмов.

Внутренняя форма слова (а затем термина) *patio* (патио) некоторыми исследователями выводится из лат. *rangere* — вбивать, вколачивать, огораживать; сочинять, творить; договариваться, уславливаться и *pactus* — пакт, договор, соглашение. Такой точки зрения придерживается, в частности, Л.П. Крысин, автор «Толкового словаря иноязычных слов». В другом словаре Л.П. Крысин указывает, что слово *патио* — испанского происхождения².

Другая линия в этимологии *патио* связывает это слово с лат. *pando, pandi, pansum (passum)* — распускать, раскидывать, расширять, развертывать; распространять; открывать дорогу, делать проходимым, открывать дверь; раскладывать для просушки; возвещать, объявлять. Во внутренней форме *патио*, действительно, содержится идея «открытости» и «распространения». Кроме того, данная этимология, конечно, связывает *патио* и *passo* — шаг. Патио, таким образом, воспринимается, как «место для того, чтобы делать шаги».

Без особого труда можно уловить и морфолого-семантическую близость слова *patio* к словам *spatium* (пространство, протяжение; место прогулок) и *spatior, spatiatum, spatium* — прохаживаться, прогуливаться, расширяться. В свою очередь, *spatior* происходит от праиндоевроп. **(S)pen* — тянуть, растягивать, крутить³. Идеи протяженности пространства, с одной стороны, и хождения, прогулок, с другой, которые выступают атрибутами патио, оказываются заложенными в праязыке, который и определяет путь развития семантики в новых языках и возможность использования слова для обозначения внутреннего двора.

Парадоксальность содержания концепта патио состоит в том, что его можно рассматривать как часть архитектурной композиции, имеющую одновременно внешние и внутренние признаки. Концепт [Степанов, 2001: 43] патио предполагает также открытость этой структуры вовне — наверх, к небу.

Автор «Этимологического словаря португальского языка» Ж.П. Машаду утверждает, что, несмотря на распространенность *патио* в домах во многих романских странах, происхождение этой части архитектурного пространства и соответственно термина до сих пор вообще неизвестно⁴.

В португальском языке *патио* — это:

- *открытое пространство во внутренней части дома* — *recinto descoberto no interior de um edifício*;

² ПА ТИО, нескл., с. Внутренний дворик в испанских домах. Небольшое п. Словарь иностранных слов. URL: <https://www.slovarod.ru/dic-krysin/krys-p.htm> (accessed: 03.02.2024).

³ Гаршин И. Праиндоевропейские корни. URL: <https://www.proto-indo-european.ru/pie-s/index.html> (accessed 03.02.2024).

⁴ Machado J.P. Dicionário Etimológico da Língua Portuguesa. Vol. 4. Lisboa. Livros Horizonte. 1990. P. 322.

- *огражденная площадка, примыкающая к зданию* — terreno murado anexo a um edificio;
- *передняя, вестибюль, атриум* — vestíbulo, átrio;
- *просторный вестибюль* — saguão espaçoso;
- *вспомогательные постройки вокруг общего открытого пространства* — conjunto de habitações modestas dispostas à volta de um recinto descoberto comum;
- *здание или аудитория, класс, в котором преподавались гуманитарные дисциплины* — Edifício ou aulas em que se professavam Humanidades;
- *партер в театре* — plateia teatral.

Так как партер — это пространство в театре вглубь от сцены, функционально ей противоположное, хотя и соседнее с ней, его можно представить как *патио* — дворик в театре для зрителей-созерцателей.

Дискурс архитектуры и архитектурный дискурс

Среди различных используемых человеком способов осмысления и преобразования жизненного пространства фундаментальную роль играет архитектура. Архитектор, как *главный творец* (от *ἀρχι-* /архи-/ — главный и *τέκτων* /téktōn/ — творец), создает функционально значимые и эстетически ценные объекты — разнообразные виды культовых, жилых, общественных, хозяйственных зданий и сооружений.

Определяя цели и задачи архитектора, в трактате «Десять книг об архитектуре» («De architectura libri decem», ок. 15 г. до н.э.) римский архитектор и ученый-энциклопедист «Золотого века» Витрувий (Marcus Vitruvius Pollio, ок. 80–70 гг. до н.э. – после 13 г. до н.э.) писал: «Наука архитектора основана на многих отраслях знания и на разнообразных сведениях, при помощи которых можно судить обо всем, выполняемом посредством других искусств. Эта наука образуется из практики и теории. Практика есть постоянное и обдуманное применение опыта для выполнения руками человека работ из любого материала по данному чертежу. Теория же заключается в возможности показать и обосновать исполнение в соответствии с требованиями искусства и целесообразности»⁵.

Как искусство, архитектура обладает способностью не только создавать образы, но и передавать их многочисленные смыслы. Архитектурные образы в своем большинстве имеют символический характер. В соответствии со своей символической природой архитектурные памятники служат указаниями на идеи пространства и времени, на представления о строении вселенной.

Символы и наполняющие их смыслы находят выражение в *дискурсе архитектуры*. Рефлексия над архитектурой, над ее теорией и практикой

⁵ Витрувий. Десять книг об архитектуре. Санкт-Петербург. Азбука-Аттикус. 2023. С. 6.

приводит к созданию *архитектурного дискурса*, в котором большой слой составляет искусствоведческий дискурс со смысловыми доминантами терминов и профессионализмов, включающих жаргонизмы и специальные слова из лексико-семантического поля «архитектура и строительство». В группе архитектурных терминов — обозначения строительных материалов (порт. *areia e pedra* песок и камень, *cimento* цемент, *argamassa* штукатурка, *gesso* гипс, *cal* известняк, *vidro* стекло), а также наименования архитектурных форм (порт. *abóboda* свод, *abside* апсида, или алтарь, *arcobotante* аркбутан, *nave* неф, *campanário* колокольня).

Архитектурный дискурс имеет два основных регистра — профессиональный и практический. Профессиональный, *научный по характеру*, регистр архитектурного дискурса выявляется в разножанровых произведениях — в монографиях по истории архитектуры и искусства, энциклопедиях и справочных изданиях, статьях и диссертациях. Практический регистр архитектурного дискурса представлен в учебниках научно-технического направления по строительному делу. Практический архитектурный дискурс может бытовать как в устном, так и письменном модусах.

Концептуализация в сфере архитектурной мысли: патио в духовно-материальной парадигме архитектуры

В ряду фундаментальных архитектурных структурных компонентов зданий и организации пространства находится патио, открытый двор внутри строения. Патио служит древнейшей архитектурной формой в области композиции и жилых, и общественных зданий. Как культурный концепт «патио», будучи «открытым внутренним двором, часто окруженным галереями» [Чинь Франсис, 2023: 443], претерпел значительные изменения в истории архитектуры. Менялся языковой способ и формы обозначения этого структурного компонента, постепенно трансформировались ключевые для выражения концепта слова, лексические единицы постоянно перемещались на плоскости семантически родственных наименований архитектурно-пространственных объектов. Параллельное изучение процессов архитектурной трансформации объекта «патио» и его языковой репрезентации (при сохранении внутренней семантической целостности концепта) дает возможность раскрыть исторический путь важного культурного явления.

Принимая во внимание форму, местоположение в доме и даже функции внутреннего двора, можно предположить, что у истоков патио стоит крито-микенский *мегарон*, дом архаической эпохи, предполагающий отверстие для дыма в потолке. Дым шел из очага, разжигаемого в центре помещения. Исследователи отмечают [Чинь Франсис, 2023: 443], что композиция мегарона легла в основание *периптера*, так называемого *круглокрылого* храма, особенность которого состояла в том, что он обрамлялся со всех сторон колоннадой. Культовое сооружение периптер отличалось от *двукрылого* диптера, колоннады в котором были расположены в два ряда.

Набор возможностей, которыми обладает патио, можно найти и в зиккуратах (священных храмах) Междуречья. На террасах ярусов зиккуратов располагались экзотические растения, и с открытых террас можно было наблюдать за движениями светил. Цветущими террасами прославилось второе чудо света — Висячие сады Семирамиды.

Висячие сады Семирамиды

Похожую многоярусную композицию здания имела и легендарная Вавилонская башня. Террасы на башне напоминают открытые площадки, по которым могли прогуливаться люди. Башня имела особую систему водоснабжения: вода закачивалась на верх башни, а затем стекала вниз по специальным желобам.

Лукас ван Фалькенборх.
Вавилонская башня. 1594 г.

Со времен античности внутри жилых и общественных зданий в Древней Греции шло сооружение открытого двора, по-гречески называемого *перистиль* (др.-греч. *περί* — вокруг; др.-греч. *στυλος* — столб, опора). Перистиль окаймляла вытянутая крытая галерея с колоннами. Вынесенный наружу — на городскую площадь двор-перистиль назывался в Греции *агорой* (греч.

ἀγορά). Таким образом, именно город стал развивать идеи площади как расположенного между домами пространства для ведения политической, социальной и хозяйственной деятельности. Интересно, что площадь — «гостиный двор» — нередко обрамлялась арочными конструкциями [Blaser, 1997]. Между тем известно, что на Акрополе был проложен *перипатос* (др.-греч. *περί* — вокруг, *патос* — путь, букв. дорожка). Предположительно построенный на месте древней возведенной пеласгами Пеласгийской стены, перипатос служил усеченным обрамлением Акрополя. И пространство перипатоса напоминало крытую галерею. По перипатосу в IV–III вв. до н.э. прогуливались греки, которые учились в Ликее у Аристотеля (*Ἀριστοτέλης*, 384 до н.э. – 322 до н.э.). Уже в Ликее, читая лекции, Аристотель *прогуливался* (др.-греч. *περι-πατέω* — «ходить кругом, прохаживаться»; *περί* — «около, вокруг» и *πατέιν* — «идти, шагать») с учениками. Так возникло название для нового в ту эпоху философского учения — *перипатетического*. «Прогулки» происходили и на перипатосе, который соединял святилища разных богов на Акрополе. Во внутренней форме термина перипатос содержится указание на движение, шаг, путь, символически отражающие траекторию познания.

Небезосновательным было и то, что в дальнейшем в Средние века монастырские патио, несущие во внутренней форме слова *patio* отзвук греческого перипатоса, стали использоваться как «места для занятий — *aula*. А идущая вокруг патио галерея *ambuláti* — коридор для передвижения — служила напоминанием о древнем перипатосе.

В Древнем Риме прошла последовательная дифференциация жилых, общественных и храмовых построек. В жилых помещениях — *domus* — различались две главные части: *atrium* (от лат. *ater* темный, черный) — атриум как *крытая или открытая приемная зала в римском доме и перистиль*, в котором располагалось жилище частных лиц. И то и другое пространство было предназначено для получения дополнительного света и воздуха в связи с отсутствием окон в зданиях. Таким образом, патио в доме мог выполнять особые практические функции — окон или труб. Интересно, что словом *domus*, как правило, обозначались одноэтажные постройки богатых патрициев — виллы, которые, вопреки архитектуре города, сохраняли связь с домами в сельской местности. Это были своего рода усадьбы, оберегавшие свою близость с природой. Дома-виллы

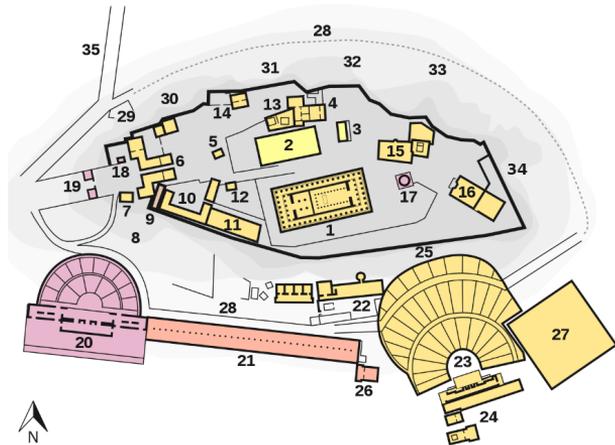

Вид на Конимбригу
(патио с фрагментами фонтанов)

обязательно имели патио. В то же время городские сооружения с многоквартирными домами для людей плебейского происхождения назывались *insula*. Их обитатели могли претендовать на патио разве что как на дворик между домами.

Находящееся снаружи и окруженное домами пространство, служившее для собрания римских граждан, именовалось *forum* — форум.

Известным памятником древне-

План Афинского Акрополя.
Точечной линией обозначен Перипатос — древняя тропа вокруг Акрополя

В Коимбре сохранились развалины древнеримского города с домами с патио. Полы древнеримских патио в Коимбре были выложены мозаичной плиткой с изображениями культовых животных.

Патио в контексте архитектуры Средних веков и Нового времени

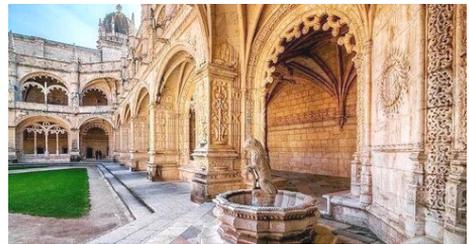
Идеи, связанные с патио как внутренним пространством в композиции здания для уединения и созерцания, возродились в Средние века в архитектуре монастырей.

Монастырь Жеронимуш, внутренний двор. Лиссабон, Португалия

(лат. *claustrum*, порт. *clauastro*, фр. *cloitre*, ит. *chiostro*). Довольно скоро название *клуатр* распространилось на весь монастырь. Однако в Португалии, например, клуатром называли и внутренний двор, не пренебрегая при этом в речи и словом *pátio*.

Прежде всего и сам монастырь служил убежищем, закрытым от врагов строением, в стенах которого его обитатели могли в тишине предаваться радостям духовной жизни. Бенедиктинский устав (Бенедикт Нурсийский /Benedictus Nursiae, 480–547, основатель западноевропейского монашества) предполагал проведение не только церковных служб, но и хозяйственной жизни в пределах монастырских стен. В планировке монастыря предусматривалось строительство двора — клуатра

Символ в дискурсе архитектуры

Предполагаемый вид храма царя Соломона в Иерусалиме

Крупнейшим хранителем символических форм было святилище Господине — храм Соломона в Иерусалиме. Несохранившийся храм в легендах до сих пор рассматривается как источник базовых символов, среди которых числовые играют большую роль.

Значительный интерес представляет символика архитектурных компонентов в доминиканском монастыре Баталья (Batalha) в Португалии, посвященном Пресвятой Деве Марии Победы — Santa Maria da Vitória. Сооруженный в честь победы португальцев над

кастильцами в битве при Алжубарроте 14 августа 1385 года, монастырь построен в готическом стиле с вкраплениями новейших ренессансных элементов. Символический характер имеет проекция главного храма, в основе которой заложен крест. Главные элементы здания связаны символическими числовыми пропорциями.

*Монастырь Санта-Мария-да-Витория
в Баталье, Португалия*

Справа от фасада находится Капелла Основателя — Capela do Fundador. Часовня стала местом захоронения, пантеоном короля Дона Жуана I (João I de Portugal, 1385–1433), его супруги Доны Филиппы Ланкастерской (Filipa de Lencastre, ок. 1360–1415) и их сыновей — короля Дуарте (Duarte I de Portugal, 1433–1438), инфанта Фернанду Святого (Fernando, o Infante Santo, 1402–1443), инфанта Генриха Мореплвателя (Infante Dom Henrique o Navegador, 1394–1460) и регента Педру Португальского (Pedro de Portugal, 1439–1448). Вписанный в квадрат восьмиугольник находится на потолке, стремится к завершению в круге, значение которого — триумф Сил Небесных, в то время как квадрат на полу — средоточие земного и телесного. Восьмиугольник между тем играет роль перехода от земного к небесному.

Монастырь располагает внутренним двором — клуатром.

Клуатр вписан в пространство между стенами, нижняя часть которых представляет арочную галерею.

В эпоху Возрождения и в Новое время античное патио становится фрагментом исторической памяти у многих народов. Его изображают на картинах как свидетельство исторической

*Внутренний двор монастыря
Санта-Мария-да-Витория в Баталье*

подлинности места. В частности, патио — важная часть картин Сандро Боттичелли (Sandro Botticelli, 1445–1510), некоторых полотен прерафаэлитов, часто пользующихся приемом стилизации средневековых изображений.

* * *

Наши рассуждения останутся неполными, если не представить перспективу будущих исследований

в этой области. «Двор», будь то перистиль, клуатр, патио или дворик, сад, — универсальное явление культуры. Достаточно упомянуть в этой связи кар-

тину русского художника В.Д. Поленова (1844–1927) «Московский дворик» (1878), которая поможет выбрать направление предстоящего анализа — сопоставление этнографически, исторически, структурно и эстетически разнородных, но субстанционально единых явлений.

Будучи необычной с точки зрения устройства дома *domus* архитектурной формой, патио имел разные функции, которые трансформировались в разных культурно-исторических обстоятельствах.

Современный вид на «Московский дворик» Поленова возле церкви Спаса Преображения на Песках

Василий Поленов. Московский дворик. 1878

Эволюция патио — это трансформация отношения к пространству как онтологической категории бытия.

В когнитивном аспекте концепт *патио* передвигается сразу по нескольким траекториям — по метафизическому пути устройства мира и по эмпирическому курсу повседневной жизни (обустройства жилища).

В современных языках *патио* обладает статусом термина и слова обиходно-разговорной речи. В русском языке слово воспринимается как иноязычное со статусом интернационализма и обладает этнокультурной коннотацией.

Список литературы / References

Степанов Ю.С. (2001) *Константы: Словарь русской культуры*, Москва, Академический Проект, 990 с.

Stepanov Yu.S.(2001) *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture], Moscow, Akademicheskii Proekt, 990 p. (In Russian)

Чинь Франсис Д.К. (2023) *Все об архитектуре. Форма, пространство, композиция*, Москва, Издательство АСТ, 448 с.

Chin F.D.K. (2023) *Vse ob arkhitekture. Forma, prostranstvo, kompozitsiya* [Everything about architecture. Form, space, composition], Moscow, AST, 448 p. (In Russian)

Blaser W. (1997) *Patios: 5000 años de evolución desde la antigüedad hasta nuestros días* [Courtyards: 5000 years of evolution from antiquity to the present day], Barcelona, Gustavo Gili, 223 p. (In Spanish)

Capitel A. (2005) *La arquitectura del pátio* [The architecture of the courtyard], Barcelona, Gustavo Gili, 199 p. (In Spanish)

Город в Новом Свете в эпоху Конкисты

© Кофман А.Ф., 2024

Андрей Федорович Кофман, д-р филол. наук, заместитель директора по научной работе Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН, заведующий Отделом литератур Европы и Америки Новейшего времени.

121069, Москва, ул. Поварская, 25а

ORCID: 0000-0002-3799-9343

E-mail: andrey.kofman@gmail.com

Аннотация. В мышлении испанских конкистадоров присутствует четкое разграничение целей и задач экспедиций, выраженное оппозицией глаголов *poblar* (заселять), связанного с цивилизаторской деятельностью, включая строительство поселений и городов (*pueblos*), и *rescatar* (одно из значений — вести меновую торговлю), подразумевающего осуществление рейдов в поисках добычи. Сам факт основания города для испанцев означает начало колонизации края, это своего рода «дверь» для проникновения «вглубь земли». Особенность заселения Нового Света в эпоху Конкисты заключена в том, что любому поселению изначально придается статус города и центра. На громадных неосвоенных территориях любой форт выступает в роли города как оплота оседлости, антипода бескрайнего, хаотичного, дикого пространства.

Образ туземного города, сложившийся в сознании конкистадоров, представлен в двух различных ипостасях: город реальный и город мифический; притом, если испанские города в Новом Свете расположены в исключительно позитивном семантическом поле, то индейский город, будь то реальный или мифический, — пространство контрастное, амбивалентное, желанное и вместе с тем неизбежно опасное.

В истории испанского исследования и завоевания Нового Света мифические индейские города сыграли куда большую роль, нежели туземные реальные города. Главнейшим стимулом Конкисты стали поиски мифических царств и городов, и большинство широкомасштабных экспедиций в Америке было совершено именно в погоне за химерами. Эти экспедиции не приносили добычи, зато приносили географические открытия. Разгоряченная фантазия конкистадоров способствовала тому, что громадные неизведанные земли в ареале испанского завоевания были в общих чертах обследованы в кратчайший исторический срок.

Ключевые слова: Новый Свет, Конкиста, испанский город, индейский город, мифический город

Для цитирования: Кофман А.Ф. (2024) Город в Новом Свете в эпоху Конкисты. *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 101–122. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-101-122

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Ciudad en el Nuevo Mundo en la época de la conquista

© Kofman A.F., 2024

Andrey F. Kofman, Doctor en filología, vicedirector, jefe del Departamento de Literatura Contemporánea de Europa y América, Instituto de Literatura Mundial Máximo Gorki de la Academia de Ciencias de Rusia.

121069, Rusia, Moscú, calle Povarskaya, 25a

ORCID: 0000-0002-3799-9343

E-mail: andrey.kofman@gmail.com

Resumen. Los conquistadores españoles percibían claramente los objetivos diferentes de sus viajes, y esa diferencia la reflejan los verbos distintos: *poblar* comprende fundar pueblos y ciudades, a saber, realizar actividades civilizadoras, mientras que *rescatar* supone realizar comercio o hasta ranchar la tierra. El que los españoles fundaran una ciudad significaba que empezaron a colonizar el territorio usándola como una «puerta» para ir «tierra adentro». La colonización del Nuevo Mundo estuvo marcada por un rasgo particular: cada pueblo gozaba de estatus de ciudad y centro desde el principio. Cualquier fortaleza servía de ciudad como símbolo de asentamiento en las tierras enormes, era una antítesis al espacio infinito, caótico y salvaje.

La imagen de una ciudad indígena que los conquistadores tenían en la mente se manifiesta en dos formas: la ciudad real y la mítica. Mientras que no dejaban de percibir las ciudades españolas en el Nuevo Mundo desde una óptica positiva, la ciudad indígena, ya sea real o mítica, se les antojaba ambivalente y peligrosa, pero al mismo tiempo los atraía.

Las ciudades indígenas míticas desempeñaron un papel mucho más importante que las ciudades indígenas reales en la historia de la Conquista española. Fue la busca de reinos y ciudades míticas la que fomentó en gran medida la Conquista, ya que la mayoría de las expediciones más grandes se realizaron en América para perseguir quimeras. Aquellas expediciones no traían riqueza sino llevaban a descubrimientos geográficos. Las fantasías de los conquistadores los impulsaron a que exploraran enormes tierras conquistadas en un período de tiempo muy corto desde un prisma histórico.

Palabras clave: Nuevo Mundo, conquista, ciudad española, ciudad indígena, ciudad mítica

Para citar: Kozhanovsky A.N. (2024) Kofman A.F. (2024) Ciudad en el Nuevo Mundo en la época de la conquista, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 101–122. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-101-122

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Town in the New World During the Spanish Colonization of the Americas

© Kofman A.F., 2024

Andrey F. Kofman, Doctor of Philology, Deputy director, Head of the Department of Modern European and American Literature, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science.

121069, Russia, Moscow, Povarskaya street, 25a

ORCID: 0000-0002-3799-9343

E-mail: andrey.kofman@gmail.com

Abstract. Spanish conquistadors drew a clear distinction between their objectives as they embarked on expeditions, with two contrasting verbs highlighting the difference: the verb *poblar* (to populate) involved establishing settlements and towns (pueblos), whereas the verb *rescatar* implied trading or even raiding the land. Founding a town meant the conquistadors started to colonize the area, relying on it as a «door» to go «deep in to the territory». Spanish colonization of the New World was marked by an important feature: any settlement was granted the status of a town and center from the outset. Any fort served as a town, a foothold for settlement in a vast unexplored area; it was the antithesis of endless and chaotic wilderness.

The image of an indigenous town that conquistadors had in mind manifested itself in two forms, namely, a real town and a mythical one. While the perception of Spanish towns in the New World was unfailingly positive, an indigenous town, whether a real or mythical one, was deemed ambivalent, dangerous yet appealing.

Mythical indigenous towns played a more important role in the history of Spanish exploration and conquest of the New World than real indigenous towns. It was the quest for mythical kingdoms and towns that became the main driving force behind Spanish colonization of the New World, as most major expeditions in America were launched to pursue pipe dreams. Those expeditions failed to generate wealth yet they resulted in geographical discoveries. Conquistadors' fantasies prompted them to explore the great wilderness in a short period of time from a historical perspective.

Keywords: New World, Spanish colonization of the Americas, Spanish town, indigenous town, mythical town

For citation: Kofman A.F. (2024) Town in the New World During the Spanish Colonization of the Americas, *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 101–122. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-101-122

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

В рамках компаративных исследований двух столь разных миров — западноевропейского и латиноамериканского — несомненный интерес представляет сравнительный анализ образов испанского и индейского городов. Изучение подходов конкистадоров в рамках оппозиции *conquistar* (*при*-своение) и *poblar* (*о*-своение) обуславливает актуальность работы в более широком смысле, приоткрывая пути к осмыслению различных стратегий освоения и развития территорий. Подробное рассмотрение практики основания испанских городов, выраженное глаголом *poblar* (заселять), связанным с цивилизаторской деятельностью, позволяет сделать новые для российской историографии выводы о проникновении «вглубь земли», одновременно подчёркивая особенности заселения Нового Света в эпоху Конкисты. В то же время теоретическое значение имеет и детальный анализ образа туземного города, сложившийся в сознании конкистадоров. Он представлен сразу в двух различных ипостасях: город реальный и город мифический.

Следует разделить два понятия, каждое со своей историей и со своим семантическим полем: город испанский и город индейский. Соответственно, статья содержит два раздела.

Испанский город

Распространены представления, будто испанцы рвались в Америку для того лишь, чтобы разбогатеть одним махом, а затем вернуться восвояси и остаток дней прожить в довольстве на родине. На самом деле все обстояло совсем иначе. Конкистадоры пришли в Новый Свет, чтобы стать здесь хозяевами, — а хозяином себя можно чувствовать только в собственном доме, обставленном и украшенном по своему вкусу [Кофман, 2006].

Хронист Франсиско Лопес де Гомара (Francisco López de Gómara, 1511–1559) писал: «Кто не заселит, не совершит хорошей конкисты; а не покорив землю, не обратишь язычников в христианство; посему главной задачей конкистадора должно стать заселение» [Durand, 1953: 70]. И большинство завоевателей Нового Света подписались бы под этими словами. Конкистадор мог стать во главе экспедиции и отправиться в Новый Свет, лишь заключив с королем или с президентом Королевского Совета по делам Индий т.н. капитуляцию, договор, где было прописано и оговорено все, что можно было прописать и оговорить, и в этих документах прямо указывалось, сколько селений и городов обязывался основать генерал-капитан, будущий губернатор открытых и завоеванных им земель. И за этим пунктом очень ревностно следили королевские чиновники.

Conquistar y poblar / присвоение и освоение

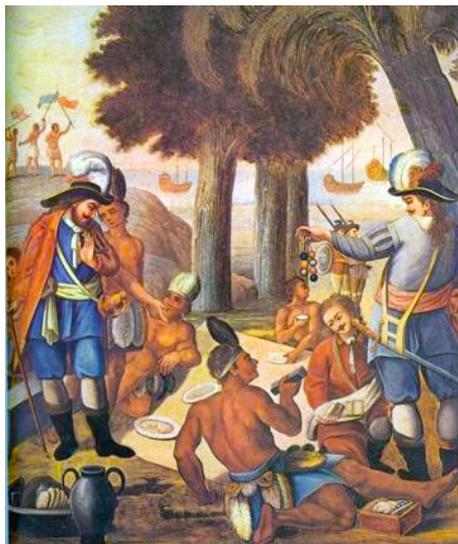
В мышлении конкистадоров присутствует четкое разграничение целей и задач экспедиций, выраженное оппозицией *poblar/rescatar*. Если понятие *conquistar* подразумевает акт *при*-своения пространства, то глагол *poblar*

(заселять) — имеющий очень широкий круг значений, связанных с цивилизаторской деятельностью, включая строительство поселений и городов (*pueblos*), — подразумевает о-своение пространства: сделать его «своим», одомашнить его, перекрыть по европейскому регламенту. В конечном счете ради этого и совершается завоевание. Глагол же *rescatar* (одно из значений — *вести меновую торговлю*) обозначает рейды в поисках добычи; а поскольку «выменивание» золота часто приобретало характер откровенного грабежа, то в указанной оппозиции нередко фигурировал куда более откровенный по смыслу глагол *ranchear* (грабить) [Кофман, 2007].

Оппозиция *poblar/rescatar* составляет отдельный самозначимый «сюжет» в истории покорения Мексики, и вряд ли найдется пример, способный полнее раскрыть специфическое преломление этой оппозиции в сознании конкистадоров. Сначала этот «сюжет» связан с экспедицией Хуана де Грихальвы (*Juan de Grijalva*, 1490–1528) 1518 г., «кочему Диего Веласкес приказал не заселять, а торговать»¹.

Первый контакт испанцев с ацтеками оказался мирным и завершился интенсивной меновой торговлей, когда испанцы выменяли на свои нехитрые товары неслыханную по тем временам сумму — двадцать тысяч песо золота². Однако уже не золото решало судьбу экспедиции, ее генерал-капитана де Грихальвы, да и Мексики в целом. Ее решал вопрос: что же делать дальше? Торговать — или заселять? Решение этого вопроса и стало ключевой задачей экспедиции Грихальвы, однако в документах и в исторических трудах этот эпизод оказался представлен в двух противоположных интерпретациях.

Автор одной версии — Хуан Диас (*Juan Díaz*, 1480–1549), капеллан экспедиции, написавший небольшую хроникку похода. По его утверждениям, солдаты и капитаны настаивали на том, чтобы основать поселение, а Грихальва решил строго придерживаться инструкций Диего Веласкеса де Куэльяра (*Diego Velázquez de Cuéllar*, 1465–1524), что вызвало всеобщее недовольство: «Наши люди, видя, сколь благодатна та земля, задумали насильно заселить ее, но генерал-капитан тому воспротивился. А в результате он же больше всех и потерял от этого, ибо ему не хватило

Хуан де Грихальва на реке Бандерас в 1518 г. Музей Америки, Мадрид

¹ Díaz del Castillo B. *Historia verdadera de la conquista de Nueva España*. Barcelona. Ramón Sopena. 1975. P. 623.

² Песо — мера веса золота — 5,5 гр. — *Прим. ред.*

смелости овладеть той землей... Вот так мы и отплыли оттуда очень недовольные отказом генерал-капитана»³. И вывод: «Будь наш генерал-капитан смельчаком, мы бы добыли там более двух тысяч кастельяно, а из-за него мы не смогли ни золота наменять, ни землю заселить, ни сделать чего хорошего»⁴. По версии Диаса, поддержанной Бартоломе де Лас Касасом (Bartolomé de las Casas, 1484–1566), получается, что впоследствии капитаны обвиняли Грихальву перед Веласкесом за отсутствие инициативы, за то, что не заселил новооткрытые земли, и губернатор с этими обвинениями согласился. Прямо противоположную версию излагает Берналь Диас дель Кастильо (Bernal Díaz del Castillo, 1496–1584), автор замечательной хроники «Подлинная история завоевания Новой Испании» («Historia verdadera de la conquista de la Nueva España», 1568): по его словам, Грихальва вознамерился основать поселение на берегах Рио-де-лас-Бандерас, а капитаны Монтехо (Francisco de Montejo, 1479–1553) и Авила (Pedro Arias de Ávila, 1440–1531) считали, что для этого у них недостаточно сил, и вместе с солдатами выступили за возвращение на Кубу⁵. Неважно в данном случае, кто прав; важно то, что понятие «roblar» включает в себе инициативу, смелость, волю к подлинному — а не только на бумаге — овладению землей. Действительно, сколь велика ни оказалась добыча, сколь важные открытия ни были совершены, итог экспедиции Грихальвы все ее участники единодушно оценивают негативно — оттого, что не «заселил». Пример Грихальвы послужит хорошим уроком Кортесу (Hernán Cortés, 1485–1547), который в сходных обстоятельствах и, что примечательно, в том же месте проявит куда больше настойчивости.

Кортесу, как выяснилось по прибытии в Мексику, Веласкес также предписал не заселять, а торговать, что и побудило солдат взбунтоваться против решения губернатора Кубы и выдвинуть требование основать город — этому эпизоду посвящена 42-я глава хроники Берналя. Тайной пружиной бунта является, конечно же, сам Кортес, которому важно ни в коем случае не допустить возвращения войска на Кубу; но внешне все выглядит так, будто солдаты заставили его основать поселение: «И Кортес ответил, не выказывая обиды, что он не нарушит инструкции и мемориалы, данные ему сеньором Диего Веласкесом, и затем приказал завтра же грузиться на корабли; мы же, сговорившись заранее, отвечали ему, мол, нехорошо нас обманывать, ведь на Кубе он говорил, что отправляется заселять, а на самом деле, как выясняется, не имел на то полномочий и прибыл торговать; и мы потребовали именем Господа Владыки нашего и именем его величества, чтобы он немедленно основал поселение и не делал ничего иного, ибо тем самым он сослу-

³ Díaz J. Itinerario de la armada del Rey Católico a la isla de Yucatan, en la India en el año 1518, en la que fue por comandante y capitán general Juan de Grijalva. La conquista de Tenochtitlán. Madrid. Dastin. 2002. P. 51.

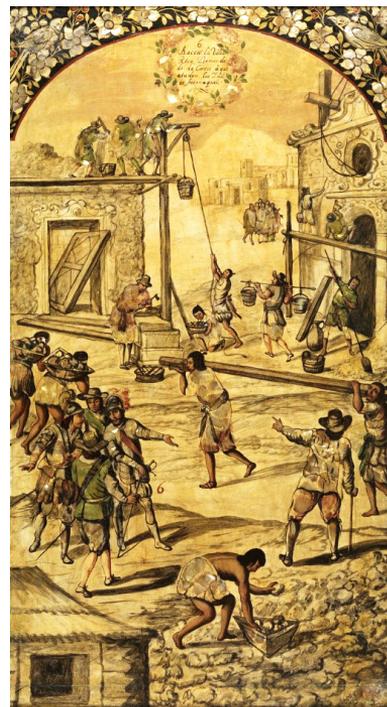
⁴ Díaz J. Itinerario de la armada del Rey Católico a la isla de Yucatan... P. 54.

⁵ Díaz del Castillo B. Historia verdadera de la conquista de Nueva España... P. 119.

жит добрую службу Господу и его величеству, и много прочих разумных вещей мы ему сказали по этому поводу <...> и заявили, что хотим заселить эти места, а кто этого не желает, пусть возвращается на Кубу. В конце концов, Кортес принял наше требование, хотя его долго пришлось уламывать, как говорится, чем больше я того хочу, тем больше ты меня проси»⁶.

Выделенная оппозиция обозначает две, в сущности, противоположные стратегии — колонизаторскую и пиратскую. Надо признать, что по части инициативы и энергетики пираты ни в чем не уступят конкистадорам; но, в отличие от последних, они не были способны к двум вещам: они не умели вести сколько-нибудь длительную совместную военную кампанию и совершенно не были настроены на созидательную деятельность. Конкиста прихотливо сочетала в себе обе стратегии, и все же первая решительно превалировала — будь иначе, не стало бы возможным в кратчайший исторический срок заложить основы того, что будет названо латиноамериканской цивилизацией.

Экспедиции, посланные лишь с целью добычи золота, завершались возвращением в исходный пункт без попыток закрепиться на новооткрытых землях. Эти набеги, безусловно, могли приносить важные географические открытия и ценную информацию, но подлинное овладение пространством Нового Света было немыслимо без заселения [Кофман, 2022]. Это хорошо понимали конкистадоры — помимо вышеприведенных фрагментов, стоит привести еще один, из хроники Педро де Кастаньеды (Pedro de Castañeda, 1515–1570), где очень ясно выражено отношение конкистадора к земле: «Сколь часто бывает так, что, имея в руках драгоценную вещь, мы не ценим и не бережем ее должным образом, и чем дольше ею владеем, тем меньше ценим, и лишь когда потеряем ее, понимаем, насколько она была полезна, и ощутим превеликую печаль в сердце от ее отсутствия, и начнем изыскивать всевозможные способы, как бы ее вернуть. Вот так и случилось с теми, кто в году от Рождества Христова тысяча пятьсот сороковым отправился вместе с Франсиско Васкесом де Коронадо (Francisco Vázquez de Coronado, 1510–1554) на поиски страны семи городов, ибо, не найдя тех богатств, о коих они получили известия, они нашли

*Строительство города
Вилья-Рика-де-ла-Велакрус
(основан Э. Кортесом в 1519 г.).
Мигель и Хуан Гонсалес, 1698*

⁶ Díaz del Castillo B. Historia verdadera de la conquista de Nueva España... P. 174.

добрую землю для заселения, дабы оттуда продвигаться вперед; но, завоевав эту землю, они ее покинули, и по прошествии времени плачут сердца их о том, что утеряли они, имея в руках...»⁷. Сходным образом хронист Лопес де Гомара объясняет провал экспедиции Эрнандо де Сото (Hernando de Soto, 1500–1542), который прошел около четырех тысяч километров по североамериканскому матерiku: «Он не заселил эти земли, и оттого сам погиб и загубил тех, кого повлек за собою. Никогда ничего путного не выйдет у конкистадоров, ежели наперед всего они не будут думать о заселении...» [Durand, 1953: 70]. Важен не только город как таковой; не менее значима окружающая его система энкомьендас (encomiendas — земельные владения с прикрепленными к ним индейцами), которая стала оплотом оседлости, привязывая конкистадора к завоеванной земле [Кофман, 2007].

В большинстве анализируемых текстов понятие *poblar* неизменно выступает с позитивным знаком, тогда как понятие *rescatar* часто бывает негативно окрашенным. Такое созидательное отношение к земле с течением времени все глубже проникало в сознание конкистадоров, которые быстро сообразили, сколь эфемерным в Новом Свете оказывается золото.

«Вглубь земли»

Селение, город (*pueblo, ciudad*), будучи одним из базовых понятий Конкисты, в сознании конкистадора обретает различные, хотя подчас и взаимосвязанные значения. Сам факт основания города для испанцев означает начало колонизации края, это база для дальнейшего продвижения в пространстве, своего рода «дверь» для проникновения «вглубь земли» [Кофман, 2007].

Имеет смысл сказать несколько слов об этом специфическом понятии. Привычные пространственные координаты в сознании конкистадора вытесняются специфической координатой — предельно обобщенной и самой смутной из всех возможных, но имеющей для первопроходца исключительную значимость. Эта координата обозначается словосочетанием *tierra adentro* — в глубине земли (а с глаголом движения — в глубь земли), которое в том или ином контексте встречается постоянно. Собственно, именно туда, в глубь земли, пролегает путь конкистадора. Как видно, в сознании конкистадора пространство Нового Света делится на два несопоставимых по протяженности сегмента. Первый — внешнее пространство: чаще всего побережье, которое обычно служит исходным пунктом экспедиции; в этой роли также может выступать река или город, откуда отправляется экспедиция. Внешнее пространство носит пограничный характер: это своего рода трамплин для рывка в неведомое. Другой сегмент Нового Света — огром-

⁷ Castañeda de Nájera P. de. Relación de la jornada de Cíbola. Editado por John Miller Moris. Chicago. The Lakeside Press. 2002. P. 60.

ное внутреннее пространство. Главное, чем различаются внешнее и внутреннее пространства — тем, что первое уже известно, оно развернуто или разворачивается перед глазами, а второе — неизвестно, сокрыто, и потому ему в полной мере свойственны такие характеристики, как таинственность и непредвиденность.

Именно этот образ возникает в письме Вальдивии (Pedro de Valdivia, 1497–1553), когда он называет основанный им город Сантьяго «ключом» и говорит, что «это дверь для проникновения вглубь земли, и дабы не закрылась она, я не пожалел трудов и трат для возведения и удержания оно, не имея с того никакой личной выгоды»⁸.

Но понятие «вглубь земли» бывает растянуто неизмеримо, и на отдалении трехсот-четырехсот километров поселение практически перестает служить надежной базой, с которой можно быстро связаться, — и тогда надо создать новый опорный пункт: он маркирует присвоенный сегмент пространства и станет новой границей, очередной исходной точкой для проникновения «внутри земли». Поселения как бы отмечают поступь цивилизации в диком пространстве, и сам процесс продвижения по землям Нового Света предстает как процесс заселения: «Пятого октября 1550 г. я основал (*poblé*) город Консепсьон, заселив в нем сорок жителей, в марте 1551 г. основал город Империаль, где поселил еще восемьдесят жителей, в феврале нынешнего 1552 г. заселил город Вальдивия, который должен прокормить сотню жителей... Затем, через два месяца, я заселил город Вилья-Рика там, где будет открыто (*por donde se ha de descubrir*) Северное море⁹: в нем я оставил пятьдесят жителей, все с индейцами; и так я буду продвигаться, завоеывая и заселяя, пока не выйду к Магелланову проливу...»¹⁰. Так создается сеть поселений, как бы «накрывающая», «улавливающая» дикое пространство [Кофман, 2007].

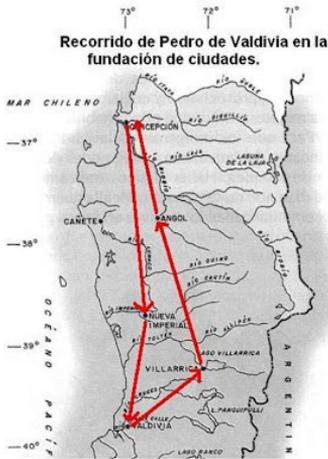

Основание Сантьяго (1541). Педро Ли́ра. 1888

⁸ Valdivia P. de. Cartas al emperador. Cunninghame G.R.B. Pedro de Valdivia. Buenos Aires. 1943. P. 184.

⁹ Северным Морем в противовес Южному Морю (Тихому океану) испанцы называли Атлантический океан. — Прим. ред.

¹⁰ Valdivia P. de. Cartas al emperador... P. 248.

Поселения, которые основал
Педро де Вальдивия

Важно подчеркнуть, что селения отстоят на очень значительные расстояния друг от друга, тем самым каждое становится «центром» целого края, или, как говорили конкистадоры, «земли» либо «провинции». Особенность заселения Нового Света в эпоху Конкисты заключена в том, что любому поселению, сколь бы убогим оно ни было, изначально придается статус города и центра (так, в вышеприведенном фрагменте Вальдивия упорно использует слово *ciudad*), что обусловлено отнюдь не тщеславием его основателей. На громадных неосвоенных территориях любой форт — будь в нем хоть три десятка человек за частоколом — действительно выступает в роли города как оплота оседлости, антипода бескрайнего, хаотичного, дикого пространства; он действительно

становится центром раскинувшихся вокруг земель. Лишь после завершения эпохи Конкисты в материковой Америке начнет устанавливаться иерархия населенных пунктов, и все равно эта иерархия будет значительно отличаться от европейской, ибо американское «захолустье» еще долго будет играть роль форпоста цивилизации, границы и одновременно центра [Кофман, 2007].

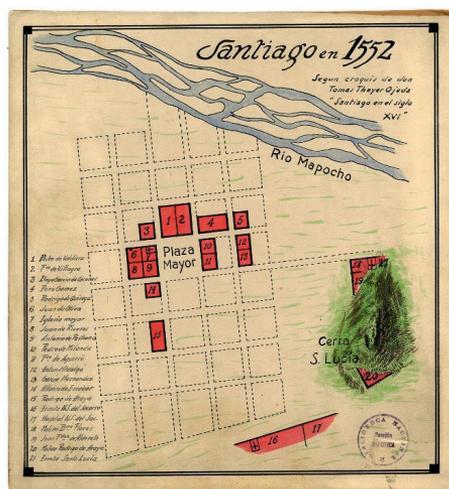
Наконец, испанское поселение воспринимается в его жизненно важной защитной функции. В ходе экспедиции отряд конкистадоров уязвим: пребывая в открытом пространстве, он оказывается со всех сторон открытым и для ударов. Город создает замкнутое, защищенное пространство — вполне в буквальном смысле, ведь его обносили частоколом или стенами из кирпича-сырца. Об этом очень ясно говорит Орельяна (Francisco de Orellana, 1511–1546), отмечая свои заслуги: «Я основал город, коему присвоил имя Сантьяго и основанием коего оказал и с тех пор продолжаю оказывать немалую услугу Его Величеству, ибо выбрал я для оногo местность плодородную и богатую и место столь удачное, что через него всего удобнее подвозить провиант к городам Кито, и Пасто, и Попаян, а равно и к другим городам (сие очевидно уже ныне), которые будут возведены в будущем, без погибели испанцев и великих потерь; ведь если прежде сия провинция не была среди земель, подвластных его величеству, то теперь по землям ее разъезжают и странствуют безбоязненно, в одиночку или вдвоем или как заблагорассудится без малейшего риска для собственной жизни и имущества»¹¹.

¹¹ Орельяна Ф. де. Открытие великой реки Амазонки. Хроники и документы XVI в. о путешествиях Франсиско де Орельяны. Перев. с исп. С. Вайнштейна. Москва. Географгиз. 1963. С. 32–33.

Основание испанского города всегда сопровождалось торжественным обрядом с молебном и заведенными ритуалами, который удостоверял значимость происходящего события. Первым сооружением будущего города был позорный столб. Испанские города в Новом Свете строились приблизительно по одному плану. На центральной площади под названием Пласа де Армас располагались церковь (будущий кафедральный собор), дом губернатора, кабильдо (городское управление) и арсенал. Регулярная застройка осуществлялась по принципу шахматной доски: прямые улицы пересекались под прямым углом. Индейцы, не считая ближайшей обслуги, жили за пределами города.

Эту традицию коренным образом изменил Кортес, когда взялся создать столицу Мексики на месте разрушенного Теночтитлана. Этот город по замыслу Кортеса изначально создавался не для испанцев, а для совместного проживания индейцев и испанцев, что Кортес старательно подчеркивал в четвертом послании-реляции императору: «В городе, в его торговой и деловой жизни, сохраняется ранее заведенный порядок, и я предоставил индейцам столько свобод и привилегий, что каждый день сюда приходят на поселение новые жители, ибо живут они в свое удовольствие; ремесленники проживают здесь среди испанцев, равно как плотники, каменщики, гончары и прочие; и торговцы спокойно торгуют здесь своими товарами, и рыбаки занимаются ловлей, что было всегда главным городским промыслом, а прочие трудятся в своих садах и огородах, пожиная, в том числе, и плоды Испании, коих смогли мы достать семена»¹². Эта благостная картина, может, и далека от действительности, но в одном она, несомненно, правдива: Кортес изначально взял ориентацию на создание метисного общества, вовлекая индейцев в общественную и экономическую жизнь колонии, и эта новаторская вполне сознательная установка Кортеса впоследствии воспроизводилась в других землях Испанской Америки.

Масштабы и эффективность колонизаторской деятельности испанцев в Новом Свете ошеломляют. Достаточно привести неполный перечень крупных городов Америки, основанных всего за три десятка лет в эпоху Конкисты. Это будущие столицы Панама (1519), Мехико на месте полно-

План г. Сантьяго в 1552 г.
По эскизу Томаса Тайера Охеды

¹² Cortés H. Cartas de relación de la conquista de México. Cuarta carta de relación. México. Editorial Porrúa. 1971. P. 235.

стью разрушенного Теночтитлана (1521), Гватемала (1524), Сан-Сальвадор (1525), Кито (1533), Лима (1535), Буэнос-Айрес (1536), Асунсьон (1537), Богота (1538), Сантьяго-де-Чили (1541) Ла-Пас (1548). А к ним вдобавок — города Веракрус (1519), Гвадалахара (1530), Мерида (1542) в Мексике, Гуаякиль (1531) в Эквадоре, Попаян (1537) в Колумбии, Маракайбо (1531) в Венесуэле, Потоси (1545) и Санта-Крус (1548) в Боливии, Вальпараисо (1544), Консепсьон (1550) и Вальдивия (1552) в Чили, и это не считая сотен мелких поселений [Кофман, 2006].

Индийский город

Реальные индейские города

Образ туземного города, сложившийся в сознании конкистадоров, более многообразен, контрастен и противоречив. Во-первых, он представлен в двух различных ипостасях: город реальный и город мифический; во-вторых, если испанские города в Новом Свете расположены в исключительно позитивном семантическом поле, то индийский город, будь то реальный или мифический, — пространство контрастное, амбивалентное, желанное и вместе с тем неизбежно опасное.

Для начала обратимся к истории Конкисты. В ней достаточно четко выделяются три периода. Начальный занимает четверть века — с 1493 по 1519 г. Первая дата — крупномасштабная экспедиция Колумба (Cristóbal Colón, 1451–1506) в Новый Свет, предпринятая не столько с исследовательскими, сколько с колонизаторскими целями: тогда на семнадцати кораблях великий мореплавателю уже в звании «Адмирала моря-океана» привез на открытый год назад остров Эспаньола (нынешний Гаити) полторы тысячи поселенцев и все необходимое для их жизни: скот, лошадей, собак, горы провианта, инструментов, семян, товаров. Вторая дата — начало экспедиции Кортеса в Мексику — обозначает новый период в истории испанского завоевания Америки, грандиозную материковую Конкисту.

Действие начального периода разворачивается преимущественно на Антильских островах, населенных индейскими племенами (араваки, таино, карибы, сибонеи и др.), стоявшими на низком уровне общественного развития. Вопреки своим чаяниям, испанцы не нашли на островах ни городов, ни богатых залежей драгоценных металлов — здесь жили полуголые дикари, с которых и взять-то было нечего, кроме жалких золотых побрякушек. Случалось, индейцы оказывали ожесточенное сопротивление пришельцам, бывало, поднимали восстания, но силы были слишком неравны, и военные действия превращались в избиение младенцев. В результате за четверть века коренное население островов сократилось в десятки раз, а к концу XVI столетия исчезло практически полностью [Кофман, 2006].

Предвестия туземных городов обнаружили в экспедиции Франсиско Эрнандеса де Кордовы (Francisco Hernández de Córdoba, 1467–1517) на Юкатан (1517) за рабами, в которой принимал участие Берналь Диас дель Касти-

льо. Здесь конкистадоры впервые увидели «три высоких дома, выстроенных из камней, скрепленных известью; то были туземные капища, где хранилось множество идолов... И все мы очень возрадовались, узрев те каменные дома и вещицы из золота и поняв, что мы открыли богатую землю...»¹³. Он же описывает, какой ажиотаж начался на Кубе, когда те, кому довелось живыми вернуться из экспедиции (а их оказалась треть от первоначального состава), донесли «превеликие новости» о каменных домах.

«Варварство» и культура городского типа

Ненадолго отвлечемся от городской темы в область европоцентристских классификаций других народов. Одним из ключевых пунктов этих классификаций оставалось понятие «варварства». Надо подчеркнуть, что европеец проводил довольно четкое разграничение между «варварами» и «неверными». Турки, главные враги христиан в то время, не считались варварами, как не относились к ним персы, жители Великой Индии, Китая, Сипанго и другие народы, создавшие цивилизации городского типа. Город — вот, собственно, та грань, что отделяет «не варваров» от «варваров».

Фактически этой же традиции следуют конкистадоры при оценке степени «разумности» индейцев (*gente de razón*). Как показывают тексты конкистадоров, градации от низшей к высшей таковы: «стыд прикрывают» — одежда — чистоплотность — оседлость — умение *vivir políticamente*, то есть четко установленный распорядок жизни общества с социальной иерархией — наконец, на вершине этой пирамиды расположена цивилизация городского типа. По отношению к ее представителям крайне редко употребляется понятие «варвар», несмотря на все их «варварские» обычаи. Оно не возникает ни в хронике Севильского Анонима (*Anónimo Sevillano de 1534*), когда он рассказывает, как Атауальпа пил чичу из черепа своего врага¹⁴, ни в текстах Кортеса и Берналя, когда они с негодованием описывают практику человеческих жертвоприношений, — в этом случае лишь постоянны отсылки к дьяволу, завладевшему душами индейцев. При этом отвращение к «богомерзким» обычаям не мешает им восхищаться произведениями индейского искусства, отмечать разумность суждений, действий, распорядков [Кофман, 2016: 14–15]. Любопытно при этом отметить, что эстетическое отвращение к идолам вовсе не распространяется на пирамиды и храмы, где совершались жертвоприношения. Конечно, конкистадоры не могли не понимать назначения этих сооружений, но, видимо, культовую архитектуру они воспринимали частью городской среды, а город для них был антиподом варварства [Кофман, 2021: 280–281].

¹³ Díaz del Castillo B. Historia verdadera de la conquista de Nueva España... Cap. II.

¹⁴ Anónimo Sevillano. La conquista de Perú. Los cronistas de la conquista. Biblioteca de cultura peruana. Paris. Desclée de Brouwer. 1938. P. 318.

Получается так, что причастность к культуре городского типа оказывается для конкистадора более значимой, чем религиозно-этические установки, и не позволяет ему причислить к варварам многие американские народы. Практика сопротивляется схемам; европейские стереотипы и классификации рушатся, и начинается этот кризисный процесс прежде всего в сознании конкистадоров [Кофман, 2021: 270].

А теперь мощную кульминацию получит намеченный сюжет с открытием индейских городов, когда конкистадоры, ведомые Кортесом, приближаются к Теночтитлану. Пишет Берналь Диас дель Кастильо: «...И когда мы увидели столько городов и селений на воде, и прочие большие города по берегам, и ту столь ровную дорогу, что вела напрямиком в Мехико, мы пришли в восторг и говорили, что все это походило на чудеса, рассказанные в книге про Амадиса <...> а некоторые из наших солдат говорили, что им кажется, будто все это снится. И не надо удивляться, что я пишу об этом в таком тоне, ибо все это достойно восхищения, и я не знаю, как иначе рассказывать о вещах неслыханных, невиданных, какие даже присниться и возмечтаться не могли»¹⁵.

Стоит подробнее рассмотреть и позицию Кортеса, ибо на его примере особенно ясно отразился сложный, противоречивый характер личности испанского конкистадора [Кофман, 2011: 24]. Кортес просто захлебывается от восторга, когда описывает ацтекские города; сам стиль его письма меняется, становится неровным, сбивчивым; в его речи избыточно встречаются слова «красивый», «превосходный», «прекрасный»; он постоянно вынужден прибегать к фигуре умолчания: «Так много и так превосходно все было, что я не могу это описать Вашему Величеству»; «Вступили в город, хотя и небольшой, но превосходивший красотой все, что мы до сих пор видели»; Кортес легко прилагает категорию «прекрасное» даже по отношению к языческим капищам: «Особенно же хороши дома правителей и знатных особ, а также их мечети и молельни, где находятся идолы». Или — вот как он описывает Главный храм, где, как он знал, ежедневно совершались человеческие жертвоприношения: «...Среди оных мечетей есть одна главная, и язык человеческий не способен описать ее величие, диковины и красоты... В той мечети есть около сорока высоких превосходных башен, и в самой большой из них лестница в пятьдесят ступеней, по коим восходят наверх; эта самая главная башня выше башни севильского кафедрального собора. Все башни богато украшены резьбой по камню и по дереву, лучшей работы и отделки не сыскать нигде в мире...»¹⁶.

¹⁵ Díaz del Castillo B. Historia verdadera de la conquista de Nueva España... Cap. LXXXVII.

¹⁶ Кортес Э. Второе послание-реляция императору Карлу V, писанное в Сегура-де-ла-Фронтера 30 октября 1520 года (фрагмент). Пер. Е. Лысенко. Хроники открытия Америки. Новая Испания. Москва. Академический проект. 2000. С. 305, 307, 329–330.

Вместе с тем, как отмечалось выше, индейский город — это пространство амбивалентное, манящее, но притом очень опасное. Индейские города не противостоят пространству, как испанские города, а являются его органической частью, тем самым вбирая в себя его основные характеристики, такие как дикость, неосвященность словом Божьим, враждебность, опасность, непредсказуемость. Если все американское пространство представляет собой зону риска, то индейские населенные пункты являют повышенную зону риска: здесь можно ждать отчаянного сопротивления, обмана, коварного ночного нападения и т.п.

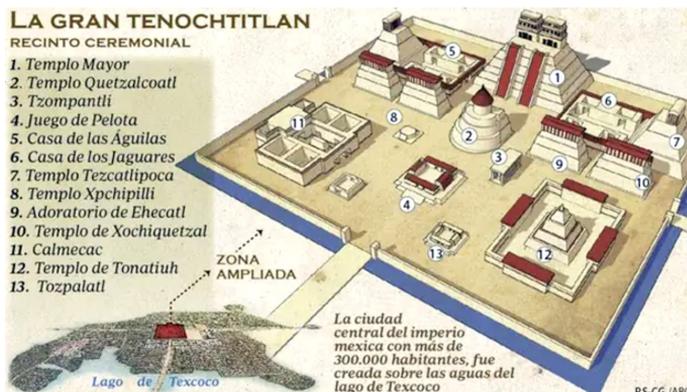

Схема ритуального района Теночтитлана, включая Главный храм.

Комплекс был почти полностью разрушен в 1521 г.

Оборотная сторона индейского города

В полной мере Кортес и Берналь узнали оборотную сторону индейского города во время восстания в Теночтитлане и при отступлении из столицы ацтеков (т.н. «Ночь печали»¹⁷), когда погибло около восьми сотен испанцев и четыре тысячи союзников-тлашкальтеков. А затем была мучительная трехмесячная осада Теночтитлана¹⁸, стоившая немалых жертв. По иронии судьбы Кортесу при осаде Теночтитлана своими же руками пришлось разрушать все то, чем он так неумеренно восторгался. В его письмах возникает и все пронзительнее звучит трагический мотив сожаления о том, что он принужден делать, а вместе с этим мотивом остро проявляется чувство беспомощности и раздвоенности. Надо признать, Кортес прилагал всевозможные усилия, чтобы сохранить «прекраснейший город в мире»¹⁹ и чуть ли не каждодневно посылал правителю ацтеков Куаутемоку (Cuāuhtēmoç, 1521–1525) посланцев с предложением сдаться, но все предложения о мире решительно отвергались. «Нас вынуждали полностью разрушить город, —

¹⁷ «Ночь печали» (исп. la noche triste) — принятое в историографии название поражения, которое потерпели испанцы во главе с Эрнаном Кортесом и их союзники-тласканцы, отступив из столицы ацтеков Теночтитлан, в ночь с 30 июня на 1 июля 1520 г. — *Прим. ред.*

¹⁸ Осада Теночтитлана — захват и разрушение столицы ацтеков Эрнаном Кортесом в 1521 г., ознаменовавшее падение империи. — *Прим. ред.*

¹⁹ Cortés H. Cartas de relación de la conquista de México... P. 182.

пишет Кортес, — о чем я очень сожалел, и у меня болела душа (*tenía más sentimiento y me pesaba el alma*)»²⁰. Но ничто не заставит его отказаться от главной цели — взять город любой ценой.

В этом аспекте показательное отношение к индейскому городу заместителя Кортеса Педро де Альварадо (*Pedro de Alvarado*, 1485–1541): его маниакальная подозрительность навязывала ему определенную модель поведения, которая вновь и вновь воспроизводилась — к несчастью для индейцев, да и для самих испанцев. Замкнутое пространство индейского города он всегда воспринимал как угрозу, что в конечном счете выливалось в чудовищные акты насилия, продиктованные скорее подсознанием, нежели здравым смыслом. Сначала он устроил резню ацтекской знати в Теночтитлане, что вызвало всеобщее восстание жителей ацтекской столицы, окончившееся разгромом испанцев. Посланный покорять нынешний штат Оахака, Альварадо был дружелюбно встречен касиком селения Тутутепеке, который разместил испанцев в своем «городе», но Альварадо, оглядев кучно стоявшие деревянные дома, решил, что индейцы готовят ему западню и ночью запалят селение со всех сторон; и тогда он вывел войско на равнину. Стараясь избежать неприятный осадок от встречи, касик одарил испанцев золотом, чем еще сильнее укрепил Альварадо в его подозрениях. По приказу капитана касик был схвачен, закован в кандалы и брошен в темницу, где вскоре умер.

При завоевании Гватемалы к Альварадо прибыло посольство от «королей», двух соправителей земли киче, которые заверили его в дружеских намерениях и пригласили в свой город Утатлан. Далее фатально повторилось то, что произошло в Теночтитлане и в Тутутепеке: охваченный подозрительностью, Альварадо подумал, будто ему готовят западню, а в этом случае он предпочитал не расследовать, а бить первым. Как в Тутутепеке, Альварадо схватил двух соправителей киче и заключил их под стражу. Узнав о том, индейцы бросились на выручку вождей. «И тогда я понял, что лишь разрушив их город и землю, смогу привести туземцев к покорности его величеству, и решил сжечь тех правителей, каковые перед казнью признались мне, что именно они приказали вести против меня войну и замыслили сжечь нас в городе и с этим умыслом заманили меня туда»²¹. И когда прознал я об этом злом умысле против слуги Вашего Величества, то для блага и спокойствия сей земли я их сжег и приказал спалить тот город, ибо он был столь опасен и укреплен, что больше походил на разбойничье гнездо, нежели на мирное поселение»²².

В приведенном фрагменте, помимо прочего, обращают на себя внимание два любопытных момента. Когда речь идет об индейском поселении, восприятие открытого и замкнутого пространства радикально меняется:

²⁰ Cortés H. *Cartas de relación de la conquista de México*. . . P. 167.

²¹ Можно не сомневаться в том, что «признание» было добыто под пытками. — *Прим. авт.*

²² Alvarado P. de. *Relaciones a Hernando Cortés. Historiadores primitivos de Indias*. T. 1. Madrid. Kromberg. 1931. P. 458.

разомкнутое пространство равнины мыслится безопасным и защищенным, а замкнутое пространство города — смертельно опасным. Другая немаловажная деталь состоит в том, что индейский город воспринимается как центр и средоточие враждебного пространства, и потому разрушение города представляется тождественным разрушению окружающего пространства. Соответственно, взятие города или его удержание в своей власти (особенно, когда речь идет о столице) аналогично подчинению пространства — эту мысль ясно выражает Кортес в отношении к Теночтитлану: «Ежели он будет утрачен, мы потеряем все прочие завоеванные провинции, ибо город тот был глава всему, и все ему повиновались»²³.

Обратим внимание еще на один существенный момент. Подлинное удивление вызывает, например, факт того, что 23 марта 1534 г. Писарро (Francisco Pizarro, 1478–1541) основал город Куско. Как это можно основать город, основанный триста лет назад и сохранившийся в своем архитектурном великолепии? Не только можно, но и нужно.

Дело в том, что в восприятии испанского завоевателя пространство Нового Света находится как бы в начальной точке истории, агентами которой мыслят себя испанцы. Конкистадора, в отличие от хронистов и миссионеров, история индейских сообществ и государств интересует лишь в той мере, в какой она имеет отношение к его собственному присутствию на этих землях. Что же касается возникновения и многолетнего развития

Основание Лимы (1535 г.) Хосе Эффио. 1897

этих государств, то все это проходит мимо сознания испанских завоевателей, поскольку для них это не история, а предыстория, мало их интересующая. По их убеждению, подлинную историю этих земель, историю христианскую, начинают они [Кофман, 2011: 22]. Вот почему индейские города, после того как они были покорены испанцами, подлежат торжественному акту основания, такому же, как новооснованные испанские города, — с чтением нотариально заверенного акта и с молебном. Тем самым история, языческое прошлое индейского города будут перечеркнуты раз и навсегда, после чего преобразенный испанский, христианский город начнет новую жизнь.

²³ Кортес Э. Второе послание-реляция императору Карлу V... С. 94.

Мифические индейские города

Изумление может вызвать и следующее утверждение автора статьи: в истории испанского исследования и завоевания Нового Света мифические индейские города сыграли куда большую роль, нежели туземные реальные города. Конкисту многие воспринимают как предприятие чисто прагматическое, имевшее целью грабеж и эксплуатацию индейцев. Однако главным стимулом Конкисты стали поиски мифических царств и городов, и потому без особого преувеличения можно сказать, что испанское завоевание Америки в большой степени явилось предприятием «фантастическим», диктовавшимся прихотями разгоряченной фантазии конкистадоров [Кофман, 2011: 17]. Большинство широкомасштабных экспедиций в Америке было совершено именно в погоне за химерами, такими как капище Дабайба в Центральной Америке, страны Сибола Семи Городов, Великая Кивири, Тегуайо, Копала, Топира в Северной Америке; Эльдorado, Мета, Херира, Великий Пайтити, Серебряное царство, город Двенадцати Цезарей, золотой храм Дом Солнца в Южной Америке²⁴; плюс к тому множество экспедиций совершалось в поисках некоей, пока еще безымянной богатой страны. В практическом отношении все эти бесчисленные экспедиции оказывались бесплодны и стоили немалых жертв — хорошо еще, если возвращалась пятая часть первоначального личного состава. Зато трудно переоценить географические открытия, совершенные в этих экспедициях. Получилось так, что именно мифические царства и города способствовали тому, что громадные неизведанные земли в ареале испанского завоевания были в общих чертах обследованы в кратчайший исторический срок. Будь иначе — стали бы испанцы надрываться, чтобы открыть гору, озеро, равнину, пустыню?

Вернемся к понятию *tierra adentro*. «Глубь земли», как и многие прочие элементы американского пространства, — образ амбивалентный. С одной стороны, это зона неведомого, зона повышенного риска, смертельной опасности. Однако, с другой стороны, глубь земли неодолимо влечет конкистадоров своими тайнами, открытиями, обещаниями. *Tierra adentro* — это пространство воображаемое, мифогенная зона, а воображение конкистадоров рисует картины одна заманчивее другой. Когда речь идет о городе (*ciudad*), расположенном, как правило, где-то «в глубине земли», то в этом случае населенный пункт обретает повышенно мифологический статус, выступая в образе великолепного, чудесного града, обещающего завоевателям немислимые богатства. В сознании конкистадоров, безусловно, присутствует преобразенный образ сакрального центра, хотя этого словосочетания они, конечно, не знали. В роли сакрального центра выступает мифический топос, представленный одним из многочисленных вариантов мифа об Эльдorado, а находится этот топос если не на острове, то всегда «в глубине земли»:

²⁴ Ряд мифических легендарных мест, городов, царств в Новом Свете, которые пытались отыскать конкистадоры в погоне за несметными сокровищами. — *Прим. ред.*

«Как сообщили Губернатору, впереди, в глубине земли, индейцы молятся идолам из золота и серебра...»²⁵; «...и здесь нам говорили индейцы, что все, что в этом доме сделано из глины, в глубине страны делается из золота и серебра»²⁶. Конкистадор Эрнандо де Рибера (Hernando de Ribera, XV–XVI), со слов индейцев, сообщает о таких больших городах в глубине земли, что «их не пройдешь и за день, и у жителей их так много белого и желтого металла, что из него сделана мебель и посуда (con ello se sirven en sus casas)»²⁷. Тот же Альварадо с воодушевлением извещает Кортеса: «От туземцев сей земли я получил новости о чудесных и огромных зданиях и о величии городов, что лежат впереди...»; «Отсюда я пойду на поиски провинции Тапалан, что расположена в пятнадцати днях пути в глубине земли, и, как мне сообщили, сей город по величине не уступает Мехико и в нем полно огромных каменных зданий...»²⁸. Позже само название мифической страны Сибола Семи Городов внушало такие завышенные ожидания, что благоразумный вице-король Новой Испании Антонио де Мендоса (Antonio de Mendoza y Pacheco, 1535–1550) не поскупился на расходы на экспедицию Коронадо.

Настоящий «психоз» поисков Эльдorado в его различных названиях и вариантах начался после завоевания Перу. В Южной Америке наибольшее распространение получила версия, согласно которой тот или иной город в «глубине земли» был основан инками, которые, спасаясь от испанцев, бежали из Перу, прихватив большую часть своих сокровищ. Этот «психоз» продлился почти 300 лет: последняя широкомасштабная экспедиция в поисках Эльдorado была предпринята в Гвиану в 1775 г.

О поисках в Америке мифических стран и городов написано немало книг [Baile, 1930; Ballesteros Gaibrois, 1986; Fernandez de Castillejo, 1945; Gandia, 1929; Lachtman, 1929; Morales, 1944; Ramos Perez, 1973; Zapata Collan, 1963; Кофман, 2001]. Не место здесь останавливаться на необыкновенных сюжетах, переполняющих эти книги. Но имеет смысл привести три случая, иллюстрирующих веру испанцев в чудеса и богатства Нового Света, которая была настолько сильна, что порождала «мифологические галлюцинации».

Один случай описывает Берналь: когда испанцы подходили к городу Семпоала, одному из всадников беленные известью дома показались сделанными из серебра, «и он прищпорил лошадь и примчался к Кортесу, крича, что стены домов выстроены из серебра». Потом над ним долго потешались и говорили, что все белое он принимает за серебро²⁹. Второй — знаменитое

²⁵ Núñez Cabeza de Vaca A. Comentarios de Alvar Núñez Cabeza de Vaca, adelantado y gobernador del Río de la Plata... Naufragios y comentarios. México. Porrúa. 1988. P. 154.

²⁶ Карвахаль Г. де. Повествование о новооткрытии достославной великой реки Амазонки. URL: <https://drevlit.ru/docs/spain/XVI/Karhaval/text2.php> (accessed: 03.01.2024).

²⁷ Núñez Cabeza de Vaca A. Comentarios de Alvar Núñez Cabeza de Vaca... P. 200.

²⁸ Alvarado P. de. Relaciones a Hernando Cortés... P. 459, 463.

²⁹ Díaz del Castillo B. Historia verdadera de la conquista de Nueva España... P. 179.

«Донесение» («Relación», 1539) фрая Маркоса (Marcos de Niza, 1495–1558), которого вице-король Новой Испании (Мексики) отправил с разведывательным отрядом на север, в страну Сибола Семи Городов. Увидев пуэбло Хавихук индейцев племени зуньи с населением около тысячи человек, он доложил вице-королю: «Город сей превосходит по величине Мехико. Иногда меня охватывало искушение войти в него, ибо я знал, что не рискую ничем, кроме собственной жизни, а ее я посвятил Господу с того дня, как отправился в сие путешествие. Но в конце концов, сознавая опасность такого поступка, я испугался, что в случае моей смерти некому будет поведать миру об этой стране, каковая, согласно моему мнению, является величайшей и лучшей из всех, открытых в прошлом»³⁰. Когда же новоявленного «Теночтитлана» достигла специально посланная мощная экспедиция Коронадо, то, по свидетельству хрониста похода Педро де Кастаньеды, испанцы осыпали Маркоса ужасными проклятиями.

Другой, на сей раз загадочный, эпизод, который долгое время не давал покоя искателям Эльдорадо и до сих пор вызывает недоумение историков, произошел в экспедиции Филиппа фон Гуттена (Philipp von Hutten, 1505–1546), самой длительной из всех, предпринятых в поисках Эльдорадо (1541–1546). К концу 1544 г. Гуттен, двигаясь на юг из Венесуэлы, вышел на Амазонскую низменность и достиг экватора. По заверениям участников похода, а также по многочисленным свидетельствам хронистов, конкистадоры вторглись во владения государства омагуа и приблизились к их столице, пышному городу Куарика. Вот как его описывает Педро де Агуадо (Pedro de Aguado, 1538–1609): «С той возвышенности сам генерал-капитан и все, кто его сопровождал, увидели неподалеку город огромных размеров, таких, что даже вблизи невозможно было разглядеть, где он кончается; в том городе дома стояли кучно, но по порядку, а в середине находилось здание, размерами и высотой намного превосходящее все прочие дома; и когда спросили индейца-проводника, что это за строение, столь отличное по своей пышности от прочих, тот ответил, что это дворец правителя сего города Куарика и что во дворце том, помимо золотых идолов размером с подростка и золотого изваяния женщины, которую почитают богиней, есть и иные сокровища...»³¹. Это описание воспроизводят два других венесуэльских хрониста, Хосе де Овьедо-и-Баньос (José de Oviedo y Baños, 1671–1738) и Педро Симон (Pedro Simón, 1574–1628). Между тем впоследствии никто так никогда и не смог отыскать в тех глухих краях ни этого города, ни могущественных омагуа [Кофман, 2001]. Трудно предположить, будто участники похода сговорились между собой и намеренно вводили людей в заблуждение. Тогда что же?

³⁰ Hammond G.P., Rey A. Narratives of the Coronado expedition, 1540–1542. Albuquerque. University of New Mexico Press. 1940. P. 78–79.

³¹ Aguado P. de. Recopilación historial de Venezuela. Vol. I. Caracas. Academia Nacional de la Historia. 1963. P. 264.

Очевидно, снова мифологическая галлюцинация, когда индейская деревушка преобразилась в огромный город. Как бы там ни было, Гуттен породил еще один вариант Эльдорадо — миф о могущественном государстве омагуа.

* * *

«Городской опыт» Нового Света, включая основания городов, семантику и функционирование образа города и прочие аспекты, связанные с темой города, отличался от европейского опыта. Действительно, трудно представить, что в Западной Европе XVI в., где вся земля поделена-переделена, где каждый клочок земли имеет своего хозяина, основывается новый город. Да и зачем его закладывать, когда возникших со времен Средневековья предостаточно? И уж совсем невозможно представить в Европе мифический город, на поиски которого отправляются мощные экспедиции. Своеобразие «городского опыта» в Новом Свете обусловлено в первую очередь самим пространством Нового Света, неизведанным девственным пространством двух материков, на котором разыгрывался беспрецедентный в истории человечества театр Конкисты.

Список литературы / References

Кофман А.Ф. (2001) *Америка несбывшихся чудес*, Москва, Профобразование, 352 с.
Kofman A.F. (2001) *Amerika nesbyvshikhnya chudes* [America of Unfulfilled Miracles], Moscow, Profobrazovanie, 352 p. (In Russian)

Кофман А.Ф. (2006) *Рыцари нового света*, Москва, Пан Пресс, 261 с.
Kofman A.F. (2006) *Rytsari novogo sveta* [Knights of the New World], Moscow, Pan Press, 261 p. (In Russian)

Кофман А.Ф. (2007) Колумб, открывший Другой Свет (научная конференция в ИМЛИ РАН, продолжение), *Латинская Америка*, № 6, с. 57–65.

Kofman A.F. (2007) Kolumb, otkryvshii Drugoi Svet (nauchnaya konferentsiya v IMLI RAN, prodolzhenie), [Columbus, who discovered the Other World (scientific conference at the Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, continued)], *Latinskaya Amerika*, no. 6, pp. 57–65.

Кофман А.Ф. (2011) Испанский конкистадор: личность на перекрестке эпох, пространств и культур, *Вопросы иберо-романистики*, № 11, с. 16–27.

Kofman A.F. (2011) Ispanskii konkistador: lichnost' na perekrestke epokh, prostranstv i kul'tur [The Spanish Conquistador: a personality at the crossroads of epochs, spaces and cultures], *Voprosy ibero-romanistiki*, no. 11, pp. 16–27.

Кофман А.Ф. (2016) Тема варварства в испаноамериканской литературе, *Литература двух Америк*, № 1, с. 8–49.

Kofman A.F. (2016) Tema varvarstva v ispanoamerikanskoi literature [The theme of barbarism in Spanish American literature], *Literatura dvukh Amerik*, no. 1, pp. 8–49.

Кофман А.Ф. (2021) Индейцы в восприятии конкистадора: встреча цивилизаций, *Пространство безграничной словесности: Сборник статей к 70-летию В.Е. Багно*, под ред. Головина В.В. и др., СПб, Нестор-История, с. 267–286.

Kofman A.F. (2021) *Indeitsy v vospriyatii konkistadora: vstrecha tsivilizatsii* [Indians in the perception of the Conquistador: the meeting of civilizations], in Golovin V.V. et al. (eds.) *Prostranstvo bezgranichnoi slovesnosti: Sbornik statei k 70-letiyu V.E. Bagno* [The space of boundless literature: A collection of articles dedicated to the 70th anniversary of V.E. Bagno], St. Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 267–286.

Кофман А.Ф. (2022) Эрнан Кортес. Первое послание-реляция императору. Основание города Веракрус. Перевод с комментариями (окончание), *Латинская Америка*, № 4, с. 6–22. DOI: 10.31857/S0044748X0019314-4.

Kofman A.F. (2022) *Ernan Cortes. Pervoe poslanie-relyatsiya imperatoru. Osnovanie goroda Verakrus. Perevod s kommentariyami (okonchanie)* [Hernan Cortes. The First Relation Letter to the Emperor. Foundation of the Town of Vera Cruz. Commented Translation (The End)], *Latinskaya Amerika*, no. 4, pp. 6–22. DOI: 10.31857/S0044748X0019314-4.

Baile C. (1930) *El dorado fantasma* [The phantom gold], Madrid, Razón y fe, 488 p. (In Spanish)

Ballesteros Gaibrois M. (1986) *La novedad Indiana: noticias, informaciones y testimonios de Nuevo Mundo* [New Indiana: news, information and testimonials from the New World], Madrid, Alhambra, 433 p. (In Spanish)

Durand J. (1953) *La transformación social del conquistador* [The Social Transformation of the Conquistadors], México, Porrúa y Obregón, 95 p. (In Spanish)

Fernandez de Castillejo F. (1945) *La ilusión de la conquista. Genesis de los mitos y las leyendas americanos* [The illusion of conquest. Genesis of American myths and legends], Buenos Aires, Editorial Atalaya, 157 p. (In Spanish)

Gandia E. de. (1929) *Historia critica de los mitos de la conquista Americana* [Critical History of the Myths of the American Conquest], Madrid, Juan Roldan Y Compania, 283 p. (In Spanish)

Lachtman R. (1929) *La leyenda de los Césares* [The legend of the Caesars], Santiago de Chile, Imprenta Cervantes, 211 p. (In Spanish)

Morales E. (1944) *La ciudad encantada de la Patagonia* [The enchanted city of Patagonia], Buenos Aires, Emecé editores, 95 p. (In Spanish)

Ramos Pérez D. (1973) *Mito de El Dorado. Su genesis y proceso* [Myth of El Dorado. Its genesis and process], Caracas, Academia Nacional de la Historia, 718 p. (In Spanish)

Zapata Collan A. (1963) *Mito y superstición en la conquista de América* [Myth and superstition in the conquest of America], Buenos Aires, Eudeba, 108 p. (In Spanish)

Las dos lenguas de una ciudad en la obra de Juan Carlos Onetti

© Larikova J.A., 2024

Julia A. Larikova, Maestría en Estudios Culturales de América Latina, Facultad de Filosofía y Letras, Universidad de Buenos Aires (UBA).
1426, Argentina, CABA, Vuelta de Obligado 1171
E-mail: julia.larikova@gmail.com

Resumen. Cuando en 1930 el joven escritor uruguayo Juan Carlos Onetti (1909–1994) llegó a Buenos Aires, quedó deslumbrado por la emergente metrópoli hasta el punto de convertirla en el ambiente principal de su obra de las próximas dos décadas. Esta etapa considerada «experimental» de la literatura onettiana, marcada por el cosmopolitismo, efectos cinematográficos y un lenguaje susceptible a la dinámica social urbana, tradicionalmente se encuentra en el foco de la teoría literaria, tanto como la etapa posterior asociada a la creación de la ciudad imaginaria de Santa María, cuyo potencial narrativo la pone a la par con el mundo de Yoknapatawpha de Faulkner. En cambio, lo que resulta lo más interesante es el momento preciso en que el autor decide cambiar de escenario y sus reflexiones implícitas frente a este paso motivado por el agotamiento estético, o del tema o de los procedimientos formales condicionados por la mecánica de una gran urbe como Buenos Aires. Por lo tanto, este artículo se basa en el material de la novela *La vida breve* (1950) y la novela corta *Para una tumba sin nombre* (1959), donde Onetti pone en juego el cruce de las dos ciudades, Santa María y Buenos Aires. Sin función de los aspectos técnicos, dicho cambio muestra lo volátil que es la ciudad moderna cuyo momento histórico rehúye ser plasmado en una sola corriente literaria, ni en un solo autor, ni siquiera en un escrito.

Palabras clave: Onetti, literatura uruguayo, ciudad en la literatura, metrópolis, ciudad imaginaria, Buenos Aires, Santa María, español rioplatense

Para citar: Larikova J.A. (2024) Las dos lenguas de una ciudad en la obra de Juan Carlos Onetti, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 123–134. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-123-134

Declaración de divulgación: La autora declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Два языка одного города в творчестве Хуана Карлоса Онетти

© Ларикова Ю.А., 2024

Юлия Анатольевна Ларикова, магистратура «Культура Латинской Америки», Факультет филологии и литературы Университета Буэнос-Айреса (UBA).
1426, Аргентина, Буэнос-Айрес, ул. Вуэльта де Облигадо 1171
E-mail: julia.larikova@gmail.com

Аннотация. Когда в 1930 году молодой уругвайский писатель Хуан Карлос Онетти (1909–1994) впервые оказался в Буэнос-Айресе, он был настолько ошеломлен реалиями нового мегаполиса, что на протяжении двух десятилетий столица Аргентины служила основным местом действия его произведений. Для этого «экспериментального» этапа творчества Онетти характерны кинематографичность, космополитизм и авторский язык, чуткий к социальной динамике большого города, язык, который всегда был в центре внимания литературоведов, равно как и на более позднем этапе, связанным с созданием воображаемого города Санта-Мария, по художественной силе сопоставимого с миром Йокнапатофы Фолкнера. Нас же интересует другое, а именно тот момент, когда автор решает уйти от изображения Буэнос-Айреса в связи с усталостью от самой темы или продиктованной ею эстетики. В качестве материала для данной статьи мы выбрали произведения «Короткая жизнь» (1950) и «Безымянная могила» (1959), так как их сюжетные линии пересекаются в Санта-Марии и Буэнос-Айресе. В наши задачи не входит подробный разбор технических аспектов смены места действия повествования, скорее, это пример анализа изменчивой природы современного города, чья история пронизывает художественную литературу.

Ключевые слова: Онетти, уругвайская литература, город в литературе, мегаполис, воображаемый город, Буэнос-Айрес, Санта-Мария, риоплатский испанский

Для цитирования: Ларикова Ю.А. (2024) Два языка одного города в творчестве Хуана Карлоса Онетти. *Иberoамериканские тетради*. № 1. С. 123–134. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-123-134

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

The Two Languages of a City in the Works of Juan Carlos Onetti

© Larikova J.A., 2024

Julia A. Larikova, master in Cultural Studies of Latin America, Faculty of Philosophy and Letters, University of Buenos Aires (UBA).
1426, Argentina, CABA, Vuelta de Obligado 1171
E-mail: julia.larikova@gmail.com

Abstract. When Juan Carlos Onetti (1909–1994), a young Uruguayan writer arrived in Buenos Aires in 1930, he was so dazzled by the emerging metropolis that he made it the main setting for his works over the following two decades. Literary theory explores this «experimental» stage of Onetti’s writing, marked by cosmopolitanism, cinematic effects, and a language susceptible to urban social dynamics, as well as the later stage when Onetti created the imaginary city of Santa María, similar to Faulkner’s world of Yoknapatawpha in its narrative potential. Nevertheless, what seems the most interesting is the precise moment when the author decided to change the setting for his work as he found himself tired of the Buenos Aires theme and its aesthetic. The article focuses on the novel *A Brief Life* (1950) and the short novel *A Grave with No Name* (1959), whose storylines cross in the two cities, Santa Maria and Buenos Aires. Regardless of the technical aspects of such a shift, it reveals the volatility of a modern city whose history is captured in fiction.

Keywords: Onetti, Uruguayan literature, city in literature, metropolis, imaginary city, Buenos Aires, Santa María, Rioplatense Spanish

For citation: Larikova J.A. (2024) The Two Languages of a City in the Works of Juan Carlos Onetti, *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 123–134. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-123-134

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

En busca de una lengua

Cuando en 1930 el joven literario uruguayo Juan Carlos Onetti (1909–1994) emprende su primer viaje a Buenos Aires, ante sus ojos aparece una nueva metrópoli en expansión, con un paisaje urbano remodelado, tránsito cada vez más intenso y alumbrado eléctrico que favorece la movida nocturna. Colaborando con el diario *Crítica* y llevando una vida bohemia, él goza de una perspectiva acentuada de la peculiar realidad cultural y lingüística de la ciudad porteña, resultado del flujo masivo de la inmigración europea.

Se hace testigo de una modernidad urbana excepcional no solo en el contexto de América Latina, sino en comparación con el Viejo Mundo, en tanto que Buenos Aires carece de un pasado histórico de París o Londres. Es consciente de que «la ciudad misma es el núcleo de un amplio debate que tiene a la modernización como punto de divergencia...» [Ferro, 2011: 48]. Atraído a la metrópoli rioplatense, inspirado en el ejemplo de su ídolo argentino Roberto Arlt (1900–1942), al final toma la ciudad grande, sea Buenos Aires o Montevideo, como un desafío personal. De regreso a Uruguay donde también se hacen notar las tendencias modernizadoras, Onetti escribe una

Onetti en Buenos Aires, 1950

*Inauguración de la Avenida 9 de Julio
(Juan Di Sandro, 1937)*

serie de artículos para el semanario *Marcha*, en los que le exige a la literatura de su país salir del regionalismo, buscar una «voz» propia y elaborar una «lengua» adecuada para captar «el alma de la ciudad»:

«Este mismo aspecto de la ciudad que estamos viviendo es de una riqueza que pocos sospechan. La llegada al país de razas casi desconocidas hace unos años; la rápida transformación

del aspecto de la ciudad, que levanta un rascacielos al lado de una chata casa enrejada; la evolución producida en la mentalidad de los habitantes... todo esto tiene y nos da una manera de ser propia. ¿Por qué irse a buscar los restos de un pasado con el que casi nada tenemos que ver, y cada día menos, fatalmente?»¹.

¹ Onetti J.C. Literatura nuestra. Réquiem por Faulkner y otros artículos. Montevideo. Arca. 1976. P. 28.

Dichas declaraciones anticipan la publicación de *El pozo* (1939) y *Tierra de nadie* (1941), obras que le ganan a Onetti un justificado renombre en su país. Si bien a nivel lingüístico ambas se destacan por el uso del lunfardo, signo del cosmopolitismo, en el plano narrativo la ciudad aparece en *El pozo* como un «espacio de la intimidad donde se despliegan los conflictos internos del yo» [Komi, 2009: 72]. El efecto es como si el héroe arquetípico de Scalabrini Ortiz, el hombre de Corrientes y Esmeralda², con su soledad y machismo, hubiera desarrollado un mundo interno extraordinario. En cuanto a *Tierra de nadie*, según el prólogo del autor para la segunda edición de la novela citado por Ángel Rama³, ahí, al contrario, se toma una máxima distancia respecto a los personajes para retratar a «un grupo de gentes que, aunque puedan parecer exóticas en Buenos Aires, son, en realidad, representativas de una generación». En adelante se explica: «Los viejos valores morales fueron abandonados por ella y todavía no han aparecido otros que puedan sustituirlos. El caso es que, en el país más importante de Sudamérica, de la joven América, crece el tipo del indiferente moral, del hombre sin fe ni interés por su destino [Rama, 1973: 70–71]».

De hecho, el diagnóstico del escritor uruguayo fue más que acertado. En la monografía *Las ciudades y las ideas* el historiador José Luis Romero plantea que dicha crisis de valores, cuando la ciudad criolla con aire provinciano iba convirtiéndose en una metrópoli moderna, se debía a la relación conflictiva de dos sociedades totalmente distintas en el espacio urbano bonaerense: «Una fue la sociedad tradicional, compuesta de clases y grupos articulados, cuyas tensiones y cuyas formas de vida transcurrían dentro de un sistema convenido de normas: era pues una sociedad normalizada. La otra fue el grupo inmigrante, constituido por personas aisladas que convergía en la ciudad, que solo en ella alcanzaban un primer vínculo por esa sola coincidencia, <...> era una sociedad anómica instalada precariamente al lado de la otra como un grupo marginal» [Romero, 2001: 331].

En línea con esa idea de la coexistencia de «las dos ciudades» en una, analizamos su representación en los posteriores escritos de Onetti, cuyo centro de gravitación es la ciudad imaginaria de Santa María. Sobre todo, nos interesa el momento del cruce entre sus posibles referentes, que tiene lugar en dos textos, *La vida breve* (1950) y *Para una tumba sin nombre* (1959).

Ciudades en contrapunto

La segunda estadía de Onetti en Buenos Aires duró casi quince años, hasta 1955, y era signada por frustración. La metrópoli parecía mostrarle al novelista su otra cara «extranjera, impersonal, <...> inaccesible» [Komi, 2009: 21]. Su crítico

² Corrientes y Esmeralda — песня-танго, текст Селедонио Флореса, музыка — Франсиско Праканико. Перекресток этих двух знаменитых своей театральной и богемной жизнью улиц Буэнос-Айреса особенно оживлен в вечер пятницы. Текст танго см. URL: <https://tango-del-dia.livejournal.com/32777.html> (accessed: 20.02.2024). — Прим. ред.

³ Анхель А. Рама (1926–1983) — уругвайский писатель и литературным критик, известный своими работами о модернизме и концепте «транскультурации». — Прим. ред.

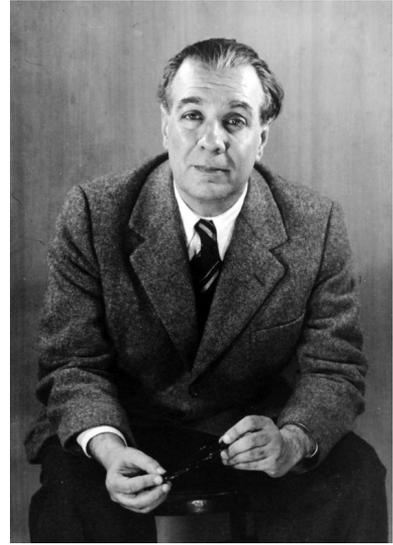
que en aquel entonces había coordinado su único y desafortunado encuentro con Borges (1899–1986), señala que vivía en la ciudad porteña «como William Blake en el crepúsculo del siglo XVIII», solitario e «invisible» [Rodríguez Monegal, 1979: 14], pese a ser publicado en un medio tan prestigioso como la revista *Sur*.

En 1950 sale su cuarta novela, *La vida breve*, que cuenta el proceso de generación de un relato desde el otro, protagonizado por Juan María Brausen. Al parecer, es otro sujeto típico onettiano, un hombre alienado en la ciudad grande y tildado de «asceta» que trabaja sin mucha dedicación para una agencia publicitaria, productora del imaginario engañoso de la emergente sociedad de consumo, como ese cartel de una mujer sobre un sillón de playa en la azotea bebiendo vino de una botella, con el eslogan: «Veranee sin billete», — confeccionado por su colega Stein. El curso de su vida rompe cuando a su esposa Gertrudis le amputan un pecho. En poco tiempo, él pierde tanto su empleo, como a su pareja que asume su nueva condición de amazona en el sentido de una mujer moderna e independiente del hombre.

En una situación semejante los personajes de Onetti solían hacer escapadas de la ciudad a su mundo interno (*El pozo*), a una soñada isla exótica (*Tierra de nadie*), o si no, a la playa o al campo (*Convalecencia y Excursión*), pero Brausen escoge una estrategia distinta. Se crea dos alter egos. Uno es del médico Díaz Grey, un escéptico, «cansado», «seco» y reflexivo, radicado en la inventada ciudad provinciana de Santa María, que trata de disimular la pasión por su paciente Elena Sala. Y el otro, Arce, vive en Buenos Aires y es todo lo contrario: un transgresor que se liga a la vecina de Brausen, una prostituta llamada Queca, la maltrata e incluso tiene planes de asesinarla sin ningún motivo explícito.

Ambos alter egos son ideados como prolongación de su medio, y de ahí, para Brausen, surge su fuerza. Pues, tal como ellos se complementan para procurar la integridad psicoemocional de Brausen, del mismo modo son mutuamente complementarias las dos ciudades narradas, la de Buenos Aires y de Santa María.

La autora de *Recorridos urbanos*, Christina Komi sugiere un análisis semiótico de la Buenos Aires onettiana, perteneciente al período previo a *La vida breve*, a partir de las categorías del «interior» y el «exterior». Apunta que el tema de alienación se da en Onetti, sobre todo, en un plan negativo: mediante la ausencia de paisaje, de espacios públicos y el predominio de los así llamados no-lugares, o sea «espacios cerrados de permanencia corta», pasillos, hoteles, cafés, bares y cabarets,

El retrato de Borges por Grete Stern en 1951

así como trayectos por espacios abiertos «que tienen como única función servir de sitios de paso entre un espacio privado y otro» [Komi, 2009: 208]. Todo esto bien se aplica a la novela que estamos trabajando.

A modo de ejemplo nos referimos a una escena callejera nocturna, observada a través de la ventana de un restaurante — otro recurso característico de Onetti — que además demuestra su maestría en el uso del efecto cinematográfico de la fragmentación del espacio y su recomposición a través del montaje: «Por la ventana del restaurante podíamos ver a la gente que salía de los teatros y los cines y llenaba Lavalle, entraba parpadeando en los cafés, encendía cigarrillos, buscaba taxímetros sacudiendo las cabezas brillosas en el calor de la calle. Desde la mesa veíamos a los grupos que entraban, las mujeres bostezadoras y animosas, los hombres ceñudos, altivos, desconfiados. “Esta es mi raza — dijo Stein —, el material que se me ha confiado para construir el mundo de mañana”»⁴.

Un café porteño en la década de 1950 (Sameer Makarius)

Uno de los aportes de nuestro artículo es el motivo de anonimato en la ciudad en términos espaciales. El alter ego de Brausen, Arce, tiene una relación con la vecina del protagonista. Lo increíble es que en ningún momento a Queca le entra la sospecha de que su amante viva al lado suyo. Jamás se cruzaron fuera del departamento de ella ni en el ascensor que, por cierto, se menciona en varias ocasiones. Se trata de una especie de distorsión del espacio que invisibiliza a los personajes

en provecho del argumento, a la vez resaltando lo aisladas que están las personas en una ciudad moderna. En adelante hablaremos de cómo Onetti reproduce este recurso en su novela corta *Para una tumba sin nombre*. Para terminar con la metáfora de los «vecinos invisibles», cabe observar que, aunque no ve a Queca, la privacidad de Brausen queda invadida por los ruidos y los olo-

Buenos Aires nocturno (Horacio Coppola, 1936)

⁴ Onetti J.C. *La vida breve*. Barcelona. Penguin Random House. 2016. P. 59.

res de su departamento a través de la pared que dice que es «de papel» y desde el balcón. Al mismo tiempo, es una señal de vulnerabilidad de la mujer ante Brausen-Arce. Los lectores del siglo XXI bien conocemos esta colisión onettiana por la experiencia en las redes sociales.

En fin, Buenos Aires es percibido por Brausen como un mundo loco, o un lugar «impersonal» [Komi, 2009: 21], inhumano. En este sentido, lo que llama la atención en el texto es la concentración del protagonista en un proceso tan fisiológico, como la respiración. El aire y la luz del día parecen ser los dos elementos que más le faltaban a Brausen. Así, el imaginario de Santa María, que él va construyendo, presenta un marcado contraste con Buenos Aires, un escenario casi exclusivamente nocturno. Por ejemplo, a su paciente, Elena Sala, Díaz Grey siempre la cita en su consultorio exactamente al mediodía. Así es como Brausen alude a este detalle: «Tantas cosas, definitivamente más, y que empezaban a ser lo más importante y verdadero: toda la ciudad y la colonia, el consultorio, la plaza, el río verdoso, ellos dos en el mediodía, alimentados por la culminación de la gran blancura solar, hechos concretos por las sombras redondeadas y retinas en las calles, conservándose para mí gracias al silencio y la especial soledad de la hora»⁵.

*Buenos Aires nocturno
(Horacio Coppola, 1936)*

Naturalmente, el propio Onetti concibe a Santa María desde otras carencias. Siendo un novelista sutil, probablemente intuía que con el paso del tiempo algunas de sus técnicas iban a convertirse en unos clichés de la iconografía urbana, o presentía el agotamiento del potencial de metrópoli de Buenos Aires. En todo caso, ese distanciamiento del

realismo condicionó unos cambios significativos en el lenguaje onettiano. Como se sabe, el escritor uruguayo era conocedor del lunfardo. Incluso Borges mencionó que hablaba «como un compadrito italiano» [Rodríguez Monegal, 1979: 16]. Sin embargo, en *La vida breve* el empleo de modismos y coloquialismos queda reservado a unos personajes porteños, la prostituta Queca y el excéntrico de Stein:

Q.: Oíme, *Gorda*; decile que a la abuela. No te olvidés mañana, que tenemos que arreglar para el sábado. Ya sabe adónde, decile. Chau⁶.

S.: La mujer más *perra*, más fantástica y más inteligente que conocí nunca⁷.

⁵ Onetti J.C. *La vida breve...* P. 89.

⁶ *Ibid.* P. 27.

⁷ *Ibid.* P. 36.

S.: Y yo estaba *hamacando* a una amiga, Luisa, vos me oíste, y de repente me vino un dolor que creí que se me abría la muñeca⁸.

Q.: Bueno, no me hable más de Ricardo *ni de Cristo que la fundó*⁹.

Q.: ¡*Guacho*, grandísimo *guacho*! — y luego: ¡Y que una lo sacrifique todo por un *guacho* que nació cornudo¹⁰! «Guacho» en la variedad rioplatense del español significa «bastardo».

En cambio, los de Santa María hablan un castellano estándar. Además, como lo muestran los ejemplos citados, los porteños usan el voseo, salvo la mujer de Brausen, Gertrudis, de origen alemán, a cuyo padre lo llaman «gringo», mientras que los santamarianos lo evitan a toda costa, tratándose entre todos de usted. Es más, al final de la novela Díaz Grey insiste en no tutearla a su nueva amante, la violinista: «Estamos separados por todo lo que vivimos juntos y ella ignora; la palabra usted mantiene sensible esta separación, impide que ella llegue a saber y olvide. <...> por tres días de frío y viento, por el minuto en que yo me acerqué a una ventana de hotel para mirar el mal tiempo en la calle mientras ella me esperaba acurrucada en la cama, <...> por la visión vertical que obtuve de su cara mientras ella se apoyaba en mi hombro, por la gentileza con que me informo que es natural encontrar dificultades cuando se regresa a la vida; separados por mi seguridad de que existía una frase exacta para definir la sensación de su cuerpo desnudo. Porque todo esto que vivimos juntos, toda esta intimidad que ella desconoce sólo podrá seguir valiendo para mí si mantengo el usted, <...> si no permito el nacimiento de una nueva intimidad que hará desaparecer la anterior»¹¹.

Quizá sea esta recién nacida intimidad con el material de Santa María, la que le impide a Brausen, o a Onetti, estropearlo todo con un gesto lingüístico mal calculado.

Plaza y estación Constitución, Buenos Aires
(Grete Stern, 1951)

⁸ Ibid. P. 64.

⁹ Ibid. P. 106.

¹⁰ Ibid. P. 209–210.

¹¹ Ibid. P. 346–347.

La cinta de Moebius

Cuando Arce descubre a Queca asesinada por su macró («proxeneta» en lunfardo), le ayuda a Ernesto a huir de la justicia a Santa María. Es un ejemplo de cómo en la obra onettiana la ciudad con el referente de Buenos Aires se desliza en otra, imaginaria, siendo las dos unidas «por una relación similar al que se produce en una cinta de Moebius» [Ferro, 2011: 304].

En *Onetti/La fundación imaginada* Roberto Ferro califica la consecuente expansión de la saga de Santa María como un crecimiento «hacia adentro», «endógeno», «casi impermeable a otras escrituras» [Ferro, 2011: 302]. En efecto, una narrativa cargada de alusiones e impregnada de sociolectos cede lugar a una prosa austera, hermética, con una intertextualidad interna. Lo que sí se salvó de esta transformación fue la ambigüedad técnica como una clave para transmitir la noción de un «mundo corrompido por la pérdida de valores morales, de seres que se asfixian y manotean como ahogados para sobrevivir» [Rodríguez Monegal, 1979: 30]. La ambigüedad, a su vez, se manifiesta en la buscada fragmentación textual que en el maduro Onetti encuentra su máxima expresión en el recurso de construir la historia a partir de varios puntos de vista. En este sentido, la ciudad funciona como una máquina de producir relatos, a semejanza del condado ficticio de Yoknapatawpha de William Faulkner (1897–1962).

A esa altura Onetti tiene un pleno dominio del código literario de Santa María. La ambientación de la saga en una provincia del litoral le permite introducir elementos del repertorio tradicional: paisajes, topónimos recurrentes, historias de familias junto con el uso sutil del folklore criollo, algo poco probable en su ideario de una ciudad grande como Buenos Aires. El imaginario de Santa María se ve estancado en una especie de «aoristo», un pretérito indefinido e ilimitado, sus vecinos jugando al truco, o a la vez cabalgando y montando motocicletas. Paradójicamente, eso no implica el achicamiento de la problemática de la obra. Según lo expone Enrique Foffani en su ensayo *Los funerales del realismo*, el autor sigue fiel a su compromiso con los temas urgentes de la modernidad rioplatense, tales como «el costado miserabilísimo» de la pobreza, marginalidad que «para Onetti es el mundo social por antonomasia», o alienación [Foffani, 1972].

La dimensión social también está presente en la novela corta *Para una tumba sin nombre* (1959). El argumento arranca con la muerte de Rita, una mujer de Santa María, que había venido a conquistar la capital, pero acabó mendigando en las calles. Un fracaso culminado con el acto grotesco de sepultura en una fosa común, al que acuden tan solo su amante y un chivo que le pertenecía. Al margen cabe señalar algo que suele quedar inadvertido por los críticos, y es que en la pauperización de la protagonista habría podido jugar un rol la cuestión racial. Así la describe Jorge Malabia, el joven del funeral: «Ella, Rita, era entonces, en aquel

principio remoto, tal vez dispensable, de hace cuatro o cinco años, una muchacha de unos dieciocho años, morena, con un poco de sangre india, riéndose todo el día y sin hacerme caso»¹².

En el plano formal nos interesa que mientras los acontecimientos transcurren en Buenos Aires, quienes los cuentan son oriundos de Santa María. Tal como sucede en *La vida breve*, las dos ciudades vuelven a complementarse. El punto de cruce es el motivo del anonimato, que solo puede ser realizado en el escenario de una urbe grande, y ahí Onetti otra vez recurre a la alteración del referente espacial. De hecho, a lo largo de los cuatro o cinco años Rita mendigaba en plena estación Retiro, estafando a los ocasionales transeúntes con el mismo «cuento del tío» como para conseguir plata para pagar el taxi, al que con el tiempo se le agregó el detalle del chivo, que desde entonces era su compañía constante. No solo que éstos no se dieron

Artículos Eléctricos Para El Hogar
(Grete Stern, 1949, fotomontaje)

cuenta del truco, ni siquiera tomó medidas la policía, como si la heroína fuera invisible. Así que Buenos Aires tampoco resulta real, más bien es una hipérbole de la ciudad moderna con sus «formas objetivas de la vida» que «parecen impregnar al individuo, su mundo psíquico y su comportamiento, nivelándolo y convirtiéndolo en un ser pasivo, inerte, indiferente» [Komi, 2009: 151] frente a su propio destino.

Por otro lado, una biografía de Rita solo se hace posible en su ciudad natal. El problema es que cualquier intento por parte del lector de reconstruirla se hunde en un sinfín de versiones contradictorias. El caso más extremo es que, desde el punto de vista del amigo de Malabia, Tito Perotti, ella era prostituta, Jorge su proxeneta y el chivo servía de coartada para la policía. En la jerarquía de los relatos se destaca el de Díaz Grey, el narrador principal de la saga santamariana, quien pretende llenar los huecos de la historia con una suerte de interpretación literaria, cuyo tejido se va deshaciendo ante nuevos testimonios. El propio título *Para una tumba sin nombre* nos lleva de vuelta al motivo central del anonimato, hasta tal punto que ni se da por hecho la existencia de Rita.

Para los principios del siglo XX el conflicto entre el campo y la ciudad, tal como lo trataban los escritores desde presidente de la Nación Argentina Domingo Faustino Sarmiento (1868–1874) y hasta historiador, abogado y político Vicente López (1815–1903) deja de existir. En lugar central en la producción literaria lo ocupan los contrastes dentro del espacio urbano, turbulento e inestable. Los poetas y escritores,

¹² Onetti J.C. Para una tumba sin nombre. Novelas breves, pról. de J.J. Saer. Eterna Cadencia. 2012. P. 95.

como el Borges de la época del *Cuaderno San Martín* (1929) o Oliverio Girondo (1891–1967), lograron captar ciertos aspectos trascendentales de la nueva realidad [Ларикова, 2018: 56], pero fue Onetti quien le dio protagonismo a la ciudad rioplatense como un concepto cultural por encima de fronteras geográficas.

* * *

En este artículo observamos la evolución del lenguaje del novelista uruguayo, acentuando los puntos de intersección entre Santa María y Buenos Aires. Llegamos a la conclusión de que las dos ciudades, ontológicamente unidas por el topos literario del Río de la Plata, que desde la capital se ve «ancho», «angosto», «solitario», «amenazante» y en la provincia aparece como «ni ancho ni angosto», «verdoso» y «calmo», interactúan en Onetti como dos temporalidades de la ciudad moderna que fluyen en paralelo.

Список литературы / References

Ларикова Ю.А. (2018) Эмотивные коннотации концепта «большой город» в языке аргентинцев, *Ибероамериканские тетради*, № 1, с. 56–64. DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2018-1-56-64>

Larikova J.A. (2018) Emotivnye konnotatsii kontsepta «bol'shoi gorod» v yazyke argentinsev [Emotive connotations of the concept «city» in the language in Argentine Spanish], *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, p. 56–64. DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2018-1-56-64> (In Russian)

Ferro R. (2011) *Onetti/La fundación imaginada. La parodia del autor en la saga de Santa María* [Onetti/The Imagined Foundation. The Author's Parody in the Santa Maria Saga], Buenos Aires, Corregidor, 528 p. (In Spanish)

Foffani E. (1972) Los funerales del realismo. Para una tumba sin nombre de Juan Carlos Onetti [The funerals of realism. For a tomb without a name by Juan Carlos Onetti] in R. Corral (ed.) *Presencia de Juan Carlos Onetti: homenaje en el centenario de su nacimiento* [Presence of Juan Carlos Onetti: Tribute on the Centenary of His Birth], México D.F., El Colegio de México, Centro de Estudios Lingüísticos y Literarios, pp. 187–215. (In Spanish)

Komi Ch. (2009) *Recorridos urbanos. La Buenos Aires de Roberto Arlt y Juan Carlos Onetti* [Urban Tours. The Buenos Aires of Roberto Arlt and Juan Carlos Onetti], Madrid, Iberoamericana, 272 p. (In Spanish)

Rama A. (1973) Origen de un novelista y de una generación literaria [The origins of a novelist and a literary generation] in J.C. Onetti *El pozo* [The Pit], Montevideo, Arca, pp. 49–100. (In Spanish)

Rodríguez Monegal E. (1979) Prólogo [Prologue] in J.C. Onetti *Obras Completas de Juan Carlos Onetti* [Complete Works of Juan Carlos Onetti], Madrid, Aguilar, pp. 9–41. (In Spanish)

Romero J.L. (2001) *Latinoamérica: Las ciudades y las ideas* [Latin America: The Cities and the Ideas], México D.F., Siglo XX editores, 398 p. (In Spanish)

Города Ибероамерики на пути к модели устойчивой и разумной урбанизации

© Ермольева Э.Г., 2024

Элеонора Георгиевна Ермольева, канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Центра иберийских исследований Института Латинской Америки РАН.

115035, Москва, Большая Ордынка, 21/16

ORCID: 0000-0001-7509-189X

E-mail: ermolieva@gmail.com

Аннотация. В настоящее время более половины населения мира живет в городах, и, согласно прогнозам, тенденция к ускоренной урбанизации может сохраниться. Ожидается, что к 2050 г. около 70% станут городскими жителями. Страны — члены Ибероамериканского сообщества занимают 15,3% мирового географического пространства, на них приходится 8,7% населения мира. Латиноамериканский регион является одним из самых урбанизированных: 2/3 его населения сосредоточено в городских поселениях численностью 20 тыс. человек (и более). В Латинской Америке находятся несколько самых многонаселённых городских агломераций — Мехико (21,91 млн), Сан-Паулу (21,49 млн человек), Буэнос-Айрес (15,75 млн жителей). Рио-де-Жанейро (12,31 млн). Степень урбанизированности иберийских стран варьируется от 69,5% в Испании до 66% в Португалии. Иберийские мегаполисы — Мадрид (3,34 млн жителей), Барселона (1,65 млн), Лиссабон (2,8 млн) — не такие крупные по численности, но являются столь же важными многофункциональными центрами городской жизни, как и в Латино-Карибском регионе. Ибероамериканская урбанизация связана с развитием «умных городов», характеризующихся не только стандартными компонентами «смарт-сити», но и культурно-образовательной составляющей городского имиджа. В странах Ибероамерики в основном разделяют мнение, что остается актуальным осуществление Глобальной городской повестки ООН (Agenda Urbana Global de la ONU), нацеленной на эффективное управление городским хозяйством, на повышение качества жизни населения, сохранность культурного наследия, защиту городских экосистем на базе инновационных проектов.

Ключевые слова: Ибероамерика, латиноамериканские города, иберийские метрополии, Глобальная городская повестка ООН, культурное наследие

Для цитирования: Ермольева Э.Г. (2024) Города Ибероамерики на пути к модели устойчивой и разумной урбанизации. *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 135–154. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-135-154

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Ciudades iberoamericanas hacia el modelo de la urbanización sostenible e inteligente

©Ermólieva E.G., 2024

Eleonora G. Ermólieva, PhD (Economía), Investigadora principal, Centro de Estudios Ibéricos, Instituto de Latinoamérica, Academia de Ciencias de Rusia.
115035, Rusia, Moscú, calle Bolshaya Ordynka, 21/16
ORCID: 0000-0001-7509-189X E-mail: ermolieva@gmail.com

Resumen. Más de la mitad de la población mundial vive en las ciudades, y, según los cálculos, la urbanización sigue acelerándose. Para 2050 cerca del 70% de los habitantes de nuestro planeta residirá en las ciudades. Los países miembros de la Organización de Estados Iberoamericanos (OEI) ocupan el 15,3% de la superficie global contando con el 8,7% de la población mundial. América Latina es una región muy urbanizada, ya que dos tercios de la población regional vive en ciudades con 20.000 habitantes o más. Algunas de las aglomeraciones urbanas más pobladas del mundo se ubican en América Latina, a saber, Ciudad de México (21,91 millones de habitantes), São Paulo (21,49 millones), Buenos Aires (15,75 millones), Río de Janeiro (12,31 millones). En los países ibéricos el grado de urbanización oscila entre el 69,5% en España y el 66% en Portugal. Las megalópolis ibéricas — Madrid (3,34 millones de habitantes), Barcelona (1,65 millones) y Lisboa (2,8 millones) son menos pobladas, pero representan núcleos urbanos tan importantes como los de América Latina y el Caribe. La urbanización iberoamericana está marcada por el desarrollo de las «ciudades inteligentes», lo que supone también promover la imagen cultural y educativa de las urbes. Además, los países iberoamericanos se comprometen a avanzar en el marco de la Agenda Urbana Global de la ONU que inspira nuevas medidas para gestionar eficazmente el desarrollo urbano, mejorar la calidad de vida en las ciudades, preservar el patrimonio cultural y ambiental a través de proyectos innovadores.

Palabras clave: Iberoamérica, ciudades latinoamericanas, metrópolis ibéricas, Agenda Urbana Global de la ONU, patrimonio cultural

Para citar: Ermólieva E.G. (2024) Ciudades iberoamericanas hacia el modelo de la urbanización sostenible e inteligente, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 135–154. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-135-154

Declaración de divulgación: La autora declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Iberoamerican Cities on the Way to the Model of Sustainable and Smart Urbanization

© Ermolieva E.G., 2024

Eleonora G. Ermolieva, PhD (Economics), Leading Researcher, Centre of Iberian Studies, Institute for Latin America of the Russian Academy of Sciences (ILA RAS).
115035, Russia, Moscow, Bolshaya Ordynka street, 21/16
ORCID: 0000-0001-7509-189X E-mail: ermolieva@gmail.com

Abstract. Over half of the world's population now lives in cities, and the trend towards accelerated urbanization is projected to continue. By 2050 about 70% of people worldwide will become urban residents. Members of the Organization of Ibero-American States make up 15.3% of the world's territory and account for 8.7% of the world's population. Latin America is one of the most urbanized regions: 2/3 of its population is concentrated in cities of 20,000 people (or more). Latin America has some of the most populous urban areas, including Mexico City (21,91 million inhabitants), São Paulo (21,49 million), Buenos Aires (15,76 million), Rio de Janeiro (12,31 million). The degree of urbanization of the Iberian countries is slightly lower, varying from 69.5% in Spain to 66% in Portugal. The Iberian megalopolises such as Madrid (3,34 million inhabitants), Barcelona (1,65 million), Lisbon (2.8 million) are not as populous, yet these urban areas are just as important as those in Latin America and the Caribbean. Iberoamerican urbanization is characterized by promoting «smart cities», with a focus on cultural and educational development. Iberoamerican countries are committed to the UN Global Urban Agenda which seeks to manage urban areas more efficiently, improve the quality of life in cities, and preserve cultural and environmental heritage via innovative projects.

Keywords: Ibero-America, Latin American cities, Iberian metropolises, UN Global Urban Agenda, cultural heritage

For citation: Ermolieva E.G. (2024) Iberoamerican Cities on the Way to the Model of Sustainable and Smart Urbanization, *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 135–154. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-135-154

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

О Глобальной городской повестке ООН

Большее половины населения Земли (58% — свыше 4 млрд человек¹) в настоящее время проживает в городах. Активная урбанизация была прервана пандемией COVID-19 лишь временно, рост городского населения в мире продолжается, и его доля может увеличиться к 2050 г. до 68% от общей численности жителей нашей планеты².

Считая городскую проблематику одной из важнейших сфер своей деятельности, ООН учредила в 1978 г. специальную Программу по населенным пунктам (Programa de las Naciones Unidas para los Asentamientos Humanos, ONU-Habitat), в центре внимания которой находятся две приоритетные задачи: обеспечение надлежащего жилья для всех и устойчивое городское развитие. С 2001 г. было решено регулярно проводить Всемирные городские форумы (Foro Urbano Mundial / World Urban Forum, WUF) — первый состоялся в 2002 г. в Найроби (Кения). С тех пор они созываются каждые два года, в них участвуют представители городских властей национального, регионального, локального уровней. Вторая подобная встреча состоялась в Барселоне в 2004 г., она была посвящена городскому мультикультурному общению (Foro Urbano Mundial. «Ciudades: Cruce de culturas, ¿inclusión e integración?»).

Панорамный вид Барселоны

¹ World Urban Population, 1960–2024. Macrotrends. 2024. URL: <https://www.macrotrends.net/countries/WLD/world/urban-population> (accessed: 31.01.2024).

² Глобальный доклад о состоянии городов мира. Программа ООН по населенным пунктам. Найроби. ООН-Хабитат. 2020. С. 17.

Роль и значение городов органично вплетены в ткань Повестки 2030, и составляющие «городского измерения» объединены в Цели устойчивого развития (ЦУР) номер 11 — «Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов». Проблемы, касающиеся городов, носят сквозной характер и оказывают влияние на другие цели в области устойчивого развития, в частности, ЦУР 1 («Ликвидация нищеты»), ЦУР 7 («Недорогостоящая и чистая энергия»), ЦУР 8 («Достойная работа и экономический рост»), ЦУР 9 («Индустриализация, инновации и инфраструктура»), ЦУР 13 («Борьба с изменением климата»).

В 2016 г. в Кито на конференции ООН была принята Новая городская повестка (*Nueva Agenda Urbana*), предусматривавшая регулярный мониторинг осуществления ЦУР-11 путем соответствующих докладов на Всемирных городских форумах. Так, в отчете, представленном на XI форуме в польском городе Катовице, анализировались последствия пандемии вируса SARS-CoV-2 — ведь именно городское население оказалось в эпицентре эпидемии: до 95% от общего числа случаев заболевания были зафиксированы в городских районах, главным образом среди людей, проживающих на окраинах — бедных и густонаселенных³.

После того шока, который страны и народы пережили в пандемию COVID-19, все чаще стали говорить об актуальности выполнения Целей устойчивого развития, включая и Городскую повестку. Реальность ряда регионов, в частности, Латинской Америки (ЛА), продемонстрировала негативное воздействие коронавируса на все стороны общественного бытия. И трудно не согласиться с членом-корреспондентом РАН В.М. Давыдовым, который полагает, что «реализация мер, направленных на обеспечение приоритетов устойчивого развития, будет отложена на неопределенное время... и не на месяцы, а возможно на ближайшие годы» [Давыдов, 2020: 66].

Кито, Эквадор

Факт явного торможения в осуществлении Повестки 2030 к намеченному сроку недавно признал специальный советник ООН по устойчивому развитию, профессор Колумбийского университета (США) Джеффри Сакс,

³ Cities and Pandemics: Towards a more just, green and healthy future. UN-Habitat. 2021. P. 13–15.

руководитель интернациональной группы экспертов, которые ежегодно готовят доклады по ЦУР. В то же время он призвал правительства «не ослаблять усилия и находить возможности в глобальной финансовой архитектуре для выполнения ЦУР, поскольку они остаются основополагающими для нашего будущего»⁴.

В странах Ибероамерики в основном разделяют мнение, что осуществление Повестки 2030 по-прежнему актуально и особенно важно для глобального Юга, включая ЛА. «Несмотря на существующие значительные межстрановые различия, общими для региона являются борьба с бедностью, социальным неравенством, защита окружающей среды и природного биоразнообразия. Цели устойчивого развития представляют собой *бэкграунд*, основу для комплексного решения этих проблем...» [Bhattacharya, 2023].

О концепции устойчивых городов

Для анализа состояния городской среды и для сравнительных сопоставлений аналитические агентства разработали для ООН-Хабитат *Индексы устойчивости городов*, на основе которых выстраиваются глобальные и региональные иерархии.

Что подразумевает понятие «устойчивости» в широком смысле слова? Под устойчивостью чаще всего понимается способность систем (стран и обществ) противостоять влиянию внешних негативных воздействий, сохранять основные структуры и функции и восстанавливаться своевременным и эффективным образом после кризисных (или бедственных) ситуаций. «Устойчивые города — это города, которые могут справляться с природными и техногенными катастрофами, защищать человеческую жизнь, нейтрализовать воздействие экономических, экологических и социальных опасностей; и обеспечивать благополучие граждан и инклюзивный и устойчивый рост»⁵.

При построении Индекса устойчивого города (*Sustainable Cities Index, SCI*) используется междисциплинарный подход и статистические составляющие ЦУР-11⁶, распределённые по *триаде устойчивости* — «3Ps»: People — параметры качества жизни, Planet — экологическая устойчивость, Profit — высокая экономическая производительность как результат правильного

⁴ Sustainable Development Report 2023. Press Release. SDG Transformation Center. 21.06.2023. URL: <https://sdgtransformationcenter.org/news/press-release-sustainable-development-report-2023> (accessed: 25.01.2024).

⁵ Cities Day: Why Do We Need Resilient Cities? Youmatter. 2022. URL: <https://youmatter.world/en/world-cities-day-2018-why-do-we-need-resilient-cities/> (accessed 06.11.2023).

⁶ Общими показателями устойчивости города (согласно индикаторам ЦУР-11) являются: доступность безопасного и недорого жилья, надежная транспортная инфраструктура, минимальное негативное воздействие города на окружающую среду, предотвращение ущерба от стихийных бедствий, свободный доступ к безопасным и открытым для всех зеленым зонам и общественным местам, охрана культурного и природного наследия, эффективное планирование городского и регионального развития. — *Прим. авт.*

городского планирования, стимулирования занятости, предпринимательства и т.д. Кроме городов высокоразвитых стран, в «топ-40» индекса SCI в 2022 г. вошла и Богота, которая «активно борется за благосостояние горожан, стремится достичь экономического процветания, но пока находится на полпути по экологическим показателям»⁷.

Буэнос-Айрес

Более широкий диапазон показателей содержит т.н. Индекс городского процветания (City Prosperity Index, CPI) — индикатор, разработанный дополнительно (в 2012 г.) в рамках программы UN-Habitat. Мониторинг 300 наиболее населенных городов мира начали осуществлять с 2015 г., в подробных отчетах к 2021 г. сравнивались 50 крупнейших мегаполисов, которые оценивались по категориям «Продуктивность экономики», «Развитие инфраструктуры», «Качество жизни», «Равенство и социальная инклюзия», «Экологическая устойчивость» и «Управление и законодательство»⁸. Десятку лучших по CPI в 2022 г. составили Сингапур, Торонто, Москва⁹, Сидней, Лондон, Париж, Мадрид, Шанхай,

Богота

Гонконг, Нью-Йорк. Три латиноамериканских города — Буэнос-Айрес, Богота и Мехико — заняли соответственно 12-ю, 16-ю и 19-ю позиции в глобальном рейтинге из 29 участников¹⁰.

Латинская Америка относится к регионам с ускоряющейся тенденцией урбанизации: в городских населенных

⁷ The Arcadis Sustainable Cities Index. Prosperity beyond profit. Amsterdam. The Arcadis Global. 2022. P. 4, 14.

⁸ Expert group on City Prosperity Index. UN. 2019. URL: https://unstats.un.org/unsd/statcom/groups/expert_groups/City_Prospersity_Index (accessed: 25.02.2024).

⁹ Москва заняла третье место в рейтинге по UN-HABITAT City Prosperity Index, с показателем 67,98 балла из 100 возможных (Сингапур — 75,49, Торонто — 68,29). При этом столица России первенствовала по уровню развития инфраструктуры и качеству жизни, обогнав по этим параметрам Гонконг и Сингапур. — *Прим. авт.*

Москва вошла в тройку лучших мегаполисов мира в рейтинге ООН. РБК. 03.02.2022. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfree-news/61fbc3189a79476f32c7780c> (accessed: 28.02.2024).

¹⁰ Vera I. Buenos Aires Scores Highest in LatAm on UN's City Prosperity Index. Bloomberg. 04.02.2022. URL: <https://www.bloomberglia.com/english/buenos-aires-scores-highest-in-latam-on-uns-city-prospersity-index/> (accessed: 25.02.2024).

пунктах, по оценкам ООН, в настоящее время сосредоточен 81% жителей. К 2040 г. уровень урбанизации (в среднем по региону) может составить 85,8%, в т.ч. в Аргентине — 94%, в Бразилии — 91%, в Колумбии — 87%, в Мексике — 85% [Ermólieva, 2022: 342].

Большое внимание через призму устойчивых городов уделяют латиноамериканским *case studies* не только специализированные агентства, но и аналитические центры более широкого профиля и международного уровня.

Детальную панораму продвижения (или торможения) в 193 странах в рамках Повестки 2030 по всем ЦУР, включая городскую компоненту, регулярно дает до-

Мехико

клад, фактический материал для которого собирают участники Сети по поиску решений в области устойчивого развития (*Sustainable Development Solutions Network, SDSN*), которая объединяет до 2 тыс. учреждений, преимущественно университетов и ассоциаций гражданской инициативы.

В число коллективов, образующих SDSN, входит, в частности, и Испанская сеть по устойчивому развитию (*Red Española para el Desarrollo Sostenible, REDS-SDSN Spain*), объединяющая представителей университетской общности, членов городских администраций, участников гражданских объединений. Пример Испании свидетельствует о высокой значимости общественного участия в осуществлении глобальной Повестки 2030.

В течение 2018–2020 гг. REDS-SDSN обследовала более 100 испанских городов, включая крупные административные центры автономий и небольшие муниципии (насчитывавшие более 80 тыс. жителей). На основе специально разработанного кумулятивного индекса — *Spanish Cities SDG Index* — была предпринята попытка определить, какие города и какие автономии прогрессируют, а какие отстают по Повестке 2030¹¹. Результаты показали, что в Испании по всей Повестке 2030 успех составил лишь 30%, хотя по ЦУР 11, направленной на развитие «социально инклюзивных, экологически безопасных, стабильно развивающихся и стресс-устойчивых городов», прогресс был более ощутим — 40% [García López, 2021].

¹¹ Los Objetivos de Desarrollo Sostenible en 100 ciudades españolas. ¿Cómo está avanzando la Agenda 2030 a nivel local? Una mirada práctica. Madrid. REDS-SDSN. 2020. 68 p.

Новые успехи Испании по Городской повестке зафиксировал международный доклад по устойчивому развитию. Если по совокупному показателю, охватывавшему все 17 целей, в 2023 г. Испания заняла 16-ю позицию из 166 стран — участниц мониторинга, то по ЦУР 11 — 12-ю¹².

В международном докладе по ЦУР (2023 г.) обращает на себя внимание комментарий о важности нескольких видов *непроизводственного капитала*: человеческого, инновационного, социального, культурного и урбанистического, т.е. «потенциала городов, где происходит ускоренное и продуктивное взаимодействие разных форм капитала и заложенных в них ресурсов» [Sachs et al., 2023: 9]. В перечне индикаторов по ЦУР 11 приводятся показатели, которые в действительности характеризуют качество жизни в городах; остановимся на некоторых из них на примере иберийских стран и нескольких государств Латинской Америки (см. таблицу¹³ ниже).

Мадрид

Некоторые показатели качества жизни в городах (выборка по ряду стран Иberoамерики, 2022 г.)

СТРАНЫ	Доля городского населения (в%), живущего в сложных бытовых условиях*	Среднегодовой уровень загрязнения атмосферы взвешенными частицами РМ 2.5 ($\mu\text{g}/\text{m}^3$)	Доля жителей, имеющих быстрый доступ (не более 15 минут) к городским достопримечательностям
Испания	19,7	11,8	93,3
Португалия	25,2	9,1	97,1
В среднем по ЕС	14,5	12,6	95,2
Бразилия	14,9**	11,8	-
Колумбия	9,7	15,1	85,9
Мексика	17,8	19,0	34,7
Перу	34,5***	23,3	-
Чили	0	19,4	90,5

¹² España y el Cumplimiento de los Objetivos de Desarrollo Sostenible. ECOPALABRAS, Espacio de información y análisis sobre desarrollo sostenible, medio ambiente y energía. 25.07.2023. URL: <https://ecopalabras.com/2023/07/25/espana-y-el-cumplimiento-de-los-objetivos-de-desarrollo-sostenible-2023/> (accessed: 22.01.2024).

¹³ Источники данных: Sachs J.D., Lafortune G., Fuller G., Drumm E. (2023) Sustainable Development Report 2023. Implementing the SDG Stimulus. Dublin, Dublin University Press, 533 p. [Sachs et al., 2023]; Sustainable development in the European Union. Monitoring report on progress towards the SDGs in an EU context, 2023 edition. Luxembourg. Publications Office of the European Union. 2023. 363 p. — *Прим. авт.*

В среднем по ЛА	22,2	14,4	-
------------------------	------	------	---

Примечание:

* жители, обитающие в перенаселенных, скудно освещенных помещениях, без необходимых санитарных условий;

** по латиноамериканским странам приводятся данные о населении, проживающем в трущобах (slums);

*** данные на 2014/2015 гг.

Сравнительный обзор данных таблицы наглядно свидетельствует, во-первых, о межстрановых различиях, и, во-вторых, о том, что даже в таких государствах Европы, как Испания и Португалия, прогресс по ряду индикаторов ЦУР 11 остается «скромным». Немало горожан обитают в неблагоустроенных жилищах, страдают от низкого качества воздуха, не имеют возможности посещать открытые зеленые зоны или городские достопримечательности, — отмечалось в докладе Еврокомиссии по устойчивому развитию¹⁴.

Еще более кризисная ситуация сохраняется в ЛА. Например, из таблицы видно, насколько высок уровень загрязнения воздуха мелкими взвешенными частицами (PM 2.5): при норме в 10 микрограммов на кубический метр ($\mu\text{g}/\text{m}^3$), которую ВОЗ расценивает как максимально допустимую для здорового проживания [Ermólieva, Jover-Martí, 2023: 155], в Перу показатель составляет 23 микрограмма, в Мексике и Чили — 19. «Нестабильность работы общественного транспорта, пробки на дорогах, загрязнение воздуха, большие объемы мусора и прочих отходов, <...> отсутствие систем противодействия природным рискам и адаптации к изменениям климата являются распространенными проблемами латиноамериканских городов» [Николаева, 2022: 56]. Есть немало и других доказательств, как стихийный процесс урбанизации ухудшает качество жизни в латиноамериканских городах. При этом страдает не только естественная природная среда, но и историческое, культурно значимое ядро городского ландшафта.

В таблице не случайно приведены данные о доле жителей, имеющих быстрый (не более 15–20 минут) доступ к городским достопримечательностям — его можно расценивать как косвенный показатель развитой культурно-исторической инфраструктуры, наличия архитектурных памятников, интересных не только туристам, но привлекающих и местных жителей для проведения досуга.

¹⁴ Sustainable development in the European Union... P. 203–207.

О защите городского культурного наследия

Охрана исторических достопримечательностей входит в число задач, поставленных ООН-Хабитат в рамках Повестки 2030, хотя редко упоминается в отчетных докладах, поскольку мониторинг этой составляющей является зоной ответственности ЮНЕСКО. Для сравнительных сопоставлений

Институт статистики этой организации (UNESCO UIS) учитывает размеры государственных вложений в реставрацию и общую сохранность культурного наследия городов. Этот показатель измеряется в долларах США (в постоянных ценах, по паритету покупательной способности) в расчете на душу населения¹⁵. Согласно данным первого раунда мониторинга, осуществленного ЮНЕСКО в 2020 г., разброс по величине государственных затрат на сохранение и восстановление культурного наследия велик — от 336 долл. США (на одного жителя) в Андорре, 147 — во Франции, 47 — в Испании до 21 — в Коста-Рике и 9 — в Мексике¹⁶.

Кроме музеев, в число значимых памятников архитектуры Европы включены и здания высших учебных заведений. Достаточно упомянуть университеты Саламанки (основан в 1218 г.), Вальядолида (1241 г.), Сантьяго-де-Компостелы (1495 г.). С недавнего времени под эгидой европейской программы академической мобильности ERASMUS+ заработал виртуальный проект (*Instituto Virtual para Ciudades y Comunidades Sostenibles, VISCC*), одной из задач которого является «охрана исторических зданий европейских университетов». Проект учитывает в основном вузы, входящие в т.н. Коимбрскую группу — созданное в 1985 г. объединение старейших университетов Европы для развития связей между ними в русле общеевропейской образовательной политики, включая обмен специалистами-лингвистами и культурологами.

Анализ динамики государственного финансирования исторического и культурного наследия показывает, что с периода пандемии COVID-19 в странах Иberoамерики (по которым есть данные) прослеживается тенденция к его снижению, что настораживает, например, Иberoамериканский

Толедо

¹⁵ Shaping investments to safeguard cultural and natural heritage across the world. Results of the UIS Survey of Expenditure on Cultural and Natural Heritage. (SDG Indicator 11.4.1). Montréal. UNESCO Institute for Statistics. 2022. 12 p.

¹⁶ Sustainable Development Goal 11. Target 11.4: Strengthen efforts to protect and safeguard the world's cultural and natural heritage. UIS UNESCO. 2023. URL: <http://data.uis.unesco.org/> (accessed: 28.01.2024).

Университет Коимбры (основан в 1290 г.)

центр по стратегическому городскому развитию (*Centro Iberoamericano de Desarrollo Estratégico Urbano, CIDEU*). Там неоднократно отстаивали важность фактора культуры как необходимой, *четвертой*, ключевой составляющей устойчивого городского развития, помимо экономического роста, инклюзивного социального развития и защиты окружающей среды. Так, на форуме

в Доминиканской Республике (июль 2019 г.), подчеркивалось, что культурное богатство, материальные и нематериальные художественные ценности городов являются национальным и всеобщим достоянием и потому требуют заботы с тем, чтобы они были доступны всем слоям общества сегодня и оставались сохранными для будущих поколений [Pérez, 2019: 21].

Примечательна коллективная инициатива мэров 30 городов из стран, входящих в Ибероамериканское сообщество, направленная на сотрудничество в целях «возрождения городского культурного наследия» путем осуществления Программы под названием «Живое наследие» (*Patrimonio Vivo*). На форуме в Севилье (сентябрь 2019 г.), отмечалось, что в латиноамериканских странах насчитывается не менее 140 культурно-исторических объектов, объявленных ЮНЕСКО памятниками Всемирного наследия (*Patrimonio de Humanidad*), и они срочно требуют внимания со стороны государства — зачастую процесс урбанизации влечет за собой их разрушение¹⁷.

Озабоченность недостаточным вниманием к роли культуры и развитию культурной инфраструктуры в программах ООН проявляют гражданские организации и за пределами Ибероамерики. Так, с 2012 г. проводится Всемирный форум городов по культуре (*World Cities Culture Forum, WCCF*), который стал уникальной площадкой для обмена инновационными идеями и лучшими практиками в культурной политике мегаполисов. К настоящему времени сеть форума достигла 44 городов-участников, расположенных на шести континентах. На WCCF регулярно присутствуют руководители Барселоны, Буэнос-Айреса, Лиссабона, Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу. В 2019 г. Форум проходил в Лиссабоне, в 2023 г. — в Сан-Паулу.

В манифесте, принятом в бразильском городе, подчеркивалось: «Существующие цели устойчивого развития ООН (SDGs) не включают элемент “Культура” как самостоятельный компонент. Однако в условиях ны-

¹⁷ Casi 30 ciudades participan en el IV Foro Iberoamericano de Alcaldes. IV Foro Iberoamericano de Alcaldes. 16.09.2019. URL: <https://ciudadesiberoamericanas.org/2019/09/16/casi-30-ciudades-participan-en-el-iv-foro-iberoamericano-de-alcaldes> (accessed: 22.01.2024).

нешних геополитических конфликтов, климатических изменений, социального неравенства и бедности, осложняющих обстановку в городских сообществах по всему миру, значение культуры возрастает. Она способна усилить осуществление трех основных задач устойчивого развития: экономической, социальной, экологической»¹⁸.

На форуме в Сан-Паулу подчеркивалась значимость культуры в преобразовании городов при сохранении их историко-архитектурной уникальности и одновременном развитии креативной и инновационной среды в рамках глобального тренда на формирование умных городских пространств (*smart cities*).

Сан-Паулу — место проведения Всемирного форума городов по культуре (2023 г.)

О концепции умных городов и их будущем

Курс на строительство умных городов просматривается на широком географическом пространстве — от Европы до Юго-Восточной Азии. Впервые о концепции «умного города» заговорили в 90-х гг. прошлого века, когда пришло понимание, что будущее — в развитии информационно-коммуникационных технологий. Обзор значительного числа публикаций показывает, что в них часто превалирует технократический подход. По мнению некоторых австралийских ученых, «дискурс об умных городах одержим технологическими возможностями развития», а «глобальные рейтинги сводят города к одномерной бизнес-модели, характеризующейся рядом показателей. Для того чтобы термин “смарт-сити” имел непреходящую ценность, необходимо использовать технологию для формирования уникальной городской культурной самобытности и достойного качества жизни горожан» [Han, Hawken, 2018: 1].

Комплексное понятие умного города отстаивает профессор из Саудовской Аравии Карим Газзех (Университет города Даммам). Проведенное им исследование компонентов международных рейтингов, опирающихся на опросы горожан, обнаружило парадоксальное явление: упор на «технологии», вопреки широко распространенному мнению о том, что она является главной составляющей умного города, занял более низкую позицию

¹⁸ A Goal for the Culture: the São Paulo Manifesto. Forum Call for Culture to Become a Dedicated UN Sustainable Development Goal Post 2030. 28.11.2023. URL: <https://worldcitiescultureforum.com/2023/11/28/the-sao-paulo-manifesto-goal-for-culture> (accessed: 20.12.2023).

по сравнению с характеристиками уровня жизни, состояния окружающей среды, эффективности городского управления [Gazze, 2023: 2897]. Иными словами, для обитателей умного города чисто «технологический» аспект важен главным образом как условие для комфортных условий проживания, а для властей — как источник информации для качественного управления ресурсами и городскими услугами.

Обобщая все более часто встречающееся мнение, можно прийти к такому заключению. «Город может называться “умным”, когда инвестиции в человеческий и социальный капитал и традиционную (транспорт) и современную (ИКТ) коммуникационную инфраструктуру способствуют устойчивому экономическому росту и высокому качеству жизни при разумном управлении природными ресурсами посредством участия государства» [Предко, 2023: 241].

В настоящее время Всемирной организацией умных устойчивых городов (*World Smart Sustainable Cities Organization, WeGO*) при сотрудничестве с некоторыми зарубежными мозговыми центрами формируются глобальные рейтинги на основе индекса *Smart City Index*, призванного определить, в каких городах высокие технологии и смарт-решения наиболее интегрированы в повседневную жизнь граждан. Следует учитывать, что этот индикатор рассчитывается статистико-математическим методом и потому носит во многом условный характер, но все же отражает особенности региональной и национальной урбанизации, ее способность воспринимать городские инновации.

Еще одним авторитетным индексом является ранжирование «Города в движении» (*Cities in Motion Index, CIMI*). Его составляет научный Центр по проблемам глобализации и стратегического развития (*Center for Globalization and Strategy*), работающий при известной испанской бизнес-школе (IESE¹⁹ Business School), которая входит в состав Университета Наварры (г. Памплона). В отличие от других индексов, в *CIMI* упор сделан на факторах человеческого капитала, социальной инклюзии, но с учетом стандартных компонентов, принятых для характеристики *сма́рт-сити*: «умная экономика, умная окружающая среда, умное управление, умная мобильность, современные технологии» [Иванова, Карагулян, 2021: 647]. Примечательной особенностью индекса «Города в движении» является учет музеев, картинных галерей, университетов и численности обучающихся в них иностранных студентов; рассматриваются также некоторые направления международного сотрудничества, осуществляемые *умными мегаполисами*. Тройку передовых испанских городов составили Мадрид, Барселона и Валенсия; первые два

¹⁹ Изначально имела название Instituto de Estudios Superiores de la Empresa/IESE. — *Прим. авт.*

входят в число тридцати самых умных городских центров мира²⁰. К числу городов, которые прогрессируют по пути современного урбанизма — экологичности, безопасности, туристической привлекательности (и для чего они наращивают ИКТ-потенциал), — относятся также Бильбао, Севилья, Сарагоса.

Барселона не первый год становится площадкой для Всемирного конгресса умных городов (*Smart City Expo World Congress*), в котором в онлайн- и офлайн-режиме участвуют представители более 100 стран. В 2023 г. на мероприятии были широко представлены государства Латинской Америки: Аргентина, Бразилия, Колумбия, Коста-Рика, Чили. Конгресс умных городов

Валенсия. Город искусств и наук

в Барселоне (очередной намечен на осень 2024 г.) является одним из самых масштабных мероприятий, посвященных городским инновациям. Одним из соорганизаторов конгресса является Испанская сеть умных городов (*Red Española de Ciudades Inteligentes, RECI*), участники которой (более 60 городских центров) стремятся обмениваться опытом «в формировании эффективной, разумной модели городского управления на благо всех жителей».

В исследовании по индексу «Города в движении» (*CIMI*) значительное внимание было уделено Латинской Америке. Географический охват был широким: от Мехико и Сан-Хосе (Коста-Рика) до Медельина, Сан-Паулу и Монтевидео. Однако присутствие латиноамериканских городов на топовых позициях в глобальной иерархии оказалось ограниченным. При высоком уровне урбанизации латиноамериканские метрополии сталкиваются с серьезными и общими для них трудностями в развитии²¹. Загрязнение воздуха, выбросы парниковых газов, скопление мусора, шумная среда — таковы лишь некоторые из них.

Но, несмотря на то что в ЛА груз сложных городских проблем намного тяжелее, а уровень общей цифровизации — намного ниже, чем в Старом Свете, некоторые латиноамериканские страны стремятся внедрять модель умных городов с учетом особенностей региона [Cabello, 2022]. Если объединить информацию из нескольких источников, то к числу городов,

²⁰ Ensor J. Madrid and Barcelona rank in top 30 smart cities. Euro Weekly News. 09.02.2024. URL: <https://euroweeklynews.com/2024/02/09/madrid-and-barcelona-rank-in-top-30-smart-cities/> (accessed: 12.02.2024).

²¹ IESE Cities in Motion Index. Navarra. IESE Business School. 2024. P. 43.

«стремящихся к умному будущему», авторы рейтингов относят сначала Буэнос-Айрес, с которым за первое место конкурирует Сантьяго-де-Чили, за ними следуют Мехико и Медельин, Монтевидео и Куритиба, которая

Сантьяго, столица Чили

в кратком рейтинге, составленном перед Всемирным конгрессом умных городов в Барселоне в 2023 г., завоевала одно из первых мест как латиноамериканский город, успешно отвечающий на вызовы устойчиво-разумного и социально-экономического роста²².

На фоне довольно пристального внимания к процессу умной урбанизации в Юго-Восточной Азии или в некоторых других регионах внимание к этой тенденции в Латинской Америке часто остается в тени, хотя региональная практика и концептуальный подход имеют отличия, несомненно, важные для международного опыта.

Для региона Латинской Америки характерен довольно четко просматривающийся человеко-ориентированный (*people-oriented*) подход. Целью создания *smart-city* признается формирование городской экосистемы, чуткой к насущным потребностям людей, где уважение человеческого достоинства (*dignidad*) является фундаментальным правом, которое обеспечивается использованием новых технологий²³. В то же время пример ЛА демонстрирует, что можно осу-

Куритиба, Бразилия

ществлять городские инновации и при этом не ставить ИКТ «во главу угла». Существующие в регионе сложные проблемы заставляют трактовать модель умного города довольно широко и не сводить ее к «чистой» технологии, — считают аналитики испанского Банка BBVA²⁴. В качестве примера приводится Медельин, где преобразования предусматривали расширение

²² World Smart City Awards. Expo World Congress. 2023. URL: <https://www.smartcityexpo.com/world-smart-city-awards-2023> (accessed: 25.01.2024).

²³ Ramírez Hernández Ch. What is a Smart City and Which are the Most Recognized in Latin America? Latin-American Post. 08.09.2022. URL: <https://latinamericanpost.com/americas/environment-en/what-is-a-smart-city-and-which-are-the-most-recognized-in-latin-america> (accessed: 25.01.2024).

²⁴ En los rascacielos de la innovación: presente y futuro de las 'smart cities'. BBVA Blog. Comunicación. 25.09.2023. URL: <https://www.bbva.com/es/innovacion/en-los-rascacielos-de-la-innovacion-presente-y-futuro-de-las-smart-cities/> (accessed: 15.01.2024).

безопасных общественных пространств, обеспечение их бесплатным доступом в Интернет; особое внимание было уделено обучению населения цифровой грамотности. Иными словами, первостепенные технологические изменения не являлись самоцелью, а были умело интегрированы в улучшение повседневной жизни горожан, что касалось прежде всего населения городских окраин.

Латинская Америка — регион резких контрастов, и этот феномен ярко проявляется в городской среде²⁵. Формированию умного города со ставкой на цифровизацию инфраструктуры как ключевую задачу сопутствует широкое распространение неблагополучных кварталов, даже трущоб, где жители крайне ограничены в доступе к ИКТ. По статистике ЭКЛАК, в среднем по региону примерно 27% городского населения проживает в неформальных поселениях без надлежащего доступа к основным городским услугам²⁶.

Медельин, Колумбия

Музей завтрашнего дня в Рио-де-Жанейро

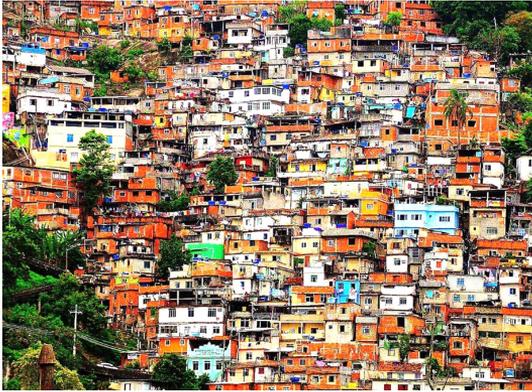
Как предполагают многие исследователи, стихийный характер латиноамериканской урбанизации (которому трудно противостоять) может тормозить развитие *сма́рт-сити* в ЛА, осложняя формирование умного управления, умной окружающей среды, умной городской экономики. Более того, на повестку дня все острее встает вопрос о качестве человеческих ресурсов. «Для развития умных городов в ЛА фактором первой необходимости становится увеличение численности образованного населения»²⁷. На такую критичную латиноамериканскую проблему

²⁵ Maldonado Acosta M.E. Las ciudades de América Latina y el Caribe: espacios de contrastes. Banco Interamericano de Desarrollo. 2022. URL: <https://blogs.iadb.org/ciudades-sostenibles/es/las-ciudades-de-america-latina-y-el-caribe-espacios-de-contrastes-desigualdad-discriminacion-segregacion-fragmentacion> (accessed: 15.01.2024).

²⁶ Speaking to Territories and Cities is Critical for Rethinking the Development Model in Latin America and the Caribbean, Press Release. CEPAL. 05.05.2022. URL: <https://www.cepal.org/es/comunicados/hablar-territorios-ciudades-es-fundamental> (accessed 25.01.2024).

²⁷ Flannery E. The human capital challenge for the development of Smart Cities in Latin America. Intelligent Build Tech. 24.11.2023. URL: <https://www.intelligentbuild.tech/2023/11/24/the-human-capital-challenge-for-the-development-of-smart-cities-in-latin-america/> (accessed: 22.01.2024).

указывал ранее, например, бывший президент Межамериканского банка развития (1988–2005 гг.) Э. Иглесиас. «Недостаточно иметь умные города. Нам также нужны умные граждане» [Bouskela et al., 2016: 6]. Анализ иных, актуальных вызовов в процессе урбанизации в ЛА — распространение бедности, масштабы иммиграции, уровень демографической нагрузки (лица младше 14 лет + старше 65 лет на экономически активное население) — содержит специальная веб-страница ЭКЛАК²⁸.

Фавелы Рио-де-Жанейро

Несмотря на наличие объективно существующих ограничений, ставка на умные городские пространства (*ciudades y territorios inteligentes*), по мнению некоторых оптимистично настроенных испанских ученых, — это окно возможностей для поступательного экономического роста латиноамериканских стран, для достижения устойчивости в многомерном формате, включая разные сегменты городской жизни. Такова, например, точка зрения известного экономиста Р. Ка-

сильды Бехара, профессора Института латиноамериканских исследований при Университете Алькала-де-Энарес (Instituto Universitario de Investigación en Estudios Latinoamericanos de la Universidad de Alcalá) [Casilda Béjar, 2023: 89–92]. Немаловажным условием успеха в развертывании сети умных городов в латиноамериканском регионе может служить интернациональное сотрудничество. Факты свидетельствуют, что такое взаимодействие активно развивается между городами ибероамериканского сообщества, где ключевую роль играют Барселона, Мадрид, Валенсия, с одной стороны, и Буэнос-Айрес, Сантьяго-де-Чили, Сан-Паулу — с другой.

* * *

Будущее человечества, безусловно, связано с городами, которые являются средоточием промышленного роста, развития финансовой и торговой инфраструктуры, других сегментов третичной сферы. Велика историческая роль городов как культурных и образовательных центров. Урбанизация является мощным двигателем гуманитарного прогресса, но на примере латиноамериканских городов можно наблюдать ее неоднозначный характер, тенденцию к восприятию новейших технологических достижений в город-

²⁸ Plataforma Urbana y de Ciudades. CEPAL. 2023. URL: <https://plataformaurbana.cepal.org/es> (accessed: 25.02.2024).

ском управлении при существовании груза экологических и социальных проблем, связанных с трудноконтролируемым ростом крупных городских центров, особенно в Латинской Америке.

Список литературы / References

Давыдов В.М. (2020) Перспектива устойчивого развития в новом глобальном и региональном контексте, *Материалы доклада на заседании Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН*, Москва, ИЛА РАН, 68 с.

Davydov V.M. (2020) Perspektiva ustojchivogo razvitiya v novom global'nom i regional'nom kontekste [A sustainable development perspective in a new global and regional context], *Materialy doklada na zasedanii Otdeleniya global'nyh problem i mezhdunarodnyh otnoshenij Rossijskoj akademii nauk* [Materials of the report at the meeting of the Department of Global Problems and International Relations of the RAS], Moscow, ILA RAN, 68 p. (In Russian)

Иванова С.А., Карагулян Е.А. (2021) Умный город через призму рейтингов, *Вопросы инновационной экономики*, Том 11, № 2, Апрель-июнь, с. 641–656.

Ivanova S.A., Karagulyan E.A. (2021) Umnyj gorod cherez prizmu rejtingov [Smart city through the prism of ratings], *Russian Journal of innovation economics*, Vol. 11, no. 2, April-June, pp. 641–656. (In Russian)

Николаева Л.Б. (2022) Умная трансформация городов, *Латинская Америка*, № 7, с. 54–69. DOI: 10.31857/S0044748X0020680-7

Nikolaeva L.B. (2022) Umnaya transformaciya gorodov [Smart transformation of cities], *Latinskaya Amerika*, no 7, pp. 54–69. DOI: 10.31857/S0044748X0020680-7 (In Russian)

Предко Е.В. (2023) Концепция «умный город» как новый этап городского развития, *Инвестиции, градостроительство, недвижимость как драйверы социально-экономического развития территории и повышения качества жизни населения. Материалы XIII-ой Международной научно-практической конференции*. Ч. 1. под ред. Т.Ю. Овсянниковой, И.Р. Салагор, Томск, Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, с. 239–245.

Predko E.V. (2023) Konceptsiya «umnyj gorod» kak novyj etap gorodskogo razvitiya [The concept of «smart city» as a new stage of urban development] in T.Yu. Ovsyannikova, I.R. Salagor (eds.) *Investicii, gradostroitel'stvo, nedvizhimost' kak drajvery social'no-ekonomicheskogo razvitiya territorii i povysheniya kachestva zhizni naseleniya*. Materialy XIII-oj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Investments, urban planning, real estate as drivers of socio-economic development of the territory and improving the quality of life of the population. Materials of the XIII International Scientific and Practical Conference], Tomsk, Izd-vo Tom. gos. arhit.-stroit. un-ta, pp. 239–245. (In Russian)

Bhattacharya A. (2023) From Rhetoric to Reality: Mapping Political Commitment to the SDG in Latin America, *Advocacy Unified Network*. DOI: <https://doi.org/10.57939/H6SZ-E896>

Bouskela M., Casseb M., Bassi S., De Luca C., Facchina M. (2016) *La ruta hacia las Smart Cities. Migrando de una gestión tradicional a la ciudad inteligente* [The Road toward Smart Cities Migrating from Traditional City Management to the Smart City], Monografía del BID, 148 p. (In Spanish)

Cabello S. (2022) El camino de desarrollo de las ciudades inteligentes: una evaluación de Bogotá, Buenos Aires, Ciudad de México y São Paulo [The development Path of Smart Cities: an Evaluation of Bogotá, Buenos Aires, Mexico City and São Paulo], *CEPAL. Documentos de Proyectos*, Santiago de Chile, 63 p. (In Spanish)

Casilda Béjar R. (2023) América Latina en el cambio de era. Palancas estratégicas para el crecimiento económico y el desarrollo sostenible e inclusivo [Latin America at the Change of Era. Strategic Levers for Economic Growth and Sustainable and Inclusive Development], *Instituto Español de Estudios Estratégicos. Documento marco*, 104 p. URL: https://www.ieee.es/publicaciones-new/documentos-marco/2023/DIEEEM08_2023_RAMCAS_Latinoamerica.html (accessed: 25.01.2024). (In Spanish)

Ermólieva E.G. (2022) Las Ciudades como Núcleos de Desarrollo Sostenible en América Latina y el Caribe [Cities as Nuclei of Sustainable Development in Latin America and the Caribbean] in I. Gusman, Y. Pérez Guilarte et al. (coord.) *América Latina ante los (nuevos) retos de la justicia social y ambiental* [Latin America facing the (new) challenges of social and environmental justice], Madrid, Asociación Española de Geografía, pp. 339–350. (In Spanish)

Ermólieva E., Jover Martí F.J. (2023) La Agenda 2030 en las ciudades españolas: hacia una urbanización sostenible, saludable y segura [The 2030 Agenda in Spanish cities: towards a sustainable, healthy and safe urbanization] in V. Tayar, A. Kurákina-Damir (coord.) *Rusia y España durante la reestructuración del orden mundial actual* [Russia and Spain during the restructuring of the current world order], Moscow, ILA RAN, pp. 149–160. (In Spanish)

García López J. (2021) Análisis comparativo de informes de evaluación de los ODS en ciudades a través de indicadores [Comparative Analysis of SDG Evaluation Reports in Cities through Indicators], *Smart&City Solutions*. URL: <https://smartandcity.com/comparativa-informes-evaluacion-ods-ciudades/> (accessed: 22.01.2024). (In Spanish)

Gazze K. (2023) Ranking Sustainable Smart City Indicators Using Combined Content Analysis and Analytic Hierarchy Process Techniques, *Smart Cities*, no. 6, pp. 2883–2909. DOI: <https://doi.org/10.3390/smartcities6050129>

Han H., Hawken S. (2018) Innovation and identity in next-generation smart cities, *City, Culture and Society*, no. 12, pp. 1–4. DOI: 10.1016/j.ccs.2017.12.003

Pérez L. (2019) El acceso a la cultura es un derecho que las instituciones tienen el deber de proteger [Access to Culture is a Right that Institutions Have the Duty to Protect], *Revista Ciudad sostenible, resiliente e innovador*, no. 38, pp. 21–23. URL: <https://www.ciudadsostenible.eu/wp-content/uploads/2020/08/038.pdf> (accessed: 25.01.2024) (In Spanish)

Sachs J.D., Lafortune G., Fuller G., Drumm E. (2023) *Sustainable Development Report 2023. Implementing the SDG Stimulus*, Dublin, Dublin University Press, 533 p. DOI: 10.25546/102924

Различные формы феминистического урбанизма в Латинской Америке

© Елисеев А.И., Федичева С.С., 2024

Андрей Игоревич Елисеев, студент II курса магистратуры факультета международных отношений МГИМО МИД России.

119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76

ORCID: 0009-0006-1329-8418

E-mail: eliseev.andrey.1871@mail.ru

Софья Сергеевна Федичева, студентка II курса магистратуры факультета международных отношений МГИМО МИД России.

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 76

ORCID: 0009-0004-1376-2538

E-mail: sonya.fedicheva@mail.ru

Аннотация. Феминистический урбанизм относится к философской традиции человеко-центричного города и реализуется посредством различных практик: активизм и общественное просвещение, акционизм художественной и общественно-политической направленности, теоретические исследования, сбор статистических данных, планирование и реализация проектов в сфере архитектуры, дизайна и городского планирования, а также в медиасфере. С учетом роста роли женщин в обществе представляет интерес рассмотреть и проанализировать различные формы женского движения в Латинской Америке в сфере городского планирования, а также эпизоды практической имплементации принципов феминистического урбанизма при реализации конкретных проектов городского благоустройства в странах латиноамериканского региона. Городская среда должна рассматриваться как механизм равного распределения благ между различными группами населения и улучшения физических, пространственных и психологических условий их проживания.

Реализация «права на город» со стороны городских сообществ через различные формы участия приводит к чувству сопричастности, безопасности и удовлетворённости жизнью.

Ключевые слова: женское движение, Латинская Америка, урбанизм, право на город, человеко-центричный город

Для цитирования: Елисеев А.И., Федичева С.С. (2024) Различные формы феминистического урбанизма в Латинской Америке. *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 155–173. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-155-173

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Diferentes formas del urbanismo feminista en América Latina

© Eliseev A.I., Fedicheva S.S., 2024

Andrei I. Eliseev, estudiante del II año del Máster en Relaciones Internacionales de la MGIMO. 119454, Rusia, Moscú, Avenida Vernadskogo, 76
ORCID: 0009-0006-1329-8418 E-mail: eliseev.andrey.1871@mail.ru

Sofia S. Fedicheva, estudiante del II año del Máster en Relaciones Internacionales de la MGIMO. 119454, Rusia, Moscú, Avenida Vernadskogo, 76
ORCID: 0009-0004-1376-2538 E-mail: sonya.fedicheva@mail.ru

Resumen. El urbanismo feminista existe dentro de la tradición filosófica de la ciudad antropocéntrica y se realiza a través de diversas prácticas, o sea, activismo y educación pública, accionismo artístico y político-social, estudios teóricos, recopilación de datos estadísticos, planificación y realización de los proyectos de la arquitectura, diseño, planificación urbana y medios. El urbanismo tradicionalmente no es neutro ya que el diseño de espacios públicos se ha basado históricamente en criterios androcéntricos, dejando a las mujeres, los niños, las personas con discapacidad y de la tercera edad fuera del pleno uso del espacio urbano. El entorno urbano debe considerarse como un mecanismo para la distribución equitativa de los beneficios entre los diferentes grupos de población y para mejorar sus condiciones físicas, espaciales y psicológicas.

En los últimos años los problemas de las mujeres en ciudades latinoamericanas atrajeron mucha atención por parte de los círculos académicos y científicos y se postularon como un conjunto de los problemas provenientes de las condiciones de vida, de trabajo y de género. El urbanismo feminista apareció como una visión crítica a fin de resolver problemas a través de la realización de ciertas prácticas en el espacio urbano, lo que lleva a unas transformaciones por parte de la comunidad urbana que empieza a tomar conciencia de las demandas y necesidades de las mujeres y otras capas de la sociedad. «El derecho a la ciudad» a través de diferentes formas de participación lleva al sentimiento de pertenencia, seguridad y satisfacción con la vida.

Palabras clave: movimiento feminista, América Latina, urbanismo, derecho a la ciudad, ciudad antropocéntrica

Para citar: Eliseev A.I., Fedicheva S.S. (2024) Diferentes formas del urbanismo feminista en América Latina, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 155–173. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-155-173

Declaración de divulgación: Los autores declaran que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Different Forms of Feminist Urbanism in Latin America

© Eliseev A.I., Fedicheva S.S., 2024

Andrey I. Eliseev, 2nd year Master's student, Faculty of International Relations, Moscow State Institute of International Relations.

119454, Russia, Moscow, prospect Vernadskogo, 76

ORCID: 0009-0006-1329-8418

E-mail: eliseev.andrey.1871@mail.ru

Sofia S. Fedicheva, 2nd year Master's student, Faculty of International Relations, Moscow State Institute of International Relations.

119454, Russia, Moscow, prospect Vernadskogo, 76

ORCID: 0009-0004-1376-2538

E-mail: sonya.fedicheva@mail.ru

Abstract. Feminist urbanism belongs to the philosophical tradition of the anthropocentric city and is implemented through various practices, such as activism and public education, artistic and socio-political actionism, theoretical research, statistical data collection, planning and implementation of projects in architecture, design and urban planning, as well as in the media. In recent years, the problems of women in Latin American cities have attracted scholars' attention and have been postulated as a set of problems stemming from living and working conditions and gender roles distribution. Urbanism is not neutral since the city design has historically been based on androcentric criteria, thus restricting women's, children's, disabled and elderly people's ability to make the most of urban spaces. The urban space should be considered as a mechanism for the equal distribution of benefits between different groups of the population and the improvement of the physical, spatial and psychological conditions of their residence. Feminist urbanism appeared as a critical view, determined to solve certain problems through different practices in urban space, when the transformation in the city is produced by the community, i.e. the people who are aware of their demands and needs. In view of the growing role of women in society, it is of interest to examine and analyze different forms of women's movement in Latin America in the field of urban planning and to conduct case studies to identify examples of practical implementation of feminist urbanism principles in particular urban improvement projects in Latin American countries. The realization of the «right to the city» by urban communities through various forms of participation leads to an emerging sense of involvement, security and life satisfaction.

Keywords: feminist movement, Latin America, urbanism, right to the city, anthropocentric city

For citation: Eliseev A.I., Fedicheva S.S. (2024) Different Forms of Feminist Urbanism in Latin America, *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 155–173. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-155-173

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the authors.

Мне сказали, что <...> собираются посадить дерево, которое будет носить мое имя. Я бы хотел, чтобы на этом дереве могли сидеть птицы разных оперений и форм, и при этом переносить друг друга.
<...> Короче, я хотел бы, чтобы это было гостеприимное дерево, с которого звучали бы самые разные песни...
В. Гропиус, теоретик архитектуры [Gropius, 1962]

Женщина в пространстве латиноамериканского города

Феминистический урбанизм является современным направлением критических городских исследований, которое получило за последнее время широкое теоретическое развитие, обусловленное актуализацией проблем гендерного неравенства. Целью этого направления является превращение пространства города в среду эгалитаризма и гуманизма, в которой человеческий потенциал нашёл бы своё полное и всестороннее раскрытие, и феминистический урбанизм не исчерпывается тем, что обычно превратно понимают под «феминизмом», а именно — наделение женщин правами в ущерб мужчинам. Однако нельзя отрицать, что многие вопросы урбанизма имеют значение именно для женщин.

Аргентинская исследовательница А. Фалу утверждает, что женщины чаще мужчин посещают общественные пространства (парки, детские площадки), а также являются основными пользователями общественного транспорта, при этом на них пагубнее всего сказываются проблемы неразвитости городской инфраструктуры [Falú, 2016]¹. В странах Латинской Америки и Карибского бассейна, где 85 % населения проживает в городах, женщины более уязвимы к несовершенствам городской инфраструктуры (отсутствие уличного освещения, труднодоступность городских пространств, несовершенства общественного транспорта, недостаточная обеспеченность городов детскими садами, яслями, школами, местами для детского досуга). Эти проблемы наиболее рельефно проявляются в развивающихся странах и зачастую приводят к росту преступлений против женщин либо снижают их ощущение безопасности.

В то же время параллельно с улучшением городских пространств в регионе можно наблюдать противоречивые тенденции в области изменения показателя неравенства в обществе. Так, несмотря на то что, согласно оценкам CEPAL, в последнее десятилетие уровень бедности в Латинской Америке сократился с 46 до 24 %, увеличилось количество женщин, живущих

¹ Falú A. Gender Perspectives in Urban Planning, Un-Habitat Worldwide. Season 3. Episode 3. 2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Sop4fqc2NV8> (accessed: 15.02.2024).

в нищете². Последнее обстоятельство связано с необходимостью растить детей, часто в условиях неполной семьи и финансовой нестабильности при неравной оплате труда и трудностях при приеме на работу.

Серия феминицидов (убийства по половому признаку) в Сьюдад-Хуаресе (2376 убитых и 282 пропавших без вести женщины в период с 1993 по 2023 г.) актуализировала вопросы положения женщины-горожанки. По свидетельству М. Оливеры, убийства были частично мотивированы ощущением конкуренции, которую женщины могли бы составить мужчинам на рынке труда [Olivera, 2006: 108]. Экономические условия, в которых находятся горожанки по причине высокой безработицы и минимальных социальных гарантий по оплате отпусков по уходу за детьми и трудоустройству, приводят к тому, что, по статистике ООН, 70 % людей на Земле, живущих в нищете, — женщины³. Женщины находятся в экономической зависимости от своих партнеров, что приводит к увековечению типичной для региона Латинской Америки и Карибского бассейна проблемы мачизма [Кофман, 2020] и стимулирует рост домашнего насилия.

При этом в последнее время наблюдается институционализация вопросов дискриминации женщин. Происходит поиск решений как со стороны органов государственной власти разных уровней, так и со стороны институтов гражданского общества. Например, в Колумбии участие движений за права женщин было включено в муниципальную повестку дня, были созданы *Manzanas del Cuidado*, где «заботятся о тех, кто заботится о других». В настоящее время в Боготе работает более 20 подобных учреждений, которые за три года оказали поддержку уже более 230 тыс. женщинам. Там они могут отдохнуть, бесплатно посетить различные образовательные курсы или воспользоваться медицинскими услугами, а также получить психологическую и юридическую помощь, что особенно важно для женщин, ставших жертвами насилия⁴. Кроме того, *Manzanas del Cuidado* предлагают специальные программы для детей — детские сады (дневные и ночные), творческие кружки и спортивные секции. Таким образом, среди прочего феминистический урбанизм имеет целью создать комфортные условия для жизни и трудоустройства женщин, позволив им перенести часть издержек по уходу за детьми на социальные службы.

² «No me imagino una agenda sin la inclusión de los derechos de las mujeres a la ciudad»; lea la entrevista a Ana Falú. Global Platform for the Right to the City. 2015. URL: <https://www.right2city.org/es/news/espanol-no-me-imagino-una-agenda-sin-la-inclusion-de-los-derechos-de-las-mujeres-a-la-ciudad-lea-entrevista-a-ana-falu/> (accessed: 28.01.2024).

³ Falú A. Gender Perspectives in Urban Planning...

⁴ Manzanas del Cuidado: legado que prioriza y garantiza a las mujeres sus derechos. Alcaldía de Bogotá. URL: <https://bogota.gov.co/mi-ciudad/mujer/que-son-servicios-gratuitos-para-mujeres-y-mas-sobre-manzanas-cuidado> (accessed: 04.02.2024).

Согласно данным Экономической комиссии для Латинской Америки и Карибского бассейна ООН (CEPAL), в 2022 г. в странах Латинской Америки и Карибского бассейна как минимум 4050 женщин стали жертвами феминицида (убийство по половому признаку)⁵. Наблюдательный центр по борьбе с уличными домогательствами, созданный в Чили в 2012 г. и в настоящее время осуществляющий свою деятельность на территории Боливии, Гватемалы, Колумбии, Коста-Рики и Никарагуа, создает пространства немедленного укрытия женщин, а также занимается составлением маршрутов безопасного передвижения по городу⁶.

Феминистический урбанизм реализуется в различных формах: активизм и общественное просвещение, акционизм художественной и общественно-политической направленности, теоретические исследования, сбор статистических данных, планирование и реализация проектов в сфере архитектуры, дизайна и городского планирования, а также в медиасфере.

Феминистический урбанизм в философской традиции человекоцентричного города

Феминистический урбанизм видит своей задачей превращение городских пространств в «гостеприимное дерево», которое служило бы «приютом для самых разных птиц» (см. эпитафия), поэтому его предметное поле зачастую пересекается с экологическим урбанизмом, борьбой за права коренных народов, борьбой против расовой дискриминации и борьбой за достойные условия жизни и труда со стороны рабочего класса.

Теоретик культуры К. Мангейм отмечал, что утопия, в отличие от мифа, нацеленного на сохранение status quo, напротив, исходит из трансцендентных предпосылок и стремится «мир отращения разрушить», включиться в его радикальное и действенное преобразование [Мангейм, 1929]. И в этом отношении феминистический урбанизм утопичен. Несомненную преемственность феминистического урбанизма с предшествующими философскими традициями составляют именно утопические взгляды, проистекающие из абстрактных представлений об идеальном устройстве города, восходящих к конкретному воплощению посредством имплементации концепций урбанистического планирования.

Диспозитивная и прескриптивная и в то же время утопическая рамка характеризует большинство философских городских программ, начиная от «Государства» Платона (Πλάτων, 427–348), «Утопии» Т. Мора (Thomas More, 1478–1535), «Города Солнца» Т. Кампанеллы (Tommaso Campanella,

⁵ Violencia Feminicida en Cifras. América Latina y el Caribe. La prevención de los femicidios: obligación de los Estados y reto persistente en la región. Naciones Unidas. CEPAL. Boletine № 2. 2023. P. 3. URL: <https://repositorio.cepal.org/server/api/core/bitstreams/556c1a40-c2c3-42b9-a3f5-cf6ce0353546/content> (accessed: 01.02.2024).

⁶ Observatorio Contra el Acoso Callejero Chile. Latinno. URL: <https://latinno.wzb.eu/es/case/4121/> (accessed: 02.02.2024).

1568–1639) или фаланстеров Ш. Фурье (Charles Fourier, 1772–1837). Платон рассматривает идеальный город, в основе которого лежат принципы справедливости, гармонии и функциональности пространства, где каждый гражданин играет определённую роль в деле достижения благополучия общества⁷. Подобно ему, Т. Мор говорит об острове, на котором расположен гармонично и природосообразно устроенный город, существование жителей которого находится в строгих дисциплинарных рамках для их же блага⁸. Т. Кампанелла также рисует город, построенный на регламентации, в котором жизнь, устроенная на коммунистических началах, способствует творческому развитию граждан⁹. Ш. Фурье полагал, что традиционные пространства семьи, дома и города были местом угнетения женщины, тогда как в фаланстерах виделось достижение освобождения и равенства через совместный труд и гармоничное сотворчество¹⁰. В марксизме городское планирование и условия жизни, в которые погружен пролетариат, рассматриваются как материальная предпосылка для самоорганизации рабочего класса и как обстоятельство, побуждающее его трансформацию из класса-в-себе в класс-для-себя¹¹.

Дж. Рёскин (John Ruskin, 1819–1900), У. Моррис (William Morris, 1834–1896), братства «назарейцев»¹² и «прерафаэлитов»¹³ также рассматривали город как пространство производственного эгалитаризма и равномерного распределения благ с той разницей, что они истолковывали роль индустрии как разрушительную для возможности реализации человеческого потенциала. [Ruskin, 1868]. Нельзя не отметить, что призывы к творчеству, самоактуализации и гармонии с природой получают новую актуальность и в постиндустриальную эпоху.

⁷ Платон. Государство. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 3, Москва, Мысль. С. 79–420.

⁸ Мор Т. Утопия. Academia, Электронная библиотека RoyalLib.com. 1935. URL: https://royallib.com/book/tomas_mor/utopiya.html (accessed: 15.02.2024).

⁹ Кампанелла Т. Город Солнца. URL: <http://lib.ru/INOOLD/KAMPANELLA/suntown.txt> (accessed: 15.02.2024).

¹⁰ Fourier C. Design for Utopia: Selected Writings of Charles Fourier, Studies in the Libertarian and Utopian Tradition. New York, Schocken. 1971. 208 p.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 18. Москва, Государственное издательство политической литературы. 1961. С. 203–284.

¹² Назарейцы / Союз святого Луки — творческое объединение немецких и австрийских художников романтического направления начала XIX века, отвергших традиции классицизма и стремившихся возродить эстетику и художественный стиль мастеров Средневековья и раннего итальянского Возрождения. — *Прим. ред.*

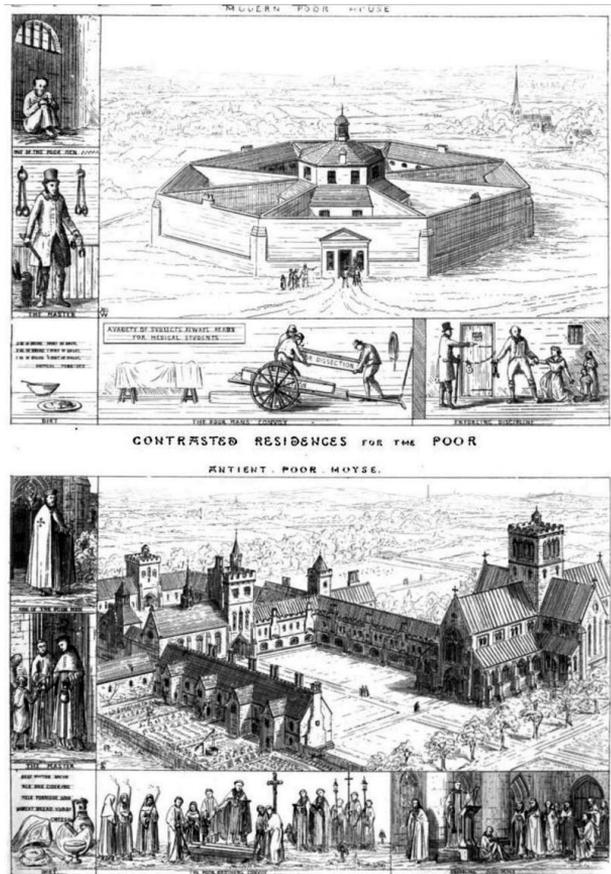
¹³ Прерафаэлиты — направление в английской поэзии и живописи во второй половине XIX века, образовавшееся в начале 1850-х годов с целью борьбы против условностей викторианской эпохи, академических традиций и слепого подражания классическим образцам. — *Прим. ред.*

Для М. Хайдеггера (Martin Heidegger, 1889–1976) обитание является одновременно материальным и символическим конструктом. Создаются пространства, которые принимают людей, тем самым обитать — означает существовать и находиться с людьми [Heidegger, 1994: 107–108].

Б. Латур (Bruno Latour, 1947–2022) рассматривает антропологию нового времени, конкретно соприсутствие образов жизни в современном обществе с философской и культурно-антропологической перспективы [Latour, 2012].

Попытки прескриптивно-го городского планирования осуществлялись в XX в., в том числе знаменитым архитектором Ле Корбюзье (Le Corbusier, 1887–1965). Последний полагал возможным создание планировщиком такой формы города, которая удовлетворила бы все потребности жителей. Тем не менее проект Ле Корбюзье со строгим районированием и разграничением пространства (предприятия/жильё) провалился. С приходом рейганизма и тэтчеризма и сокращением социальных обязательств государств, выбравших неолиберальную экономическую модель, многие жилые здания превратились в наркопритоны, рассадники преступности.

Согласно А. Лефевру (Henri Lefebvre, 1901–1991), улица представляет собой пространство, в котором общество проявляет себя и где становятся особенно очевидны исторические, политические и культурные изменения [Lefebvre, 2001: 252]. Лефевр также отмечает революционные события как

A. Pugin. *Contrasted Residences for the Poor*¹⁴. 1836

¹⁴ На рисунке английский архитектор, писатель и проектировщик О.У. Пьюджин (1812–1852), один из лидеров движения «Искусства и ремёсла», проповедовавшего художественное превосходство изделий ручного ремесла над продуктами промышленного производства, изобразил рабочий дом (workhouse) в Англии до (снизу) и после (сверху) принятия британским парламентом «закона о бедных» в 1834 г. (Poor Law Amendment Act 1834), идеализируя старую и критикуя новую схему организации рабочих домов. — Прим. ред.

события улиц, ведь именно эти пространства создают уникальное место наблюдения, в том смысле, что они выходят за институциональные рамки и приносят стихийность.

Главным тезисом А. Лефевра стало «право на город», которое выразилось как необходимость осознанного конструирования места своего обитания со стороны жителей. Он всячески подчёркивал фундаментальную роль повседневной жизни в производстве субъективности, поскольку считал, что капитализм провоцировал постоянное воспроизводство характеристик, навяанных правящим классом. Новая жизнь, связанная с развитием индустриализации, вызвала к жизни новые проблемы и новые формы контроля. Производство новых потребительских товаров и новые нормализованные социальные практики оказывались крепко-накрепко связаны с исключением, дискриминацией и доминированием. Для А. Лефевра урбанизм является «чёрным ящиком», в котором заложены знания о том, что в него входит и выходит, но неизвестно, что находится внутри.

Важнейшей представительницей феминистического урбанизма стала Дж. Джейкобс (Jane Jacobs, 1916–2006), которая переработала ряд представлений Лефевра и выступила с программой критического переосмысления места женщины в городе. В ее работах появились противопоставление «производящего и воспроизводящего труда», а также концепция «невидимости женщины» в городском пространстве. Она ставит жизнь обитательниц и обитателей города в центр дискуссии, тем самым выводя на первый план разнообразие и воспроизводство. Дж. Джейкобс — теоретик, повлиявшая на анализ современных городских феноменов. Она первая переместила фокус городских исследований со зданий на людей, предложив стратегии для планирования снизу вверх, влияние посредством актов гражданского и локального неповиновения [Jacobs, 1961].

Феминистский взгляд добавляет к этим представлениям ещё одно, не менее важное обстоятельство — наличие необходимости в учёте воспроизводственных возможностей (рождение детей), которыми обладают лишь женщины и, следовательно, невозможность воспроизводственного эгалитаризма. В таком взгляде присутствует сознательно-интерсубъективная пристрастность, не отменяющая тем не менее, но, напротив, — учитывающая запросы других через призму собственных проблем.

В нашем исследовании мы рассмотрим формы женского участия в городских пространствах Латинской Америки. Трансформация городского пространства имеет нелинейную природу, а происходящие изменения затрагивают большое количество конкретных людей. При этом представляется важной коммунитарность, то есть такой аспект общественной вовлечённости, при котором низовая организация становится активной, трансформи-

рующей пространство силой. Происходит переход из Gesellschaft (нем. *общество*) в Gemeinschaft (нем. *сообщество*), из ciudadanos в ciudadanos¹⁵, из общества в со-общество.

Мы рассмотрим реализацию «права на город» через различные формы участия, где независимой переменной является общественное участие в планировании и имплементации, которое соотносится с зависимой переменной: использованием пространства и возникающим чувством удовлетворения.

Городской проект должен возникать не только как линейный ответ на запрос, заключающийся в существенном улучшении условий городской жизни, но как возможность целостного преобразования и выхода за пределы строгих рамок. Ожидаемые изменения внутри микрорайонов всегда будут оказывать влияние на город, поскольку подобные преобразования связаны с осмыслением нового статуса городского пространства в целом [Fernández Castro, 2011: 11].

Формы женского активизма в городском пространстве

Город — это среда, в которой сегодня живет большинство людей. В мире 4,5 млрд людей проживают в городах, и половина из них — женщины¹⁶. Физический аспект женского города отличается от мужского. Городское планирование не является нейтральным, а находится внутри капиталистической и патриархальной системы. Город — это и сложная система отношений, и артефакт, созданный путём преобразования природной среды. То, как строятся и выглядят города, несёт в себе важное символическое послание.

Развитие феминистской мысли в академических кругах и подъём общественного движения, выступающего за достижение равноправия полов, в Латинской Америке в 1970-х гг. приводят к тому, что городское пространство начинает восприниматься через призму гендера.

Женщины по-прежнему сталкиваются со множеством физических, социальных, экономических и символических ограничений в городе, которые формируют их повседневную жизнь таким образом, что она становится гендерно обусловлена. Многие из этих ограничений совсем не ощущаются мужчинами, поскольку повседневная жизнь мужчин отличается от женской. В большинстве своем мужчины являются лицами, принимающими решения в городах, и при реализации той или иной городской политики они зачастую не задумываются о том, как принимаемые ими решения влияют на женщин. Города были созданы с учётом того, что они должны поддерживать и облегчать традиционную роль мужчин и рассматривать опыт мужчин как

¹⁵ Обыгрывается значение испанского cuidar — беречь, заботиться, отсюда и ciudadanos — те граждане (ciudadanos), кому небезразличны интересы общества. — *Прим. авт.*

¹⁶ Diseñar ciudades por y para mujeres. El País. 27.10.2022. URL: <https://elpais.com/planeta-futuro/seres-urbanos/2022-10-27/disenar-ciudades-por-y-para-mujeres.html> (accessed: 03.02.2024).

«норму», не обращая внимания на то, как в городе появляются препятствия для женщин, а также игнорируется повседневный опыт городской жизни женщин.

В отличие от андроцентричного урбанизма, который ставит во главу угла патриархальную и капиталистическую систему, феминистический урбанизм принимает во внимание разнообразие населяющих город жителей и при планировании городского пространства анализирует, каким образом различие гендерных ролей влияет на право женщин на участие в жизни города. Например, глава муниципалитета «В» Монтевидео С. Писсано реализовала проект «Mujeres con calle», направленный на увековечение вклада женщин в историю города путем переименования улиц в их честь¹⁷.

Феминистический урбанизм поднимает вопросы повседневной жизни женщин, связанной с обязанностями по дому и уходом за детьми, и рассматривает такую базовую категорию, как качество жизни, которая должна учитываться при планировании и строительстве города.

Во многих городах Латинской Америки существуют социальные и культурные представления об общественных местах как о мужских, а насилие в отношении женщин не рассматривается как серьёзная проблема. Также ежедневные домашние обязанности чаще всего лежат на плечах женщин, что ограничивает участие женщин в процессе принятия решений.

Восприятие женщинами пространства, в котором они живут, во многом зависит от степени обеспечения безопасности в общественных местах. Невозможность обеспечения безопасности и угроза насилия являются одними из основных преград для достижения свободы перемещения женщин в городе. Низкий уровень безопасности особенно затрагивает женщин в городах, поскольку он тесно связан с отношениями между мужчинами и женщинами, которые поддерживаются глубоко укоренившимися культурными моделями, но которые, прежде всего, свидетельствуют об осуществлении власти одного пола над другим [Falú, Segovia, 2007: 9].

«Soy Otra Tú» («Я — другая ты») — монумент, открытый в 2009 г. в городе Росарио (Аргентина). Он представляет собой стеклянный куб с железными гранями, на который нанесены надписи «Soy otra tú», а также фотографии женщин, и в центре куба находится деревянная лавочка. Создательницы монумента Ф. Имола и Л.А. Варни описывают его как «пространство безопасности» для женщин, где они могут отдохнуть или найти убежище¹⁸. При этом деконструируется традиционно закрытое домашнее пространство, тем самым показывается уязвимость женщин в городской среде.

¹⁷ Silvana Pissano: Apuntaremos a priorizar la sostenibilidad de la vida. Caras y Caretas. 04.10.2020. URL: <https://www.carasycaretas.com.uy/silvana-pissano-sostenibilidad>; Mujeres con Calle 2020. Colón Portal. 24.02.2020. URL: <https://www.colon.com.uy/sociedad/3502-mujeres-con-calle-2020> (accessed: 10.02.2024).

¹⁸ Instalación Urbana «Soy otra Tu». Red Mujer y Hábitat América Latina y Caribe. P.27-28. URL: <https://www.redmujer.org.ar/campanas> (accessed: 02.02.2024).

Тело может пониматься как основа человеческого опыта и нести в себе определенные чувства и значения, что оказывает влияние на формирование взглядов на мир. Выход женских тел, которые воплощают воинственность и активизм, в публичное пространство воспринимается как точка взаимодействия и получения опыта с окружающим их пространством [Grabino, Furtado, 2018: 24–25]. Площадь представляет собой символ сплоченности жителей городского пространства, поскольку она позволяет увеличить взаимодействие людей и снизить уровень конфликтности и гендерной сегрегации. Так, 30 апреля 1977 г. на Майскую площадь (Plaza de Mayo) в Буэнос-Айресе вышли 14 аргентинских матерей, которые пытались узнать о судьбе своих детей, пропавших без вести во время военной диктатуры. За последние годы это движение разрослось, став своеобразным латиноамериканским брендом и спровоцировав появление таких городских феноменов, как «зелёная» и «фиолетовая» волна (*marea verde* y *marea violeta*), в рамках которых женщины протестовали против запрета аборт и против мачистской дискриминации.

Soy Otra Tú («Я — другая ты») — монумент, открытый в 2009 г. в городе Росарио (Аргентина)

Plaza de Mayo (Майская площадь) в Буэнос-Айресе. Протест матерей, чьи дети исчезли в период военной диктатуры Х. Виделы 1976–1983 гг. в Аргентине

Так, улица вновь становится пространством для творчества и освобождения женщин, а политическое измерение пространства города оказывается в центре дискуссий в пользу радикализации и распространения демократии [Delgado, 1999: 19].

По мнению урбанистки Д. Сальданы, равенство положения женщин и мужчин в городской среде связано с тем, что женщины первоначально исключены из пространства, где принимались решения в масштабах города¹⁹. Пространство

¹⁹ Ciudades feministas: un futuro sostenible e integrador. Condé Nast Traveler. 25.03.2021. URL: <https://www.traveler.es/viajes-urbanos/articulos/ciudades-feministas-urbanismo-patriarcal-futuro-sostenible-e-integrador/20573> (accessed: 10.02.2024).

города патриархально, и мужчины не заинтересованы в изменении существующей модели города, поэтому закрывают двери для таких наук, как экология, социология и антропология, которые признают роль женщины в городе.

Женщины выступают в качестве представителей и защитниц других уязвимых групп населения, например, представителей коренных народов, детей или пожилых людей, интересы и потребности которых также зачастую не учитываются при планировании городского пространства [Simone, 2018: 243–244].

В городах Перу женщины — представительницы коренных народов нередко подвергаются дискриминации и насилию, в связи с чем вынуждены отказываться от элементов их традиционного гардероба (например, от кушмы /cushma/, которая представляет собой тканую хлопковую тунику) или не говорить на родном языке на публике²⁰. Для борьбы с этой проблемой Круглый стол женщин (Mesa de Diálogo de la Mujer) объединил свои усилия с Женским центром Перу им. Флоры Тристан (El Centro de la Mujer Peruana Flora Tristán) и Тростовым Фондом ООН в поддержку действий по ликвидации насилия в отношении женщин для реализации инициативы «Женщины коренных народов: мой город, мое пространство» («Indigenous Women: My City, My Space»). В рамках этой инициативы предполагается выработка и претворение в жизнь стратегий реагирования как на гендерную, так и на этническую дискриминацию в городской среде, включая создание механизмов административного наказания за акты дискриминации, а также развитие сотрудничества с местными отелями, ресторанами, барами и другими местами общественного пользования для создания благоприятной среды для женщин коренных народов, где они могли бы комфортно проводить время, не опасаясь за свою безопасность.

Исследование, проведенное в Кордобе (Аргентина), продемонстрировало, что, несмотря на то что женщины и мужчины затрачивают примерно одинаковое количество часов в день на работу, женский труд зачастую не оплачивается и остаётся непризнанным, потому что работа по дому, на которую женщины тратят в три раза больше времени, чем мужчины, рассматривается как часть традиционной роли женщин [Falú, Morey et al, 2002].

При этом женщины не ставят своей целью превратить город в пространство, в котором вся жизнь будет сфокусирована на них. Напротив, они хотят добиться такого планирования города, в котором будет учитываться опыт повседневной жизни не только женщин, но и пожилых людей и детей.

²⁰ Safe Cities and Safe Public Spaces for Women and Girls Global Flagship Initiative: Second International Compendium of Practices. UN Women. 2020. P. 34. URL: <https://www.unwomen.org/sites/default/files/Headquarters/Attachments/Sections/Library/Publications/2020/Safe-Cities-and-Safe-Public-Spaces-International-compendium-of-practices-02-en.pdf> (accessed: 11.02.2024).

Городская среда должна рассматриваться как механизм равного распределения благ между различными группами населения и улучшения физических, пространственных и психологических условий их проживания.

В Мендосе (Аргентина) есть район Ла Фаворита, где основную массу жителей составляют люди, некогда бежавшие от репрессий в Чили, Боливии и Перу. Жизнь в районе сосредоточена вокруг площади Алиар, там женщины зачастую чувствуют себя некомфортно, поскольку при первоначальном проектировании площади для них не была создана благоприятная среда. Так, существующая инфраструктура предназначалась для времяпрепровождения в основном мужчинами (распитие алкоголя), мужских видов спорта, например, для игры в футбол, а единственная детская площадка была очень маленькой и находилось рядом с дорогой, что заставляло женщин постоянно испытывать беспокойство за безопасность своих детей. В 2018 г. проектная компания Kounkuey Design Initiative (KDI) разработала проект реконструкции площади с учетом рекомендаций женщин, проживающих в Ла Фаворита, и таким образом было создано пространство на открытом воздухе, учитывающее социальные, экономические, культурные и рекреационные потребности женщин²¹.

Мендоса, реконструкция площади и парка Алиар

²¹ Handbook for Gender-Inclusive Urban Planning Design. The World Bank. 2020. P. 188–189. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/urbandevelopment/publication/handbook-for-gender-inclusive-urban-planning-and-design> (accessed: 12.02.2024).

Конечно, нельзя не упомянуть ежегодные демонстрации 8 марта (8-M или #8), когда тысячи женщин Латинской Америки выходят на улицу, чтобы выступить за равенство, свободу и обеспечение безопасности их повседневной жизни²².

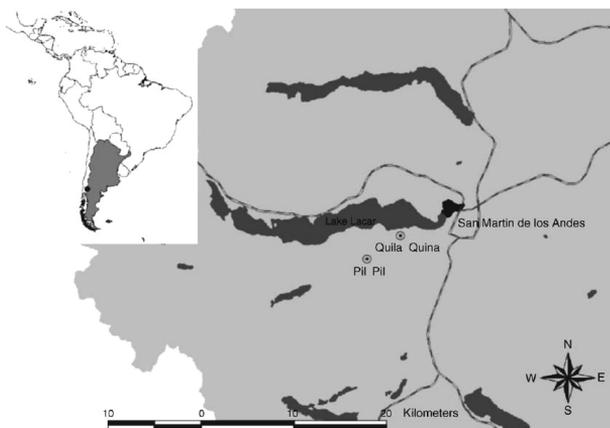
Феминистический урбанизм в действии

Как мы показали выше, формы участия женщин в изменении городского пространства разнообразны — от повышения общественной осведомленности до реализации художественных проектов. В то же время феминистический урбанизм не исчерпывается простым активизмом на улицах, являющихся проекцией патриархата. Он подразумевает изменение городской среды «снизу», задействование коммунитарных механизмов для выработки оптимального решения на всех стадиях проекта — от планирования до реализации и поддержания.

В подобном подходе заинтересованы активные политики, готовые гармонизировать социальную ситуацию путем поощрения инициатив гражданского общества. В эти процессы вовлечены и органы самоуправления [Roitman et al., 2020]. Особое значение придаётся участию всех заинтересованных групп населения в каждом конкретном случае в разработке проекта на всех стадиях — от планирования и дизайна до постройки, реализации и участия в управлении.

Одним из примеров успешной реализации проекта, относящегося к феминистическому урбанизму, может служить межкультурный район «Сообщество перемен» в Сан-Мартин-де-лос-Андес (Аргентина), созданный движением «Соседи без крова за достойное жильё» (VST) совместно с движением мапуче «Лоф Курруинка» (Lof Curruhuinca).

При этом реализация проекта проходила не только в контексте феминистического урбанизма, но и в контексте постройки социального жилья, соответствующего биологическим ритмам природы и людей, а также в рамках

Земли мапуче отмечены светло-серым цветом, межкультурный район «Сообщество перемен» в Сан-Мартин-де-лос-Андес

²² В последние годы во многих городах Латинской Америки традиционная социальная повестка 8 марта часто оказывается перехвачена радикальными феминистками и представителями ЛГБТ-сообщества (деятельность «международного общественного движения ЛГБТ» признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации). — Прим. авт.

борьбы за реституцию исконных земель мапуче. Данный процесс начался в 2004 г. Эти земли были включены в состав национальных парков в 1937 г., затем были отняты силами аргентинской армии в 1946 г. После долгой коллективной борьбы за реституцию в 2011 г. мапуче было возвращено 400 гектаров земли. 367 гектаров оставались в собственности племени, причём 77 из них отводились для реализации городского проекта, а 33 гектара оставались в ведении муниципалитета Сан-Мартин-де-лос-Андес для создания медицинской, образовательной и другой инфраструктуры²³.

Строительство началось в 2014 г. Для работы над этим проектом были созданы мастерские совместного дизайна (*talleres de diseño participativo*), а также предусматривалось участие всех будущих жильцов в проектировании и постройке собственного дома.

Проект жилья-зародыша (*vivienda semilla*) подразумевает возведение базовой постройки, пригодной для жизни, с тем чтобы её можно было расширять в соответствии с биологическими ритмами и возможностями жильцов. Предполагается, что такое жильё будет доводиться до ума самими жильцами. С 2014 г. было построено 120 жилищ.

Второй проект осуществился в рамках деятельности районной синдикалистской организации «Тупак Амару» в районе Альто Комедеро в Сан-Сальвадор-де-Жужуй (Аргентина). «Тупак Амару» ставила своей целью преодолеть социальные последствия глубокого экономического кризиса, потрясшего Аргентину в 1990-е гг.

В 2003 г. правительство Нестора Киршнера (*Néstor Kirchner*, 2003–2007) обнародовало федеральный план по постройке жилья, который в своём воплощении опирался на социальные движения в каждой провинции и муниципалитете страны. В этом контексте организация превратилась в кооператив и смогла найти ряд решений в социальном секторе, а именно обеспечить занятость, образование, здравоохранение и доступ к жилью для большого количества населения провинции Жужуй.

Постройка происходила при равноправном участии женщин и мужчин, при этом строители были лично заинтересованы в строительстве, поскольку они возводили собственное жильё и другие объекты инфраструктуры, работая за зарплату.

Такая модель способствовала вовлечению женщин в исторически маскулинизированные роли и профессии (как строительство жилья), чтобы дать им автономность и укрепить их социальную значимость. Это расширило их возможности, в том числе позволило не зависеть от супруга даже при наличии детей, высказываться на собраниях и предлагать решения общих вопросов [Tabbush, Caminotti, 2015: 155].

²³ Ley 26725. Gobierno de Argentina. 03.01.2012. URL: <https://www.argentina.gob.ar/normativa/nacional/ley-26725-192378/texto> (accessed: 22.01.2024).

За период 2003–2014 гг. в Альто Комедеро были построены 3 тыс. жилищ, относящихся к коллективной собственности, а также фабрики, выпускающие различную продукцию, — плитку, мебель из тростника, текстиль, которые позволяют поддерживать развитие района, создавать рабочие места и обеспечивать занятость всему сообществу.

Третий пример — район Маэстранса, расположенный в коммуне Эстасьон Сентраль в Сантьяго-де-Чили, который представляет собой проект социального жилья, выдвинутый движением Укамау²⁴. В 2011 г. были выкуплены три здания, находящиеся в собственности Государственной железнодорожной компании, которые были затем перестроены в три жилых многоквартирных корпуса (в общей сложности 424 жилых квартиры, площадь каждой — 62 кв. м) с общей районной инфраструктурой (детская площадка, другие общественные пространства). При этом женщины получили помощь в уходе за детьми благодаря организации детского сада.

* * *

Феминистический урбанизм находится в рамках традиции человеко-центричного городского планирования, при этом критически переосмысливая и творчески дополняя её.

Деторождение и уход за детьми, рассматриваемые как «воспроизводительный труд», также входят в число первоочередных задач, где важная роль принадлежит «низовой» инициативе — самим горожанкам и горожанам, которые способны в процессе совместного действия, т.е. объединения в активные сообщества, реализовывать проекты, направленные на реальное улучшение условий жизни, притом в масштабах целых районов.

При этом наша гипотеза, согласно которой реализация «права на город» со стороны городских сообществ через различные формы участия приводит к возникающему чувству сопричастности, безопасности и удовлетворенности жизнью, подтверждается.

Список литературы / References

Кофман А.Ф. (2020) Мачизм и его отражение в испаноамериканском фольклоре, *Традиционная культура*, т. 21, № 1, с. 76–90.

Kofman A.F. (2020) Machismo i ego otrazhenie v ispanoamerikanskom fol'klore [Machismo and its reflection in Spanish American folklore], *Tradicionnaya kul'tura*, vol. 21, no. 1, pp. 76–90. (In Russian)

²⁴ Apertura Barrio Maestranza 1 de Ukamau: Ejemplo en la democratización de la ciudad, una victoria de la organización y lucha popular. Ukamau. 02.11.2020. URL: <https://ukamau.cl/2020/11/02/apertura-barrio-maestranza-1-de-ukamau-ejemplo-en-la-democratizacion-de-la-ciudad-una-victoria-de-la-organizacion-y-lucha-popular/> (accessed: 23.01.2024).

Мангейм К. (1929) *Идеология и утопия*, Электронная библиотека RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/book/mangeym_karl/ideologiya_i_utopiya.html (accessed: 15.02.2024).

Manheim K. (1929). *Ideologija i utopija* [Ideology and utopia], Digital Library RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/book/mangeym_karl/ideologiya_i_utopiya.html (accessed: 15.02.2024). (In Russian)

Delgado M. (1999) *El animal público. Hacia una antropología de los espacios urbanos* [The Public Animal: Towards an Anthropology of Urban Spaces], Barcelona, Anagrama, 221 p. (In Spanish)

Falú A., Morey P., Rainiero L. (2002) *Uso del tiempo y del espacio: asimetrías de género y de clase* [The Use of Time and Space: Gender and Class Asymmetries], in A. Falú, L. Rainiero, P. Morey (eds.), *Ciudad y vida cotidiana. Asimetrías en el uso del tiempo y del espacio* [The City and Everyday Life. Asymmetries in the Use of Time and Space], Córdoba, Red Mujer y Hábitat, pp. 16–52. (In Spanish)

Falú A., Segovia O. (eds.) (2007) *Ciudades para convivir sin violencia contra las mujeres* [Cities for Living Together Without Violence Against Women], Santiago de Chile, Ediciones Sur, 220 p. (In Spanish)

Fernández Castro J. (2011) *Las formas de lo informal. Elementos de lectura, proyecto y gestión inclusiva desde la investigación proyectual* [The forms of the informal. Elements of positioning, designing and inclusive management from design research], *IX Jornadas de Sociología*, Buenos Aires, Facultad de Ciencias Sociales, Universidad de Buenos Aires, 22 p. (In Spanish)

Fourier C. (1971) *Design for Utopia: Selected Writings of Charles Fourier*, Studies in the Libertarian and Utopian Tradition, New York, Schocken, 208 p.

Grabino V., Furtado V. (2018) *Alertas feministas: lenguajes y estéticas de un feminismo desde el sur* [Feminist alerts: languages and aesthetics of feminism from the South], *Revista Observatorio latinoamericano y caribeño*, Instituto de Estudios de América Latina y el Caribe (IEALC), no. 2–1, pp. 18–38. (In Spanish)

Gropius W. (1962) *Scope of Total Architecture*, New York, Collier Books, 158 p.

Heidegger M. (1994) *Construir, habitar, pensar* [Building, Dwelling, Thinking], in *Conferencias y artículos*, Barcelona, Serbal, 212 p. (In Spanish)

Jacobs J. (1961) *The Death and Life of Great American Cities*, New York, Random House, 458 p.

Latour B. (2012) *Enquete sur les modes d'existence. Une anthropologie des Modernes* [An inquiry into modes of existence: an anthropology of the moderns], Paris, La Découverte, 504 p. (In French)

Lefebvre H. (2001) *Du rural à l'urbain* [From Rural to Urban], Paris, Anthropos, 299 p. (In French)

Olivera M. (2006) *Violencia Femicida: Violence Against Women and Mexico's Structural Crisis*, *Latin American Perspectives*, Vol. 33(2), pp. 104–114.

Roitman A. Spinelli S., Poza C. (2020) Políticas públicas y urbanismo feminista. Alcances de la Implementación de la Perspectiva de Género en el Planeamiento, la Gestión y el proyecto urbano [Public Policies and Feminist Urbanism. The Scope of the Implementation of the Gender Perspective in Planning, Management and Urban Design], *Jornadas Anuales SI+*, *Herramientas y procedimientos* [Annual Conferences SI+. Instruments and Procedures], Buenos Aires, la Universidad de Buenos Aires, pp. 35–60. (In Spanish)

Ruskin J. (1868) *The Political Economy of Art*. London, Smith, Elder & Company, 248 p.

Simone L.D. (2018) Mujeres y Ciudades. Urbanismo género-consciente, espacio público y aportes para la ciudad inclusiva desde un enfoque de derecho [Women and Cities, Gender-Conscious Urbanism, Public Space and Contributions to the Inclusive City from a Rights-Based Approach], in Arce Riffo J. (ed.) *El Estado y las mujeres: el complejo camino hacia una necesaria transformación de las instituciones*, Ril Editores, pp. 229–250. (In Spanish)

Tabbush C., Caminotti M. (2015) Igualdad de género y movimientos sociales en la Argentina posneoliberal: la Organización Barrial Tupac Amaru [Gender Equality and Social Movements in Post-Neoliberal Argentina: the Tupac Amaru Neighbourhood Association], *Perfiles latinoamericanos*, Vol. 46, pp. 147–171. (In Spanish)

Роман как город, город как роман

© Витаглиано М., 2024

Мигель Витаглиано, профессор кафедры литературоведения III, факультет философии и литературы, Университет Буэнос-Айреса (UBA), научный сотрудник Института аргентинской литературы «Рикардо Рохас», член Совета магистратуры по специальности «литературоведение», ФФил, УБА. 1426, Аргентина, Буэнос-Айрес, улица Матьенсо 1724, 5 В.
E-mail: miguel.vitagliano@gmail.com

Аннотация. Классическое литературоведение определяет роман как жанр, обладающий определенными композиционными принципами, наследующий эпосу и достигший расцвета в XIX в. Вместе с тем существует и другой подход к анализу романа, получивший развитие в работах М.М. Бахтина, в частности, в его монографии «Эпос и роман», где роман рассматривается как «единственный становящийся и еще неготовый жанр». Подобное видение романа разделяет и Мигель Витаглиано (1961, Флореста, Буэнос-Айрес) — писатель, литературный критик и профессор кафедры литературоведения III в Университете Буэнос-Айреса (UBA). В данном интервью автор проводит параллель между романом и городом, в пространстве которого происходит столкновение обычаев, дискурсов и исторических нарративов. Гетерогенность — отличительная черта как города, так и романа. Крупный аргентинский писатель-романист, который, к слову, пишет все свои произведения от руки, позволяет нам заглянуть в свою творческую лабораторию, где происходит кропотливая работа с современной речью Буэнос-Айреса, а также с языком аргентинской столицы XIX в. и Лондона начала XX в. в его «переводе» на испанский. В интервью включены цитаты из романов автора «Погребенные» («Enterrados», 2018, получил приз Эдуардо Мальеа, переведен на итальянский язык) и «Путешествие к вещам» («Viaje a las cosas», 2023) об аргентинском натуралисте и писателе английского происхождения Уильяме Хадсоне. Оба произведения войдут в трилогию, посвященную власти романа над Историей и возможностям романа как литературной формы.

Ключевые слова: город, роман, исторический роман, дискурс, нарратив, Буэнос-Айрес, современная аргентинская литература, аргентинская культура, аргентинский вариант испанского языка

Для цитирования: Витаглиано М. (2024) Роман как город, город как роман. *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 174–188. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-174-188

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

¹ Беседу с известным аргентинским писателем Мигелем Витаглиано провела и перевела на русский язык Юлия Ларикина. — *Прим. ред.*

La ciudad en sí misma es una novela

© Vitagliano M., 2024

Miguel Vitagliano, Profesor de Teoría Literaria III, Facultad de Filosofía y Letras, Universidad de Buenos Aires (UBA), investigador en el Instituto de Literatura Argentina «Ricardo Rojas», miembro del Consejo Directivo de la Maestría en Estudios Literarios, FFyL, UBA.
1426, Argentina, CABA, Matienzo 1724, 5 B
E-mail: miguel.vitagliano@gmail.com

Resumen. La teoría literaria clásica define la novela como un género con determinadas pautas, que históricamente deriva de la epopeya y llega a su apogeo en el siglo XIX. Sin embargo, existe otro enfoque hacia la novela, desarrollado por Mijail Bajtín en su monografía «Épica y novela», que consiste en pensarla como una fuerza narrativa en constante proceso de formación. Esa última visión de la novela es compartida por Miguel Vitagliano (1961, Floresta, Buenos Aires), escritor, crítico y profesor titular de la cátedra de Teoría Literaria III de la Universidad de Buenos Aires. En la presente entrevista el autor establece un paralelo entre la novela y la ciudad, caracterizada por una diversidad de hábitos, discursos, memorias y experiencias. A semejanza de la ciudad, la novela puede ser interpretada como un espacio dónde se da una yuxtaposición de historias heterogéneas. El destacado novelista argentino que, dicho sea de paso, escribe toda su obra a mano, nos permite echar un vistazo a su proceso creativo y su minucioso trabajo con el habla porteña, así como con el lenguaje de un Buenos Aires del siglo XIX y el de Londres a principios del siglo XX «traducido» al castellano. La entrevista incluye unos fragmentos de sus novelas, incluyendo «Enterrados» (2018), ganadora del Premio Eduardo Mallea y traducida al italiano, y «Viaje a las cosas» (2023) sobre el naturalista y escritor argentino de origen inglés William Hudson, que, junto con la última que está por finalizar, conforman una trilogía que habla sobre el poder de la novela sobre la Historia y las posibilidades que ofrece la novela como forma.

Palabras clave: ciudad, novela, novela histórica, discurso, narración, Buenos Aires, literatura argentina contemporánea, cultura argentina, español rioplatense

Para citar: Vitagliano M. (2024) La ciudad en sí misma es una novela, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 174–188. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-174-188

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Novel and the City

© Vitagliano M., 2024

Miguel Vitagliano, Professor of Literary Theory III, Faculty of Philosophy and Letters, University of Buenos Aires (UBA), researcher at the Institute of Argentine Literature «Ricardo Rojas», member of the Board of Directors of the Master in Literary Studies, FFyL, UBA.
1426, Argentina, CABA, Matienzo 1724, 5 B
E-mail: miguel.vitagliano@gmail.com

Abstract. Classical literary theory defines the novel as a genre with certain principles of composition, which was historically derived from the epic and peaked in the 19th century. However, Mikhail Bakhtin explored another approach to the novel in his monograph «Epic and Novel» which analyzes the novel as a narrative force in constant development. Miguel Vitagliano (1961, Floresta, Buenos Aires), writer, critic, and professor of the department of Literary Studies III at the University of Buenos Aires (UBA) also shares such a view of the novel. In this interview the author draws a parallel between the novel and the city, which is an amalgam of customs, discourses, memories and experiences. Both the city and the novel are inherently heterogenous. The prominent Argentinian novelist, who, by the way, writes all his works by hand, allows us to take a look at his creative process and his meticulous work with contemporary Buenos Aires speech, the capital's dialect in the 19th century and that of London in the early 20th century «translated» into Spanish. The interview includes some fragments of his novels, including «Buried» (2018), winner of Eduardo Mallea Prize and translated into Italian, and «Journey to Things» (2023) about William Hudson, Argentinian naturalist and writer of English descent. Both works will form part of a trilogy about the power of the novel over History and the possibilities that the novel offers as a literary genre.

Keywords: city, novel, historical novel, discourse, narrative, Buenos Aires, contemporary Argentine literature, Argentine culture, Argentine Spanish

For citation: Vitagliano M. (2024) Novel and the City, *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 174–188. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-174-188

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

— Вы однажды упомянули, что в вас органично сочетаются две личности, писателя и литературоведа. Как они связаны между собой?

— Я преподаватель и литературный критик, а также пишу книги. Я не провожу границы между этими видами деятельности, хотя признаю, что она существует. Но ведь границы, как известно, можно рассматривать как разделительную черту, а можно — как линию, по которой проходит контакт между двумя разными территориями. И я склоняюсь к последнему определению. В моем случае писательство берет начало в чтении, ведь книги в значительной степени формируют наше восприятие мира.

— В своей биографии вы обычно указываете, что родились в районе Флореста в Буэнос-Айресе. Что значит для аргентинского писателя его «малая родина»?

— Изначально это была шутка. В юности, когда я на обложках книг читал о зарубежных писателях, всегда видел упоминания мест, которых не знал, так что в ответ я решил упомянуть свой район.

— Но с тех пор прижилось?

— Да, прижилось, как частица меня, связанная с детством, когда я с мальчишками гонял мяч или рвал с соседских деревьев инжир и сливы, и с юностью. Но и как некий жест. В моих романах довольно много персонажей, которые живут или когда-то жили во Флоресте, либо там разворачиваются отдельные сюжетные линии.

— То есть это своего рода талисман?

— Возможно. Это как упомянуть деталь, что-то незначительное, что едва касается чего-то объективно важного, как, например, город или страна. Мне интересно делать так, чтобы слово подсветило то, что прошло незамеченным.

— В раннем возрасте вы писали стихи? В какой момент изменилось ваше восприятие себя?

— Я пытался писать стихи, но у меня не очень получалось, так что я нашел прибежище в прозе. Тем не менее я вынес из этого раннего опыта интерес к звучанию слова, синтаксису разговорной речи, ритму и колебанию интонации, тональности повествования. Не думаю, что в моем первом наброске, который я написал в тринадцать лет, присутствовал этот поиск, но в романе, который я написал в двадцать, уже да. Когда я закончил его, меня переполняли эмоции, а главное, я ощутил уверенность, что это будет первый роман в длинной череде других.

— Вы его опубликовали?

— Нет, к сожалению, я потерял рукопись, причем недавно. По ошибке бросил ее в корзину с мусором во время переезда. В какой-то момент его чуть было не напечатали. Это был роман в виде словаря, от А до Z. Текст состоял из определений довольно распространенных слов, и сюжет оттал-

кивался от различных значений этих слов. В центре была любовная история, безумно красивая, как мне казалось, в ней было много юмора и всяких обаятельных глупостей.

«Мать разрешала ему выходить одному из дому при условии, что он не будет забредать слишком уж далеко. Хадсон слушался ее, держался на расстоянии от попрошайек и отвечал им с учтивостью. Это были солдаты, разоренные в войнах, которые вела страна, либо те, кто выдавал себя за солдат. Они враждебны, — предупреждала Каролин, — если на них косо помотришь, когда они просят еду или милостыню. Хадсон направлялся к берегу реки, где негритянки с голыми коленками стирали и отбеливали на солнце белье. Заприметив, что он шпионит за ними, они хохотали и показывали на него пальцем, а он бросался наутек. Быстро-быстро, будто птицы, что летят над рекой, едва касаясь воды.

Буэнос-Айрес казался ему огромным, каким он тогда еще не был».

«Путешествие к вещам»²

— *Как я понимаю, существует историческая взаимосвязь между романом как литературным жанром и феноменом города. В чем она состоит?*

— Помимо исторических предпосылок возникновения жанра романа в Европе, связанного с зарождением буржуазного класса и развитием городов, я считаю, что существуют другие, не менее глубокие взаимосвязи между романом и городом. В пространстве города происходит соприкосновение нарративов, обычаев, дискурсов. Просто прогуливаясь по городу, мы открыты разнообразным социальным, речевым, культурным проявлениям, и за каждым углом может случиться что-нибудь неожиданное. Та же неоднородность, гетерогенность свойственна и роману. Роман всегда подразумевает встречу с другим либо невозможность этой встречи; в нем всегда происходит столкновение различных идей и картин мира. Более того, эта тяга к разнообразию и в природе читателя, так как он постоянно нацелен на поиски нового в привычном, хочет прочесть какую-то новую историю, которую несет в себе город. Думаю, роман — это сам по себе город, город, явленный в слове. Поэтому меня интересуют взаимосвязи города и романа, который, в свою очередь, я рассматриваю не как жанр, а скорее как форму. И поэтому основополагающим для меня является подход Михаила Бахтина, который рассматривал роман не столько как жанр со своими законами, сколько как силу, пронизывающую, вмещающую в себя и преобразующую внутри себя различные жанры³. Силу повествования, создания нарративов.

² Vitagliano M. Viaje a las cosas. Buenos Aires. Edhasa. 2023. P. 15. Переводы литературных фрагментов выполнены Юлией Лариковой. — *Прим. авт.*

³ Бахтин М.М. Эпос и роман. Санкт-Петербург. Азбука. 2000. С. 194.

Исходя из этого определения, Бахтин имел право утверждать, что первым героем романа был Сократ в «Диалогах» Платона. Почему первым героем? Потому что он был тем, кто впервые подверг сомнению положение вещей своим утверждением: «Я знаю только то, что ничего не знаю». Точно так же и в романе сталкиваются и вступают в противоборство расхожие истины. Добавлю: роман так же, как и город, открыт всему новому.

— *Таким образом, отталкиваясь от вашего определения романа как города, вы можете сказать, что ваши романы — это города?*

— К счастью, я никогда не сажусь за работу с мыслью о том, чтобы «написать город». Хотя читатели вполне могут сделать такой вывод. Вероятно, есть и такие, которые различают разнородные элементы в моих романах, это характерное для моих книг пересечение книжной и повседневной культуры. Иными словами, смешение чего-то такого, чего ты ждешь от «книги», и того, что вроде бы недостойно попасть в произведение, поскольку не имеет культурной ценности. Как бы впоследствии ни был прочитан роман, который я пишу, мне важно знать, что в нем возможно все. Так же, как и в городе.

— *А кто жители вашего города? У них есть что-то общее?*

— Обычные люди, и, как у всех нас, в них есть то, что их делает уникальными. Лидия, главная героиня «Трактата о руках» («Tratado sobre las manos», 2013), — вдова, которая пытается воссоздать жизнь своего супруга по его заметкам на полях книг; а в его библиотеке их более 14 тысяч. Или герой романа «Другой я» («El otro de mí», 2010), потерявший свою жену в результате теракта 1994 г. в Буэнос-Айресе, когда был взорван Еврейский культурный центр АМИА⁴; ее, кстати, даже не было в том здании, она находилась в соседнем доме в квартире любовника. И главный герой пытается понять, в чем состояла его ошибка, и это разрушает его во всех смыслах.

«Взрыв, разрушивший семиэтажное здание, не лишил ее жизни, ее не было там, не погибла она и под завалами, как десятки людей; взрывная волна настигла ее и унесла ее жизнь.

Он почувствовал, что останется тем, кем он стал этим утром, до конца своих дней.

А еще почувствовал себя тем мальчиком, которым был когда-то, и в то же время уже кем-то другим.

Он стоял на улице, когда случился взрыв. Он принялся бесцельно ходить кругами, чувствуя, что ее больше нет. И с каждым шагом это убеждение крепло. Но дело было в некоем секрете, который он отчасти скрывал от самого себя...»

«Другой я»⁵

⁴ Asociación Mutual Israelita Argentina — ассоциация аргентинских евреев. — Прим. ред.

⁵ Vitagliano M. El otro de mí. Buenos Aires. Eterna Cadencia Editora. 2010. P. 21–22.

— Читая вас, я часто ловлю себя на том, что вот это очень типично для Буэнос-Айреса, будь то речь персонажей или особенности их поведения. Но вы, наверное, изнутри этой культуры не отдаете себе в этом отчета...

— Дело в том, что это так же неуловимо, как запах собственного дома. Мы легко различаем запах в доме своего друга или родственников, потому что у каждого дома есть свой особенный запах. Но мы не можем почувствовать запах нашего собственного жилища. А если мы все-таки его почувствуем, это будет означать лишь одно: что мы здесь уже чужие и нам пора уходить, так ведь? Если бы я узнал запах дома в своих романах, это указало бы на то, что я пишу, так сказать, в жанре «аргентинской литературы», и мне, как аргентинскому автору, было бы от этого очень печально. С другой стороны, мне, конечно, приятно, когда читатель или читательница видят в моих романах отличительные черты Аргентины или Буэнос-Айреса.

«Спустя какое-то время он снова вернулся в здание, поговорить с консьержем.

Когда тот узнал, что взорвалась бомба, то больше всего испугался огня. Что если от взрыва разлетелись осколки, охваченные пламенем, и попали в окна? Ни одного целого окна. У него были ключи от этой квартиры. Прежде чем войти, он приложил ухо к двери, так как услышал шум воды.

Женщина была раздета.

Под струями душа, как брошенная мочалка. Бедняжка. Довольно-таки молодая.

И ни одной раны. Нетронута».

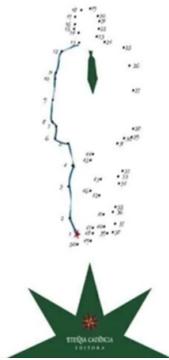
«Другой я»⁶

— В одном из своих интервью вы говорите о том, что ваша литература не о Буэнос-Айресе, что это, скорее, «литература городских окраин». Как отражается история страны в повседневной жизни ваших персонажей?

— Обычно История задевает моих персонажей по касательной. Они живут своей жизнью, и вдруг в их повседневность вмешивается какая-то сила и поглощает их. Это соответствует моему пониманию литературы. Она всегда продвигается с флангов, не из центра исторического события. Как романисту, мне ближе всего взгляд, скользящий по краю, обволакивающий событие. Задолго до того, как приступить к роману «Погребенные» («Enterrados»), я довольно много исследовал материалы войны Тройственного альянса

⁶ Vitagliano M. El otro de mí... P. 120–121.

Аргентины, Бразилии и Уругвая против Парагвая 1864–1870 годов⁷. Тем не менее в какой-то момент я оставил этот проект. Когда пытаешься действовать в лоб, реальность ослепляет тебя и лишает воображения. И вот, годы спустя, когда я начал писать этот роман, я сфокусировался не на войне, а на фигуре Бартоломе Митре (Bartolomé Mitre, 1821–1906) президента Аргентины (1862–1868), и его переводе «Божественной комедии» («Divina Commedia»). И как тут не вспомнить легенду о том, что Митре переводил Данте (Dante Alighieri, 1265–1321) на полях сражений с Парагваем? Вот только Митре не переводил «Божественную комедию» в военных условиях, ведь он находился в сущем аду, который сам и устроил. И очень скоро это историческое событие вышло из-под контроля. Как выходит из-под контроля любое, на самом-то деле, историческое событие.

«Другой я» (2010)

«Погребенные» (2018)

«Путешествие к вещам» (2023)

— В ваших произведениях красной нитью проходит ощущение города как «катастрофы». Есть ли противоречие в том, что обитатели современного города, такого бастиона цивилизации, оказываются беззащитными перед лицом беды?

— Есть довольно распространенный взгляд на язык сугубо как на инструмент коммуникации, то есть, пока мы поддерживаем коммуникацию, взаимопонимание нам обеспечено, и в итоге мы сможем прийти к соглашению. Замечу, однако, что язык служит отнюдь не только коммуникации.

⁷ Парагвайская война (порт. *Guerra do Paraguai*, исп. *Guerra de la Triple Alianza*) — война Парагвая против союза Бразилии, Аргентины и Уругвая. В результате войны Парагвай потерпел полное поражение, понес колоссальные потери, прежде всего человеческие. После победы войск Тройственного альянса над регулярной парагвайской армией конфликт перешёл в стадию партизанской войны, что привело к огромным жертвам среди мирных жителей. Территориальные потери (почти половина земель страны), гибель большей части населения и уничтожение промышленности превратили Парагвай в одну из самых отсталых стран Латинской Америки. — Прим. ред.

Он позволяет унижать, подавлять, замалчивать, соблазнять и обманывать... Почему я привожу в пример язык? Потому что о городе мы можем сказать почти то же самое. Город также сообщает нам что-то, город скрывает и контролирует информацию. И есть немало эпизодов из истории Аргентины в подтверждение этому. Приведем всего три.

В первом примере речь пойдет о губернаторе провинции Буэнос-Айрес и предводителе Аргентинской конфедерации Хуане Мануэле Росасе (Juan Manuel de Rosas, 1793–1877), одном из крупнейших и самых противоречивых национальных лидеров XIX века⁸. После многолетнего правления он в 1852 г. терпит поражение в битве при Касеросе⁹, сражаясь с армией будущего президента Аргентинской конфедерации Уркисы (Justo José de Urquiza, 1854–1860), в рядах которой также состояли будущие президенты Митре и Сармьенто¹⁰ (Domingo Faustino Sarmiento, 1811–1888). Победители входят в дом Росаса. А дом этот вместе с огромной прилегающей территорией находился там, где сейчас располагаются Сады Палермо с их искусственными озерами, лесами и бульварами, очень близко от места нашей встречи. И вот, когда Сармьенто входит в дом, он тут же садится за стол Росаса и его пером на его гербовой бумаге пишет письма друзьям. И он чувствует, что эти чернила на этой бумаге — это и сраженное тело противника, и его акт о капитуляции. А позднее, во время своего президентства, он создает Сады Палермо на месте усадьбы Росаса. Сад символизирует власть над природой, и он, Сармьенто, тем самым демонстрирует, что он укротил «варварство» Росаса. А город как раз и был для Сармьенто выдающимся достижением «цивилизации».

Сады Палермо

⁸ Хуане Мануэле Росас — аргентинский военный и политический деятель, генерал-капитан Буэнос-Айреса с 8 декабря 1829 по 17 декабря 1832 года и с 13 апреля 1835 по 3 февраля 1852 года, фактический диктатор-каудильо Аргентинской конфедерации до своего свержения и бегства в 1852 году. — *Прим. ред.*

⁹ Битва при Касеросе (исп. *Batalla de Caseros*) произошла 3 февраля 1852 г. недалеко от города Касерос провинции Буэнос-Айрес. В ней сошлись войска Буэнос-Айреса под командованием Хуана Мануэля де Росаса и «Великая армия» (*Ejército Grande*) во главе с Хусто Хосе де Уркисой при поддержке бразильских и уругвайских контингентов. «Великая армия» Уркисы нанесла решительное поражение войскам Росаса, который после этого бежал в Великобританию. Это сражение стало завершающим этапом лаплатской войны (1851–1852) и крупным событием в истории Аргентины, приведя к свержению многолетней диктатуры Росаса. — *Прим. ред.*

¹⁰ Доминго Фаустино Сармьенто — видный аргентинский государственный деятель, писатель, просветитель, президент в 1868–1874 гг. — *Прим. ред.*

Здания Национальной библиотеки Марьяно Морено и Дворца Унзуэ, президентской резиденции Хуана Доминго Перона

Второй эпизод связан с Национальной библиотекой, которую в 1810 г. основал аргентинский политик Мариано Морено (Mariano Moreno, 1778–1811). На протяжении большей части XX в. Национальная библиотека занимала здание в районе Сан-Тельмо, до тех пор, пока не построили ее нынешнее здание. А на месте, где она сейчас находится, между проспектами Либертадор (Av. Libertador) и Лас Эрас (Av. General Las Heras) и улицами Агуэро и Аустрия (calles Agüero y Austria), раньше стояла резиденция генерала Перона. В 1955 г., когда в результате военного переворота Перона отстраняют от власти, новые власти принимают решение снести дом «тирана», тем самым искоренив «варварство», и возвести на его территории новое здание Национальной библиотеки. В их представлении книги были призваны сокрушить, придавить своей тяжестью «варварство». Как видно из этого примера, город рассказывает свою историю и историю противостояния различных дискурсов, в нем воплощенных. Город говорит, кричит и шепчет, не молчит; но ему все равно зажмут рот, так ведь?

Акция «El siluetazo», прошедшая в Буэнос-Айресе 21 и 22 сентября 1983 г.

Третий эпизод пришелся на конец военной диктатуры 1976–1983 гг., когда тысячи людей пропали без вести, многие из них были заживо сброшены с самолетов в Ла-Плату, по всей стране действовала сеть концентрационных лагерей, где люди подвергались пыткам, в том числе беремен-

ные женщины, чьих новорожденных детей незаконно усыновляли, и много еще было горя. 21 и 22 сентября 1983 г., за месяц до проведения всеобщих свободных выборов, положивших конец диктатуре, группа студентов организовала на Майской площади акцию под названием «El siluetazo», от слова «силуэт». Пользуясь поддержкой различных правовых организаций, молодые люди пригласили всех желающих поучаствовать в качестве моделей для рисованных на ватмане силуэтов в человеческий рост, за которыми закреплялись имена пропавших без вести людей. Готовые изображения расклеивали на стенах города. В одночасье улицы прониклись присутствием тех, кого уже не было в живых. За каждым из этих силуэтов была чья-то трагическая судьба. Город запечатлевает человеческие истории, объединяет в себе коллективные воспоминания, сопротивляется до последнего.

— Читая роман «Погребенные», всякий раз поражаешься тому, как вы переносите читателя в разные города мира — Асунсьон, Буэнос-Айрес, Женеву, Париж, Карфаген, — с которыми связаны сотни исторических персонажей. Особенно сильное впечатление на меня произвел отрывок, где упоминается парижский салон мадам Дюмон, который находился через две улицы от того места, где столетие спустя последний раз пел Карлос Гардель¹¹. Каков был процесс подготовки к написанию романа? Вы составляли карты?

— В некоторых случаях составлял карты, рисунки и схемы, которые потом, признаюсь, мне часто было трудно расшифровать. И, конечно, клеил изображения, взятые из Интернета, прежде всего тех мест, куда я не мог попасть. Лишь в редких случаях у меня была возможность путешествовать. Лет пятнадцать назад я был в Парагвае, искал материалы и осматривал некоторые места, собирал детали для будущего романа. Что же касается дома мадам Дюмон, я узнал об этом случайно: он стоял в двух кварталах от отеля, где я остановился, когда был приглашен на Парижскую книжную ярмарку, так что я отправился посмотреть на него. Я был заинтригован этим фактом, и одновременно мне захотелось — и я всегда стремлюсь это делать — разорвать изотопию дискурса. Таким образом внутри этой дискурсивной нити неожиданно возникает упоминание Гарделя. Эти разрывы языковых традиций можно наблюдать и в городе, причем все чаще. Характер города со временем становится все экспрессивнее. К счастью, не существует чистых, без примесей, языков; то же верно и для городов.

¹¹ Карлос Гардель (Carlos Gardel, 1890–1935) — аргентинский певец, композитор и актер. Один из самых значимых представителей жанра в истории танго, благодаря красоте своего голоса и творческой энергии популяризовавший танго в Европе. — Прим. ред.

«Сармьенто закупил ружья, но не винчестер, а ремингтон, те, которые состояли на вооружении Северной Америки. Это оружие решило исход Завоевания Пустыни под предводительством Роки, военного министра Авельянеды. За модернизацию и прогресс своей кровью заплатили коренные народы. Шесть выстрелов в минуту — скорость дульнозарядных винтовок, из которых палили на войне против Парагвая.

Борхес говорил, что его дед, полковник Борхес, бросился навстречу своей смерти. Что заговорщики были многочисленнее, но лоялисты имели в распоряжении ружья “Ремингтон”. Он говорил: у одних были копья, у других — современное вооружение. <...>

Говорил, что вспоминает деда каждое утро, держа в руках бритву “Ремингтон”. <...>

Печатные и швейные машинки “Ремингтон”. В этой технологической преемственности была своя логика. Станки, на которых делали винтовки, открыли путь к производству мелких деталей. Овладение малым стало ключом к современности, которая уже виднелась на горизонте».

«Погребенные»¹²

— *Обращусь к теме языка: мне показался любопытным тот факт, что в «Путешествии к вещам» вы пересказываете тексты Хадсона (William Henry Hudson, 1841–1922) и других английских писателей на испанском, будто бы возвращаете эти тексты к их креольским истокам. В этом вы видели свою задачу?*

— Часть событий романа «Путешествие к вещам» происходит в Аргентине середины XIX в., но основной сюжет развивается в Лондоне конца XIX и начала XX в. Весь аргентинский сюжет я писал, ориентируясь на отголоски литературы гаучо, с акцентом на особенностях устной речи. Что же касается Лондона, я, напротив, искал опоры в художественном мире и синтаксисе Диккенса. Определенным вызовом стало решение, что персонажи будут говорить на «переведенном» языке, причем так, чтобы это не бросалось в глаза. На каком варианте испанского следовало писать диалоги, звучащие на английском? Я решил сохранить риоплатскую форму «vos»¹³ в тех случаях, когда персонажи говорят между собой на испанском, а во всех остальных случаях использовать глагольные формы на «tú». И это не должно было звучать подчеркнуто. Для меня это стало своего рода опытом культурного

¹² Vitagliano M. Enterrados. Buenos Aires. Edhasa. 2018. P. 208–209.

¹³ В «аргентинском» испанском в районе реки Ла-Плата вместо местоимения tú (ты) употребляется vos, т.н. *español rioplatense*. — Прим. ред.

отстранения.

«Техника рисунка была столь деликатной, что в пятнах на хребте, по краям, проглядывал ворс двух тонов. Казалось, штрихи сотканы из конского волоса. Гнедой жеребец гордо выступал во весь рост на фоне площади Буэнос-Айреса. Единственное живое существо в окружении зданий; ни людей, ни экипажей, за счет особенностей перспективы возникала иллюзия, что улицы стекаются к коню, чтобы приветствовать его. Целый город для одного жеребца. У любого возникло бы такое впечатление, и у Гангары тоже, только его это не устраивало.

Кабинет М. Витаглиано во время подготовки к написанию романа «Путешествие к вещам»¹⁴

Моя лошадь всегда гуляла в пампасах, в город она не ходила ни разу, — сказал он и снова обратился к деталям рисунка. При этом он никак не комментировал ни идеальное изображение улиц рядом с Кабильдо¹⁵, ни линию набережной Ла-Платы на заднем плане, он говорил лишь о своем коне».

«Путешествие к вещам»¹⁶

— В «Путешествии к вещам» есть один загадочный момент. Коневод показывает молодому Хадсону серию рисунков своей лошади посреди пустынной площади Буэнос-Айреса, подарок одного английского инженера. Вы бы могли прокомментировать этот образ?

— Дело в том, что в романе есть персонаж-англичанин, который хочет купить конкретную лошадь, не любую, а именно эту. И чтобы заинтересовать этого сельского жителя, он делает несколько рисунков коня посреди города.

— А почему? Ведь это не естественная среда лошади.

— Конечно, нет, но ведь англичанин собрался забрать лошадь с собой. И, кроме того, был уверен, что соблазнит этого сельского жителя изображением Буэнос-Айреса. Но он просчитался. Прошло время, и хозяину захо-

¹⁴ Фото из личного архива писателя. — Прим. ред.

¹⁵ Кабильдо (исп. *Cabildo*) — название городского совета в колониальную эпоху, в настоящее время название мэрии.

¹⁶ Vitagliano M. Viaje a las cosas... P. 41.

телось сохранить для себя воспоминание о своем любимом коне, который уже успел состариться; он захотел увидеть его таким, каким он был раньше. Поэтому он просит паренька Хадсона в надежде, что тот умеет рисовать, скопировать рисунок, который дал ему англичанин, убрав оттуда городской пейзаж. Так и с людьми: среда обитания оставляет отпечаток на нашем теле. Мы говорим по-разному в зависимости от того, холодно нам или жарко. Находясь в группе людей, мы говорим иначе, чем с глазу на глаз; в зависимости от обстоятельств у нас меняется положение тела и, конечно же, жестикуляция. В своих романах я стараюсь обращать внимание на эти аспекты. Наш опыт отражается в языке. А язык, в свою очередь, рождается в контакте с другим человеком. Когда мы рассказываем секрет, то понижаем голос, то есть это не вопрос интонации, речь об изменениях в синтаксисе. Я это наблюдаю на своем опыте общения на аргентинском испанском. Разговорная речь жителей Буэнос-Айреса жестче и суше, чем в других частях страны. А язык жителей провинции более образный, красочный. Точно так же венесуэльский и колумбийский испанский, который мы часто слышим на улицах города, кажется нам гораздо мягче, чем наш диалект. Повелительное наклонение, которое мы всю используем, режет слух носителям других вариантов испанского. И мне безумно нравится писать на языке портеньос¹⁷, играть его оттенками. Поэтому, когда я в случае с романом «Погребенные» поместил его персонажей в XIX в., они должны были звучать соответственно своему времени. И то же самое с персонажами «Путешествия к вещам».

— А как звучит Хадсон на английском? Что-то остается от языка гаучо?

— Во многих случаях, как, например, в его автобиографическом романе «Там, далеко, давно-давно» («Far Away and Long Ago — A History of My Early Life», 1918), Хадсон описывает мир своего детства в аргентинском селе, со всеми приметами сельской жизни, но делает это через восприятие мальчика из англоязычной семьи. В других произведениях, как, например, «Жизнь Пастуха» («Shepherd's Life: Impressions of the South Wiltshire Downs», 1910), где он рассказывает о старике, который всю жизнь пас овец в Англии, и о том, с кем он познакомился, будучи уже зрелым мужчиной, автор сосредоточен на специфике сельской жизни как уходящей природы, в которой тоже заметны отголоски аргентинской пампы. Все свои книги он написал на английском, хотя иногда воспроизводил по памяти выражения на испанском, невольно коверкая их. Это английский писатель, чье творчество уходит корнями в детство и юность, проведенные в Аргентине. С другой стороны, что такое аргентинская культура? И чем она отличается от других? Вполне допускаю, что русский человек может выделить определенный культурный код, позволяющий с точностью определить его русскость. Что же касается аргентинца,

¹⁷ Портеньос (исп. porteños) — жители Буэнос-Айреса. — Прим. ред.

тут все очень зыбко. Взять хотя бы нашу еду. Что значит приготовить асадо (asado)? В какой-то степени это так обыденно и распространено в других культурах: просто поджарить мясо на огне. И тем не менее существует искусство приготовления асадо, начиная с того, чтобы правильно подготовить огонь, выверить дистанцию между мясом и пламенем, затем следует ожидание, пока пламя не уступит место жару углей, причем важен определенный накал, и вновь ожидание и ритуалы, сопровождающие каждое действие. Таким образом, то, что на первый взгляд кажется элементарным, требует навыка, почти невидимого глазу, навыка, о котором можно судить только по результату. И так же, как секреты приготовления блюд передаются из поколения в поколение, так и язык мы создаем вместе в процессе общения, каждый питая его своим пламенем. А с литературой разве не так?

Кастильский и другие: языковая ситуация в современной Испании

© Кожановский А.Н., 2024

Александр Николаевич Кожановский, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.
119334, Москва, Ленинский проспект, 32а
E-mail: ankozhan49@yandex.ru

Аннотация. Официальное доминирование испанского/кастильского языка во внутренней жизни Испании в эпоху Франко, в сочетании с бесправием других языков коренного населения страны, традиционно рассматривалось в отечественной испанистике как наиболее очевидный пример угнетения некастильскоязычных «малых народов». Соответственно, предоставление «региональным» языкам статуса «вторых официальных» в 1978 г. было расценено советскими учёными как наиболее правильное решение болезненной «языковой проблемы», призванное снизить порождаемую ею этнонациональную напряжённость и обесмыслить претензии региональных сепаратистов на отделение от страны.

Последующие четыре с лишним десятилетия развития в условиях представительной демократии показали, что тема положения и статуса языков Испании и взаимоотношений их носителей остаётся весьма злободневной и острой, при этом лингвистическая ситуация стала намного более сложной и многообразной. Обозначился — в том числе в сфере образования — целый ряд моделей «лингвистической политики», практикуемых властями «двухязычных» автономий, в том числе действия, трактуемые оппонентами как вытеснение испанского языка из процесса школьного обучения с целью «лингвистического переформатирования» местного населения и обособления от общеиспанского культурно-исторического целого. В целом же административно-юридические статусы и обстоятельства реального существования языков, бытующих в настоящее время в Испании и трактуемых там как «языки коренных народов», довольно сильно различаются, составляя своего рода иерархию по степени официального признания и подвергаясь постоянному воздействию факторов нелингвистического порядка.

Ключевые слова: современная Испания, иерархия языков, регионы с двумя официальными языками, языковые модели в образовании, языковые конфликты

Для цитирования: Кожановский А.Н. (2024) Кастильский и другие: языковая ситуация в современной Испании. *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 189–209. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-189-209

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

El castellano y otros: la situación lingüística en la España de hoy

© Kozhanovsky A.N., 2024

Alexander N. Kozhanovsky, Doctor en Historia, investigador principal del Instituto de Etnología y Antropología de la Academia de Ciencias de Rusia.
119334, Rusia, Moscú, Leninsky prospect, 32a
E-mail: ankozhan49@yandex.ru

Resumen. El español/castellano, que dominó oficialmente en España durante la época de Franco, así como la privación de derechos a otras lenguas regionales existentes en el marco nacional, se consideraba tradicionalmente por los hispanistas en la Unión Soviética en sus estudios de investigación como obvio ejemplo de que los «pueblos minoritarios» de habla no castellana, fueran oprimidos. Por lo tanto, el otorgar a las lenguas regionales el estatus de las «cooficiales» en 1978 fue interpretado por los investigadores soviéticos como una solución para evitar el espinoso «conflicto lingüístico», la solución que podría reducir las tensiones etnonacionales y disminuir motivos para presentar reivindicaciones independentistas.

Las últimas cuatro décadas de desarrollo democrático han demostrado que el estado y el estatus de las lenguas de España y las relaciones entre sus hablantes siguen siendo un problema candente, mientras que la situación lingüística se ha vuelto mucho más compleja y diversa. Aparecieron unos modelos de la «política lingüística», en primer lugar en el sistema de educación, promovidos por las autoridades de las comunidades autónomas oficialmente bilingües con el objetivo — según la interpretación de sus críticos — de expulsar totalmente el castellano de la enseñanza escolar a fin de «reprogramar lingüísticamente» a la población local y separarse del conjunto histórico y cultural nacional.

Los estatutos jurídico y administrativo de las lenguas cooficiales en la España de hoy y las circunstancias en que estas lenguas habitan son muy diferentes, constituyendo una especie de jerarquía según el grado de su reconocimiento oficial y social y dependiendo constantemente de factores de índole extralingüística.

Palabras clave: la España contemporánea, jerarquía de lenguas regionales, lenguas cooficiales, modelos lingüísticos en la educación, conflictos lingüísticos

Para citar: Kozhanovsky A.N. (2024) El castellano y otros: la situación lingüística en la España de hoy, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 189–209. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-189-209

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Castilian and Others: The Language Situation in Today's Spain

© Kozhanovsky A.N., 2024

Alexander N. Kozhanovsky, Doctor of History, Senior Researcher at the Institute of Ethnography and Anthropology of the Russian Academy of Sciences
119334, Russia, Moscow, Leninsky prospect, 32a
E-mail: ankozhan49@yandex.ru

Abstract. The Spanish/Castilian language was dominant in Spain during the Franco era, whereas the country's other regional languages were disenfranchised, which was commonly seen in the Soviet Spanish studies as the most obvious example of non-Castilian-speaking «minority peoples» being oppressed. Therefore, as regional languages were granted the status of «co-official languages» in 1978, Soviet researchers deemed it the most appropriate solution that would help to avoid the «language conflict», reduce ethnic tensions and make regional separatists' demands groundless.

The past four decades of democratic development have shown that the state and status of Spain's languages, as well as the relations of their speakers remain a pressing issue, with the language situation becoming much more complex and diverse. The authorities of bilingual autonomous communities have started to practice several «language policy» models, first and foremost in education. According to critics, local authorities promote these policies to eliminate Spanish from schooling in order to «linguistically reprogram» the local population and isolate it from the Spanish cultural and historical heritage.

In general, there is a substantial difference between the administrative and legal statuses of Spain's co-official languages and the country's current language situation, which creates a kind of hierarchy based on official and public recognition amid constant exposure to non-linguistic factors.

Keywords: contemporary Spain, the hierarchy of languages, regions with two official languages, linguistic models in education, language conflicts

For citation: Kozhanovsky A.N. (2024) Castilian and Others: The Language Situation in Today's Spain, *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 189–209. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-189-209

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Несколько десятилетий назад, в позднесоветское время, языковая — тогда её нередко называли национально-языковой и этноязыковой — проблематика населения Испании воспринималась изучавшими её отечественными историками и этнографами как весьма важная и даже первостепенная составляющая национальной проблематики в этой стране. Именно бедственное положение баскского, каталанского и галисийского языков обычно приводили в пример угнетения говоривших на них так называемых «малых народов» Испании, вынужденных подчиняться навязанному франкистским государством монопольному доминированию испанской/кастильской нации и её языка. Неудивительно, что принятие в 1978 г., в ходе демократического транзита, новой поставлиторитарной конституции, предоставившей упомянутым региональным языкам, до той поры не признававшимся и гонимым, статус «вторых официальных» (*lenguas cooficiales*), было оценено в нашей стране — например, одним из наших видных испанистов того времени Д.П. Прицкером — как «вполне удовлетворительное решение языковой проблемы», заодно лишившее сепаратистов «главного аргумента в пользу отделения от Испании» [Прицкер, 1980: 116–117]. Их (сепаратистов, прежде всего каталонских) «лингвистические соображения», по мысли отечественного исследователя, потеряли свою остроту ещё и потому, что с притоком мигрантов из других областей страны значительная часть населения Каталонии стала кастильскоязычной, а языковые запреты и «кастилизация» при Франко сделали большинство её жителей двуязычными [Прицкер, 1980: 116]. Этот факт, как предполагал наш автор, должен был естественным образом смягчить изначальную нетерпимость местных националистов, по крайней мере в языковом вопросе.

Дальнейший ход событий, уже в условиях представительной демократии, показал, что тема взаимоотношений, положения и статуса языков населения Испании, их роли в социально-культурной и политической жизни страны, а также влияния на языковую ситуацию со стороны заинтересованных политических сил не только не утратила своё значение, но остаётся весьма злободневной и острой. Вместе с тем эта проблематика стала намного более многообразной, а языковая ситуация изменилась коренным образом в сравнении с последним периодом франкизма и продолжает эволюционировать. Рассмотрим её несколько подробнее.

Список «испанских языков»

Список языков, трактуемых ныне в испанской науке, официальной сфере, административной практике, публицистике, общественном сознании и т.д. как «традиционные», как «языки, на которых исторически говорили в Королевстве Испания» и на каждом из которых ныне говорит какая-то часть её граждан, — несколько шире давно привычного нам перечня из испанского и трёх языков «малых народов» страны и насчитывает двенадцать составляющих.

В изложении одного из авторитетных исследователей языковой список включает в себя (сообразно с уменьшением количества тех, для кого эти языки являются родными, и с учётом разных наименований одних и тех же языков): кастильский, или испанский (castellano o español); каталанский, или валенсийский (catalán o valenciano); галисийский, или галисийско-астурийский, или а-фала (gallego o gallego-asturiano o A Fala); баскский или эускера (vascuence o euskera); астуролеонский, или астурийский, или леонский, или монтаньес, или эстремадурский (asturleonés o asturiano o leonés o montañés o extremeño); дарижа́, или марокканский арабский (dariya o árabe marroquí); тамазигхт, или берберский рифский (tamazight o bereber rifeño); арагонэс (aragonés); окситанский язык Арана, или аранский (occitano de Arán o aranés); португальский (portugués); калó (caló, язык цыган); хакетия (haquetía, язык сефардов) [Tasa Fuster, 2017: 54].

Административно-юридические статусы и конкретные ситуации бытования этих языков в стране в целом и в разных её регионах не только довольно сильно различаются, составляя своего рода иерархию по степени административно-общественного признания, но и ощутимо зависят в каждом случае от активности носителей и от того, какая именно политическая сила находится у власти в данном регионе и в стране в целом в рассматриваемый момент.

Следует отметить, что в местной литературе, претендующей на объективное рассмотрение лингвистической проблематики, принято говорить о «кастильском» (испанском) языке и «некастильских испанских языках» (т.е. «языках Испании, не являющихся кастильским»). При этом указывается, что в стране насчитывается лишь пять — из семнадцати — регионов, где местное население исходно говорит только по-испански (по-кастильски): Мадрид, Риоха, Кастилия-Ла-Манча, Андалусия, Канарские о-ва (канарский диалект испанского языка) [Tasa Fuster, 2018].

Языки и политика

Насколько можно судить, наибольший резонанс во внутренней жизни Испании стабильно вызывают те события в политико-языковой сфере, которые происходят на уровне автономных регионов, точнее, тех из них, которые в соответствии с правом, данным конституцией 1978 г., обладают, помимо общегосударственного испанского (кастильского), ещё и «вторым официальным» языком. Таких регионов (автономных сообществ) ныне в стране шесть: Галисия, Страна Басков, Наварра, Каталония, Валенсия, Балеарские о-ва. Вопреки надеждам архитекторов демократического транзита на благотворный и умиротворяющий эффект законодательного повышения статуса региональных языков для снятия внутривнутриполитической напряжённости, некоторые действия руководства этих регионов практически с самого начала и затем неоднократно на протяжении последующих теперь уже сорока с лишним лет давали и продолжают давать основание многим

в Испании говорить об умышленном вытеснении испанского языка и дискриминации испаноязычного населения этих автономных сообществ. И всякий раз в этой связи в фокусе общественного внимания оказывается реакция на такого рода действия со стороны разных политических сил страны и её правительств.

Дело в том, что специфической особенностью «большой политики» Испании в эпоху представительной демократии с какого-то момента и до сей поры стало примерное (хотя и постоянно колеблющееся в ту или другую сторону) равенство двух основных политических сил (в данном контексте их очень условно можно было бы обозначить как «левых» и «правых»). В этих условиях голоса депутатов парламента от мелких партий приобретают огромное значение, намного превышающее их «абсолютный» политический вес: ведь всего несколько голосов парламентариев могут сыграть роль своего рода маленькой гирьки на весах, которая обеспечит перевес одной из двух больших чаш сопоставимой тяжести, т.е. даст возможность одной из двух основных политических сил сформировать своё правительство. В роли такой «гирьки», в какой-то момент способной решающим образом повлиять на политический курс страны, парадоксальным образом время от времени выступают несколько регулярно добивающихся депутатских мест в общеиспанском парламенте региональных партий (прежде всего — от Каталонии и Страны Басков), доктринально настроенных на как можно большее обособление своих территорий, а в некоторых случаях — даже на их отделение от Испании. Но за свою поддержку региональные националисты неизбежно требуют важных для себя уступок. В испанском контексте к такого рода соглашениям с этими силами в большей степени склонны, по причине своей идеологической природы, «левые» — ИСПП, «Подемос», SUMAR, «Объединённые левые» и др. Что же касается требуемой националистами «политической платы» за свою поддержку, то она непременно содержит — непосредственно или потенциально — «лингвистическую составляющую».

Образовательная сфера как средство повышения статуса вторых официальных языков

Одним из основных полей деятельности руководства ряда автономных сообществ страны со вторым официальным языком по «возрождению» и повышению статуса этих языков уже давно стала сфера местного образования, согласно законодательству в значительной степени находящаяся в ведении регионов. В качестве своего рода флага здесь выступает Каталония, администрация которой с 1980-х гг. взяла курс на осуществление в местных бюджетных школах¹ преподавания всех предметов на каталан-

¹ Помимо местных бюджетных школ, в регионе имеется большое количество частных и так называемых «договорных» (escuela concertada) учебных заведений, обладающих значительной самостоятельностью в составлении своих программ и в выборе языка обучения. — *Прим. ред.*

ском языке. Программы построены так, чтобы на долю кастильского в итоге оставалось только его изучение как предмета: испанский язык и литература (обычно — два часа в неделю, меньше, чем долгое время отводилось на изучение иностранного языка). При этом вся внеклассная работа и внутришкольная жизнь (включая общение с учителями и товарищами, в столовой, в школьном дворе и т.д.) также постепенно должна стать каталаноязычной, а не испаноязычной, какой она по преимуществу была до того на протяжении жизни многих поколений учеников.

Все эти годы региональные власти решительно и целеустремлённо «погружали» подведомственных им школьников в каталанский язык, независимо от того, был ли он исходно для детей родным. При этом формально не оспаривается, но фактически всё более сводится на нет предусмотренная законом возможность ученика и его родителей выбрать для себя альтернативную — испаноязычную — модель обучения, так что единственным способом добиться её остается обращение в суд: хлопотное, затратное и отнюдь не гарантирующее позитивный исход для истцов, даже в случае их юридической победы.

Впрочем, сложная и многоаспектная ситуация языкового противостояния в автономной Каталонии, где каждая из сторон имеет «свою правду» и горячо её отстаивает, обращаясь как к моральным и юридическим, так и к научным аргументам, чтобы доказать справедливость своих требований и правомерность своих действий и обеспечить как можно более широкую их поддержку в обществе, сравнительно недавно была автором этих строк подробно описана в другом исследовании [Кожановский, 2022]. В данном же случае обратим внимание только на то обстоятельство, что «языковый вопрос» в Каталонии на протяжении нескольких десятилетий поставлоритарного развития является источником постоянной напряжённости в автономном сообществе, недовольства и обид значительной части его населения, то и дело возникающих конфликтов скандального и даже драматического характера между администрацией и теми местными жителями, которые считают, что попирается — да ещё вопреки общеиспанским законам — их право на использование родного для них языка, который к тому же является государственным, во всех сферах жизни. Причём делается это нередко в столь напористой форме, что, по словам некоторых участников событий, «такого не было даже во времена Франко», когда, как известно, языковое давление шло в обратном направлении, т.е. в ущерб каталанскому языку².

Столь же неуклонно руководители каталонской автономии утверждают свой курс на «языковую каталанизацию» региона на судебно-юридическом поле, используя самые разные способы и ухищрения, чтобы не вы-

² Teruel I. El catalán como derecho, el castellano como ofensa. Crónica Global. 25.06.2023. URL: https://cronicaglobal.elespanol.com/pensamiento/20230625/el-catalan-como-derecho-el-castellano-ofensa/773802614_13.html (accessed: 03.01.2024).

полнять — при этом избегая официальных заявлений о своём нежелании подчиняться закону — те постановления высших судебных инстанций (а их уже вынесено немало), которые прямо требуют от них гарантировать испанскому языку определённое пространство в сфере образования. В ход идут беспрерывно организуемые обсуждения, консультации, апелляции, встречные иски, спешно принимаются новые региональные законы об образовании, со своими особыми нормами, используются разного рода лазейки в судебной процедуре. А в тех случаях, когда, согласно процедуре, требование исполнения принятого судебного решения лежит на правительстве страны, в дело вступает та самая «большая политика», о которой шла речь выше: если это правительство зависит от поддержки региональных сепаратистов, оно, скорее всего, воздержится от действий, которые могли бы его этой поддержки лишить.

«Закон Селаá» и языковая политика каталонских властей

Принятая на таком фоне в 2020 г. «левым» правительством Испании, по итогам голосования в парламенте, новая редакция общеиспанского закона об образовании, известного как «закон Селаá»³, выглядела как резкое усиление позиций региональных националистов. Эта редакция закона не содержала предписания о том, что испанский/кастильский язык является языком преподавания на всей территории страны, зато указывала, что право выбирать, на каком языке будут учиться дети в школах каждого региона, принадлежит его руководству. Многие в Испании и за её пределами восприняли это событие как радикально ухудшающее положение испанского (кастильского) языка и подрывающее целостность (обще)испанской нации. По стране прокатилась волна протестов (наиболее многочисленных — в регионах распространения каталанского языка), во многих городах прошли «автомобильные марши» против нового образовательного закона, сотни тысяч людей поставили свои подписи под требованием не допустить его принятия [Кожановский, 2022: 176–179]. Нобелевский лауреат писатель Марио Варгас Льюса негодуяюще заявил, что упразднение испанского как языка обучения является «беспредельным идиотизмом» — и т.д., и т.п.⁴

Тем не менее спорный закон был принят. И удивительным образом всё осталось по-прежнему. Фактически в противовес «закону Селаá» уже в декабре следующего, 2021, года Верховный суд Каталонии (Tribunal Superior de Justicia de Cataluña, TSJC), в данном случае действуя, судя по всему, вопреки правительству, вынес решение: минимум 25 % школьного обучения в регионе должно осуществляться на испанском/кастильском языке, и никакой за-

³ «Закон Селаá» назван по имени министра образования и профессиональной подготовки М.И. Селаá Диерес (María Isabel Celaá Díez), которая занимала эту должность в 2018–2021 гг. — *Прим. ред.*

⁴ Lengua vehicular: qué es, qué significa y cómo afecta a la nueva ley de educación. Diario AS. 20.11.2020. URL: https://as.com/diarioas/2020/11/20/actualidad/1605868732_207076.html (accessed: 03.01.2024).

кон не может этому помешать, поскольку характер испанского как языка преподавания «вытекает непосредственно из конституции» Испании⁵. Данное постановление Верховного суда Каталонии принципиально отличается от, казалось бы, аналогичных, которые он неоднократно принимал прежде в пользу тех жителей Каталонии, кто просил о 25 % школьного обучения на испанском языке. Тогда речь шла о конкретных семьях, и в общей сложности 35 каталонских школ были вынуждены всё-таки удовлетворить требование суда, но теперь в качестве истца выступила Abogacía del Estado⁶, и это означало, что решение суда касалось всех учебных центров автономного сообщества. Одновременно в решении суда особо указывалось, что Женералитат (правительство Каталонии) не предотвратил — хотя должен был это сделать — превращения испанского/кастильского языка в «остаточный» во многих школах и учительских коллективах региона⁷. Юридическая весомость данного решения была столь велика, что даже при отсутствии поддержки со стороны центрального правительства уже к весне следующего, 2022, года оно было исполнено почти в полусотне бюджетных школ региона⁸. Однако и ему явно не суждено завершить многолетнее «перетягивание каната» в вопросе о том, какой язык должен в конце концов доминировать в Каталонии. Уже вскоре после принятия решения и явно в пик ему вспыхнула очередная кампания, открыто поддержанная автономной администрацией и призванная ещё интенсивнее воздействовать на учителей и родителей учеников с тем, чтобы они всегда — и во время уроков, и вне их — говорили с детьми и между собой только по-каталански⁹.

*Автомобильный марш против «закона Селаа».
Мадрид, ноябрь 2020 г.*

⁵ Vicens L. Educación no aplicará el 25 % de castellano y prepara un decreto para esquivar la sentencia. ARA. 22.03.2022. URL: https://es.ara.cat/sociedad/educacion/cambrey-concreta-educacion-hara-frente-sentencia-25_1_4311586.html (accessed: 03.01.2024).

⁶ Abogacía del Estado — государственная служба, осуществляющая адвокатскую защиту интересов государства, в том числе в рамках координации юридической помощи правительству и другим государственным учреждениям. — *Прим. ред.*

⁷ Vicens L. El Govern tiene dos meses para aplicar la sentencia del 25% de castellano. ARA. 21.01.2022. URL: https://es.ara.cat/misc/govern-meses-aplicar-sentencia-25-castellano_1_4246568.html (accessed: 03.01.2024).

⁸ Tercero A. El Gobierno deja tirados a los catalanes castellanohablantes. Crónica Global. 01.04.2022. URL: https://cronicaglobal.espanol.com/pensamiento/zona-franca/20220401/el-gobierno-deja-tirados-los-catalanes-castellanohablantes/661813817_13.html (accessed: 03.01.2024).

⁹ López R. Las guías contra el castellano de Plataforma per la Llengua y el mayor sindicato educativo catalán. Crónica Global. 24.02.2023. URL: https://cronicaglobal.espanol.com/politica/20230224/las-el-castellano-plataforma-llengua-sindicato-educativo/743925620_0.html (accessed: 03.01.2024).

Учителя получают специально разработанные пособия, инструктирующие их использовать в общении с родителями учеников — в подавляющем большинстве испаноязычными, но также с арабами, берберами и др., не понимающими по-каталански, — мимику, жесты, медленное повторение и другие подобного рода приёмы, но только не переходить на испанский язык¹⁰.

Летом 2023 г. местная печать сообщила о том, что родители ученика одной из каталонских школ, потребовавшие обеспечить ему 25% занятий на родном для него испанском языке, не только подвергаются травле и оскорблениям, но и получают угрозы¹¹. Тогда же был опубликован рассказ школьного учителя о постоянном давлении со стороны коллег, которые требуют, чтобы он и его дочь говорили в школе только по-каталански¹², — впрочем, такого рода свидетельства постоянно приходят со всей территории автономного сообщества, как это было и прежде, на протяжении уже многих лет.

В том же направлении призван действовать принятый в июне 2023 г. региональный закон о продвижении каталонского языка в пространстве аудиовизуальной и обычной коммуникации, в цифровой сфере и в соцсетях, в радио- и телепрограммах как общественных, так и частных, а противоречивая роль высшей судебной власти в разрешении «языковой проблемы» в очередной раз отразилась в отказе конституционного суда в мае 2023 г. признать (в ответ на обращение правых партий) упомянутый выше «закон Селаá» не соответствующим Конституции.

В целом же ход событий показывает, что ни сам этот закон, ни противоположное ему по смыслу постановление Верховного суда Каталонии, ни какие-то иные вердикты высших общегосударственных или региональных судебно-административных инстанций по лингвистическому вопросу не становятся «окончательными» в деле его решения, но всякий раз оказываются лишь своего рода орудиями в продолжающейся борьбе, которым противная сторона тут же противопоставляет другие орудия и приёмы, не менее действенные.

Языковая «каталанизация» в Валенсии и на Балеарах

За происходящим в Каталонии внимательно наблюдают другие «двуязычные» регионы страны, и прежде всего, естественно, те, где «вторым официальным» является каталанский: Валенсия и Балеарские о-ва. В этих последних региональные националисты (соответственно, валенсийские и балеарские), обычно в согласии с левыми силами, пытаются следовать

¹⁰ Planas P. Intolerancia lingüística y Erra en Waterloo. Crónica Global. 12.06.2023. URL: https://cronicaglobal.elespanol.com/primeras-planas/20230612/intolerancia-linguistica-erra-en-waterloo/770922903_0.html (accessed: 03.01.2024).

¹¹ Òmnium pide la recusación del juez que decidirá sobre el 25% en la escuela de Canet. Crónica Global. 19.06.2023. URL: https://cronicaglobal.elespanol.com/politica/20230619/omnium-la-recusacion-decidira-sobre-escuela-canet/772672729_0.html (accessed: 03.01.2024).

¹² Teruel I. El catalán como derecho...

по пути своих каталонских единомышленников, но, поскольку их политические позиции намного слабее, их успехи в деле «языковой каталанизации» земляков также оказываются гораздо более скромными. Так, если в Каталонии по системе «погружения» в каталанский язык (когда на нём преподаются все или почти все предметы) работают 100% бюджетных школьных учебных заведений, то на Балеарах эту методику используют 66,7% бюджетных и частных школ, в 30,8% учебных центров ведётся обучение на двух языках, а в 2,4% — только на испанском (каталанский язык при этом изучается в качестве одного из предметов). В Валенсии же «погружение в каталанский» практикуют 31% школ, в 61,2% школ дети обучаются на двух языках, а в 7,8% школ преподавание осуществляется на испанском (кастильском), валенсийский (каталанский) же язык изучается как особый предмет¹³.

Следуя курсом, проложенным Каталонией, левое (на тот момент) правительство Балеар уже в феврале 2022 г. приняло региональный закон об образовании, где нет упоминания об испанском языке как языке обучения. Здесь установлен минимум (50%) обучения на каталанском языке, при этом никакие нормы в отношении испанского языка (хотя бы 25%, как в случае с Каталонией) не предусмотрены¹⁴.

Примечательно, что, в отличие от Каталонии, левое автономное руководство двух других каталаноязычных регионов, всячески поощряя на деле «каталанское языковое погружение» в сфере местного образования как наиболее эффективный способ «лингвистического реформатирования» своих земляков, старалось не слишком это афишировать, чтобы не раздражать тех многочисленных сограждан, которых не устраивает такой курс. Основное возражение недовольных им состоит в том, что учеников и их родителей, вопреки законам и справедливости, лишают права выбрать язык школьного преподавания: «Какой абсурд, что в родной стране испанского языка ребенок не может учиться на испанском языке!» Они указывают на статистические данные, согласно которым выпускники балеарских и валенсийских школ на вступительных экзаменах в университет по испанскому языку показывают худшие результаты по стране, и убеждённо винят в этом «языковую каталанизацию»¹⁵.

¹³ Amoros M. La inmersión lingüística en Baleares: el 83% de los centros educativos públicos enseña 100% en catalán. El Mundo. 26.02.2018. URL: <https://www.elmundo.es/baleares/2018/02/26/5a93b06122601d88478b4632.html> (accessed: 03.01.2024).

¹⁴ Baleares elimina el castellano como lengua vehicular en los colegios en su nueva ley de Educación. RTVE. 22.02.2022. URL: <https://www.rtve.es/noticias/20220222/baleares-ley-educacion-castellano-lengua-vehicular/2294782.shtml> (accessed: 03.01.2024).

¹⁵ Amoros M. La inmersión lingüística en Baleares...

Акция в поддержку свободного выбора языка обучения. Валенсия, май 2021 г.

В своей аргументации их оппоненты — сторонники «погружения в каталанский» — стоят на том, что каталанский язык необходимо целенаправленно защищать, в отличие от кастильского/испанского, который и так широко известен и повсеместно используется на Балеарских островах, и ничто ему не повредит. В доказательство своей правоты они оперируют цифрами самого последнего времени, по которым получается, что, к примеру, осенью 2021 г., т.е. после многих лет целенаправленной политики лингвистической каталанизации, реализуемой зачастую на грани нарушения закона, а то и за гранью, в своей повседневной жизни только 36,1 % жителей Каталонии говорили по-каталански, и это на 10 пунктов меньше, чем 20 лет назад. А в среде барселонской молодёжи (от 15 до 29 лет) таких и вовсе оказалось 19,6%, и в данном случае это означает падение более чем на 10 пунктов всего за 5 лет¹⁶. Их вывод: для каталанского языка складывается тревожная ситуация, и следует максимально усилить меры по его поддержке.

Языковые модели в школах Страны Басков

Несколько иначе и, по крайней мере на внешний взгляд, менее конфликтно развиваются события в трёх остальных «двуязычных» автономных сообществах. По сути, в каждом из них действует собственная языковая модель в сфере образования. Так, в Наварре, территория которой разделена на несколько зон как раз по критерию родного языка местного населения каждой из них (зона испанского, зона баскского и зона обоих языков), в 24,1% школ занятия идут на баскском языке, в 0,5% — на двух языках, в 14% школ с преподаванием на испанском баскский язык изучается как предмет, и, наконец, в 61,4% школ обучение полностью испаноязычно¹⁷. Заслуживает внимания тот факт, что лишь в этой автономной области с двумя официальными язы-

¹⁶ Vicens L. Catalán en las aulas: una emergencia lingüística. ARA. 03.10.2021. URL: https://es.ara.cat/sociedad/catalan-aulas-emergencia-linguistica_1_4137126.html (accessed: 04.01.2024)

¹⁷ Amoros M. La inmersión lingüística en Baleares...

ками оба они — и испанский, и баскский — квалифицируются как «*propiu*», т.е. «свой», «собственный», «родной», тогда как в остальных пяти «двуязычных» сообществах данный термин закреплён лишь за региональными языками [Arteta, Pericay, 2007: 17].

Тщательно продуманной и в то же время учитывающей желание и интересы учеников и их родителей, выглядит система, действующая в Стране Басков ещё с 1984 г. и включающая три варианта.

Модель А предполагает испанский язык в качестве языка обучения, баскский (*эускера*) — в качестве предмета. Модель В — двуязычна, в ней сочетаются испанский и баскский языки, при этом на испанском преподаются основные предметы. Наконец, модель D предлагает баскский в качестве языка обучения, на долю же испанского здесь остаётся только один предмет — испанский язык и литература. За истекшие годы в соотношении этих моделей — точнее, количества детей, обучавшихся по ним, — произошла впечатляющая перемена. Если в 1984 г. 62,1% учеников дошкольной и начальной ступеней обучались по испаноязычной модели А, а 17,1% — по баскоязычной модели D, то 35 лет спустя, в 2019 г., модель А охватывала всего лишь 3,4% школьников этих уровней, зато модель D — 77%¹⁸. В начале 2020-х гг. доля баскоязычного обучения в Стране Басков превышает 90% на стадии дошкольного образования и составляет около 70% в старших классах средней школы, что же касается моделей А и В, наиболее востребованных родителями учеников в 1980-е гг., то в настоящее время по ним обучается относительно небольшая часть школьников, а в некоторых местах от них и вовсе отказываются из-за отсутствия желающих¹⁹. В целом в автономном сообществе Страна Басков *эускера* в качестве языка обучения используется в 66,1 % школ, в 18,6 % школ практикуется двуязычное обучение, в 15,3% — испаноязычное²⁰.

Столь радикальное изменение соотношения языков преподавания в региональной образовательной сфере, произошедшее на протяжении жизни одного поколения и, как предполагается, на сугубо добровольной основе, должно, казалось бы, свидетельствовать об аналогичных или хотя бы сходных языковых трансформациях в обществе Страны Басков в целом. Однако, судя по некоторым признакам, реальная ситуация здесь оказывается сложнее, да и драматичнее.

¹⁸ Maycas J. Identidad, lengua y escuela. El Salto. 09.02.2021. URL: www.elsaltodiario.com/euskera/identidad-lengua-y-escuela (accessed: 04.01.2024).

¹⁹ Goyoaga A. ¿Realmente desaparece el castellano de la educación vasca? La Vanguardia. 26.04.2023. URL: <https://www.lavanguardia.com/local/paisvasco/20230426/8922653/como-enfocara-convivencia-castellano-euskera-educacion-vasca.html> (accessed: 04.01.2024).

²⁰ Amoros M. La inmersión lingüística en Baleares...

Весной 2023 г. в СМИ появилась информация о результатах исследований регионального социолингвистического центра, согласно которым 30-летнее интенсивное стимулирование, сопровождавшееся многомиллионным финансированием, развития баскского языка в регионе со стороны националистических властей автономии действительно привело к росту влияния баскского языка — но всего на 2% в сравнении с исходным моментом, и в настоящее время только 12,6% жителей Страны Басков используют эускеры в своей повседневной жизни, в том числе в уличном общении.

Данные, полученные Баскским институтом статистики (Eustat), утверждают, что испанский является первым языком для 69,94% жителей региона, в сравнении с 17,82%, для которых родной язык — баскский; 7,01% заявили, что для них родными в равной степени являются оба языка. Сведения о том, на каком языке люди здесь говорят дома, еще более показательны: испанский преобладает в 71,53% домохозяйств, баскский используют 13,15%, а 11,91%, по их словам, сбалансированно чередуют оба языка (т.е. они двуязычны); оставшиеся 3,4% местных жителей говорят на других языках. В целом же большинство респондентов, 60,9%, сообщили, что всегда используют испанский язык, лишь 13,8% — что говорят преимущественно на баскском, а 8,2% — что считают себя двуязычными и пользуются обоими языками в равной степени. В числе оставшихся 11,5% сказали, что используют баскский язык меньше, чем испанский, а 5,7% — что очень мало используют баскский язык²¹.

Всё это говорит как минимум об огромном разрыве между положением баскского языка в региональном образовании и в региональном обществе. Понятно — да и не скрывается, — что стратегия властей баскской автономии, убеждённых в необходимости восстановления исторической справедливости (в случае с эускерой) и в значении языка как «ключевого фактора в развитии чувства принадлежности к группе и коллективной идентичности»²², строится на том, чтобы обеспечить передачу баскского языка из поколения в поколение и восстановить утраченную им когда-то главную роль в частной жизни людей, а для этого соответствующим образом воспитать юное поколение. Но в нынешней ситуации баскоязычная школа в Стране Басков зачастую функционирует в окружающей общественной среде, которая остаётся испаноязычной, в результате чего многие дети могут говорить на эускере только в своём учебном заведении — с учителями и товарищами, так же, как и они, освоившими баскский язык методом интенсивного «погружения» в него²³, а выйдя за порог школы, вновь возвращаются в мир

²¹ Díez Manceñido R. Solo el 13,8% de los vascos habla más euskera que castellano. El Debate. 27.04.2023. URL: https://www.eldebate.com/sociedad/20230427/solo-13-8-vascos-habla-mas-euskera-castellano_110723.html (accessed: 04.01.2024).

²² Maycas J. Identidad, lengua y escuela...

²³ Maycas J. La hegemonía educativa del euskera. El Salto. 11.03.2021. URL: <https://www.elsaltodiario.com/euskera/la-hegemonia-educativa-del-euskera> (accessed: 04.01.2024).

испанского языка. Это обстоятельство, по всей видимости — да и просто по логике вещей, — неизбежно должно сильно снижать достигнутый в классах действительно высокий эффект баскоязычного «погружения».

И вот в самое последнее время появились сообщения, что политические силы, многие годы правящие в автономном сообществе, собираются отказаться от практиковавшейся здесь почти 40 лет образовательной системы с тремя «языковыми моделями», с тем чтобы заменить её единой моделью, которая предоставит каждому учебному центру возможность проявить больше свободы и гибкости в поисках оптимального для него «языкового варианта» обучения. То есть учебные центры могут автономно выбрать, к примеру, те предметы, которые будут преподаваться на баскском, испанском и английском языках, адаптируя свой «языковой проект» к конкретной «социолингвистической реальности» и/или к пожеланиям родителей учеников²⁴. Такое, казалось бы, гуманное и демократичное намерение вызвало решительный протест со стороны оппонентов автономной администрации Страны Басков, которые не сомневаются, что оно порождено исключительно недостаточной эффективностью прежней образовательной системы в деле «лингвистической баскизации» школьников региона, и трактуют его как «фронтальное наступление» на ту малую свободу, которую ещё пока, по их словам, имеют родители учеников в выборе языка обучения для своих детей.

Критики указывают, что существовавшие до сих пор модели гарантировали — по крайней мере в теории — сохранение испанского языка в учебном процессе, тогда как новый региональный образовательный закон, по их мнению, является «испанофобским», поскольку в нём сказано, что баскский язык отныне будет «структурировать» обучение и школьная программа должна быть сосредоточена на овладении им. Из таких формулировок вытекает, как они считают, отсутствие гарантий того, что хотя бы один предмет

Протесты в Стране Басков против законопроекта об образовании и отмены «языковых моделей», ноябрь 2023 г.

²⁴ Goyoaga A. ¿Realmente desaparece el castellano de la educación vasca?...

отныне будет преподаваться на испанском языке. Представители автономных властей отвергают такого рода опасения, но их оппоненты приводят многочисленные факты, позволяющие им утверждать, что исходная стратегия регионального национализма по вытеснению испанского языка из учебных центров автономии получила новый импульс.

По сообщениям (как правило, анонимным) местных учителей, если два года назад в начальной и средней школе было четыре часа испанского языка в неделю, то к апрелю 2023 г. их осталось уже три; при этом в учебных планах указано, что в дальнейшем их будет всего два. Сообщается о предписаниях ученикам: в школьном дворе (т.е. во время перемен) общаться только на баскском языке. Того же требуют и от учителей, и даже «особые» (с ограниченными возможностями) ученики, которым особенно трудно учиться на неродной для них эускере, не получают никаких послаблений. Противники региональной образовательной реформы опасаются, что если на сегодняшний день лишь 11 из 585 учебных центров дошкольного и начального образования в Стране Басков предлагают обучение по модели А (т.е. на испанском языке), то с принятием нового закона данный вариант может исчезнуть вовсе²⁵.

Языковой вопрос в Галисии

В сравнительных обзорах общественно-политического характера, при описании лингвистической ситуации в школьном образовании «двуязычных» регионов Испании, в отношении Галисии авторы нередко ограничиваются упоминанием того, что во всех без исключения учебных заведениях этого автономного сообщества преподавание ведётся на двух языках — испанском и галисийском (гальего), и на фоне происходящего в других автономных сообществах, где имеются два официальных языка, у читателя невольно возникает ощущение, что, в отличие от них, в Галисии достигнуто согласие между носителями разных позиций по «языковому вопросу». Однако более подробное ознакомление с ситуацией — например, на основе недавно опубликованного исследования отечественных авторов Е.А. Грининой и А.А. Евдокимовой [Григина, Евдокимова, 2022] — выявляет иную картину, в которой уровень напряжённости, порождённый время от времени (с момента обретения автономного статуса) вспыхивающими «лингвистическими конфликтами» в галисийском обществе, неизменно остаётся весьма высоким, хотя и не принимает крайних форм. «Бурные и нешуточные страсти» уже несколько десятилетий кипят вокруг статуса галисийского и испанского языков, и несомненный общий сдвиг от диглоссии к билинг-

²⁵ Marbán R. La amenaza de la nueva ley educativa vasca: “El plan es reducir al español a dos horas semanales”. El Debate. 27.04.2023. URL: https://www.eldebate.com/educacion/20230427/llave-ley-educativa-vasca-plan-reducir-espanol-dos-horas-semanales_110682.html (accessed: 04.01.2024).

визму (т.е. к утверждению реальной равноценности двух языков в регионе) сильно осложняется влиятельными факторами социального, психологического, культурного, технологического, политического и иного порядка, ощутимо тормозящими это движение. А колебания курса региональных властей от приоритетной поддержки гальего к принятию

Сторонники общественного движения Queremos Galego на акции в защиту галисийского языка. Сантьяго-де-Компостела, май 2019 г.

мер, воспринимаемых некоторыми как его ущемление в пользу испанского, немедленно вызывают волны недовольства со стороны либо одной, либо другой части населения, споры и дискуссии, возражения и требования [Гринина, Евдокимова, 2022: 176–177], а также неизбежные обвинения власть имущих в политиканстве и недобросовестности²⁶. Причём особенно громко звучат голоса тех региональных активистов, кто считает, что сохранение действующих общественно-культурных тенденций приведёт в не столь уж отдалённом будущем к угасанию галисийского языка и утверждению испанского в жизни галисийцев, и помешать такой невесёлой перспективе может только чудо²⁷.

Влияние политического расклада на развитие языковой ситуации в сфере образования

Таким образом, если при Франко преподавание в государственных школах повсюду в Испании было исключительно испаноязычным, а изучение региональных языков и тем более обучение на них (когда это стало возможным) сосредоточивалось в сфере частной образовательной инициативы, то в условиях представительной демократии в ряде автономных сообществ ситуация оказалась обратной: бюджетное, общедоступное образование стало там оплотом обучения на региональных языках, тогда как преподавание на общегосударственном испанском языке в значительной степени

²⁶ Salgado D. Feijóo y las lenguas: presume de “bilingüismo cordial” pero fue el primero en reducir el gallego en la escuela. El Diario. 10.10.2022. URL: https://www.eldiario.es/galicia/fejoo-lenguas-presume-bilinguismo-cordial-reducir-gallego-escuela_1_9595632.html (accessed: 04.01.2024).

²⁷ Muñoz B. Por qué el gallego pierde hablantes: las políticas de Feijóo, castellanización en la escuela y menos transmisión entre generaciones. El Diario. 02.01.2023. URL: https://www.eldiario.es/galicia/gallego-pierde-hablantes-politicas-feijoo-castellanizacion-escuela-transmision-generaciones_1_9824265.html (accessed: 04.01.2024).

отступило в область частного/«договорного» образования. При этом на развитие языковой ситуации ощутимо влияет конкретный политический расклад — на уровне как данной автономии, так и государства в целом, изменение которого по итогам очередных выборов и межпартийных соглашений может существенно усилить одни тенденции и, напротив, ослабить, а то и подорвать другие. Так, победившие на региональных выборах в Валенсии в 2023 г. правые в числе первоочередных мер, которые они намерены предпринять, назвали корректировку ситуации с языком образования, точнее — намерение отменить все преференции валенсийскому (каталанскому) и, напротив, поддержать присутствие в школе испанского языка. «Это будет послание для Каталонии и для всего государства», — обещают они²⁸.

«Иерархия» языков в современной Испании

Обращение к другим языкам Испании, упоминавшимся в начале статьи и не имеющим статуса «второго официального», обнаруживает многообразие лингвистических ситуаций, позволяющее говорить в целом о социальной, политической и юридической иерархии языков страны, поскольку они обладают разными степенями признания и оценки со стороны официальных юридических и административных структур.

Согласно мнению одного из экспертов, уровни «языкового юридического признания» в Испании выглядят следующим образом (по нисходящей):

1) испанский (кастильский), официальный язык государства, обязательный для знания и обучения;

2) вторые официальные языки в нескольких регионах, включая баскский язык в [баскоязычной] части Наварры и аранский язык в Аране (Каталония);

3) баскский язык в языково-смешанной зоне Наварры, валенсийский (каталанский) язык в испаноязычной зоне Валенсии (и там и там они — формально официальные, но их не обязательно изучать в школе), аранский язык в Каталонии вне Арана (он признан официальным в регионе, но за пределами Арана практически не используется);

4) некоторые автономные регионы юридически признают ряд языков, не делая их при этом официальными, и наделяют их некоторыми правами вроде права на их добровольное изучение и использование в местных административных органах (в таком положении находятся каталанский и арагонский языки в Арагоне; баскский в небаскоязычной зоне Наварры; астурийский и галисийский [гальего-астурийский] в Астурии; галисийский и леонский в Кастилии-и-Леоне);

²⁸ Miró D. PP y Vox pactan frenar la enseñanza del valenciano: "Será un mensaje para Catalunya". ARA. 15.06.2023. URL: https://es.ara.cat/politica/elecciones-generales/pp-vox-pactan-frenar-ensenanza-valenciano-sera-mensaje-catalunya_1_4731059.html (accessed: 04.01.2024).

5) существует локально-административный уровень юридического признания: галисийский язык (A Fala) провозглашён имеющим культурное значение в Эстремадуре; в трёх мурсийских муниципиях ряд прав и функций признан за валенсийским (каталанским); в Мелилье — за языками тамазигхт и хакетия; в Тревиньо (часть региона Кастилия-и-Леон, со всех сторон окружённая землями Страны Басков) — за эускерой; в Каталонии действует специальная административная и культурная программа мероприятий по отношению к калó;

6) наконец, можно говорить о реализации определённой юридической, административной политической и культурной практики на «низовом» уровне, что называется, «по умолчанию», в отношении арабского и хакетии в Сеуте, португальского и эстремадурского в Эстремадуре и Кастилии и Леоне, монтаньеса в Кантабрии, калó в Испании в целом [Tasa Fuster, 2018].

Такому многообразию языковых статусов и конкретных вариантов вполне соответствует наличие в испанском обществе и на политическом поле целого ряда различных позиций относительно того, какой должна быть оптимальная лингвистическая ситуация в стране. Сторонникам статус-кво противостоят и приверженцы монополии испанского как единственного официального языка, и те, кто согласен на его сосуществование с другими языками страны при его, однако, гарантированном доминировании, и те, кто выступает за резкое повышение статуса региональных языков (вплоть до государственного), и др. Испанский аналитик говорит об острой и возрастающей конфронтации по языковым проблемам между политическими партиями, о противостоящих одна другой «коллективных языковых идеологиях» и отсутствии базового консенсуса относительно «общенационального языкового проекта». Неизбежным итогом такого положения вещей является постоянно тлеющая напряжённость, подпитываемая повсеместным недовольством существующей «социолингвистической реальностью» и проводимой администрациями разных уровней языковой политикой: для одних аморфной и попустительской, для других, напротив, излишне жёсткой и неуступчивой [Tasa Fuster, 2018].

Как и в случае со «вторыми официальными» языками, на положении остальных, «менее статусных» языков Испании ощутимо сказывается то, какая политическая сила правит на территории их распространения. Так, в региональном арагонском законе 2009 г. говорилось о том, что кастильский/испанский является официальным языком Арагона и что «арагонский и каталанский языки [в регионе] являются собственными (proprios) языками», они «пользуются защитой, их преподавание гарантируется и поощряется право говорящих на них на их использование в зонах их преобладающего исторического распространения». Однако в 2013 г., после смены регионального правительства, в этот закон были внесены поправки, исключившие все ссылки на арагонский и каталанский языки, а сами они были

переименованы: арагонский отныне должен был называться «арагонским языком, характерным для пиренейской и предпиренейской областей», а каталанский — «арагонским языком, характерным для восточной зоны». При этом, язвительно отмечает доктор конституционного права, преподаватель университета Валенсии В. Таса Фустер, испанский язык не было предписано называть «арагонским языком, характерным для центральных и южных земель региона». Но всего лишь несколько лет спустя, после следующих выборов, новые власти распорядились вернуть лингвистическим меньшинствам Арагона прежние названия их языков — арагонский и каталанский — и подтвердили намерение соблюдать права их носителей [Tasa Fuster, 2017: 60].

В целом, по мнению упомянутого выше автора, признание языкового разнообразия и территориальной автономии в конституции 1978 было неполным, имело иерархичный характер и не позволило избежать конфликтов, политические альтернативы разрешения которых в настоящее время слишком резко противостоят друг другу, а их сторонники не склонны идти на уступки оппонентам [Tasa Fuster, 2018]. Неизбежным следствием этого является то обстоятельство, что бытующие на территории Испании языки обладают разными степенями официального и общественного признания. За теми из них, что расположены выше по социальной лестнице, закрепляются основные социальные функции, им приписываются высшие ценности, и таким образом их носителям предоставляется больше языковых прав, как формальных, так и реальных, чем их согражданам — носителям других языков [Tasa Fuster, 2017].

Так, за несколько десятилетий представительной демократии, пришедшей на смену эпохе франкистского авторитаризма, лингвистическая ситуация в Испании значительно усложнилась, статусное неравенство языков не исчезло, но приобрело иные формы, а количество конкретных случаев их бытования, содержащих в себе реально действующий или потенциальный конфликт, многократно умножилось — и всё это многообразие находится в процессе постоянного изменения под действием самых разных факторов нелингвистического порядка.

Список литературы / References

Гринина Е.А., Евдокимова А.А. (2022) *Галисийский язык: история и современное состояние*, Москва, МГИМО-Университет, 232 с.

Grinina E.A., Evdokimova A.A. (2022) *Galisiiskii yazyk: istoriya i sovremennoe sostoyanie* [Galician language: history and current state], Moscow, MGIMO-Universitet, 232 p. (In Russian)

Кожановский А.Н. (2022) Глава 6. «Закон Селаа» и языковое противостояние в автономной Каталонии, *Язык как ресурс идентичности в Европе: антропологическое исследование*, под ред. М.Ю. Мартыновой, Москва, ИЭА РАН, 536 с.

Kozhanovskiy A.N. (2022) Glava 6. «Zakon Celaá» i yazykovoe protivostoyanie v avtonomnoi Katalonii [Chapter 6. The “Sela Law” and the linguistic confrontation in autonomous Catalonia] in M.Yu. Martynova (ed.) *Yazyk kak resurs identichnosti v Evrope: antropologicheskoe issledovanie* [Language as a source of Identity in Europe: an Anthropological Study], Moscow, IEA RAS, 536 p. (In Russian)

Прицкер Д.П. (1980) Национальная и региональная проблемы современной Испании, *Расы и народы*, № 10, с. 108–125.

Pritsker D.P. (1980) Natsional'naya i regional'naya problemy sovremennoi Ispanii [National and regional problem of modern Spain], *Rasy i narody*, no. 10, pp. 108–125. (In Russian)

Arteta Aisa A., Pericay X. (2007) Libertad o coacción? Políticas lingüísticas y nacionalismos en España [Freedom or coercion? Language policies and nationalisms in Spain], Madrid, FAES Fundación para el Análisis y los Estudios Sociales, 286 p. (In Spanish)

Tasa Fuster V. (2017) El sistema español de jerarquía lingüística. Desarrollo autónomo del artículo 3 de la Constitución: lengua del estado, lenguas cooficiales, otras lenguas españolas y modalidades lingüísticas. Teoría y praxis [The Spanish system of language hierarchy. Autonomous development of the article 3 of the Constitution: the official language, coofficial languages, other Spanish languages and linguistic variants. Theory and practice], *Revista de Derecho Político*, no. 100, pp. 51–79. URL: <https://revistas.uned.es/index.php/derechopolitico/article/view/20682/17160> (In Spanish)

Tasa Fuster V. (2018) Las alternativas políticas en torno al reconocimiento de la diversidad lingüística propia y los derechos lingüísticos, y sus consecuencias en la interpretación o reforma de la constitución Española [Political alternatives regarding the recognition of proper linguistic diversity and linguistic rights, as well as their implications for the interpretation or the reform of the Spanish Constitution], *Iuris Tantum. Rev. Bol. Der.*, no. 25. URL: http://www.scielo.org.bo/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S2070-81572018000100027 (In Spanish)

Изменения соотношения национальной и территориальных идентичностей в современной Испании

© Баранов А.В., 2024

Андрей Владимирович Баранов, д-р полит. наук, д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149
ORCID: 0000-0001-7109-3062 E-mail: baranovandrew@mail.ru

Аннотация. Изменения соотношения между национальной и территориальными идентичностями в современном испанском обществе стали важным фактором трансформаций политической системы, роста тенденций сепаратизма. С точки зрения социального конструктивизма формирование и степень популярности идентичностей являются производными от целенаправленной деятельности акторов политики. На основе анализа результатов анкетных опросов и заявлений политических партий установлено, что в Испании за период с 2011 по 2023 г. происходит умеренное ослабление исключительной национальной идентичности при сохранении преобладания дуальной (сложносоставной) идентичности и росте популярности исключительной региональной идентичности. Причины ослабления национальной идентичности — ослабление доверия общегосударственным институтам, ценностям и историческим

символам гордости вследствие противоположных целей политики идентичности Каталонии и Страны Басков в сравнении с центральной властью. Играет негативную роль в ослаблении национальной идентичности и интеграция Испании в Европейский союз. Выявляется взаимосвязь между предпочтением национальной или региональной идентичности, а также мнением респондентов об идеальном территориальном устройстве Испании. Национальную идентичность в наибольшей степени предпочитают сторонники правых партий, лица среднего и пожилого возраста, монархисты. Среди факторов выбора идентичностей испанцы указывают на язык как первоочередное влияние, далее по убывающей — гражданство, религия, гендер, социальный класс, автономное сообщество. 21 % респондентов по стране и более чем 43 % — в Каталонии, Стране Басков и Наварре, которые составляют ареал повышенных рисков сепаратизма, воспринимают региональную и местную идентичности в 2023 г. как соперниц испанской национальной идентичности.

Ключевые слова: национальная идентичность, территориальные идентичности, соотношение, современная Испания

Для цитирования: Баранов А.В. (2024) Изменения соотношения национальной и территориальных идентичностей в современной Испании. *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 210–222. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-210-222

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Cambios en la correlación entre las identidades nacional y territoriales en la España contemporánea

© Baránov A.V., 2024

Andrey V. Baránov, Doctor en Ciencias Políticas, Doctor en Historia, Catedrático del Departamento de Ciencias Políticas y Gestión Política, Universidad Estatal de Kubán.
350040, Rusia, Krasnodar, calle Stávropolskaya, 149
ORCID: 0000-0001-7109-3062 E-mail: baranovandrew@mail.ru

Resumen. Los cambios en la correlación entre las identidades nacional y territoriales en la sociedad española contemporánea se han convertido en un factor importante para la transformación del sistema político y el auge del independentismo. Desde el prisma del constructivismo social, los actores políticos determinan deliberadamente la formación de las identidades y lo populares que son. Las encuestas y las declaraciones de los partidos políticos indican que entre 2011 y 2023 la identidad nacional exclusiva se fue debilitando y la regional cobró popularidad, mientras que la identidad dual (compleja) se mantuvo predominante. La identidad nacional se vio debilitada ya que cayó la confianza en las instituciones, valores y símbolos históricos de orgullo a nivel nacional debido a los objetivos opuestos que persigue la política de identidad en Cataluña y el País Vasco por un lado y la del gobierno español por otro. La incorporación de España a la Unión Europea también afectó la identidad nacional. La preferencia por la identidad nacional o regional está relacionada con la opinión de los encuestados sobre la organización territorial que les parece perfecta en España. Prefieren la identidad nacional en mayor medida los que simpatizan con los partidos de derecha, las personas de mediana edad y los mayores, así como los monárquicos. Los españoles señalan los factores que han influido su elección de identidad, a saber, el idioma como factor clave, luego ciudadanía, religión, género, clase social, comunidad autónoma enumerados en orden descendiente según su importancia. El 21 por ciento de los encuestados a nivel nacional y más del 43 % en Cataluña, País Vasco y Navarra que son comunidades autónomas con mayor riesgo de secesión, perciben en 2023 las identidades regionales y locales como rivales de la identidad nacional española.

Palabras clave: identidad nacional, identidades territoriales, correlación, España contemporánea

Para citar: Baránov A.V. (2024) Cambios en la correlación entre las identidades nacional y territoriales en la España contemporánea, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 210–222. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-210-222

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Changes in the Correlation Between National and Territorial Identities in Contemporary Spain

© Baranov A.V., 2024

Andrey V. Baranov, Doctor of Political Science, Doctor of History, Professor at Political Science and Political Management Department, Kuban State University.

350040, Russia, Krasnodar, Stavropolskaya street, 149.

ORCID: 0000-0001-7109-3062

E-mail: baranovandrew@mail.ru

Abstract. Changes in the correlation between national and territorial identities in contemporary Spanish society have become a major factor behind the transformation of the political system and the rise of secessionist tendencies. Social constructivism argues that political actors purposefully determine the way identities are formed and how popular they are. Surveys and statements by political parties show that between 2011 and 2023 Spain saw exclusive national identity grow weaker to a certain extent and exclusive regional identity gain ground, while dual (composite) identity remained prevalent. A weaker national identity stems from the eroded credibility of national institutions, values and historical symbols of pride which, in turn, results from the opposite goals that identity policies of Catalonia and the Basque Country on the one hand and those of Spain's government on the other pursue. Spain's integration into the European Union has also taken a toll on national identity. A preference for national or regional identity closely correlates with respondents' view of Spain's ideal administrative division. Supporters of right-wing parties, middle-aged and elderly citizens, as well as monarchists express the strongest preference for national identity. Spaniards cite language as a crucial factor in shaping identity choice, with other factors being nationality, religion, gender, social class, autonomous community, ranked in order of importance. In 2023, 21 % of respondents all over Spain and over 43 % in Catalonia, the Basque Country and Navarre, where secession risk is high, perceive regional and local identities as rivals of Spanish national identity.

Keywords: national identity, territorial identities, correlation, contemporary Spain

For citation: Baranov A.V. (2024) Changes in the Correlation Between National and Territorial Identities in Contemporary Spain, *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 210–222. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-210-222

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Современные социокультурные и политические процессы в Испании характеризуются весомыми изменениями соотношения между национальной и территориальными (региональными и локальными) идентичностями. Ослабление национальной идентичности может привести к качественным изменениям культуры испанского общества, росту центробежных и сепаратистских тенденций. В то же время опыт развития «ансамбля» идентичностей в поликультурной Испании весьма интересен для познания тенденций социокультурных процессов в глобальном мире. Изменения системы идентичностей в Испании дают богатый эмпирический материал для построения в будущем концепций пространственного развития самосознания на основе диахронного кросс-национального сравнения.

В теоретическом аспекте важны работы Б. Андерсона [Anderson, 2006] и Э. Геллнера [Gellner, 2006], в которых аргументируется конструктивистское понимание идентичности. Устойчивое коллективное самосознание населения страны либо его значимых компонентов (территориальных, этнических, конфессиональных или иных сообществ) целенаправленно создаётся акторами политики в ходе социализации индивидов, а не «унаследовано» генетически. Распространён и феномен «наций без государств», на историческом пути своего развития утративших государственность, но сохранивших прочное самосознание [Guibernau, 2004]. На материалах Испании незавершённость нацистроительства аргументировали А. Смит и К. Мар-Молинеро [Smith, Mar-Molinero, 1996], Л. Морено Фернандес [Moreno Fernández, 2008], Г. Камен [Kamen, 2008]. Сохраняет своё значение эмпирическое исследование региональной идентичности, проведённое в 1977 г. под руководством Х. Хименеса Бланко. В нём обоснована социологическая методика оценки результатов массового анкетного опроса и доказано, что в регионах Испании территориальная идентичность воспринимается разнотипно — в русле экономического, культурного либо политического регионализма [Jiménez Blanco, 1977]. Среди исследований последних лет отметим статьи К. Гонсалес Энрикес, А. Руис Хименес и Д. Ромеро Портильо об ослаблении национальной идентичности [González Enríquez et al., 2020], И. Луиса де Хуана Аюсо о соотношении идентичностей после пандемии [de Juan Ayuso, 2022]. Работа Х. Альвареса-Галвеса, Х.М. Эчаваррена и Х. Коллера освещает соотношение этнического и гражданского начал идентичностей в Стране Басков, Каталонии и Валенсии [Álvarez-Gálvez et al., 2018]. Пространственный аспект взаимодействия идентичностей в Каталонии раскрывают Т. Родон и М. Гуинжоан [Rodon, Guinjoan, 2018] и Х.-М. Карбонель [Carbonell, 2019]. Рассматриваемой теме уделяют внимание и ведущие российские исследователи: А.Н. Кожановский [Кожановский, 2006; Кожановский, 2020], С.М. Хенкин [Хенкин, 2023], Е.В. Астахова [Астахова, 2023], Т.Б. Коваль [Коваль, 2016]. Принципиально важен вывод А.Н. Кожановского о преобладании территориального самосознания над этническим и языковым в автономных сообществах.

Нерешённой проблемой остается то, что на сегодняшний день не выяснены новейшие тенденции взаимодействия идентичностей в Испании и в её автономных сообществах, в том числе влияние баланса идентичностей на децентрализацию политической системы.

Цель работы — определить изменения соотношения национальной и территориальных идентичностей в современной Испании на основе анализа результатов социологических опросов 2011–2023 гг.

Теоретическую основу исследования составляет социальный конструктивизм, синхронный и диахронный сравнительный метод, вторичный анализ результатов анкетных опросов. Национальная идентичность, как полагает И.С. Семененко, представляет собой коллективное самосознание национально-государственного сообщества; его участники испытывают более или менее интенсивные чувства принадлежности и личной сопричастности к нации. Национальная идентичность проявляется не только в политической приверженности, но и в осознании людьми своего историко-культурного единства и отличий от других наций [Семененко, 2017: 405]. Но национальная идентичность, особенно в полиэтничных и культурно неоднородных странах, осознаётся противоречиво; она может быть множественной (одновременное самоотнесение себя к государству и этнической либо территориальной группе).

Статья выполнена на основе анализа итогов анкетных опросов, проведённых Центром социологических исследований (CIS) в 2011–2015 и 2023 гг.¹, сетью «Евробарометр» в 2015 г.² и службой «Метроскопия» в 2021 г.³, Каталонским международным институтом за мир (ICIP) в 2021 году⁴.

Соотношение национальной и региональных идентичностей по данным социологических опросов

По результатам опроса CIS в феврале 2023 г., в Испании преобладает двойная идентичность граждан (52,8% опрошенных считают себя в равной мере испанцами и жителями своего автономного сообщества). Если суммировать тех, кто считает себя только испанцем и в большей мере испанцем, чем жителем автономного сообщества, то таких сейчас 21,7%. В совокупности те респонденты, которые считают себя «скорее жителем автономного сообщества» и только его жителем, составляют 21,2%.

¹ CIS. Estudio no. 2940; no. 2894; no. 2904; no. 2899; no. 2898; no. 2900; no. 2897; no. 2896; no. 2895; no. 2892; no. 2891; no. 2902; no. 2901; Estudio Sobre Identidades Culturales, Nacionales y Europeas. Estudio no. 3409. Mayo 2023. Madrid. Centro de Investigaciones Sociológicas. 2023. 25 p.

² González Enríquez C. El Declive de la Identidad Nacional Española. Real Instituto Elcano. 29.06.2016. URL: <https://www.realinstitutoelcano.org/analisis/el-declive-de-la-identidad-nacional-espanola/> (accessed: 03.11.2023).

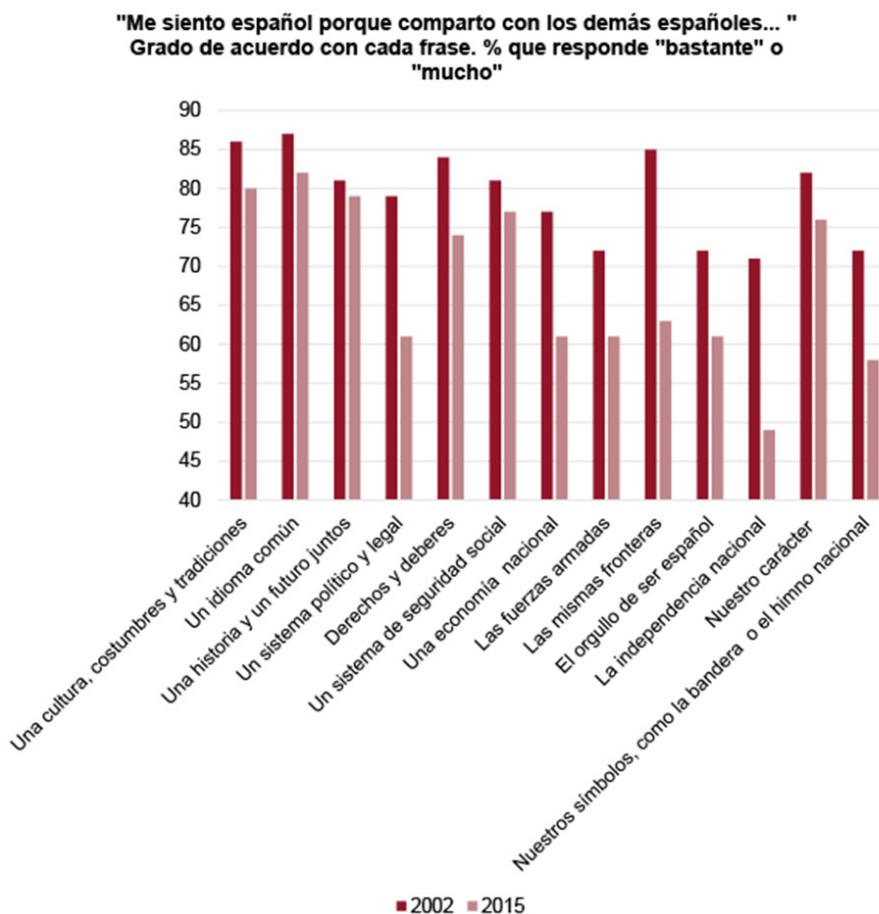
³ Garmendia A., León S. Polarización y convivencia en España 2021. El papel de lo territorial. Encuesta ICIP-EsadeEcPol 2021. Madrid. Instituto Carlos III Juan March – IC3JM. Universidad Carlos III de Madrid. 2022. 91 p.

⁴ Garmendia A., León S. Polarización y convivencia en España 2021... P. 24–32.

Вопрос «В какой степени Вы идентифицируете себя с чем-либо?» (по 10-балльной шкале) в этом же исследовании показал, что уровень самоидентификации с Испанией (7,77 баллов) несколько ниже, чем с автономным сообществом (7,81) и местностью (7,79). Впрочем, выбранная шкала оценивания не позволяет судить о различиях уровня приверженности различным символическим сообществам.

Важны изменения уровня влияния различных идентичностей. При сравнении опросов CIS с 2014 по май 2023 г. наблюдаем, что снизилась доля считающих себя только испанцем (с 18 до 9,3%), выросла — считающих себя в большей мере испанцем, чем жителем автономного сообщества (с 6 до 12,4%), в равной мере испанцем и жителем сообщества (с 51 до 52,8%), а также в большей мере жителем сообщества, а не испанцем (с 11 до 15,3%). Доля считающих себя только принадлежащими к сообществу не изменилась (5,9%).

Figura 1. “Me siento español porque comparto con los demás españoles...”: grado de acuerdo con cada frase (% que responde “bastante” o “mucho”)

Fuente: Eurobarómetro 57.2, 2002; y BRIE nº 36, 2015.

При сопоставлении результатов опросов в автономных сообществах наиболее тревожно для национального единства соотношение идентичностей в Каталонии (51% считают себя в большей мере либо только жителем региона), в Стране Басков (47%) и Наварре (43%).

Кармен Гонсалес Энрикес приводит сведения двух волн опросов «Евробарометра» и Королевского института Элькано за 2002 и 2015 г. (выборки 992 и 1005 чел.), отмечая ослабление испанской национальной идентичности (см. диаграмму). Все параметры, предложенные респондентам в качестве оснований идентификации с другими испанцами, уменьшили свою популярность. Снижается самоотождествление с испанской культурой, обычаями и традициями (с 86 до 80%), с испанским языком (с 86 до 82%), с историей государства и его будущим (с 82 до 78%), с его символами (с 72 до 58%) и особенно с главными аспектами, определяющими государство, — его независимостью (с 71 до 49%) и границами (с 85 до 62%); а также с его политической (с 79 до 61%) и экономической жизнью (с 77 до 61%) [González Enríquez et al., 2020].

Как можно наблюдать в представленной таблице, наибольшее снижение признания испытали такие параметры идентичности, как границы и независимость (на 22%), политическая и правовая система (на 18%), экономика (на 16%), государственные символы (на 14%).

Это произошло вследствие мирового экономического кризиса и протестных выступлений 2011–2015 гг., подорвавших доверие к общественным институтам.

Figura 2. “Me siento español porque comparto con los demás españoles...”: puntos porcentuales de caída

	Puntos porcentuales de caída
Una historia y un futuro juntos	2
Un sistema de seguridad social	3
Un idioma común	5
Una cultura, costumbres y tradiciones	6
Nuestro carácter	6
Derechos y deberes	10
Las fuerzas armadas	11
El orgullo de ser español	11
Nuestros símbolos, como la bandera o el himno nacional	14
Una economía nacional	16
Un sistema político y legal	18
Las mismas fronteras	22
La independencia nacional	22

Fuente: Eurobarómetro 57.2, 2002; y BRIE nº 36, 2015.

Соотношение национальной и европейской идентичностей

Насколько распространена европейская приверженность? 59% испанцев в 2015 г. чувствовали себя достаточно или очень близкими другим европейцам, что на два пункта больше, чем в 2002 г., а процент тех, кто почти или даже совсем не ощущает свою общеевропейскую идентичность, снизился на 4 пункта (с 44 до 40%). Сравним такие результаты с 85% считающих себя испанцами, 80% жителями автономного сообщества и 87% — города/села. При этом испанцы являются одной из наиболее еврооптимистично настроенных наций ЕС, хотя оценка эффективности политики ЕС падает. При сопоставлении результатов опросов 2002 и 2015 гг. можно отметить рост признания только общей европейской истории, но резкое ухудшение восприятия политической и правовой системы, общей валюты — евро, системы социальной защиты ЕС, прав и обязанностей граждан, символов ЕС. Согласно опросу «Евробарометра» за март 2023 г., 86% испанцев ощущают себя европейскими гражданами, а 81,7% считают, что участие в ЕС приносит выгоду стране⁵. Опрос CIS за май 2023 г. подтверждает: 81,7% испанцев полагают, что участие Испании в ЕС пошло ей на пользу, и только 12,3% считают, что интеграция нанесла вред⁶. Наиболее оптимистичное восприятие ЕС присуще предпринимателям, несколько в меньшей мере — политическим элитам и относительно сдержанное — основной массе населения страны.

Факторы выбора идентичности и интенсивность её проявления

Обратимся к анкетному опросу, проведённому Каталонским международным институтом за мир (ICIP) под руководством Сандры Леон в октябре 2021 г. Онлайн-опрос был синхронно проведён в Андалусии, Валенсийском сообществе, Галисии, Каталонии, Мадриде, Стране Басков и Эстремадуре (пропорциональная выборка — 7189 чел. старше 16 лет, погрешность не более 1%)⁷. В этом исследовании была выявлена роль различных факторов выбора идентичности. Так, язык считают значимым фактором идентичности (варианты ответов: достаточно и в большой степени) 35% всех опрошенных, гражданство — 30%, религию — 25%, пол — 25%, социальный класс — 19%, автономное сообщество — 17% (разброс по сообществам небольшой). Такие выводы подтверждаются и более ранними исследованиями. Для большинства опрошенных важна культурная, этническая компонента

⁵ Lara José M. La Unión Europea, una desconocida para los españoles: ¿por qué se confía en la institución pero se sabe poco de ella? Rteve.es. 30.06.2023. URL: <https://www.rtve.es/noticias/20230630/union-europea-confia-espanoles-saben-poco/2450168.shtml> (accessed: 03.11.2023).

⁶ Estudio Sobre Identidades Culturales, Nacionales y Europeas... P. 13.

⁷ Garmendia A., León S. Polarización y convivencia en España 2021... P. 24–32.

идентичности, а далее по убыванию — инструментальная, гражданская и символическая компоненты⁸. Как известно, с конца 1970-х гг. в автономных сообществах Испании интенсивно расширяется сфера применения «ко-официальных» (региональных) языков, а в ряде случаев (Каталония, Страна Басков, Наварра) региональные языки получили юридические преференции в сравнении с испанским (кастильским) языком, и это вызывает дискриминацию тех слоёв сообщества, которые говорят по-испански [Борисова, 2017: 109–137].

По 10-балльной шкале от 0 («я исключительно житель своего автономного сообщества /АС/») до 10 («я только испанец») получены итоги: по всей выборке среднее значение 5,22 балла (при этом только житель АС — 14,3%, только испанец — 20,1%). Выделяются Каталония (среднее значение — 3,73 /42,5% и 11,8%/) и Страна Басков — 4,1 (34,0% и 11,0% соответственно). Наиболее «централистские» регионы — Валенсийское сообщество (5,9 баллов), Мадрид — 5,8, Андалусия и Эстремадура — по 5,3. Приверженность региональной идентичности чётко повышается у опрошенных, родители которых происходят из данного сообщества (4,85 баллов по 10-балльной шкале против 5,65). При этом надо учитывать, что на муниципальном уровне тенденции противоречивы внутри каждого автономного сообщества. Так, известен феномен «Табарнии» — пониженной поддержки сепаратизма в провинциях Барселона и Таррагона относительно провинций Жирона и Льейда [Baldoli, Мосса, 2021, 1063–1079].

Авторы опроса 2021 г. стремились также выявить интенсивность проявлений идентичности, задавая вопрос: согласны ли Вы назвать своё общество «мы»? Граждане с региональной идентичностью переживают её с большей интенсивностью, чем те, кто в большей степени идентифицирует себя как испанцы. Групповое самосознание гораздо чаще проявляется среди тех, кто более привязан к региону. Большинство граждан, которые чувствуют себя более солидарными со своими автономными сообществами, демонстрируют связь с людьми, которые разделяют их идентичность, говорят, что чувствуют себя хорошо, когда ссылаются на свою группу, воспринимают критику своей идентичности как оскорбление или относятся к своей группе, используя первое лицо множественного числа («мы»). А люди, которые чувствуют себя более испанцами, чем жителями сообществ, чаще всего не одобряют ни одного из вопросов, поднятых в отношении их территориальной идентичности.

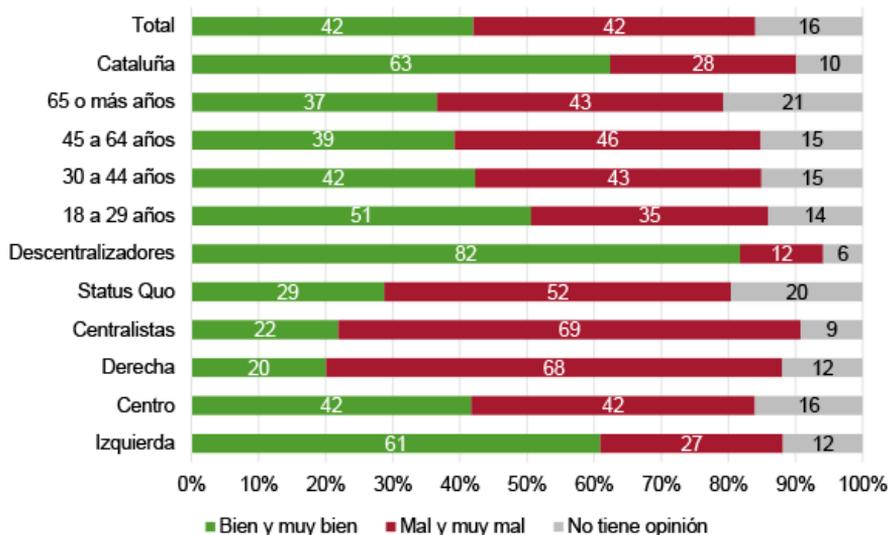
⁸ Centro de Investigaciones Sociológicas. URL: http://www.cis.es/cis/export/sites/default/Archivos/Fomento/PNS/Pre-mio_2012_ConvocatoriaBOE.pdf (accessed: 03.11.2023).

Взаимосвязь между выбором идентичности и представлениями о территориальном устройстве

В опросе, проведённом Центром социологических исследований (май 2023 г., общеиспанская выборка — 7643 чел.), признают высокую приверженность стране 40,6%, а месту жительства — 42,9%. Согласны с тем, что надо укреплять единство испанцев, 60,7% респондентов⁹. Интересна взаимосвязь между выбором идентичности и представлениями о наилучшем территориальном устройстве страны. Выступают за полностью унитарное государство без автономий 13%, за более централизованное, чем сейчас, государство автономий — 19,8%, за нынешнюю модель — 31,6%, за более децентрализованное государство автономий — 18,3%, за государство, признающее возможность автономных сообществ превратиться в независимые государства — 13,5% опрошенных. В сравнении с опросом CIS 2014 г. налицо рост сепаратистских симпатий с 8 до 13,5% и спад поддержки «чистого» унитаризма (без автономных сообществ) с 19 до 13%.

Анкетный опрос, проведённый Королевским институтом Элькано в ноябре 2015 г. (выборка — 1002 чел. старше 18 лет во всех автономных сообществах, кроме Сеуты и Мелильи)¹⁰, позволяет выявить социальную опору сторонников видов территориального устройства Испании (см. диаграмму).

Figura 4. “Últimamente se está oyendo la propuesta de modificar la Constitución española para que España se convierta en un Estado Federal. ¿Qué le parece a usted esa propuesta?” (%)

Fuente: Barómetro del Real Instituto Elcano, 37ª oleada.

⁹ Estudio Sobre Identidades Culturales, Nacionales y Europeas... P. 12–16.

¹⁰ González Enríquez C. Los Españoles ante el Estado de las Autonomías y una Posible Reforma Federalista. Real Instituto Elcano. 27.01.2016. URL: <https://www.realinstitutoelcano.org/comentarios/los-espanoles-ante-el-estado-de-las-autonomias-y-una-possible-reforma-federalista/> (accessed: 03.11.2023).

Наиболее распространенными территориальными идентичностями как во всей Испании, так и в автономных сообществах являются двойные идентичности. Этот сценарий более благоприятен для сотрудничества государства и регионов, чем преобладание исключительной идентичности.

В большинстве автономных сообществ Испании национальная, региональные и местные идентичности соперничают, но не воспринимаются как противоположные. Региональная и местная идентичности воспринимаются, по данным анкетных опросов в 2023 г., как соперницы испанской национальной идентичности свыше 21% респондентами по стране и свыше 43% в Каталонии, Стране Басков и Наварре. Именно для этих автономных сообществ (в меньшей степени — Канарских островов, Галисии, Андалусии) характерна политизация территориальных идентичностей, т.е. стремление использовать аргументы идентичности для обоснования децентрализации власти и повышения статуса своего сообщества. Установлена также высокая положительная взаимосвязь между предпочтением национальной или региональной идентичности, а также мнением респондентов об идеальном территориальном устройстве Испании. Как правило, повышенная поддержка национальной идентичности оказывается респондентами среднего и пожилого возраста, сторонниками правых партий и монархистами.

Среди факторов взаимодействия идентичностей опросы указывают первоочередное влияние языка, затем — гражданство, религию, пол, социальный класс, автономное сообщество.

Причины ослабления национальной идентичности — ослабление доверия к общегосударственным институтам и ценностям и историческим символам гордости вследствие противоположных целей политики идентичности Каталонии и Страны Басков в сравнении с центральной властью. Играет негативную роль в данном контексте и евроинтеграция Испании.

Список литературы / References

Астахова Е.В. (2023) *Испания как метафора*. Москва, МГИМО-Университет, 287 с.
 Astakhova E.V. (2023) *Ispaniya kak metafora*. [Spain as a metaphor], Moscow, MGIMO-University, 287 p. (In Russian)

Борисова Н.В. (2017) *Когда языки в огне: оспаривание языковых режимов как вызов балансу в межэтнических отношениях*, Москва, Политическая энциклопедия, 189 с.

Borisova N.V. (2017) *Kogda jazyki v ogne: osparivanie jazykovykh rezhimov kak vyzov balansu v mezhetnicheskikh otnoshenijah* [When Languages are on fire: Challenging language regimes as a challenge to balance in interethnic relations], Moscow, Politicheskaja jenciklopedija, 189 p. (In Russian).

Коваль Т.Б. (2016) Современная Испания в лабиринте идентичностей, *Культурная сложность современных наций*, под ред. В.А. Тишкова, Е.И. Филипповой, Москва, Политическая энциклопедия, с. 57–77.

Koval T.B. (2016) *Sovremennaja Ispanija v labirinte identichnostej* [Modern Spain in the Labyrinth of Identities] in V.A. Tishkov, E.I. Filippova (eds.) *Kul'turnaja slozhnost' sovremennyh natsij* [The cultural complexity of modern nations], Moscow, Politicheskaja jenciklopedija, pp. 57–77. (In Russian)

Кожановский А.Н. (2006) *Быть испанцем...: Традиция. Самосознание. Историческая память*, Москва, АСТ: Восток-Запад, 320 с.

Kozhanovsky A.N. (2006) *Byt' ispancem...: Traditsija. Samosoznanie. Istoricheskaja pamjat'* [Being a Spaniard...: Tradition. Identity. Historical Memory], Moscow, AST: Vostok-Zapad, 320 p. (In Russian)

Кожановский А.Н. (2020) Общеиспанская национальная идентичность в эпоху перемен (конец XX – начало XXI вв.), *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, Т. 11. № 5 (91), с. 18. DOI: 10.18254/S207987840010185-2

Kozhanovsky A.N. (2020) *Obshcheispanская natsional'naya identichnost' v epokhu peremen (konets XX – nachalo XXI vv.)* [Spanish national identity in the era of change (late XX – early XXI centuries)], *The Journal of Education and Science «ISTORIYA»*, vol. 11, no. 5 (91), p. 18. DOI: 10.18254/S207987840010185-2 (In Russian)

Семенов И.С. (2017) Национальная идентичность, *Идентичность: личность, общество, политика: энциклопедическое издание*, под ред. И.С. Семенова, Москва, Весь мир, с. 405–413.

Semenenko I.S. (2017) *Natsional'naya identichnost'* [National identity] in I.S. Semenenko (ed.) *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika: entsiklopedicheskoe izdanie* [Identity: personality, society, politics: encyclopedic edition], Moscow, Ves' mir, pp. 405–413 (In Russian).

Хенкин С.М. (2023) *Испания. Современное нестабильное общество*, Москва, Аспект Пресс, 383 с.

Khenkin S.M. (2023) *Ispanija. Sovremennoe nestabil'noe obshhestvo* [Spain. Modern unstable society], Moscow, Aspekt Press, 383 p. (In Russian)

Álvarez-Gálvez J., Echavarren J.M., Coller X. (2018) Bound by Blood: the Ethnic and Civic Nature of Collective Identities in the Basque Country, Catalonia and Valencia, *Nations and Nationalism*, vol. 24, iss. 2, pp. 412–431. DOI: <https://doi.org/10.1111/nana.12379>

Anderson B. (2006) *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, London, New York, Verso, 240 p.

Baldoli R., Mocca E. (2021) Rescuing National Unity With Imagination: The Case of Tabarnia, *Nations and Nationalism*, vol. 27, no. 4, pp. 1063–1079. DOI: 10.1111/nana.12712

Carbonell J.-M. (2019) The Two Main Challenges to Catalan Identity, *American Behavioral Scientist*, vol. 63, no. 7, pp. 789–806. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002764218763>

Gellner E. (2006) *Nations and Nationalism. 2nd Edition*, Toronto, Wiley Publications, 208 p.

González Enríquez C., Ruiz Jiménez A.M., Romero Portillo D. (2020) El Debilitamiento de la Identidad Nacional Española Durante la Crisis Económica [The Weakening of the Spanish National Identity During the Economic Crisis], *REIS: Revista Española de Investigaciones Sociológicas*, no. 170, pp. 95–113. DOI: 10.5477/CIS/REIS.170.95 (In Spanish)

Guibernau M. (2004) Nations Without States: Political Communities in the Global Age, *Michigan Journal of International Law*, vol. 25, iss. 4, pp. 1251–1282. URL: <https://repository.law.umich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1293&context=mjil> (accessed: 03.11.2023).

Jiménez Blanco J. (dir.) (1977). *La Conciencia Regional en España* [Regional Identity in Spain], Madrid, Centro de Investigaciones Sociológicas, 152 p. (In Spanish)

Juan Ayuso I.L. de (2022) Regiones e Identidades Españolas. Deriva y Proyección Post-pandémica [Spanish Regions and Identities. Drift and Post-pandemic Projection], *The Green European Journal*. URL: <https://www.greeneuropeanjournal.eu/regiones-e-identidades-espanolas-deriva-y-proyeccion-post-pandemica/> (accessed: 03.11.2023). (In Spanish)

Kamen G. (2008) *Imaging Spain: Historical Myth and National Identity*, New Haven, London, Yale University Press, 240 p.

Moreno Fernández L. (2008) *La Federalización de España. Poder Político y Territorio. Nueva Edición* [The Federalization of Spain. Political Power and Territory. New Edition], Madrid, Siglo XXI, 203 p. (In Spanish)

Rodon T., Guinjoan M. (2018) When the Context Matters: Identity, Secession and the Spatial Dimension in Catalonia, *Political Geography*, vol. 63, no. 2, pp. 75–87. DOI: 10.1016/j.polgeo.2018.01.004

Smith A., Mar-Molinero C. (1996) The Myths and Realities of Nation-Building in the Iberian Peninsula, in Mar-Molinero C., Smith A. (eds.) *Nationalism and the Nation in the Iberian Peninsula: Competing and Conflicting Identities*, Oxford, Washington, Berg, pp. 1–32.

Как выйти за пределы «дежурного меню»?

© Мартынов Б.Ф., 2024

Борис Федорович Мартынов, д-р полит. наук, профессор МГИМО МИД России.
119454, Москва, проспект Вернадского, 76
ORCID: 0000-0002-4013-4199 E-mail: bfmartynoff@gmail.com

Рецензия на монографию: Давыдов В.М. Концептуальное позиционирование в духе регионоведения. Опыт латиноамериканистики и не только... – Москва: Весь Мир, 2023. – 150 с.

Ключевые слова: цивилизационный подход, регионоведение, Латино-Карибская Америка, школа латиноамериканистики, междисциплинарный подход, Институт Латинской Америки РАН

Для цитирования: Мартынов Б.Ф. (2024) Как выйти за пределы «дежурного меню»? *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 223–231. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-223-231

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

¿Más allá del «menú del día»?

© Martynov B.F., 2024

Boris F. Martynov, Doctor en Ciencias Políticas, Catedrático de la Universidad MGIMO.
119454, Rusia, Moscú, Avenida Vernadsky, 76
ORCID: 0000-0002-4013-4199 E-mail: bfmartynoff@gmail.com

Reseña de la monografía: Davydov V.M. Posicionamiento conceptual en el cauce de estudios regionales. La experiencia de estudios latinoamericanos y no solamente... – Moscú: Ves' Mir, 2023. – 150 p.

Palabras clave: enfoque de civilización, estudios regionales y latinoamericanos, Latinoamérica y el Caribe, enfoque interdisciplinario, Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias de Rusia

Para citar: Martynov B.F. (2024) ¿Más allá del «menú del día»? *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 223–231. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-223-231

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

BOOK REVIEW

Iberoamerican Papers. 2024. 1. P. 223–231
DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-223-231

UDC 94:327

Received 10.02.2024
Revised 25.02.2024
Accepted 05.03.2024

Going Beyond «The Standard Menu»?

© Martynov B.F., 2024

Boris F. Martynov, Dr. of Political Science, professor, Moscow State Institute of International Relations. 119454, Russia, Moscow, prospect Vernadskogo, 76
ORCID: 0000-0002-4013-4199 E-mail: bfmartynoff@gmail.com

Book Review: Davydov V.M. Conceptual positioning in the context of regional studies. The experience of Latin American Studies and not only... – Moscow: Ves' Mir, 2023. – 150 p.

Keywords: civilization approach, regional studies, Latin and Caribbean America, Latin American studies, interdisciplinary approach, Institute for Latin America of the RAS

For citation: Martynov B.F. (2024) Going beyond «The Standard Menu»? *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 223–231. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-223-231

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Sólo puede entrar el mundo en mi mente
si la estructura de mi mente coincide en parte
con la estructura del mundo,
si mi pensar se comporta en alguna manera coincidentemente con el ser.
José Ortega y Gasset

Мир может войти в мой разум только в том случае,
если структура этого разума
в чем-то совпадает со структурой мира,
если деятельность моего мышления
так или иначе совпадает с бытием.
*Хосе Ортега-и-Гассет*¹

Настала пора задавать вопросы. Само время обязывает нас к этому. Раньше мы в основном предпочитали давать ответы. Как бы походя, иногда даже не задумываясь: госмонополия на истину не давала отходить от правил «ленивого консенсуса». Так было удобнее жить.

Сказанное относится не только к нашим общественным наукам и таким ее специальностям, как страноведение и регионоведение. Если не слишком придирается к словам, то долгое время они были не столько науками, сколько своеобразной формой отчетности. «Ленивый консенсус» так прочно внедрился в сознание масс, что у многих отбил желание (и навык) видеть за «сущим» горизонты нового. А наука, любая наука, без обратной связи, как вера без дел, мертва. В результате, несмотря на наличие в нашей стране мощных и престижных академических структур, не обделенных вниманием со стороны государства, такие направления, как американистика и европейстика, оказались в кризисе. События последних лет подтверждают это.

В упрощенной формуле «политика есть концентрированное выражение экономики» обычно не находилось места для таких «мутных» материй, как национальная культура, индивидуальная и общественная психология, национальные комплексы и фобии, национальное правосознание, наконец.

¹ Эта цитата из курса лекций «Что такое философия?» (¿Qué es filosofía? Lección IV) выдающегося испанского историка, философа и литератора Хосе Ортеги-и-Гассета открывает в качестве эпиграфа книгу В.М. Давыдова. — Прим. ред.

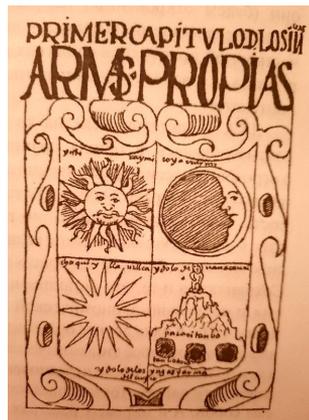
Во всяком случае, марксисты относили эти материи к категории «надстроечных», т.е. заведомо зависимых от экономики. Да и исторические реалии в этой формуле занимали не так чтобы очень важное место. В погоне за материальным мы как-то забыли библейскую истину: «не хлебом единым...»

Когда мне в руки попала весьма добротная монография российского американиста В.В. Согрина «Американская цивилизация» [Согрин, 2020], то в глаза сразу бросились слова на обороте обложки: «Это первая в отечественной литературе книга о США, основанная на цивилизационном подходе». «Как же так?» — подумалось сразу. *Первая?! Неужели до сих пор национальному менталитету, особенностям духовной и материальной культуры общества, политической и правовой культуры американцев (а именно они лежат в основе понятия «цивилизация»!) мы не уделяли должного внимания?*

Отсюда и наши беспочвенные упования на «партнерство, а в перспективе — союзничество» с Соединенными Штатами² (и с «коллективным Западом» вообще), которые закончились в конце концов тем, что «нам не оставили выбора». Так, может быть, причиной этого, в том числе, стало неверное консультирование со стороны некоторых академических структур?

Но времена меняются. Свидетельством чего является рецензируемая книга, которая принадлежит перу, пожалуй, самого именитого российского латиноамериканиста, который долгое время успешно возглавлял Институт Латинской Америки РАН, члену-корреспонденту РАН, профессору Владимиру Михайловичу Давыдову. Ныне Владимир Михайлович — научный руководитель этого престижного института.

Рецензируя новую книгу Владимира Михайловича, я допускаю, что могу быть субъективен в своих рассуждениях. Главное, однако, не в этом (всякий автор так или иначе субъективен), а в том, что эта книга настойчиво приглашает к рассуждениям и ставит назревшие глобальные вопросы. Вся она — от начала и до конца — пронизана духом деbüroкратизации и деформализации отечественной страны- и регионоведческой науки, в чем читателя убеждает интригующий и одновременно обязывающий подзаголовок: «Опыт латиноамериканистики и не только...».

«Первая новая хроника и доброе правление»³

² См. Концепцию внешней политики Российской Федерации от 23 апреля 1993 г. — *Прим. авт.*

³ В книге В.М. Давыдова использованы рисунки из рукописи «Первая новая хроника и доброе правление» перуанского хрониста XVI в. Фелипе Гуамана Пома де Айалы (Felipe Guamán Poma de Ayala, 1534–1615). — *Прим. ред.*

Кому-то может показаться, что в книге В.М. Давыдова, которая носит довольно необычный — обзорно-аналитический и одновременно концептуально-постановочный характер — многовато «экономики». Но это и понятно. Главное, что ее автор — известный ученый-экономист, автор солидных академических трудов — не имеет привычки запирает себя в «башню из слоновой кости». В отличие от многих, которые — увы! — так до сих пор и не могут понять, что человек не «есть только то, что он ест», настоящим, подлинным коньком Владимира Михайловича в науке была и есть междисциплинарность. Этим пафосом пронизана и его новая книга. А кроме того, что она глубоко научна, она еще и должным образом эмоциональна. Как (совсем по-латиноамерикански!) бывает эмоционален в своих выступлениях и сам Владимир Михайлович, когда делится с аудиторией своими новыми идеями и планами, в дефиците которых его нельзя упрекнуть.

Но сначала про «обзорность». Мне, латиноамериканисту с солидным стажем, долгие годы проработавшему в ИЛА, отрадно сознавать, что Институт, в истории которого бывали и взлеты, и падения, всегда отстаивал высокие научные идеалы. Путь, пройденный им начиная с момента основания (сразу после революции на Кубе), можно без особого преувеличения назвать славным, а после прихода В.М. Давыдова на должность директора в начале 1990-х — еще и «героическим».

О «героическом» говорить можно долго. Сам Владимир Михайлович по скромности умалчивает в своей книге о том, сколько раз ему приходилось спасать институт от разного рода «наездов» в лихие 90-е. Не стану и я предаваться грустным воспоминаниям.

Теперь об аналитике. Общий вывод таков: латиноамериканистика не подвела нашу науку. В перечне славных дел ИЛА — и цивилизационный подход (его начали осваивать уже давно), и острые дискуссии (хорошо помню самую важную: о «периферийном капитализме»), выплескивавшиеся на страницы журнала «Латинская Америка», и новые направления, которые обозначились тоже довольно давно, но стали особенно актуальны в наши дни (например, тема транснациональной преступности [Мартынов, 2017]). И сегодня коллектив ИЛА РАН лидирует в постановке и изучении важных тем: об устойчивом развитии, о соотношении глобализации и регионализации, о конфликтном потенциале современных латиноамериканских (и не только) обществ и т.д. Наконец, о будущем всей человеческой цивилизации сквозь призму латиноамериканской.

Взять хотя бы культурологию — падчерицу «большой» академической науки. Сектор, а затем и Центр культурологических исследований в ИЛА всегда поддерживался на должной высоте, и, может быть, именно поэтому изучение латиноамериканской цивилизации, как и междисциплинарного взаимодействия вообще, там началось уже на ранних стадиях. Попадание «в точку» вообще в духе латиноамериканистов. Особенно сейчас, когда

Россия заявила о себе как о «самобытном государстве-цивилизации» и уникальной «евроазиатской» и «евро-тихоокеанской державе»⁴, плюс, разумеется, БРИКС.

Не все, как водится, бывало столь гладко. «Формы отчетности» продолжали некоторое время дозвлетать даже после того, как их, казалось бы, окончательно отменили. Стоит отметить, что работа в сфере наук о политике всегда отличалась и будет отличаться особой спецификой. Наверное, это естественно. Хотелось бы, однако, чтобы мнение руководящих инстанций впредь больше не выделялось на фоне мнения ученых: «служенье муз не терпит суеты». Но...

Хорошо помню, как в начале двухтысячных в ИЛА спустили разрядку: подумать над тем, как исключительно быстрыми темпами нарастить имидж России за рубежом. Сегодня время расставило все по своим местам и у нас, слава Богу, пропало желание во что бы то ни стало понравиться нашим западным «партнерам». Но тогда ИЛА взял, что называется, «под козырек», и выдал на-гора продукцию академического ума, которая частично вошла потом в золотой фонд российской имиджологии [Мартынов, 2009].

Здесь я бы хотел немного скостить критику в адрес американистов и европейцев, которая прозвучала в самом начале: им всегда было хуже, чем нам, латиноамериканцам. Отмечая несомненные научные заслуги коллектива ИЛА РАН и его талантливого директора, следует признать, что нам сильно повезло: мы вспахиваем гораздо более благодатную почву. Эндемичная для европейцев и американцев — и насквозь иррациональная! — русофобия до поры до времени бывает скрытой, но каждый раз заявляет о себе в пограничных ситуациях. Латиноамериканцы же в массе своей «грешат», скорее, русофилией (интересно, это «в пику» англо-американцам или тоже «просто так?»), что делает труд латиноамериканца востребованным и достойным. Ну что же. Кому-то, наверное, должно было повезти...

И именно поэтому мы продолжаем настаивать на том, что Латино-Карибская Америка для России — это *естественный союзник*, который разделяет с ней практически все базисные ценности современного мировидения.

А теперь, наконец, о концептуальном позиционировании — направлении, которое вынесено в название книги. Концептуализацию — т.е. осмысление достигнутого с учетом новообразующихся тенденций, можно назвать «любимым блюдом» В.М. Давыдова, который не привык довольствоваться «дежурным меню», всякий раз предпочитая ему «кулинарные изыски».

⁴ См. Концепцию внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г. — Прим. авт.

«Нынешняя реальность слишком многообразна, чтобы довольствоваться прежними представлениями» (с. 104), — сообщает нам автор, встречая здесь практически неограниченную поддержку всего политологического социума. Но сторонники «ленивого консенсуса» (оказывается, остаются еще и такие!) пока не готовы уступить. Для них по-прежнему удобны абстрактные формулы о «свободе», «демократии», «равенстве», «правах человека», привычное деление на «правых и левых» и т.д. — фантомы, родившиеся в XVIII в., но почему-то сохранившие свою валентность и по сей день. Цитируем еще раз В.М. Давыдова: «Как хорошо известно, нынешний интернациональный идейно-политический нарратив перегружен “абсолютными истинами” относительно пагубности авторитаризма и плодотворности демократии. А может быть, истина все же конкретна? Может быть, сингапурский или южнокорейский примеры не укладываются в прокрустово ложе и требуют объяснения в рамках того, что адекватно национальной конкретике? Похоже, нам и латиноамериканцам будет трудно аплодировать рефрену “свобода лучше, чем несвобода” (спрашивается: чья, кому, от чего, и т.п.)» (с. 103).

Как автор рецензии, я не только подписался бы здесь под каждым словом, но и, если бы не боялся самовольного вторжения в оригинальный текст, выделил бы некоторые места особо — курсивом.

А дальше, в заключительных главах своей книги, Владимир Михайлович приглашает нас на интересную экскурсию в область «запретного»: туда, где (хотя бы на время, если не навсегда!) экономика *больше не является демиургом политики*. Ибо таковыми ныне в порядке убывания можно считать геополитику, стратегию национального эгоизма и элементарный шкурный интерес.

В.М. Давыдов, кажется, согласен, что рациональное (а это в первую очередь экономика) сегодня отступает на второй план под натиском иррационального начала, и бывшая повестка, неважно какая — глобализация, деглобализация или «устойчивое развитие» — оказывается не всегда релевантной по месту и времени. «События начала 2022 года круто развернули мировую ситуацию, во многом застав нас врасплох в психологическом отношении, а также в том, что связано с возможностью своевременного научного осмысления происходящего. Эти события заслонили собой прежние озабоченности мирового сообщества, переведя сегодня в тень или в зону забвения даже те, которые обусловлены эффектом пандемии коронавируса либо обеспечением должного консенсуса относительно целей устойчивого развития в общемировом и национальном масштабе», — пишет он. Тогда что же, спросим мы, считать «новой нормальностью» (за которой со всей очевидностью должна будет последовать другая, еще более «новая», и т.д. и т.п., и так до бесконечности)? В.М. Давыдов абсолютно прав, когда пишет

о том, что «перед научным мировоззрением обозначился кардинальный вызов» (с. 117). Но успеет ли человеческий разум за головокружительным развитием событий?

На первый взгляд, ответы им даны. «Мы вовлечены в переходное состояние, обусловленное интегральной мотивацией», «спусковым механизмом которого становится смена технологической парадигмы». «Иными словами, — заключает В.М. Давыдов, — налицо интегральная метаморфоза мирового сообщества по принципу сообщающихся сосудов» (с. 115). Здесь все: и революция в военном деле, и зеленая энергетика, и попытки США отстоять свою гегемонию в мире, и украинский кризис...

Но это только на первый взгляд, да и то если не погружаться в текст, что называется, «с головой». На самом деле, всякая «новая» нормальность в своей бесконечной перспективе тяготеет к давно забытой «старой»! И мне кажется, что Владимир Михайлович, если судить по эпиграфу, взятому им из Ортеги-и-Гассета (José Ortega y Gasset, 1883–1955), и по названию одной из глав его книги («Время водит нашими перьями»), на подсознательном, интуитивном уровне чувствует это. Но здесь мы уходим с торной дороги гносеологической рутины и вступаем на заповедную тропу, которая ведет к субъективизации истории как некой самостоятельной сущности со своим собственным, отличным от людского, целеполаганием (см. работы Нассима Николаса Талеба /Nassim Taleb, p. 1960/). И тогда нам придется согласиться, что от признания бытийности «Природно-Стихийного Начала» [Барановский и др., 2010] всего лишь шаг до признания... Впрочем, это уже совсем другая история.

Путь постижения истины хлопотен и непрост. Он вымощен трудами тех, кто готов жертвовать ради нее своим временем и энергией, без остатка отдаваясь этому бесконечному процессу. Новая книга Владимира Михайловича Давыдова — один из таких трудов.

Список литературы / References

Барановский В.Г., Богатуров А.Д., Дундич А.С. (ред.) (2010) *Современные глобальные проблемы*, Москва, Аспект Пресс, 350 с.

Baranovsky V.G., Bogaturov A.D., Dundich A.S. (eds.) (2010) *Sovremennye global'nye problemy* [Contemporary Global Problems], Moscow, Aspekt Press, 350 p. (In Russian)

Мартынов Б.Ф. (отв. ред.) (2009) *Имидж России и его восприятие в Бразилии*, ИЛА РАН, 144 с.

Martynov B.F. (ed.) (2009) *Imidzh Rossii i ego vospriyatie v Brazilii* [Image of Russia and its perception in Brazil], Moscow, ILA RAN, 144 p. (In Russian)

Мартынов Б.Ф. (отв. ред.) (2017) *Современная организованная преступность в Латинской Америке и странах Карибского бассейна*, Москва, Весь Мир, 267 с.

Martynov B.F. (ed.) (2017) *Sovremennaya organizovannaya prestupnost' v Latinskoj Amerike i stranakh Karibskogo basseina* [Contemporary organized crime in Latin America and the Caribbean], Moscow, Ves' Mir, 267 p. (In Russian)

Согрин В.В. (2020) *Американская цивилизация*, Москва, Весь Мир, 248 с.

Sogrin V.V. (2020) *Amerikanskaya tsivilizatsiya* [American civilization], Moscow, Ves' Mir, 248 p. (In Russian)

Мы тоже любим танго

© Константинова Н.С., 2024

Наталья Сергеевна Константинова, канд. ист. наук, руководитель Центра культурологических исследований ИЛА РАН.

115035, Москва, улица Большая Ордынка, 21

ORCID: 0000-0002-7599-9264

E-mail: natkonst@hotmail.com

Рецензия на монографию: Косичев Л.А. Сотворение танго. – Москва: Издательство «Восточный экспресс», 2023. – 240 с.

Ключевые слова: танго, Буэнос-Айрес, Рио-де-Ла-Плата, Гардель, Пьяццолла

Для цитирования: Константинова Н.С. (2024) Мы тоже любим танго. *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 232–237. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-232-237

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

También amamos el tango

© Konstantinova N.S., 2024

Natalia S. Konstantinova, PhD (Historia), Jefa del Centro de Estudios Culturales del Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias de Rusia.

115035, Rusia, Moscú, calle Bolshaya Ordynka, 21

ORCID: 0000-0002-7599-9264

E-mail: natkonst@hotmail.com

Reseña de la monografía: Kosichev L.A. La creación del tango. – Moscú: Editorial «East Express», 2023. – 240 p.

Palabras clave: tango, Buenos Aires, Río de La Plata, Gardel, Piazzolla

Para citar: Konstantinova N.S. (2024) También amamos el tango, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 232–237. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-232-237

Declaración de divulgación: La autora declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

BOOK REVIEW

Iberoamerican Papers. 2024. 1. P. 232–237
DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-232-237

UDC 316.7(82)+78.085.321

Received 10.02.2024
Revised 25.02.2024
Accepted 05.03.2024

We Love Tango Too

© Konstantinova N.S., 2024

Natalia S. Konstantinova, PhD (History), Head of the Center for Cultural Studies of Institute for Latin America of the Russian Academy of Sciences.
115035 Russia, Moscow, Bolshaya Ordynka street, 21
ORCID: 0000-0002-7599-9264 E-mail: natkonst@hotmail.com

Book Review: Kosichev L.A. The creation of tango. – Moscow: Publishing House «East Express», 2023. – 240 p.

Keywords: tango, Buenos Aires, Río de La Plata, Gardel, Piazzolla

For citation: Konstantinova N.S. (2024) We Love Tango Too, *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 232–237. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-232-237

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Передо мной книга с интригующим названием — «Сотворение танго». О ней и пойдет речь. Но сначала несколько слов об авторе, с которым я давно знакома. Он рано почувствовал свое призвание. Окончив среднюю школу, сразу поступил на факультет журналистики МГУ. Сомнений в правильности выбора жизненного пути у него не было. Поэтому и профессиональная карьера сложилась удачно. Леонард Анатольевич Косичев — заслуженный работник культуры Российской Федерации. Много лет занимал должность главного редактора радиовещания на испанском и португальском языках Государственной радиовещательной компании «Голос России».

То, что он работал во времена Альенде (Salvador Allende, 1970–1973) в Чили, для меня не было секретом. В бразильской редакции «Голоса», с которой я внештатно сотрудничала, об этом эпизоде в его биографии знали все.

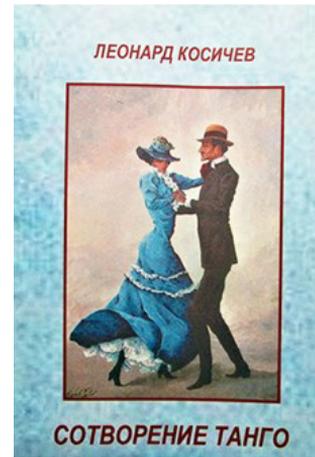
А вот то, что судьба журналиста-международника забрасывала его и в Аргентину, для меня оказалось сюрпризом. Находясь в водовороте бурлящей жизни Буэнос-Айреса, столицы танго, он получил возможность, выражаясь языком науки, провести «полевые исследования», изучить феномен танго изнутри, тем более что «экскурсоводом» в мире аргентинского танго у него был выдающийся композитор и музыкант Освальдо Пульезе¹.

Иными словами, обстоятельства сложились так, что автор рецензируемой книги просто обязан был её написать.

Практически общепризнано, что танго родилось в Ла-Боке (La Boca) — районе Буэнос-Айреса, прилегавшем к старому порту. Это был бедный район итальянских эмигрантов с особой криминализованной субкультурой. Впрочем, не такой уж особой. Схожая субкультура возникает вокруг любого порта.

Мое поколение хорошо помнит, например, что случилось в Кейптаунском порту, когда там с *Жанетты* (французского парохода с *пробоиной в борту*) на берег был отпущен экипаж². Порт — он везде порт. На мой взгляд, эта схожесть способствовала тому, что танец, не имевший фольклорных корней, новый и необычный, родившийся не в самом благополучном месте, так быстро завоевывал мир. В европейских портовых городах танец воспринимался как «свой». Он был свой в Генуе и в Марселе, в Данциге³ и в Одессе... Из Марселя перебирался в Париж, из Генуи — в Рим, из Данцига — в Берлин и Варшаву. Ну, а к нам он попал из Одессы. Иначе не объяснить абсолютно идеальной эквиритмии «переводного» текста Эль Чокло⁴ на одесский жаргонный. Я имею в виду известные всем слова про пивную, открывшуюся на Дерибасовской, где «собиралась компания блатная» — «Маруся, Роза, Рая и с ними Костя, Костя-шмаровоз».

Вслушаемся в ещё одно танго. Оно называется *Каминито* (*Caminito*). В буквальном переводе — «дорожка». Но точно так же называется и улочка с разноцветными домиками в Ла-Боке. Улочка-дружок, с которой человек

¹ Освальдо Пульезе (Osvaldo Pedro Pugliese, 1905–1995) — аргентинский музыкант, композитор, аранжировщик. Известен своими знаменитыми танго «Recuerdo», «La yumba», «Adiós Bardi», «Una vez» и многими другими произведениями. — Прим. ред.

² Цитата из популярной песни «В кейптаунском порту». — Прим. ред.

³ Немецкий Данциг, в котором, согласно Версальскому договору 1919 г., у Польши были особые таможенные права, после Второй мировой войны вошел в состав Польши и получил польское название Гданьск. — Прим. ред.

⁴ Эль Чокло (исп. El Choclo — «початок») — танго, написанное аргентинским композитором Анхелем Вильольдо в 1903 г. Произведение было впервые представлено в Буэнос-Айресе в 1903 г. в ресторане El Americano. Вскоре появляются записи танго в инструментальном варианте, затем — в виде песни, сперва на испанском языке, затем в переводах или перетекстовках на других языках. Первая публикация нот датируется 1905 г. — Прим. ред.

сресся, бежит, убегает, уходит. А человек поет, обращаясь к ней. И вдруг обрывает свою песню: «Я тоже ухожу!» Что значит «ухожу»? Здесь есть зазор, чтобы подумать. В любом случае, это танго с другим настроением. Я включила бы его в разряд философской лирики.

А вот текст менее известного у нас танго — *Камбалаче*⁵. Автор слов и музыки — Диссеполо (Enrique Santos Discépolo, 1901–1951).

Достойного перевода на русский нет. А на языке оригинала его великолепно исполняет испанка Пасьон Вега (Pasión Vega, р. 1976). На гастролях в Аргентине, — прежде, чем начать петь, — она разыгрывала незамысловатую сценку, подзывая официанта уличного кафе по-русски: *Парень, парень!*

Аргентина — страна переселенческая. И в тридцатые годы прошлого века для Буэнос-Айреса ничего удивительного в таком обращении не было. Официант откликнулся на ее русский призыв, подбегал к ней с газетой и стулом. Она садилась и, листая газету, объявляла номер. Тут же вступал в дело оркестр. Получалось, что, исполняя танго, она «комментировала» словами Диссеполо последние известия, ещё пахнущие типографской краской.

— *То, что всегда хватало свинства, никакая не новость. Так было в пятьсот шестом. Будет и в двухтысячном. Мошенники, ворье, двурушники, богатые и нищие... Но двадцатый век — это нечто. Всё напоказ, как в витрине лоскутной лавки. Без разбора свалено в кучу. Какая разница, прав ты или виноват, дурак или мудрец? Надутый индюк, заслуженный профессор и полный осёл — все равны! Ни один не лучше другого... Нас уравнили те, что без чести и совести. Никого не колышет, если ты родился честным и вкалываешь днями и ночами, как вол. Без разницы. Кто лечит, а кто калечит. А кто-то объявлен вне закона.* — Песня социального протеста в ритме танго. Странный текст⁶. Возможно, единственный в своем роде...

⁵ Камбалаче (исп. cambalache — грошовый обмен, менная лавка, ломбард) — песня-танго на сленговом языке, написанная в 1934 г. Энрике Сантосом Диссеполо для фильма «Душа аккордеона» («El alma del bandoneón», 1935). Была запрещена чередой правительств Аргентины из-за критики властей и коррупции, цензура была ослаблена при генерале Пероне (Juan Domingo Perón, 1946–1955, 1973–1974). — *Прим. ред.*

⁶ Que el mundo fue y será una porquería, ya lo sé
En el 506 y en el 2000 también
Que siempre ha habido chorros, maquiavelos y estafaos
Contentos y amargaos, valores y doblé
Pero que el siglo XX es un despliegue
De maldad insolente, ya no hay quien lo niegue... — *Прим. ред.*

Коррьентес, 3 — 4 — 8 (Corrientes, Tres — Cuatro — Ocho). Это реальный адрес и первые слова из знаменитого танго «A media luz» — шедевра, созданного в 1925 г. композитором Эдгардо Донато (Edgardo Donato, 1897–1963) и поэтом Карлосом Сезаром Ленци (Carlos César Lenzi, 1895–1963). Мне довелось там побывать. Никогда не забуду, как я стояла напротив дома по этому адресу.

Интерес к аргентинскому танго мне привили родители. С детства помню голос великого Карлоса Гарделя (Carlos Gardel, 1890–1935). Но если обнулить вокал, мы даже лучше увидим, что все без исключения танго говорят о любви. О ней будут говорить жесты, постановка корпуса (postura), танцевальное движение партнеров, их отношение друг к другу. Танго — танец очень неиспанский. Испанский по характеру танец — пасодобль. Что происходит в пасодобле? — Укрощение строптивой. А в танго происходит совсем другое. Пара сливается в одно целое и «эгоизмы» испаряются. Тангеро незачем укрощать партнершу. Он нашел в ней свою половину, свою женщину, а она в нем обрела своего мужчину. Она может вести себя легкомысленно: повиснуть у него на шее и уснуть, как кошка, или доверчиво запрыгнуть на руки. Удержит? — Без проблем! Ведь пока звучит танго, ее зовут не *Маруся*, *Роза*, *Рая*, а так, как его лодку, на которой он приплыл в ее порт. Мужчины часто называют свои лодки именами любимых.

Карлос Гардель

Памятник бандонеону в Буэнос-Айресе, Пуэрто-Мадеро (2007 г.)

У танго итальянская и немецкая душа. С итальянцами все понятно. А немецкий вклад в сотворение — бандонеон. Музыкальный инструмент, придающий танго неповторимое звучание, создал в первой половине XIX в. уроженец южной Германии Генрих Банд⁷. У этого немецкого изобретения великая аргентинская судьба. Не случайно ему посвятили свои произведения многие аргентинские композиторы, а в Буэнос-Айресе возведен памятник бандонеону.

⁷ Генрих Банд (Heinrich Band, 1821–1860) открыл свой музыкальный магазин в 1843 г. в Креффельде (Германия) и предположительно в 1846 г. здесь им мог быть продан первый бандонеон. Считается, что инструмент, созданный на основе ручной немецкой концертины, унаследовал имя своего создателя. — *Прим. ред.*

Читая книгу, мы путешествуем вместе с автором по Буэнос-Айресу, погружаемся в атмосферу тех мест, где исполняют танго. При этом автор помогает не заблудиться в терминологических дебрях, для кого-то раскрывая, а для кого-то уточняя целый ряд понятий, таких как, например, *милонга*, *лунфардо*, *эль чокло*, *компарса*, *кумпарсита*.

Сквозная тема — взаимодействие традиций и инноваций. В данном случае она выглядит как путь, пройденный от противостояния классического танго и созданного Астором Пьяццоллой⁸ «нового танго» до их в целом «мирного сосуществования» в наше время, когда правильнее говорить не о конфронтации, а о преемственности, которую символизируют имена Гарделя, Пульезе и Пьяццоллы.

Оставлю за скобками длительные споры Аргентины и Уругвая по вопросу «авторских прав» на танго. Между соседями так бывает. Ограничусь тем, что напомним: ставшее хрестоматийным танго «Кумпарсита» — плод совместного творчества уругвайского композитора и аргентинского поэта.

Отдельный и очень интересный сюжет книги — танго и кино. Мы знаем множество фильмов, в названии которых есть слово «танго», иной раз — в качестве своего рода «приманки», а иногда, безусловно, оправданно. В этой связи полезно вспомнить фильм «Танго, Гардель в изгнании» («El exilio de Gardel», 1985) режиссера Фернандо Соланаса (Fernando Ezequiel Solanas, 1936–2020). Фильм-мюзикл о жизни аргентинской интеллигенции, многие представители которой в условиях военной диктатуры были вынуждены эмигрировать, о том, как в эмиграции они стали носителями аргентинской культуры. Для того чтобы полнее выразить настрой этого фильма (трагикомедии), Соланас изобрел неологизм, назвав свою картину «тангедией». Но тем самым он подчеркнул и роль танго в аргентинской культуре.

Сегодня танго признано культурным достоянием человечества (спасибо ЮНЕСКО). И, конечно же, спасибо Леонарду Анатольевичу Косичеву. Его книга не академическое исследование. Она написана для всех, а значит, и для нас, латиноамериканистов, — тоже. Мы тоже любим танго.

⁸ Астор Пьяццолла (Astor Piazzolla, 1921–1992) — замечательный аргентинский композитор второй половины XX в.; его сочинения, вобравшие элементы джаза и классической музыки, значительно обогатили жанр танго, представив его в современном ключе, был создан стиль «танго нуэво». — *Прим. ред.*

Латинская и Карибская Америка в фокусе лингвострановедения: новая учебная энциклопедия на испанском языке

© Раевская М.М., 2024

Марина Михайловна Раевская, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой испанского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова. 119234, Москва, Ленинские горы, 1/13
ORCID: 0000-0002-7724-0403 E-mail: mraevskaya@gmail.com

Рецензия на монографию: Е.В. Астахова, Ю.В. Давтян, Е.В. Крюкова. Испаноязычные страны Латинской и Карибской Америки: национальные образы. История. Культура. Язык. Учебник по лингвострановедению / под ред. В.А. Иовенко. М.: Прометей, 2024. — 460 с.

Аннотация. Настоящий учебник представляет собой своего рода мини-энциклопедию, сквозь призму испанского языка знакомящую со страницами истории, политики, культуры, искусства всех 19 испаноязычных стран Латинской и Карибской Америки. Цель авторов — формирование и развитие лингвострановедческих компетенций посредством оригинальных текстов, упражнений и видеоматериалов (песни, виртуальные экскурсии, фрагменты художественных и документальных фильмов), к которым привязаны цифровые коды. В отдельных рубриках рассматриваются национальные варианты испанского языка, элементы вестиментарной лексики, гастрономические рецепты, представлены исторические персоналии, приводятся редкие факты отношений стран континента с Россией. Учебник носит новаторский характер и предназначен для образовательных учреждений, где изучается испанский язык, и для всех, кто интересуется прошлым и настоящим испаноязычных стран латиноамериканского региона.

Ключевые слова: Латинская Америка, Карибская Америка, лингвострановедение, испаноязычные страны, национальные образы, история и культура, испанский язык

Для цитирования: Раевская М.М. (2024) Латинская и Карибская Америка в фокусе лингвострановедения: новая учебная энциклопедия на испанском языке. *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 238–244. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-238-244

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Hispanoamérica en los estudios lingüísticos y regionales: nueva enciclopedia educativa

© Raevskaya M.M., 2024

Marina M. Raevskaya, Doctora en Filología, catedrática, jefa del Departamento de la Lengua Española, Facultad de Lenguas Extranjeras y Estudios Regionales de la Universidad Estatal M.V. Lomonósov de Moscú.

119991, Rusia, Moscú, GSP — 1, calle Leninskiye Gory, 1/13

ORCID: 0000-0002-7724-0403

E-mail: mraevskaya@gmail.com

Reseña de la monografía: E.V. Astakhova, Yu.V. Davtyan, E.V. Kriukova. Hispanoamérica: Imágenes nacionales. Historia. Cultura. Lengua. Países hispanohablantes de América Latina y el Caribe: imágenes nacionales. Historia. Cultura. Idioma. Libro de texto sobre estudios lingüísticos y regionales / Ed. por V. Iovenko. M.: Prometey, 2024. — 460 p.

Resumen. Este libro es una especie de mini enciclopedia porque, a través del prisma de la lengua española, hace conocer las páginas de la historia, de la política, de la cultura y el arte de los 19 países hispanohablantes de América Latina y el Caribe. El objetivo de las autoras del libro es la formación y el desarrollo de las competencias lingüísticas y culturales. Están presentes los textos originales, ejercicios creativos y materiales de video (excursiones virtuales, canciones, fragmentos de las películas de ficción y documentales) a los que se adjuntan códigos digitales. En cada unidad dedicada a un u otro país, se examinan las variedades nacionales del español, se mencionan famosas personalidades de la historia, de letras y de arte, se presentan las recetas de la gastronomía nacional, los elementos de vestimenta típica, también unos hechos de las relaciones de los países del continente con Rusia.

El libro tiene carácter innovador y está destinado a los que estudian español en varias instituciones educativas y a cualquier persona interesada en el pasado y el presente de los países de habla hispana en Latinoamérica y el Caribe.

Palabras clave: América Latina, América Caribe, estudios lingüísticos y regionales, Hispanoamérica, imágenes nacionales, historia y cultura, lengua española

Para citar: Raevskaya M.M. (2024) Hispanoamérica en los estudios lingüísticos y regionales: nueva enciclopedia educativa, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 238–244. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-238-244

Declaración de divulgación: La autora declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Hispanic America in Linguistic and Regional Studies: New Educational Encyclopedia

© Raevskaya M.M., 2024

Marina M. Raevskaya, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Spanish Language, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University (MGU).
119234, Russia, Moscow, GSP — 1, Leninskiye Gory street, 1/13
ORCID: 0000-0002-7724-0403 E-mail: mraevskaya@gmail.com

Book Review: E.V. Astakhova, Yu.V. Davtyan, E.V. Kriukova. Spanish-speaking countries of Latin America and the Caribbean: national images. History. Culture. Language. Textbook on linguistic and regional studies / Ed. by V. Iovenko. M.: Prometei, 2024. — 460 p.

Abstract. This book gives an insight into the history, politics, culture and art of 19 Spanish-speaking countries of Latin America and the Caribbean through the lens of the Spanish language. The aim of the book is to help train and develop linguistic and cultural skills. It contains original texts, creative exercises and video materials (virtual excursions, songs, fragments of fiction films and documentaries) with digital codes attached. Each unit dedicated to a certain country focuses on national varieties of the Spanish language, historical figures and fictional characters, cuisine, traditional clothing, as well as facts about the relations between the countries and Russia.

The book is innovative and is intended for those who study Spanish in various educational institutions and for anyone interested in the past and present of Spanish-speaking countries in Latin America and the Caribbean.

Keywords: Latin America, Caribbean America, Linguistic and Regional Studies, Hispanic America, national images, history and culture, Spanish language

For citation: Raevskaya M.M. (2024) Hispanic America in Linguistic and Regional Studies: New Educational Encyclopedia, *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 238–244. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-238-244

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Una lengua es mucho más que un sistema convencional de expresiones que permite entenderse a los miembros de una colectividad. Es, sobre todo, una manera de ser y de pensar, de soñar e imaginar, de sentir y de amar. Un patrimonio que nos permite apropiarnos de un pasado histórico y cultural, de un legado que, <...> es <...> parte constitutiva e inseparable de lo que somos¹.

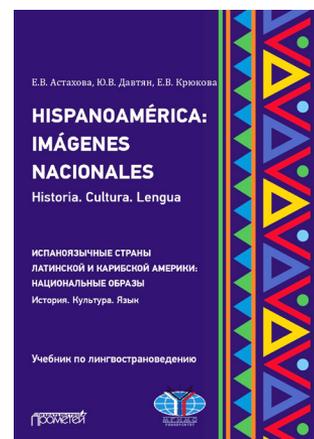
Mario Vargas Llosa

Язык — это нечто большее, чем условная система знаков, позволяющая членам сообщества понимать друг друга. Это, прежде всего, способ существовать и думать, мечтать и воображать, чувствовать и любить. Это наследие, которое позволяет нам ощущать неразрывную связь с историческим и культурным прошлым, быть составной и неотделимой частью всего того, кем мы являемся.

Марио Варгас Льюса

Испаноязычная Америка представляет собой многоликую образную палитру, которую невозможно описать раз и навсегда. Широчайший цивилизационный масштаб испаноязычного мира не только определяет объем изложения, но и во многом усложняет работу исследователей, поставивших перед собой задачу передать пеструю картину, каждый раз ускользящую от исчерпывающего описания. Национальные образы, исторические события, политические сюжеты и персоналии Латинской и Карибской Америки, традиционно находившиеся в фокусе дидактического рассмотрения, обретают новое звучание, демонстрируют новые грани познания в каждый исторический период и тем более в настоящее время, когда в условиях трансформации мирового порядка страны Латинской Америки и Карибского бассейна приобретают особое геополитическое измерение, демонстрируя динамику политического, экономического и социального развития. В этой связи появление новых учебных изданий, к которым относится учебник по лингвострановедению Е.В. Астаховой, Ю.В. Давтян и Е.В. Крюковой, вызывает большой интерес со стороны профессионального академического сообщества, занятого в сфере преподавания испанского языка.

В фокусе авторов учебной мини-энциклопедии находится так называемая Hispanoamérica, то есть испаноязычные страны, составляющие

¹ M. Vargas Llosa. La lengua común (V CILE, Valparaíso, 2010). URL: <https://congresosdelalengua.es/valparaiso/inauguracion/vargas-llosa.htm> (accessed: 24.01.2024).

большинство этого региона. Будучи разными по территории, количеству и этническому составу населения, уровню социально-экономического развития и психологии поведения членов общества, они представляют единый конгломерат, имеющий похожий исторический опыт, говорят на одном языке и в большинстве своем привержены христианским ценностям. В то же время все эти страны отличаются особой самобытностью, существующей в единстве. Известное выражение *unidad en la diversidad* — *единство в многообразии* — вполне применимо к государствам этого региона, которые все вместе образуют особую цивилизационную общность.

Безусловно, Hispanoamérica представляет для России несомненный интерес и поле для расширения отношений, прежде всего для специалистов, изучающих этот регион, его историю, экономику, культуру и, конечно, испанский язык, посредством которого формируется картина мира каждой страны.

Именно эту цель — ознакомление с испаноязычными странами латиноамериканского ареала и изучение их особенностей через слово, язык, который и составляет основу общества и его культурных традиций, ставили перед собой преподаватели кафедры испанского языка МГИМО МИД России, подготовившие этот учебник по лингвострановедению.

Сквозь призму аутентичных текстов и видеоматериалов, посвященных страницам истории, культуры, искусства, политических тенденций региона, рассматриваются национальные образы 19 государств Латино-Карибской Америки.

Во вступительной главе приводятся общие сведения об Испаноамерике (Hispanoamérica), об эволюции этого термина, коренных этносах, заселявших эти земли в доколумбовый период и заявляющих о своих правах в настоящее время, о национальных языках, общих направлениях в искусстве, литературе, фольклоре и другая необходимая информация.

Государства представлены в алфавитном порядке. Знакомство с каждой страной включает материалы об исторических персонажах, о национальных и государственных символах, традициях, городах и людях, вызовах современной политической жизни, об отношениях с Россией. Главы (разделы) имеют примерно одинаковую структуру, но в то же время ряд заданий и их порядок различны, что сделано намеренно и зависит от страны: сведения и образы подаются через текст, песенный материал, кинофильм или через русский след в ее истории. В этом главная особенность учебника и его новаторский характер.

Все главы сопровождаются визуальным, иллюстративным рядом, привязанным к содержанию. Многие задания открываются с помощью QR-кодов, что в значительной степени облегчает доступ к учебным материалам и отвечает требованиям сегодняшнего дня.

Особый интерес представляют рубрики:
a cantar (образ страны через песенную культуру);
la pausa del bocadillo (гастрономия как ключ к открытию национального характера);
mitos y leyendas (сохранение прошлого в настоящем);
gente (люди, которые делают историю и культуру);
¡observe! (об особенностях национальных вариантов испанского языка).

Последняя рубрика должна вызвать профессиональный интерес у всех изучающих испанский язык как язык профессии.

Раздел *del aula al cine* предлагает к просмотру фрагменты 22 известных кинофильмов с цифровыми ссылками, имеющих непосредственное отношение к каждой изучаемой стране и представляющих собой яркое культурное событие, к которым сформулированы продуманные и нестандартные задания и вопросы, во многом творческого характера.

В заключении предусмотрены контрольные упражнения на проверку полученных знаний, а также ответы (ключи) на вопросы и задания в упражнениях.

Весь контент учебника подразумевает интерактивное усвоение материала, сотрудничество студента и преподавателя, поиск самостоятельных ответов на поставленные вопросы, подготовку презентаций, виртуальных путешествий и показов. Студенты и все, кому интересен этот регион, не только получают новую информацию, но и развивают речевую практику, учатся говорить, писать и вести дебаты. Выбор главы (страны), рубрики, типа упражнения в зависимости от уровня подготовки, мотивации и общих знаний абсолютно свободен. Кто-то может начать знакомиться со страной с песни («México en la piel», 1990, — Мексика) или кинофильма («Roma», 2018, — Мексика, «Araña», 2019, — Чили, «Alsino y el Condor», 1982, — Никарагуа и др.), а затем переходить к другим темам. Кому-то может быть интересна гастрономия (el asado argentino, qué es yerba mate, las pupusas salvadoreñas и др.), особенности национального костюма (sombbrero, chupalla, vueltiao, pollera panameña, guayabera и др.), праздничная традиция (carnaval, Palo de Mayo) или размышления о политических вызовах. В любом случае каждая рубрика позволяет узнать новую терминологию и получить новые «экстралингвистические» сведения.

Например, Куба открывается статьей о национальных символах, за которой следуют упражнения на исторические темы, на узнавание известных персоналий (обсуждение исторических выступлений Фиделя Кастро и Че Гевары в ООН), текст о песенной культуре и ее основных исполнителях и мотивах (bolero cubano), информация о кубинском искусстве и литературе, религиозных верованиях (йоруба, сантерия и др.), национальных блюдах и напитках (mojito, daiquiri, Cubalibre) с картинками и рецептами.

И, конечно, уделяется внимание особенностям — фонетическим, грамматическим и лексическим — так называемого «кубинского» испанского. Авторы приглашают посмотреть фильм (в данном случае «Acuarelas de Cuba», 2022) и обсудить его на основе заданий с учетом национальной идентичности (la cubanía). В конце главы предлагается совершить виртуальную экскурсию по дому-музею Э. Хемингуэя (Ernest Hemingway, 1899–1961), а также поразмышлять о российско-кубинских двусторонних отношениях в историческом и современном плане (crisis de los misiles и др).

Таким же образом построены и другие главы учебника. Казалось бы, авторы поставили задачу «объять необъятное», но во многом им удалось передать труднообразимое многоцветье благодаря крупным мазкам и панорамной перспективе. В то же время важно подчеркнуть, что значительный объем информации вводится через самостоятельные, «поисковые» задания и упражнения. Следует упомянуть о тестовых заданиях в конце книги, направленных на проверку общих и конкретных знаний о латиноамериканском континенте, его географии, главных исторических датах, заметных явлениях культуры.

Учебник Е.В. Астаховой, Ю.В. Давтян, Е.В. Крюковой представляет собой уникальное, новаторское по замыслу и исполнению, современное дидактическое сочинение, своего рода мини-энциклопедию испаноговорящей Латинской Америки, которая предназначена для всех, кто изучает испанский язык и кому интересны страны этого обширного, самобытного и многообразного региона.

**Иллюстрации к очеркам «Музыка архитектуры и архитектура музыки»,
посвященным городу Ору-Прету, Бразилия**

**Иллюстрации к аналитическому эссе Ю.Л. Оболенской
«Город как часть культурного кода испанцев: взгляд “изнутри” и “снаружи”»**

Эль Греко. Вид Толедо. 1596 г.

Алехо Вера. Последний день Нуманции. 1881

Вид на Алькасар Реал и окрестности моста Сеговии. Автор неизвестен. Ок. 1670

**Иллюстрации к аналитическому эссе И.А. Мальковской
«Жирона: средневековый город и современный человек, встреча»**

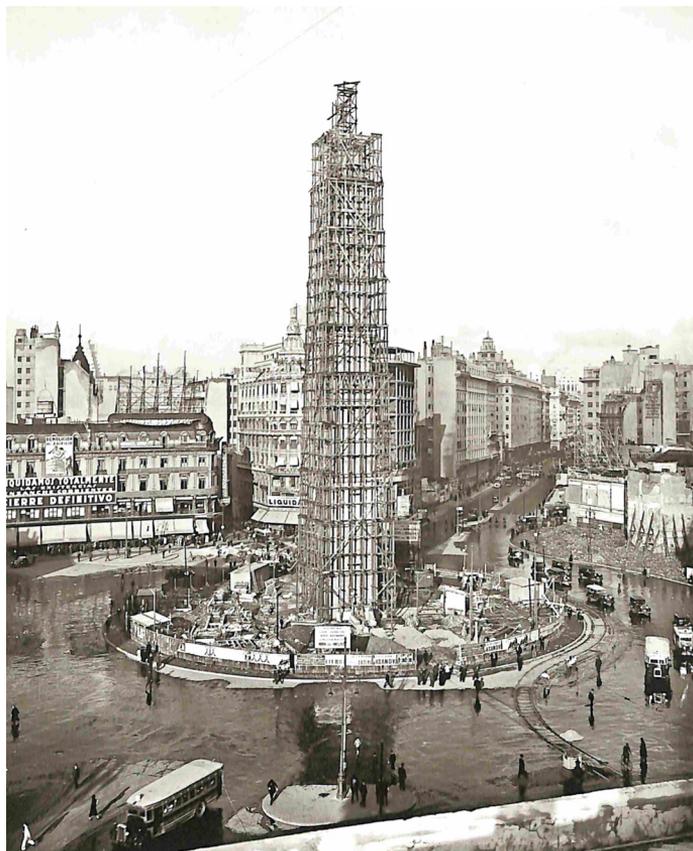
**Иллюстрации к исследовательской статье Ю.А. Лариковой
«Два языка одного города в творчестве Хуана Карлоса Онетти»**

*La esquina de la calle Florida y la diagonal Roque Sáenz Peña, ca. 1931.
En primer plano, la cúpula del Banco de Boston; detrás, la torre del Concejo
Deliberante; abajo, a la derecha, la diagonal que corre hacia el noroeste.
Col. Dirección de Paseos, Museo de la Ciudad*

*Avenida de Mayo hacia el este, en el cruce de Bernardo de Irigoyen, ca. 1917.
Col. Dirección de Paseos, Museo de la Ciudad*

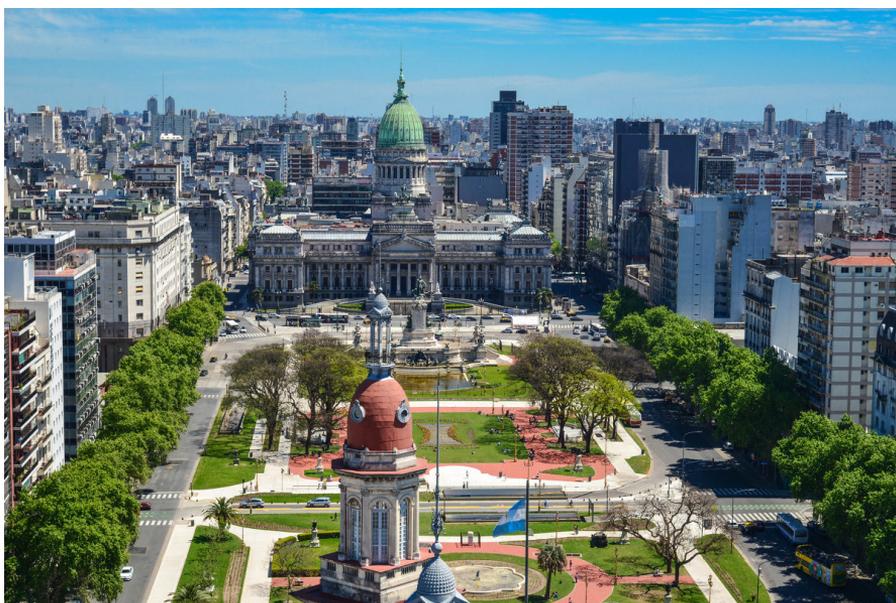
El Obelisco en construcción, abril de 1936. Atrás, a la derecha, la diagonal Roque Sáenz Peña hacia el sudeste. Col. Dirección de Paseos, Museo de la Ciudad

Avenida Nueve de Julio. Buenos Aires

Plaza del Congreso, ca. 1918. Col. Gastón Bourquin, Museo de la Ciudad.

Иллюстрации к исследовательской статье А.Н. Кожановского «Кастильский и другие: языковая ситуация в современной Испании»

Карта языков Испании

Демонстрация в защиту испанского языка в Каталонии. Барселона, сентябрь 2022 г.

Ссылки к иллюстрациям

1. Иллюстрация на обложке: Рене Портокарреро, «Пейзаж Гаваны», 1961. Национальный музей изобразительного искусства, Гавана, Куба. URL: [https://www.bellasartes.co.cu/Imagen en la portada: René Portocarrero, «Paisaje de La Habana», 1961. Museo Nacional de Bellas Artes, La Habana, Cuba. URL: https://www.bellasartes.co.cu/](https://www.bellasartes.co.cu/Imagen%20en%20la%20portada%3A%20Ren%C3%A9%20Portocarrero%2C%20%22Paisaje%20de%20La%20Habana%22%2C%201961.%20Museo%20Nacional%20de%20Bellas%20Artes%2C%20La%20Habana%2C%20Cuba.%20URL%3A%20https%3A%2F%2Fwww.bellasartes.co.cu%2F)
2. <https://www.enterat.com/actualidad/lenguas-oficiales-cooficiales-espana.php>
3. <https://elpais.com/espana/catalunya/2022-09-18/escuela-de-todos-reclama-medidas-para-garantizar-el-bilinguismo-en-cataluna.html>
4. <https://www.heraldo.es/noticias/nacional/2020/11/22/cientos-coches-llenen-paseo-castellana-madrid-contra-ley-celaa-1406559.html>
5. <https://www.outono.net/elentir/2021/05/22/marchas-valencianas-por-la-libre-eleccion-de-idioma-vox-y-cs-apoyaron-el-pp-se-desmarco/>
6. https://cronicavasca.elpais.com/politica/20231004/los-sindicatos-la-oposicion-de-ley-educacion/799421200_0.html
7. <https://www.laregion.es/articulo/galicia/galicia-grita-mais-nunca-queremos-galego/20190517195803872423.html>
8. https://leon.eldiario.es/actualidad/leon-provincia-trilinguee_1_9339715.html
9. https://www.elconfidencial.com/espana/2020-11-22/manifestacion-ley-celaa-colapsa-calles-ciudades_2843219/
10. <https://www.memoriapoliticademexico.org/Efemerides/6/19061518.html>
11. <https://www.noticonquista.unam.mx/galeria/2739/2739>
12. https://es.wikipedia.org/wiki/Historia_de_Santiago_de_Chile#/media/Archivo:Mapa_Santiago_en_1552.jpg
13. <https://www.getdailyart.com/en/22939/pedro-lira/foundation-of-santiago>
14. <http://naxitox.blogspot.com/2009/08/ciudades-fundadas-por-pedro-de-valdivia.html>
15. https://www.abc.es/historia/abci-monumental-templo-mexica-dedicado-dios-guerra-dejo-hernan-cortes-sin-palabras-202205181425_noticia.html?ref=https%3A%2F%2Fwww.google.ru%2F
16. https://ru.wikipedia.org/wiki/Тибель_Теночтитлана
17. https://es.wikipedia.org/wiki/Historia_de_la_ciudad_de_Lima
18. https://pikabu.ru/story/umberto_yeko_ima_rozyi_7008580?cid=152813554
19. <https://k-plan.livejournal.com/33525.html?view=comments>
20. <https://artflashmagazine.ru/hogvarts-arhitektura-volshebno-mira/>
21. <https://ru.kinorium.com/305980/gallery/>
22. <https://hikersbay.com/guides/spain/girona/41.9817957,2.8236999?lang=ru>
23. https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g187499-d2538709-Reviews-or50-Onyar_River-Girona_Province_of_Girona_Catalonia.html
24. https://www.flickr.com/photos/twiga_swala/20781736302
25. [https://es.m.wikipedia.org/wiki/Catedral_de_Santa_Mar%C3%ADa_\(Gerona\)](https://es.m.wikipedia.org/wiki/Catedral_de_Santa_Mar%C3%ADa_(Gerona))
26. https://commons.m.wikimedia.org/wiki/File:Muralles_de_Girona_-_Portal_de_Sobreportes_P1290889.JPG
27. <https://myster.me/zhirona/?amp=1>
28. <https://www.infobae.com/americas/mexico/2021/10/05/el-fuerte-de-san-juan-de-ulua-fundado-por-hernan-cortes-sera-restaurado-por-el-inah-y-la-semar/>
29. <https://www.pinterest.com/pin/847169379880599716/>
30. <https://www.quora.com/Will-Spanish-spoken-in-Latin-America-evolve-into-separate-languages-the-same-way-Latin-did-in-Europe>
31. https://es.wikipedia.org/wiki/Bas%C3%ADlica_de_la_Macarena#/media/Archivo:Exterior_of_Bas%C3%ADlica_de_la_Macarena,_Sevilla_20180719.jpg
32. <https://www.turismosevilla.org/es/que-ver-y-hacer/patrimonio/monumentos/real-parroquia-de-senora-santa-ana>
33. https://es.wikipedia.org/wiki/Semana_Santa_en_Sevilla#
34. https://ru.wikipedia.org/wiki/Тер6_Мадрида
35. <https://ru.pinterest.com/pin/375909900142386438/>
36. <https://otvet.mail.ru/question/226502032>
37. <https://bangkokbook.ru/galeriya/granada-v-ispanii-89-foto.html>
38. https://es.wikipedia.org/wiki/Calle_de_la_Moreria
39. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Numancia_de_Garabal_Louzao.jpg
40. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BB#/media/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:El_escorial.jpg
41. <https://espalabra.ru/prazdnik-san-isidro-pokrovitelya-madrida/>
42. [https://wiki2.org/ru/Файл:Shield_and_Coat_of_Arms_of_Madrid_City_\(1222-1544\).svg](https://wiki2.org/ru/Файл:Shield_and_Coat_of_Arms_of_Madrid_City_(1222-1544).svg)
43. https://en-academic.com/pictures/enwiki/69/Escudo_concejo_madrid_en_1212.jpg
44. <https://bangkokbook.ru/galeriya/dostoprimechatelnosti-vavilona-87-foto.html>
45. <https://history-of-art.livejournal.com/829192.html>
46. https://www.wikizero.org/wiki/ru/Афинский_Акрополь
47. <https://dic.academic.ru/pictures/wiki/files/67/Conimbriga.jpg>
48. <https://dzen.ru/a/YKymQtABFhk90g8>
49. <https://megapolis-tours.ru/travel-blog/tpost/fibp8s7nf1-portugaliya-kak-dobratsya-na-krai-zemli>
50. <https://f.otzyv.ru/slideshow.php?id=12762:48707>
51. <https://nevsepic.com.ua/uploads/posts/2012-04/1335703302-5233024-1481--sandro-botticelli--annonciation--fresque-dgtachge-243x555-cm--florence-galleria-degli-uffizi.jpg>
52. <https://i.pining.com/originals/5d/26/23/5d26232a132da4e7d40529737797be7c.jpg>
53. https://sun9-20.userapi.com/impf/dAnYr9E-HY8qo_RtG4IIV2DwMmAN1MrIea5qxAXP8eN5uc8R0.jpg?size=1000x666&quality=95&sign=2061e9fd263eb142883bfcba50fa5c&c_uniq_tag=0_oKZHKW5nojuXz2jOUbRMLbDoTFuJnVOOELPQwCwRM&type=album

54. https://avatars.dzeninfra.ru/get-zen_doc/3512693/pub_630a5c7ddc5f054a0a703961_630a66ac5fd7420709dd4fd3/scale_1200
55. <https://rove.me/to/spain/girona-flower-festival>
56. [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A6%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%8C_%D0%A1%D0%B2%D1%8F%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%A4%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%BF%D0%BF%D0%B0_\(%D0%96%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B0\)#/media/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Sant_Felix.JPG](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A6%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%8C_%D0%A1%D0%B2%D1%8F%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%A4%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%BF%D0%BF%D0%B0_(%D0%96%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B0)#/media/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Sant_Felix.JPG)
57. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B0%D1%81%D0%BE_%D0%A0%D0%B0%D1%84%D0%B0%D1%8D%D0%BB%D1%8C#/media/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Rafael_Mas%C3%B3_i_Valent%C3%AD.jpg
58. <https://www.minube.net/place/the-eiffel-bridge-or-les-peixateries-velles--a134265>
59. https://www.girona.cat/historia_urbana/cat/fitxa.php?codi=42&lang=ca&text=&resultat=resultat_42
60. [https://ca.wikipedia.org/wiki/Fitxer:Esgl%C3%A9sia_de_Sant_Nicolau_\(Girona\)_-_1.jpg](https://ca.wikipedia.org/wiki/Fitxer:Esgl%C3%A9sia_de_Sant_Nicolau_(Girona)_-_1.jpg)
61. https://ca.wikipedia.org/wiki/Fitxer:Casa_Agullana,_Girona.jpg
62. https://es.wikipedia.org/wiki/Parque_de_la_Dehesa_de_Gerona#/media/Archivo:Platans.JPG
63. https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/f/f9/Contrasted_Residences_for_the_Poor.jpg
64. <https://ciudaddemendoza.gov.ar/2022/12/05/con-un-gran-despliegue-artistico-se-reinauguro-la-plaza-aliar-del-barrio-la-favorita-de-ciudad/>
65. https://www.researchgate.net/publication/7606337_Medicinal_Wild_Plant_Knowledge_and_Gathering_Patterns_in_a_Mapuche_Community_from_Northwestern_Patagonia?enrichId=rgreq-a9450632543e2cd0df77cf11af0c8af7-XXX&enrichSource=Y292ZXJQYWlOzc2MDYzZmZc7QVM6NjQ5NDYxNzY4MzkyNzA1QDElMzE4NTUxNjA3Njg%3D-&el=1_x_2&_esc=publicationCoverPdf
66. https://cda460d2-03e4-494f-9119-855b4cdec552.filesusr.com/ugd/ef40bd_7c3844dddf64cf7bc44ffd780c7b939.pdf
67. <https://nuso.org/articulo/madres-de-plaza-de-mayo-madres-de-una-nueva-practica-politica/>
68. [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Vista_do_Bairro_das_Lages_\(6991354312\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Vista_do_Bairro_das_Lages_(6991354312).jpg)
69. [https://pt.wikipedia.org/wiki/Pra%C3%A7a_Tiradentes_\(Ouro_Preto\)#/media/Ficheiro:Pra%C3%A7a_Tiradentes_3720.jpg](https://pt.wikipedia.org/wiki/Pra%C3%A7a_Tiradentes_(Ouro_Preto)#/media/Ficheiro:Pra%C3%A7a_Tiradentes_3720.jpg)
70. <https://dzen.ru/a/XyiU90LG4Vnfe53R>
71. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%B9%D0%B6%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D1%8C%D1%8E#/media/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Alejandinho1.jpg>
72. <https://www.trilhaseaventuras.com.br/>
73. <https://casadaoperadotcom.wordpress.com/historia/#:~:text=Edif%C3%ADcio%20de%20fachada%20singela%2C%20lembra,acompanhando%20a%20cornija%20da%20empena>
74. <https://www1.folha.uol.com.br/ilustrissima/2018/07/tiradentes-espalhou-fake-news-em-minas-gerais-mostra-novo-livro.shtml>
75. <https://stock.adobe.com/nl/search?k=%22inconfidence%20museum%20ouro%20preto%22>
76. https://nl.wikipedia.org/wiki/Johann_Baptist_von_Spix#/media/Bestand:Johann_Baptist_von_Spix.jpg
77. https://nl.wikipedia.org/wiki/Carl_Friedrich_Philipp_von_Martius#/media/Bestand:CFPhVonMartius.jpg
78. https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/9/93/Igreja_de_Nossa_Senhora_do_Carmo%2C_em_Ouro_Preto.jpg
79. <https://www.flickr.com/photos/mturdestinos/40865977251>
80. <http://foretime.ru/pamyatnik-tango/>
81. <https://www.expedia.com/fotos/es/barcelona/la-sagrada-familia/sagrada-familia.d6066943>
82. <https://pixabay.com/photos/city-i-remove-ecuador-urban-4618598/>
83. https://www.freepik.es/fotos-premium/panorama-plaza-maymay-square-buenos-aires-vista-aerea-casa-rosada-pink-house-palacio-gobierno-argentina_34095679.htm
84. <https://www.oracle.com/uy/news/announcement/oracle-and-claro-partner-to-expand-global-cloud-services-in-colombia-2022-07-14/>
85. <https://pixabay.com/photos/alcazar-bridge-toledo-spain-4917318/>
86. <https://worldcitiescultureforum.com/city/sao-paulo/>
87. <https://focusedcollection.com/181045450/stock-photo-spain-valencia-city-arts-sciences.html>
88. <https://www.compasslexecon.com/compass-lexecon-launches-affiliated-competition-and-international-arbitration-practice-in-chile/>
89. <https://br.pinterest.com/pin/pin-de-to-georg-em-curitiba-paran-brazil--53058101840721529/>
90. https://www.theguardian.com/world/2015/sep/27/american-tourist-shot-dead-during-botched-robbery-attempt-in-colombia?CMP=gu_com#img-1
91. <https://woodtailorsclub.com/most-known-architects/>
92. https://dzen.ru/a/YBB_s6Pkn7oyuDB
93. <https://www.youtube.com/watch?v=aljWLCcP8bc>
94. <https://cvc.cervantes.es/literatura/escritores/onetti/cronologia/plenitud.htm>
95. <https://www.entreliezos.org/2021/01/31/grete-stern/>
96. <https://www.malba.org.ar/juan-di-sandro-el-padre-del-fotoperiodismo-moderno/>
97. https://www.reddit.com/r/argentina/comments/ju7rlq/m%C3%A1s_fotos_retro_argentas_de_buenos_aires_nocturno/
98. https://www.reddit.com/r/argentina/comments/ju7rlq/m%C3%A1s_fotos_retro_argentas_de_buenos_aires_nocturno/
99. <https://contrastes.la/2022/09/a-donde-vamos-buenos-aires-una-invitation-fotografica-por-sameer-makarius/>
100. <https://www.entreliezos.org/2021/01/31/grete-stern/>
101. https://en.m.wikipedia.org/wiki/File:13542_Vista_del_Alcázar_Real_y_entorno_del_Puente_de_Segovia.jpg
102. https://es.wikipedia.org/wiki/El_%C3%BAltimo_d%C3%ADa_de_Numancia#/media/Archivo:Numancia_Alejo_Vera_Estaca_1881.jpg
103. <https://catalonialife.com/>

Уважаемые коллеги! В журнале «Ибероамериканские тетради» публикуются статьи, соответствующие следующим специальностям согласно классификатору Высшей аттестационной комиссии России:

5.6. Исторические науки:

5.6.2. Всеобщая история

5.6.4. Этнология, антропология и этнография

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

5.9. Филология:

5.9.2. Литературы народов мира

5.9.4. Фольклористика

5.9.6. Языки народов зарубежных стран (испанский, португальский)

5.10. Искусствоведение и культурология:

5.10.1. Теория и история культуры, искусства

5.10.3. Виды искусства (театральное искусство, музыкальное искусство, кино-, теле- и другие экранные искусства, изобразительное, декоративно-прикладное искусство и архитектура, хореографическое искусство, техническая эстетика и дизайн)

Все материалы проходят «слепое» рецензирование. Журнал выходит четыре раза в год, статьи могут быть представлены на русском, испанском, португальском, английском языках. Объем статей от 20 000 до 40 000 печатных знаков.

Номера журнала носят как тематический характер, так и посвящаются отдельным рубрикам в соответствии с представленными специальностями.

Подробные требования к регистрации и оформлению статей (правила для авторов) представлены на сайте журнала: www.iberpapers.org.

Адрес редакции:

119454, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76

Тел.: +7 (495) 229-38-47

E-mail: submissions@iberpapers.org

Подписано в печать 29.03.2024

Формат: В5. Цифровая печать.

Объем: 22,65 уч.-изд. л. Тираж: 200 экз. Заказ № 427

Издается МГИМО МИД России

119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России

119454, Москва, пр. Вернадского, 76

¡Estimados colegas! Les invitamos a publicar artículos que correspondan a los siguientes **grupos de ciencias humanas** (según la clasificación de las revistas de impacto):

5.6. Historia:

5.6.2. Historia universal

5.6.4. Etnología, antropología y etnografía

5.6.7. Historia de las relaciones internacionales y de la política exterior

5.9. Filología:

5.9.2 Literatura

5.9.4. Estudios folclóricos

5.9.6. Lenguas (español, portugués)

5.10. Historia del arte y cultura:

5.10.1 Teoría e historia de la cultura y el arte

5.10.3 Artes (teatro, música, cine, televisión, artes visuales, arquitectura, coreografía, estética técnica y diseño)

Todos los textos se someten a un proceso de *revisión "ciega"*.

La revista se publica *cuatro veces al año* y los artículos pueden enviarse en *ruso, español, portugués e inglés*. La extensión de los artículos entre 20.000 y 40.000 caracteres impresos.

Los requisitos detallados para el registro de artículos (normas para los autores) pueden consultarse en el sitio web de la revista: www.iberpapers.org.

Contacto del equipo de redacción:

76, Prospect Vernadskogo, Moscú, Rusia, 119454

Tel: +7 (495) 229-38-47

E-mail: submissions@iberpapers.org

Firmado para imprimir el 29 de marzo de 2024

Formato: B5. Impresión offset.

Volumen: 22,65 pliegos editoriales. Tirada: 200 ejemplares

Publicado por la Universidad MGIMO

76, Prospect Vernadskogo, Moscú, Rusia, 119454

Impreso en la MGIMO-Universidad, Moscú, Rusia

Dear colleagues! You are welcome to publish articles that correspond to **the following groups of Human Sciences** (according to the classification of the Russian Higher Attestation Commission):

5.6. History:

5.6.2. Universal history

5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography

5.6.7. History of international relations and foreign policy

5.9. Philology:

5.9.2 Literature

5.9.4. Folk studies

5.9.6. Languages (Spanish, Portuguese)

5.10. History of art and culture:

5.10.1 Theory and history of culture and art

5.10.3 Arts (theatre, music, film, television, visual arts, architecture, choreography, technical aesthetics, and design)

All articles are subject to a *“blind” peer review*.

They can be submitted in *Russian, Spanish, Portuguese or English*. The length of the articles (without metadata) is to be 20,000 – 40,000 printed characters.

Detailed requirements for article submission (author guidelines) can be found on the Journal's website: www.iberpapers.org.

Contacts of the Editorial Office:

76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Ph.: +7 (495) 229-38-47

E-mail: submissions@iberpapers.org

Signed to print on March 29, 2024

Format: B5. Offset printing.

Volume: 22,65 printer's sheets. Circulation: 200 copies

Published by MGIMO University

76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Printed in MGIMO University, Moscow, Russia